К. ЛЕОНТЬЕВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНІЕ В. САБЛИНА.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

10 томовъ . . . . **10** руб.

Въ роскошн. перепл. **15** „

Недаромъ Банга называютъ скандинавскимъ Чеховымъ. Та же характерная манера писать въ полутонахъ, та же любовь къ изображенію тончайшихъ, едва уловимыхъ душевныхъ переживаній... За обыденной уравновѣшенно-спокойною жизнью, а порою даже безпечно веселою, которую изображаетъ Банъ, вы чувствуете другую—страшную трагедію, чувствуете незримыя слезы, затаенное страданіе и сознаніе безвыходности положенія. Незначительный жестъ, мало значащее слово или движеніе того или иного дѣйствующаго лица въ произведеніяхъ этого датскаго писателя—и передъ вами сразу же раскрывается ясная картина внутренней душевной жизни изображаемыхъ лицъ.

(Приазовск. Край, № 83—11 г.).

Содержаніе томовъ:

Томъ	1.	**У дороги**	1 р. — к.
„	2.	**Фрэкенъ Кайя. Жизнь и смерть**	1 „ — „
„	3.	**Эксцентрическія новеллы**	1 „ — „
„	4.	**Бѣлый домъ. Разсказы**	1 „ — „
„	5.	**Михаэль**	1 „ — „
„	6.	**Тинэ**	1 „ — „
„	7.	**Романъ больничной сидѣлки**	1 „ — „
„	8.	**Изъ папки**	1 „ — „
„	9.	**Сѣрый домъ. Лѣтнія развлеченія**	1 „ — „
„	10.	**Безъ родины**	1 „ — „

Каждый томъ продается отдѣльно: брошюр. по **1** руб.

въ перепл. по **1** р. **50** к.

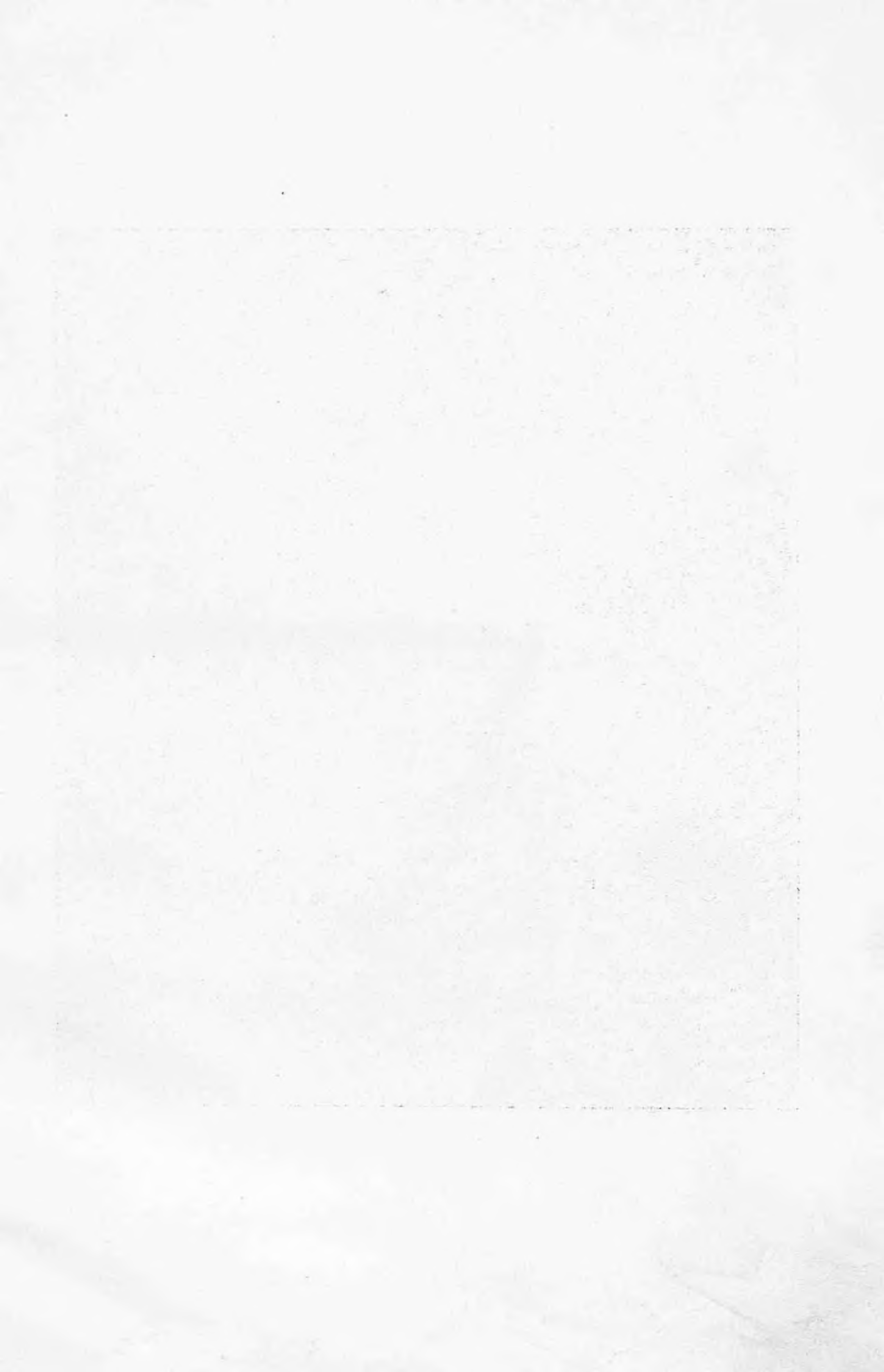
К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

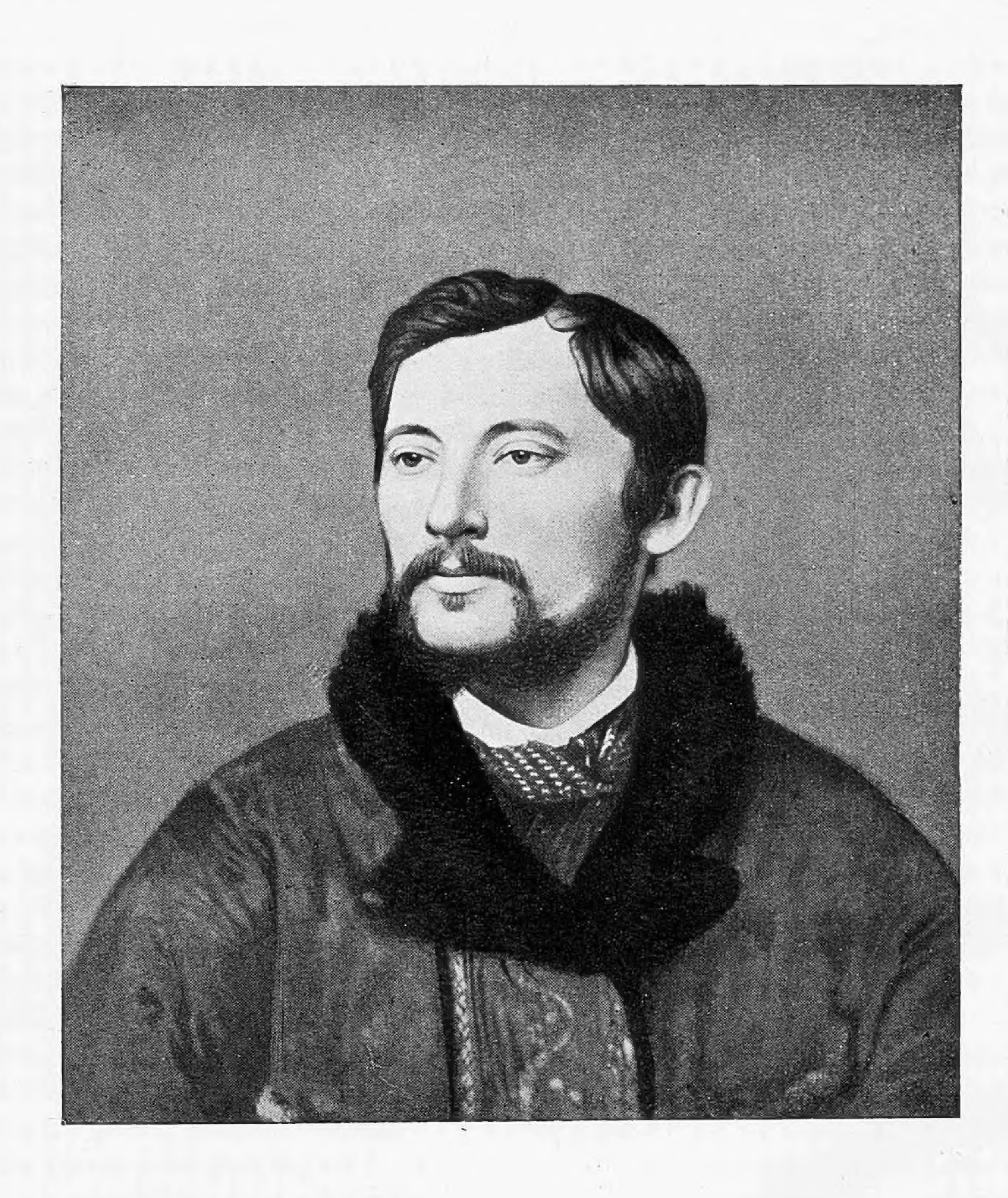
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. ЛЕОНТЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.



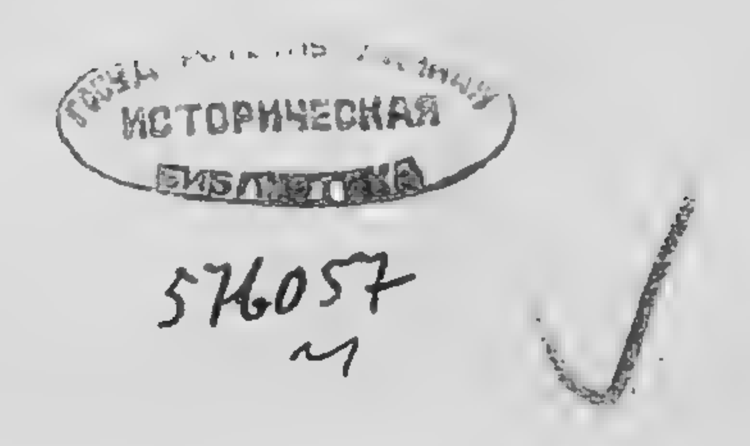


К. Леонтьевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТІАНЪ ВЪ ТУРЦІИ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

МОСКВА.—1912.



ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Повѣсти и разсказы К. Леонтьева **„Изъ жизни христіанъ въ Турціи“** печатались, начиная съ 1868 года, въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“. Затѣмъ въ 1876 г. они вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ томахъ. Въ настоящемъ изданіи (тт. 2, 3 и 4-й) они перепечатываются съ тѣми небольшими исправленіями, какія были сдѣланы рукою самого К. Леонтьева въ принадлежавшемъ ему экземплярѣ. Къ нимъ присоединены еще разсказы и повѣсти, которые были написаны послѣ 1876 года, а именно: „Ядесъ“ (во 2-мъ т.), „Сфакіотъ“ и „Египетскій голубь“ (въ 3-мъ т.), „Камень Сизифа“ и „Я купецъ“ (въ 4-мъ т.).

Примѣчанія подъ текстомъ вездѣ авторскія.

Къ настоящему тому приложенъ портретъ К. Леонтьева, съ фотографіи, снятой имъ въ 1863 году, передъ самымъ отъѣздомъ на службу въ Турцію.

Ред.

Предисловіе автора.

Повѣсти, собранныя въ эти двѣ книжки*), всѣ изъ ново-греческой жизни; — юго-славяне являются въ нихъ развѣ мимоходомъ. Это съ одной стороны совершенная случайность; хотя нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что греческая жизнь больше юго-славянской бросается въ глаза: она разнообразнѣе, полнѣе, цвѣтистѣе, такъ сказать.

Несмотря на эту разницу въ степени выразительности, *если только предположить*, что мнѣ удалось изобразить болѣе или менѣе вѣрно картины греческой жизни нашего времени, то *въ общихъ чертахъ*—эти разсказы могутъ дать приблизительное понятіе и о бытѣ славянъ въ Турціи.

Политическіе интересы могутъ быть въ антагонизмѣ у грековъ и болгаръ, у болгаръ и сербовъ въ иныхъ отношеніяхъ; государственно-національныя стремленія и чувства могутъ привести всѣ эти націи къ самымъ разнороднымъ политическимъ результатамъ; но общая физіономія быта, картины домашней жизни почти однѣ и тѣ же у всѣхъ христіанъ Европейской Турціи (за исключеніемъ молдо-валаховъ); привычки, личные вкусы, идеалы религіозные, эстетическіе, нравственные и т. д. имѣютъ въ себѣ нѣчто однородное, которое подходитъ подъ одно названіе *жизнь христіанъ въ Турціи*. Тому, кто не только видѣлъ, но и далъ себѣ трудъ понять и грековъ и юго-славянъ, тому стоитъ

---

*) По изданію 1876 года. Въ 3-й книжкѣ помѣщено было окончаніе романа „Одиссей Полихроніадесъ“. *Ред.*

лишь картину ихъ жизни противопоставить быту чисто-мусульманскому, напр., французскому или даже русскому быту, чтобы согласиться со мной. Если только русскій человѣкъ въ силахъ отдѣлить мысленно *идею политическую* отъ *бытового зрѣлища,* представляющагося ему по пріѣздѣ его въ Турцію, то онъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что отношенія между греками и юго-славянами напоминаютъ съ этой двойной точки зрѣнія отношенія поляковъ къ великороссамъ, англичанъ къ сѣверо-американцамъ;—то-есть: *согласія политическаго мало,—сходства бытового довольно много;* особенно при противопоставленіи этихъ націй другимъ націямъ, болѣе отдаленнымъ отъ нихъ по историческому воспитанію или по племенному генію. Прусскій дворянинъ прежняго времени могъ быть во многомъ *политически* очень согласенъ съ русскимъ дворяниномъ; и оба они — и пруссакъ и русскій—были *политически же* ни въ чемъ почти не согласны съ дворяниномъ польскимъ; но по *физіономіи бытовой,* по чертамъ лично-психическимъ полякъ съ русскимъ ближе и сходнѣе, чѣмъ съ прусскимъ нѣмцемъ. Въ романахъ Купера, Бичеръ-Стоу и даже въ какихъ-нибудь очеркахъ Бретъ-Гарта видно то же самое отношеніе къ жизни, тотъ же самый англо-саксонскій геній, который виденъ у Вальтеръ-Скотта и Диккенса, съ небольшими мѣстными оттѣнками. А политическій антагонизмъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ такъ извѣстенъ, что объ немъ не идетъ много и говорить.

Это одно, а второе — вотъ что.

Надобно для ясности пониманія христіанскаго Востока проводить мысленно рѣзкую черту между *эпической,* простонародной половиной всего греко-славянскаго міра и между той его половиной, которую вѣрнѣе всего назвать *буржуазной* (ибо выраженіе *интеллигенція,* противопоставленное выраженію *эпическая часть націи,* было бы въ этомъ случаѣ для народа уже слишкомъ обидно). Вообще можно сказать безъ долгихъ объясненій, что *простой* народъ на Востокѣ лучше нашего; онъ трезвѣе, опрятнѣе, наивнѣе, нравственнѣе въ семейной жизни, живописнѣе нашего.

Общество же высшее, руководящее, обученное, надѣвшее вмѣсто великолѣпныхъ восточныхъ одеждъ плохо-скроенный, дешевый европейскій сюртукъ *прогресса* — хуже нашего русскаго общества; оно ниже, грубѣе, однообразнѣе, скучнѣе.

Вотъ что я хотѣлъ сказать этимъ предисловіемъ.

К. Леонтьевъ.

ОЧЕРКИ КРИТА.

(1866 г.)

I.

Вчера была свадьба Николи. Онъ служилъ года три сеисомъ (конюхомъ) у Г. Д. Отецъ его столяръ въ Халеппѣ; одинъ братъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, другой столяръ, какъ отецъ. Критскіе мужчины почти всѣ рослы; особенно горцы-сфакіоты издревле славятся своимъ ростомъ, а выходцевъ изъ горъ Сфакія не мало въ Халеппѣ. Николи между другими не высокъ, и черты лица его гораздо хуже, чѣмъ у многихъ молодыхъ сосѣдей; зато у него большіе, прекрасные глаза, одѣвается онъ всегда нарядно и отлично ѣздитъ верхомъ. Стòитъ полюбоваться, когда онъ крупною рысью гремитъ по деревенской мостовой въ гору и подъ гору мимо оконъ своей невѣсты.

Ноги у него стройны и обуты въ голубые чулки; красная куртка въ обтяжку и безъ рукавовъ; синія шаровары широки какъ юбка и подобраны красными подвязками подъ колѣна; длинная феска на бокъ; онъ хитеръ, ловокъ и отваженъ, но въ обращеніи ласковъ и вѣжливъ.

Онъ нажилъ кое-что, и отецъ построилъ ему около своего дома другой домикъ, съ террасой и опрятнымъ дворомъ. Николи приготовилъ кровать съ занавѣсами изъ легкой шелковой матеріи (въ родѣ грубаго полосатаго газа), которую зовутъ *хашлама*; повѣсилъ ситцевыя занавѣски на окнахъ; надъ дверями у него, какъ у патріота, портретъ короля Георгія I; образа въ углу; на дворѣ левкои, фіалки и кусты розъ.

Три года онъ былъ женихомъ Елены, ходилъ въ домъ невѣсты каждый день и ночевалъ тамъ нерѣдко. Чтобы со-

ставить понятіе объ отношеніяхъ, которыя бываютъ между критскими обрученными, иногда по нѣскольку лѣтъ сряду, намъ стóитъ только представить себѣ отношенія молодыхъ парней къ молодымъ дѣвушкамъ въ Украйнѣ. Никто въ частыхъ свиданіяхъ не видитъ тамъ ничего дурного, и никто не мѣшаетъ молодымъ людямъ проводить цѣлые часы съ глазу на глазъ. Елена очень мила, бѣла, волосы каштановые, а глаза черные, и она ими умѣетъ искусно владѣть; руки прекрасны, нѣжны; когда она танцуетъ или говоритъ, то держитъ головку жеманно на бокъ и представляется какъ бы усталою. Говорятъ, она капризна, а Николи сердитъ и ревнивъ, какъ всѣ греки. Быть можетъ они будутъ ссориться, быть можетъ они будутъ несчастнѣе многихъ другихъ сосѣдей, которые живутъ такъ мирно... Но пока на свадьбѣ имъ весело и легко.

На дворѣ февраль, и скоро масленица; уже фіалки цвѣтутъ, рощи сѣдыхъ маслинъ вокругъ деревни мирны, густы и тѣнисты; съ террасы виденъ городъ, море и корабли; мы на террасѣ у невѣсты въ домѣ, и съ утра уже въ этомъ домѣ не смолкаетъ музыка.

Греческіе танцы не смыкаются въ кругъ, какъ наши хороводы и болгарскіе танцы, а вьются длинною змѣей. Апокороніотика, суста, сирто, всѣ эти танцы представляютъ разомкнутую цѣпь во сколько угодно человѣкъ; танецъ ведетъ обыкновенно мужчина, держа свою даму за руку или на платкѣ. Танцуютъ собственно только двое переднихъ, остальные подъ размѣръ музыки двигаются за ними.

Вотъ танцуетъ Илья лавочникъ (бакалъ), толстый отецъ семейства, лѣтъ сорока. Что за добродушный молодецъ! Феска стоитъ колпакомъ кверху; свѣжій, усастый, круглолицый, онъ больше похожъ на казака изъ *Тараса Бульбы*, чѣмъ на грека. Красный кушакъ его развязался, онъ его ловитъ и все пляшетъ; поскользнулся, упалъ, не смутился, опять вскочилъ и пляшетъ еще ловчѣе прежняго. Вотъ и другой молодой и богатый лавочникъ. У него много оливковыхъ деревьевъ и магазинъ масла въ городѣ. Жена у него молодая, стройная, скромная. Весь онъ въ темнокорич-

невомъ сукнѣ; кушакъ синій, шелковый, и бѣлая рубашка европейскаго покроя видна изъ-подъ богатаго наряднаго платья. Что за мужчина! Что за ростъ! какая стройность! Волосы и усы какъ смоль, а самъ бѣлъ какъ блондинка; онъ танцуетъ скромнѣе, чѣмъ Илья, какъ бы джентльменъ или какъ человѣкъ болѣе ровнаго права. Женихъ пляшетъ не слишкомъ хорошо, и ростомъ теряетъ противъ другихъ; но зато братъ его, золотыхъ дѣлъ мастеръ, мальчикъ лѣтъ двадцати, бѣлый и нѣжно румяный, бѣлокурый красавецъ, такъ изящно выводитъ ногами, что всѣ не налюбуются*). Жаль немного, что рядомъ съ этими греками, которые превосходятъ всѣ ваши ожиданія своею живописностью, дѣвушки и женщины въ узкихъ кринолинахъ и въ короткихъ и плохо сшитыхъ по-европейски платьяхъ. Ахиллесъ и Парисъ пляшутъ съ субретками! Впрочемъ многія изъ этихъ дѣвушекъ и деревенскихъ дамъ очень милы и красивы, такъ что все-таки пріятно смотрѣть.

Невѣста одѣта лучше другихъ: на ней бѣлое кисейное платье съ голубыми мушками, на головѣ повязанъ синій платочекъ, съ золотыми блестками вокругъ; на шеѣ тяжелая серебряная турецкая цѣпь, и къ поясу приколоты большіе выпуклые часы (подарокъ жениха). Она въ танцахъ не принимаетъ участія и сидитъ внизу, въ другой комнатѣ. Вечеромъ же у молодого въ домѣ она, если захочетъ, будетъ танцовать.

Наконецъ приходитъ священникъ. Въ Турціи чаще вѣнчаютъ дома, чѣмъ въ церкви: привычка, оставшаяся отъ прежней боязни вести открыто въ церковь невѣсту, которую на дорогѣ могъ безнаказанно похитить первый встрѣчный турокъ, или если не похитить, то, по крайней мѣрѣ, оскорбить или осрамить какою-нибудь выходкой. Это время страха прошло, а привычка вѣнчать дома осталась.

Внизу, на небольшомъ дворѣ, обнесенномъ каменною

*) По воскресеньямъ я встрѣчалъ его у обѣдни разодѣтаго и въ хорошихъ башмакахъ на босу ногу до колѣнъ. Мнѣ сказали въ деревнѣ, что онъ нарочно показываетъ свои икры, потому что онѣ очень красивы.

оградой, поставили столъ, покрыли его, убрали цвѣтами, приготовили Евангеліе и свѣчи; металлическихъ вѣнцовъ, какъ у насъ здѣсь въ церкви, нѣтъ, а надѣваются простые вѣнки, которые дѣлаются дома; прежде вѣнки эти дѣлали изъ однѣхъ виноградныхъ лозъ, а теперь ихъ украшаютъ лентами, золотыми бумажками и т. п.

Вывели невѣсту; родными и близкими полонъ дворъ; дѣти и молодые люди посѣли и постали на оградѣ съ ружьями и пистолетами наготовѣ. Раздалась простая полудикая, звонкая музыка, и между маслинами, по тропѣ отъ деревни, показался женихъ въ толпѣ другихъ молодцовъ, которые вели его за руки.

Поставили красивую, нарядную чету передъ столомъ, надѣли на нихъ вѣнки, и нашъ добрый отецъ Хрисанѳъ обвѣнчалъ ихъ. Во все время вѣнчанія дѣти и молодежь палили холостыми зарядами изъ ружей и пистолетовъ, несмотря на то, что эта забава строго запрещена начальствомъ.

Мы остались на плоской крышѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гостями, и смотрѣли внизъ; иные изъ гостей осыпали сверху толпу родныхъ, жениха, невѣсту и священника конфетами. Это мнѣ, признаюсь, не совсѣмъ понравилось, и самъ священникъ раза два съ неудовольствіемъ взглянулъ наверхъ. Вокругъ налоя новобрачныхъ, какъ у насъ, не водили.

По окончаніи вѣнчанія всѣ поздравляли молодыхъ, цѣловали ихъ, цѣловали вѣнки на ихъ головахъ и дарили невѣсту. Около нея стояла подруга и собирала подарки: платочки, большіе платки, матеріи на платья, серебряные талеры, золотыя монеты. Мы тоже сошли внизъ, поцѣловали молодыхъ и дали всѣ по золотому въ 10 франковъ.

Надо видѣть прелесть этого и полуденнаго, и вмѣстѣ полурусскаго праздника, въ ясный и теплый зимній день; надо видѣть это синее море съ бѣлою пѣной, эти сады передъ опрятными домами, людей цвѣтущихъ, бодрыхъ и красивыхъ; надо знать, что эти люди намъ братья по исторіи, что священникъ, который вѣнчаетъ молодца и красотку, не итальянецъ, а нашъ православный священникъ, что онъ

молился въ церкви за Россію во время Крымской войны и былъ за это запертъ въ тюрьму; надо слышать эти выстрѣлы, чтобы понять, какъ рѣдки въ мірѣ такія картины, которыя пришлось намъ въ этотъ день видѣть, и такія чувства, какія послалъ намъ Богъ въ этотъ день испытать.

Эта свадьба обошлась какъ-то, по счастью, безъ *заптіе* (турецкаго жандарма). Обыкновенно одинъ или нѣсколько заптіе присутствуютъ на всѣхъ деревенскихъ и монастырскихъ праздникахъ, для *предупрежденія безпорядковъ* и для запрещенія стрѣльбы. Случалось, что изъ многихъ тысячъ ружей и пистолетовъ, разряженныхъ на воздухъ въ разныя минуты веселья въ теченіе года, одно ружье или два пистолета бывали заряжены пулями, и кто-нибудь былъ раненъ или убитъ.

Около меня сидѣлъ пріятель мой Б., молодой грекъ съ Іоническихъ острововъ. Мы оба внимательно смотрѣли съ террасы внизъ на молодецкое веселье. Выстрѣлы гремѣли, и если кто могъ подвергнуться случайной опасности, то, конечно, болѣе всѣхъ мы, ибо мы были наверху, а всѣ выстрѣлы были направлены снизу вверхъ, въ двухъ шагахъ отъ дома. Намъ было весело, и Б., наконецъ, спросилъ:

— Какъ вамъ нравится этотъ родъ европейскаго деспотизма турецкой полиціи: посягать на свободу многихъ, для того чтобъ устранить случайную опасность отъ немногихъ, которые сами идутъ на нее съ охотой?

— А если бы васъ убили? — спросилъ я.

— Пускай хоть сейчасъ. Значитъ мой часъ пробилъ.

— Помилуйте, — возразилъ я, — что же это за фатализмъ! Развѣ вы турокъ?

— А развѣ статистика не фатализмъ? — опять спросилъ Б.

— Пусть такъ, но измѣненіе ея цифръ въ теченіе годовъ доказываетъ, что люди могутъ успѣхами разума ограничивать царство случайностей; общество, измѣняясь само, можетъ направлять и статистику...

— Куда? къ скукѣ! — съ ожесточеніемъ воскликнулъ Б. — О, Боже! когда же мы поймемъ это!..

— И въ Англіи полиція пробовала запрещать кулачные бои, — замѣтилъ я.

Б. вспыхнулъ.

— Да! Да что взяли! — сказалъ онъ. — Англичане молодцы: они этихъ отеческихъ заботъ не понимаютъ!

— Да вы, быть можетъ, и напрасно, — сказалъ я ему въ утѣшеніе, — обвиняете турокъ въ неумѣстномъ прогрессѣ; быть можетъ турецкое начальство боится шумныхъ сборищъ изъ-за политическихъ причинъ и не любитъ, когда ваши греки привыкаютъ веселиться съ оружіемъ въ рукахъ.

— Когда бы такъ! — отвѣчалъ Б. вздыхая. — Когда бы такъ!

Мы просидѣли за полночь у молодого въ домѣ, куда, вслѣдъ за невѣстой, пришли по захожденіи солнца; при насъ нисколько не стѣснялись и плясали до упада. Комната, и здѣсь довольно просторная, была опять полна народу, и, замѣчу мимоходомъ, критскіе простолюдины такъ опрятны и здоровы, что воздухъ въ этой комнатѣ былъ все время чистъ. Молодцы въ синихъ шароварахъ, разноцвѣтныхъ курткахъ и фескахъ, всѣ до одного были въ бѣлыхъ европейскихъ рубашкахъ (хорошая сторона прогресса): они по очереди подходили къ столу и пили вино, но ни одинъ не былъ ни безстыденъ, ни грубъ. Когда входила новая гостья, хотя бы она была послѣдняя изъ села или чья-нибудь служанка, молодые люди спѣшили уступать ей свои мѣста и, несмотря на утомленіе отъ пляски, стояли на ногахъ или садились кое-какъ на окна и другъ другу на колѣна.

Танцы были разнообразнѣе, чѣмъ утромъ. Б. просилъ дѣвушекъ проплясать одинъ танецъ, котораго имя я забылъ, но который очень красивъ. Б. говоритъ, что эта пляска сохранилась еще отъ языческихъ празднествъ. Шесть-семь дѣвушекъ (въ томъ числѣ и невѣста) исполняли его очень хорошо; онѣ брали другъ друга за станъ и, сплетаясь руками, двигались и вились лентой весьма изящно. Пожалѣли мы, что не были онѣ одѣты поживописнѣе; хотя бы такъ, какъ одѣвались онѣ въ старину, и какъ еще

и теперь одѣваются иныя старыя еврейки въ Критѣ: юбка какъ европейская, на головѣ феска и длинный бѣлый вуаль; обтянутая бархатная куртка, расшитая золотомъ, и турецкая шаль длиннымъ кушакомъ по поясу.

Потомъ одинъ старый портной плясалъ съ нашею милою сосѣдкой, молодою швеей Катериной, смирнскій танецъ. Старикъ леталъ соколомъ, а смуглая, ловкая Катерина какъ скромная птичка порхала передъ нимъ и вокругъ него. Вообще греческіе танцы граціозны, но можно пожаловаться, что они слишкомъ однообразны и важны. Смирнскій танецъ—исключеніе: это вихрь, въ родѣ нашего казачка, только, казалось мнѣ, еще живѣе.

Турецкая музыка звонила часовъ пять-шесть безъ устали. Роздыха музыкантамъ почти не давали; когда не хотѣли плясать, пѣли подъ музыку греческія пѣсни съ турецкимъ напѣвомъ. Отъ времени до времени музыкантовъ обходили двое мальчиковъ: одинъ вливалъ имъ въ ротъ вино, другой несъ на тарелкѣ мелкіе куски жареной баранины; онъ бралъ кусокъ вилкой и клалъ въ ротъ музыкантамъ, чтобы не прерывать музыки. Каждый разъ послѣ закуски музыканты оживлялись, звонили, брянчали и барабанили крѣпче и крѣпче.

Я былъ радъ, что изъ иностранцевъ, кромѣ нашего русскаго консула и насъ русскихъ, никого на свадьбѣ не было. Англійскій консулъ живетъ также въ Халеппѣ; однако его не пригласили: онъ и не пришелъ бы, вѣроятно, да никому изъ грековъ и въ голову не придетъ приглашать его. Что̀ у него общаго съ деревенскими греками?

Насъ вечеромъ не ожидали. Всѣ думали, что мы уже днемъ насмотрѣлись и устали. Какая была радость, когда мы пришли! Елена и сестра ея не отходили отъ молодой жены нашего секретаря; онѣ держали ея руки, обнимали ее, шептали ей свои замѣчанія и секреты и, наклоняясь къ ея уху, брали ее руками за лицо.

Ночь была тепла и темна; мы пошли домой съ фонарями по каменнымъ тропинкамъ между садами.

II.

Не всѣ браки въ Критѣ совершаются такъ правильно и согласно съ желаніями и младшихъ, и старшихъ, какъ бракъ Николи и Елены; похищенія дѣвицъ здѣсь не рѣдкость. Это не противорѣчитъ строгости семейнаго строя; напротивъ, похищеніе и тайные браки почти вездѣ являются естественными произведеніями нѣсколько строгаго патріархальнаго быта.

Какъ бы жизнь ни была проста и однообразна, но страсти и требованія не могутъ не быть разнообразны и подчасъ враждебны другъ другу. Семейный строй, совѣты и власть родителей уважаются; но любовь беретъ свое, и пылкость чувствъ нерѣдко доводитъ до трагическихъ развязокъ. Такъ, незадолго до моего пріѣзда въ Критъ, младшій братъ того же Николи, на свадьбѣ котораго я веселился, былъ безъ ума влюбленъ въ старшую сестру Елены. Двумъ православнымъ братьямъ на двухъ православныхъ сестрахъ жениться нельзя. Николи, конечно, отъ Елены для него не отказался бы, и молодой человѣкъ отравился. Его, однако, успѣли спасти. Теперь онъ сталъ положительнѣе и помолвленъ на очень богатой дѣвушкѣ изъ дальняго села. Третій братъ тоже помолвленъ. Я говорилъ съ воскресшимъ юношей, и онъ сказалъ смѣясь: «Жена Николи всѣхъ трехъ красивѣе и всѣхъ милѣе; моя невѣста всѣхъ трехъ хуже собой, но смирная и богатая».

Недавно также въ Канеѣ случилось романтическое приключеніе. У одной небогатой вдовы мелкаго торговца три дочери, одна лучше другой. Въ меньшую, которой едва шестнадцать лѣтъ, былъ давно влюбленъ двадцатитрехлѣтній юноша, сынъ пріѣзжаго съ какого-то острова купца.

Родители молодца не хотѣли слышать о бѣдной невѣстѣ; вдова, разумѣется, помогала дочери. Священники ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ вѣнчать противъ воли родителей жениха не соглашались. Разъ утромъ богатые родители, проснувшись, узнали, что сынъ ихъ женатъ; броси-

лись къ архіерею, но ни одинъ изъ городскихъ священниковъ повиненъ не былъ, городскія ворота на ночь запираются, и турки не пропустятъ никого, кромѣ консуловъ. Какъ же это сдѣлалось? Молодые товарищи жениха привезли ночью моремъ въ лодкѣ изъ дальняго округа священника и, чтобъ онъ не попался, одѣли его въ албанскую одежду съ фустанеллой. Послѣ свадьбы албанецъ исчезъ, и всѣ поиски епископа были тщетны: ему не удалось открыть и наказать лихого іерея. Богатые родители уступили и помирились. Паша могъ бы преслѣдовать, по просьбѣ архіерея, свидѣтелей, которые привезли священника, но онъ не счелъ этого нужнымъ. Ихъ допрашивали слегка; они не сказали ничего, и дѣло кончилось благополучно для влюбленныхъ. Я ихъ видѣлъ потомъ на монастырскомъ праздникѣ въ горахъ. Что за роскошная пара!

Иногда похищаютъ дѣвицъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ похитили такъ одну дѣвушку въ одной изъ сосѣднихъ деревень. Дѣвушку не хотѣли отдавать, поклонникъ ея былъ внѣ себя отъ страсти, собралъ пять-шесть удальцовъ, вооружились и на разсвѣтѣ пріѣхали верхами на дворъ. Отца не было дома, дочь выбѣжала къ жениху, братьевъ связали, но мать, женщина рѣшительная, сорвала со стѣны пистолетъ и прицѣлилась въ того, кто сажалъ дочь на мула. Молодой человѣкъ не осмѣлился поднять оружія на огорченную старуху, и она раздробила руку своему будущему зятю. Однако и съ раздробленною рукой онъ обвѣнчался какъ-то въ горахъ, а разъ церковное таинство совершено—для грека все кончено; о гражданскихъ формальностяхъ здѣсь не думаютъ.

Не всегда, впрочемъ, похищенія бываютъ слѣдствіемъ любви. Случается, что бѣдные молодцы похищаютъ богатыхъ (сравнительно, конечно) невѣстъ съ ихъ согласія, а иногда даже противъ ихъ воли. Надѣются, что родители послѣ уступятъ и дадутъ приданое.

Жители горъ Сфакіа, или Бѣлыхъ горъ, особенно мастера на такую ловлю. Горы эти неприступны до того, что не только на лошадяхъ туда не ѣздятъ, но и обыкновен-

ный мулъ, какъ ни вѣрна его нога, для Сфакіи не годится. На этихъ стремнинахъ и утесахъ только тѣ мулы хороши, которые на нихъ родились и выросли. Почва тамъ безплодна; кромѣ овцеводства и охоты, почти нѣтъ промысловъ; полгода стоитъ суровая зима. Само турецкое начальство не знаетъ, что̀ дѣлать, когда надо сбирать съ сфакіотовъ подати. Эти Бѣлыя горы для Крита то же, что̀ Черногорія для всего Балканскаго полуострова. И въ древности сфакіоты славились какъ стрѣлки изъ лука, теперь славятся какъ стрѣлки изъ ружья. Во время войны за независимость въ 1821 и такъ далѣе годахъ они болѣе всѣхъ другихъ критянъ вредили туркамъ. Поэтому-то греки долинъ и городовъ, хотя въ мирное время боятся ихъ продѣлокъ, ихъ воровства и разбоевъ и зовутъ ихъ ворами (клефтами), но и бранятъ ихъ съ какою-то дружескою, одобрительною улыбкой, и слово «клефтъ» произносятъ совсѣмъ не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ мы произносимъ слово «воръ». Впрочемъ это явленіе повторяется по всей Турціи, и слово клефтъ, какъ извѣстно, и у насъ стало достояніемъ поэзіи. Сфакіоты необыкновенно рослы, красивы, сильны и легки. Я видѣлъ одного почти саженнаго старика-капитана, который начальствовалъ отрядомъ еще въ двадцатыхъ годахъ. Почтеннѣе, красивѣе и благодушнѣе старца трудно себѣ представить. Многіе изъ горцевъ покидаютъ, впрочемъ, надолго свои безплодныя скалы и предаются честнымъ ремесламъ въ городахъ и селахъ; но есть и такіе, для которыхъ удаль и легкая добыча остаются навѣкъ милѣе.

А что̀ удалѣе и веселѣе, какъ похитить силой красивую и богатую дѣвушку? Въ 1863 году одно такое похищеніе надѣлало много шуму по всему острову и неожиданно подало поводъ пашѣ сдѣлать рѣшительный и почти неслыханный шагъ, вступить въ Бѣлыя горы съ войскомъ и собрать съ сфакіотовъ подати.

Сфакіоты не ожидали этого. Они принуждены были принять пашу какъ нельзя лучше; паша обласкалъ капитановъ и разсмотрѣлъ много затянувшихся дѣлъ. Что касается до солдатъ, то они приняты были ни враждебно, ни

дружественно. Сфакіоты, при ихъ приближеніи, покидали свои жилища, оставляя въ деревняхъ только то, что нужно было для пропитанія отряда. Солдаты находили себѣ пищу, питье и ночлегъ въ пустыхъ домахъ. Съ тѣхъ поръ Измаилъ-паша отъ поры до времени дѣлаетъ дружескій визитъ сфакіотамъ уже безъ войска. Довольны они или нѣтъ? Едва ли.

Но самое оригинальное изъ всѣхъ похищеній случилось въ Халеппѣ, лѣтъ семь тому назадъ, при Вели-пашѣ, почти у воротъ самого генералъ-губернатора. У Вели-паши былъ тогда въ Халеппѣ домъ, тотъ самый, въ которомъ живетъ теперь англійскій консулъ. Домъ этотъ построенъ *надъ переулкомъ*, который туннелемъ проходитъ сквозь нижній этажъ. Какъ разъ за этимъ туннелемъ стоитъ старый домъ родителей уже знакомой намъ Елены (изъ этого туннеля любилъ выскакивать на лошади, мимо Елены, Николи). Семья Елены одна изъ самыхъ бѣдныхъ въ Халеппѣ. Отецъ ея, сѣдой старикъ, ходитъ всегда согнувшись, въ толстомъ коричневомъ сукнѣ, тогда какъ почти всѣ остальные отца семейства одѣваются щеголями. Они очень бѣдны; но отсутствіе приданаго всѣ дочери вознаграждаютъ миловидностью и кокетствомъ. Кромѣ Елены и Аргиро (изъ-за которой хотѣлъ отравиться младшій братъ Николи), была у старика еще старшая дочь, краснвѣе всѣхъ. Въ нее влюбился безъ памяти молодой повѣса, пьяница и драчунъ, изъ другой деревни. Дѣвушкѣ онъ не нравился, и она боялась его. Но повѣса имѣлъ средства къ жизни и умолялъ отца возлюбленной, обѣщая исправиться и быть добрымъ мужемъ. Старикъ, обремененный семьей и поденною работой, рѣшился на мѣру не совсѣмъ похвальную. Онъ позволилъ повѣсѣ насильно похитить дочь. Ночью подъ туннель паши забрались товарищи; мать и всѣ дочери спали; старикъ взялъ съ собой жениха и постучался къ старшей дочери; она узнала его голосъ и отворила дверь. Вмѣсто отца на нее кинулся женихъ, всунулъ ей въ ротъ платокъ, схватилъ ее на руки и на мула... Однако она успѣла закричать такъ громко, что сосѣди проснулись и выбѣжали. Но молодежь съ

своею прекрасною ношей уже умчалась вихремъ изъ Халеппы. Въ деревнѣ похитителя священникъ уже былъ готовъ, и дѣвушка покорилась своей участи. Иные говорятъ, что она несчастна, что мужъ такой же пьяница и буянъ, какимъ былъ до брака; другіе говорятъ, что «ничего, живутъ хорошо». Я видѣлъ ее, лицо ея свѣжее и не грустное; но это, конечно, еще не значитъ, чтобъ она была счастлива.

Любопытно, что люди Вели-паши спали такъ крѣпко и беззаботно, что никто не слыхалъ ея крика. Паша, конечно, имѣлъ бы право обидѣться дерзостью деревенской молодежи; но въ Турціи люди иногда страдаютъ за ничто, а иногда имъ сходятъ съ рукъ продѣлки и поважнѣе этой.

Напомнимъ кстати, что турецкое начальство по льготамъ, дарованнымъ султанами иновѣрцамъ издавна, не имѣетъ права вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла. Въ такихъ дѣлахъ у православныхъ всемогущее лицо до сихъ поръ митрополитъ или епископъ, а паша служитъ только исполнительною силой по его указанію.

III.

Бѣдность здѣсь не ужасна и не гадка. Въ ней видно нѣчто суровое и мужественное. Горы, хижина, чистый воздухъ и прекрасный климатъ; здоровыя, бронзовыя дѣти. Въ тѣхъ вершинахъ, гдѣ полгода лежитъ снѣгъ, я не былъ и знаю, что люди тамъ бѣдны: но и эта бѣдность не гнила и не грязна. Иначе, какъ бы сфакіоты могли быть первыми воинами и атлетами острова?

Въ подгородныхъ деревняхъ, въ Халеппѣ, Галатѣ, Анэрокýру, Скаларіà и такой бѣдности мало. Въ Халеппѣ я зналъ одного старика, почти нищаго, который собиралъ по садамъ *улитокъ*, продавалъ ихъ для кушанья и этимъ жилъ. Старикъ былъ дряхлый, но еще здоровый, и толстая ветхая одежда его не была грязна.

Зналъ я еще одну семью. Ее считали всѣ несчастною. Отецъ тесалъ камни въ Халеппѣ, мать смотрѣла за ого-

родомъ и маленькимъ виноградникомъ; мальчики, одинъ восьми, другой семи-шести лѣтъ, пасли овецъ. Домикъ у нихъ былъ очень малъ и бѣденъ. Единственная комната была полна рабочихъ снарядовъ; станокъ, на которомъ мать ткала одежду себѣ и дѣтямъ, занималъ полжилища. Они поселились здѣсь недавно и жили особнякомъ, одни, на горѣ. Гора эта камениста и суха; только зелень садика, разведеннаго бѣдною семьей, оживляетъ ее; внизу Халеппа: городъ виденъ весь, а тамъ далекія селенія, снѣжная Сфакія и море.

Я часто видалъ дѣтей, Яни и Маноли, когда они пасли овецъ, всматривался въ ихъ лица, говорилъ съ ними. Они привыкли ко мнѣ, и каждый разъ какъ завидятъ меня, бѣгутъ домой, приносятъ скляночку съ померанцевой водой и брызжутъ на меня (обычное здѣсь привѣтствіе), рвутъ между камнями пучки какой-то душистой травы, похожей и запахомъ и листьями на лавръ, и подносятъ ихъ мнѣ. И Яни и Маноли были бы радостью живописцу. Они не знаютъ ни башмаковъ, ни фески; когда слишкомъ жарко— оборванный пестрый платокъ на голову, когда холодно— старый башлыкъ изъ толстой *абы*. На золотыхъ личикахъ ихъ горятъ большіе веселые глаза,—огонь и бархатъ черный; темное сукно ихъ одежды все въ заплаткахъ разноцвѣтнаго ситца и полотна. Маноли скоро привыкъ на зарѣ стучаться въ мою дверь и приносить овечье молоко для утренняго кофе; заходилъ и въ комнату; я угощалъ его чаемъ: онъ сначала боялся, а потомъ съѣдалъ съ двумя чашками столько хлѣба, сколько мы съѣдимъ въ два обѣда; разговаривалъ о своихъ овцахъ, обѣщался лѣтомъ приносить мнѣ виноградъ, арбузы и дыни изъ отцовскаго огорода. Сколько чиновныхъ петербургскихъ отцовъ позавидовали бы бѣдному камнетесу, глядя на его крѣпкаго, сіяющаго сына!

Разъ Маноли случайно увидалъ себя въ моемъ зеркалѣ. Онъ никогда не видывалъ зеркала и до того испугался, что бросился бѣжать и долго не возвращался ко мнѣ.

Чудакъ Б... радъ этому.

— Если,—говоритъ онъ,—въ двухъ шагахъ отъ Канеи,

куда приходятъ австрійскіе пароходы и гдѣ вѣютъ флаги европейскіе, есть еще мальчики, которые не видали зеркала, то человѣчество, слава Богу, не скоро еще скажетъ свое послѣднее слово!

Маноли разъ вздумалъ притравить свою собаку на ягненка; собака задушила ягненка. Отецъ прибилъ его за то больно и, конечно, подѣломъ. Маноли разсердился и пропалъ. Прошли три дня въ напрасныхъ поискахъ по окрестностямъ. Отецъ принужденъ былъ просить помощи у полиціи и со слезами умолялъ нашего консула пособить ему. Консулъ нашъ послалъ сказать пашѣ и просилъ его ускорить розыскъ. Заптіе скоро напали на слѣдъ Маноли: онъ *ночью одинъ* ушелъ верстъ за двадцать къ роднымъ въ горы!

Для Б... опять радость. Вотъ изъ такихъ-то мальчиковъ, которые боятся зеркала и не боятся убѣгать въ горы ночью, выходятъ великіе греческіе *капитаны*, тѣ капитаны, которые бились за свободу въ 21-мъ году и опять поведутъ критскихъ грековъ въ бой, когда ударитъ часъ *)!

Не знаю, правъ ли мой восторженный товарищъ, но я увѣренъ, что ни у кого не заболитъ крѣпко душа, глядя на эту бѣдную, трудовую семью. Отецъ суровъ, мать смирна и молчалива, дѣти веселы и дики, и мы пожалѣемъ ихъ всѣмъ сердцемъ; но эта жалость имѣетъ въ себѣ нѣчто полное и свѣжее, ибо страданія и лишенія не обезобразили здѣсь человѣка. Что-то шепчетъ: стóитъ жалѣть, ибо можно помочь. Но есть другія страданія, другія лишенія, ядовитыя и зловонныя; взирая на нихъ, мы слышимъ только голосъ христіанскаго разсудка, но разбитое и унылое сердце молчитъ. О! какъ тотъ, кто жилъ въ большихъ городахъ, знакомъ хорошо съ этимъ безсильнымъ молчаніемъ сердца!..

Спустимся подъ гору по этому душистому зеленому оврагу. Вотъ въ тѣни оливъ стоятъ въ сторонѣ три бѣ-

---

*) Часъ ударилъ, какъ показали событія послѣдняго времени.

лые домика, передъ каждымъ опрятный дворъ, и на дворахъ цвѣты. Вмѣсто крышъ — террасы, глиняные полы чище иного паркета. На бѣлыхъ стѣнахъ картины и портретъ *будущаго* короля Георгія I. Изъ отворенныхъ дверей видна спальня. За кроватью, украшенной кисейною занавѣской, видны образа и лампада; столики, диваны турецкіе, комодъ и дешевые стулья, все блещетъ и словно веселится!

Это жилище моего сосѣда, столяра. Рябоватый высокій старикъ, силачъ, балагуръ и честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ; онъ живымъ примѣромъ опровергаетъ поговорку: «Les grands parleurs sont toujours des petits faiseurs», онъ и *parleur* и *faiseur*. Цѣлый день работаетъ и цѣлый день говоритъ. Нѣтъ у него своей работы,—онъ приходитъ ко мнѣ; замѣчаетъ въ саду безпорядокъ,—чиститъ, мететъ, скоблитъ, поливаетъ и говоритъ безъ умолку и о вѣрѣ православной, и о томъ, что «турокъ—всегда турокъ», а русскіе настоящіе христіане, и о томъ, какъ онъ далеко плаваетъ въ морѣ. И конца нѣтъ! Жена его милая, веселая, опрятная старушка; и дочери, и сыновья хороши собой. Я каждый день, почти нѣсколько мѣсяцевъ сряду, видѣлъ эту семью и не уставалъ любоваться ею. Младшій сынъ Маноли (это имя и *Яни* безпрестанно слышишь у грековъ), лѣтъ двадцати, особенно привлекателенъ, добръ и даровитъ. У него большія способности къ живописи, и теперь даже, не имѣя вовсе художественнаго образованія, онъ порядочно пишетъ образа для церквей, и въ той комнатѣ, гдѣ родители его принимаютъ гостей, стоитъ надъ дверями вырѣзанный изъ толстой бумаги и раскрашенный имъ очень аккуратно большой слонъ. Что́ за миръ въ этой семьѣ, что́ за гостепріимство, что́ за веселость! Что́ за чистота во всемъ и на всемъ! Разъ Маноли занемогъ, и я пришелъ посѣтить его. Онъ лежалъ на диванѣ; домашняя одежда его, подушка подъ головой, *бѣлое* бумажное одѣяло, все было такъ опрятно, что я удивился.

Мой другъ столяръ халеппскій не богатъ и не бѣденъ. Но я ѣздилъ и въ другія деревни, бывалъ въ домахъ бо-

гачей деревенскихъ и обѣдывалъ у нихъ. Вездѣ одно, одни нравы, одинъ общій духъ; опрятность, просторъ, простота, радушіе и умъ. Вездѣ вдыхаешь полною грудью благоуханіе здоровой, бодрой, искренней семейности.

Семь мѣсяцевъ прожилъ я въ Халеппѣ и не видалъ ни пьянства, ни грязнаго безчинства, ни дракъ. Когда и бываютъ семейныя распри, ихъ стыдятся, ихъ прячутъ. Здѣсь мужья не гоняются съ кнутами и палками за растрепанными женами по улицамъ деревни; не видать разбитыхъ лицъ и пьяныхъ женщинъ. Идеалъ семейный строгъ, но строгъ онъ не для однихъ младшихъ и не для однѣхъ женщинъ. Грекъ ревниво охраняетъ свои права отца и мужа; но онъ и самъ къ себѣ строгъ. Любовницъ онъ не беретъ, не пьянствуетъ; сѣдины его не грязнятся развратомъ. Дѣтей, конечно, бьютъ самые добрые отцы; но возможно ли иногда и не прибить непокорнаго ребенка трудовому человѣку, у котораго за дѣтьми нѣтъ ни нянекъ, ни наемныхъ учителей? Когда вся семья иногда цѣлый день на глазахъ и дѣти, при южной пылкости, шалятъ нестерпимо? Но бить женщинъ у критянъ срамъ, засмѣютъ сосѣди.

Если бъ я сталъ описывать особо каждое изъ тѣхъ семействъ, которыя знаю, разсказъ мой вышелъ бы слишкомъ длиненъ. Одно еще можно сказать про всѣхъ, что самый взыскательный вкусъ, самый насмѣшливый умъ не найдетъ въ семейномъ счастьѣ простого грека ничего тяжелаго и смѣшного; ничего такого, что́ вызвало бы улыбку жалости и пренебреженія. Въ прекрасномъ мѣстѣ, чистая деревня, чистые дома, цвѣтущія лица, свѣжія дѣти, красивыя дѣвушки, юноши еще красивѣе; молодцеватость, достоинство и радушіе пріема, набожность и преданность отчизнѣ, политическій смыслъ... Гдѣ найдемъ мы все это вмѣстѣ?

ХРИЗО.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ КРИТСКОЙ ЖИЗНИ.

(1868 г.).

От Георгія Николаидиса къ Александру Петровичу Б—ну (въ Москву).

Корфу, декабря 10-го 1864 года.

Пароходъ нашъ пробудетъ здѣсь четыре часа. Я успѣю тебѣ написать отсюда. Давно ли это? Боже мой! Всего пять-шесть дней... Снѣга московскіе, Иванъ Великій, ваши санки, которыя я такъ люблю, бѣдная Машенька. (Помнишь, какъ она мнѣ говорила: «Какой же вы баринъ? Вы развѣ баринъ, — вы грекъ»). Потомъ Петербургъ; за Петербургомъ прусскія поля, зелень, чуть покрытая морозомъ; нѣмки, нѣмцы; Бреславль и его древній соборъ; ночью въ Вѣнѣ — пуховое одѣяло, слуги, которые, по правдѣ сказать, больше похожи на секретарей посольства чѣмъ на слугъ; св. Стефанъ, Тріестъ... Русское все исчезло... Нѣтъ, виноватъ, не все... Подъ самой Вѣной, ночью, какой-то бѣднякъ принялъ мои вещи въ вагонъ, и когда я далъ ему флоринъ, онъ схватился за ручку дверцы и спросилъ:

— Заховать васъ, пане?

Откуда этотъ малороссъ?..

Только здѣсь, въ Корфу, я какъ будто приблизился снова къ Россіи... Лимонныя деревья и розы въ цвѣту, оливы, мои родныя оливы, зеленѣе чѣмъ лѣтомъ. На улицахъ нельзя ходить въ пальто... Ты скажешь: гдѣ жъ Россія?

Гдѣ она? Когда я сошелъ съ парохода, старикъ-лоцманъ, нашъ же грекъ, сказалъ мнѣ:

— Зайдемъ вмѣстѣ къ св. Спиридону и поклонимся мощамъ его, чтобъ онъ намъ до Сиры море хорошее далъ...

Мы помолились, и тутъ я, на другомъ концѣ земли, посреди розъ и лимоновъ, глядя на священниковъ и на серебряную раку, почувствовалъ себя еще роднѣе русскимъ, чѣмъ былъ въ Москвѣ... Ты смѣешься, я знаю. Мнѣ, конечно, не передѣлать тебя; но грекъ никогда такимъ матеріалистомъ не сдѣлается, какимъ бываетъ русскій студентъ. Я, впрочемъ, увѣренъ, что и ты перемѣнишься.

Ну, прощай. До самой Кандіи не возьму уже пера въ руки.

Прощай, мой добрый, мой вѣрный другъ, тысячу разъ обнимаю тебя.

Твой Ник — съ.

Января 25-го 1865 г., Халеппа.

Здравствуй, здравствуй, милый мой! Вотъ уже около мѣсяца, какъ я на родинѣ; всѣхъ увидалъ: отца, мать, брата и сестру, старыхъ сосѣдей и родныхъ. Я долго не писалъ... Но, если бы ты зналъ, какъ здѣсь пріятна лѣнь! Что за край моя родина! Что за милый край! Какъ бы мнѣ назвать мой божественный островъ? Райскій уголъ? Садъ садовъ? Краса морей? Нѣтъ! Я назову его корзиной цвѣтовъ на грозныхъ волнахъ моря. Когда бы ты видѣлъ, что́ такое здѣшній грекъ! Какъ чисто его жилище, какая наша Халеппа веселая! У моря дома̀ все бѣлые, чистые, вмѣсто крышъ террасы, все въ зелени. Тутъ лимоны и померанцы цвѣтутъ какъ снѣгомъ осыпаны; и чтобы ты зналъ, что это не театръ, а сама жизнь, на вѣткахъ сушится простое, бѣдное бѣлье... Но что я тебѣ скажу еще? Говорить много нѣтъ силъ.

Представь себѣ только небо синее, море бурное, вдали снѣгъ алмазный на горахъ, какъ на московскихъ поляхъ, а надъ головой какъ жаръ горитъ, все въ розовыхъ цвѣтахъ, наше старое персиковое дерево... Подъ оливами барашки гуляютъ и звенятъ бубенчиками!..

Довольно! Нѣтъ ни силы, ни охоты... Прощай. Ахъ, моя родина! Ахъ, мой Критъ драгоцѣнный! И какъ милы здѣсь дѣвушки! и семья наша какая добрая, почтенная! Прощай!

Твой Ник — съ.

10-го февраля.

Ты пишешь, что понимаешь мою любовь къ роднн Ѣ. Неужели? Я, признаюсь, этого не ждалъ. Я васъ, русскихъ, не понимаю. Помнишь, когда наши товарищи студенты - поляки хвастали, какъ повстанцы бьютъ русское войско и какъ вѣшаютъ русскихъ, вы всѣ молчали; я одинъ вступился за васъ, за вашу честь, и вы же смѣялись надо мною и говорили: «Кто жъ нынче говоритъ о патріотизмѣ!» Да можетъ быть съ тѣхъ поръ и вы перемѣнились!.. Ты просишь также, чтобы мои письма были длиннѣе и подробнѣе; просишь картинъ общественной жизни въ Критѣ. Общественной жизни, мой другъ, здѣсь нѣтъ; а есть дивная... народная жизнь; о ней я тебѣ буду писать съ радостью. А пока я скажу тебѣ, что я представился вашему консулу и познакомился съ здѣшнимъ русскимъ секретаремъ. Консулъ, пожилой и чрезвычайно умный человѣкъ, принялъ меня прекрасно и приглашалъ обѣдать почаще; а секретарь вашъ — твой контрастъ. Такого изступленнаго славянофила я еще и не видалъ. Онъ православный, съ нѣмецкою фамиліей — Розенцвейгъ. Онъ ненавидитъ свое имя и на дружескихъ письмахъ подписывается «Разноцвѣтовъ». У него чахотка, и онъ, бѣдный, едва ли долго проживетъ. Онъ это понимаетъ самъ и благодаритъ Бога за то, что ему придется умереть въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ, какъ Критъ.

Такъ ненавидѣть все европейское, какъ ненавидитъ Розенцвейгъ, по-моему, даже странно. Я еще не могу понять его. Онъ говоритъ, напримѣръ, что если бъ у него была дочь, то онъ ее охотнѣе отдалъ бы замужъ за молодого критскаго крестьянина, чѣмъ за богатаго образованнаго европейца. Особенно французовъ не любитъ. Это не политическая вражда, а какой-то философскій фанатизмъ! «Французская нація — это ракъ Европы!» вотъ его слова. Я этого не понимаю. Французы, по-моему, благородны, они любятъ сами независимость и готовы помочь всѣмъ угнетеннымъ народамъ. Розенцвейгъ говоритъ: «Что мнѣ до этого

за дѣло? Я бы и свободы изъ французскихъ рукъ не принялъ!»

Спорить съ нимъ я боюсь, потому что у него тогда начинается сильный кашель.

Право не знаю, что́ тебѣ сказать. Не потому не знаю, что нечего, а потому, что очень много матеріала. Съ чего начать? Описать ли тебѣ нашу семью, отца, мать, мою милую сестру и братьевъ? Разсказать ли тебѣ, какъ пріѣхалъ, кого я перваго встрѣтилъ? Или описать здѣшнее «la societé», и какіе дѣлалъ я визиты здѣшнимъ иностранцамъ, и сколько разъ слышалъ вопросы: «Какъ вы нашли вашу родину?» Или объяснить тебѣ, въ какомъ положеніи Критъ съ политической точки зрѣнія? Или описать тебѣ наши прогулки съ Розенцвейгомъ по берегу моря и наши разсужденія? Для меня, по крайней мѣрѣ, все это такъ занимательно, такъ ново, что я готовъ бы писать цѣлыя тетради, какъ я шелъ отъ пристани чрезъ гору домой, и какого цвѣта была земля на тропинкѣ между травой, и сколько оконъ у насъ въ домѣ, и какъ взглянулъ Розенцвейгъ, когда я сказалъ о французахъ то-то и то-то... Готовъ описать и суды турецкіе, и нравы нашихъ грековъ, и наружность моей милой сестры...

Не знаю, что́ предпочесть!

Начну хоть съ сестры. Когда бы ты зналъ, какъ она очаровательна! Впрочемъ, нѣтъ: Розенцвейгъ отъ нея въ восторгѣ; но тебѣ бы она не понравилась; она слишкомъ *не развита*, сказалъ бы ты. Пусть такъ!

Описать тебѣ ее я не могу. Что́ я скажу: ей еще нѣтъ шестнадцати лѣтъ; зовутъ ее «Хризо́», и это значитъ по-гречески золото; она предобрая, такъ обо мнѣ заботится и сама мнѣ стелетъ каждый вечеръ постель; сама подаетъ мнѣ кофе и варенье, зоветъ меня «Йоргаки», пѣсни поетъ премило.

Лучше всего я переведу тебѣ одну пѣсенку, которую она поетъ и которая къ ней самой такъ идетъ, какъ будто про нее сочинена.

Внизу, въ саду у моря,
У морского берега,
Живетъ дѣвушка, которую я люблю.
Она бѣлокурая и черноокая,
Бѣлокурая она и черноокая.
И ей всего двѣнадцать лѣтъ,
Ей уже двѣнадцать лѣтъ, а свѣтъ дневной ее не видалъ еще.
Только мать ее знаетъ,
Мать ее знаетъ и зоветъ:
«Моя гвоздичка»!
Моя гвоздичка, корешокъ мой гвоздичный,
Гдѣ, гвоздичка моя, теперь благоухаешь?

Розенцвейгъ заставляетъ сестру мою безпрестанно пѣть эту пѣсню, все хвалитъ ее. Я было сказалъ ему разъ:

— Жаль, что мать не согласилась отправить ее въ Сиру на воспитаніе, отецъ хотѣлъ.

Розенцвейгъ разсердился и сказалъ:

— Полноте, что за предразсудокъ! Неужели учить по модѣ? она и такъ прелесть!

Что она наивна, это правда. Я подарилъ ей стереоскопъ и недавно объяснялъ ей картинки; ей понравилась особенно одна, не знаю ужъ кто — нѣмка или француженка въ деревенской одеждѣ, въ короткомъ платьѣ,—сбираетъ, стоя на лѣстницѣ, виноградъ. Она похвалила и, обращаясь къ Розенцвейгу, который тоже тутъ былъ, сказала такъ серьезно:

— Какія у этихъ нѣмокъ ноги красивыя и толстыя!

Я засмѣялся, а Розенцвейгъ всталъ въ восторгѣ и воскликнулъ:

— Вотъ и толкуйте о вашихъ Аѳинахъ, о вашей Сирѣ! Была бы она тамъ, такъ вы бы этого отъ нея не слыхали.

Я нарочно, чтобы подразнить его немного, сказалъ было разъ:

— Однако петербургская дѣвица или дама не ей чета!

— Какая дама! — говоритъ, — я въ Петербургѣ зналъ одну даму, Лизавету Гавриловну Бешметову; такъ она сама себя звала: *женщина-человѣкъ*, все искала обмѣна идей, а чтобы подать примѣръ умѣренности, носила все одно и то

же платье изъ люстрина, цвѣта гусинаго помета. И вы думаете, что я предпочту ее вашей сестрѣ?

Я ожидалъ отъ него чего-нибудь подобнаго: я начинаю привыкать къ нему и любить его.

И всѣ наши халеппскіе греки его любятъ; между ними онъ очень популяренъ. Всѣ они хвалятъ его и кончаютъ свои похвалы однимъ и тѣмъ же.

— Одно слово, русскій человѣкъ, хорошій человѣкъ, православный человѣкъ! Жаль только, что больной такой.

Впрочемъ ты не думай, что онъ какой-нибудь вялый или робкій. Нѣтъ, онъ молодецъ. Во-первыхъ, онъ лихо ѣздитъ верхомъ. Вотъ тебѣ примѣръ. Къ нашему дому прямой дороги снизу нѣтъ; да и вся деревня идетъ внизъ—вверхъ, вверхъ—внизъ, по горѣ и скаламъ. Къ нашему дому надо подъѣзжать или сверху или снизу, слѣзать съ лошади и потомъ ужъ къ воротамъ сходить по каменной лѣстницѣ. На-дняхъ Розенцвейгъ былъ у насъ и привязалъ лошадь внизу; когда пришло время ему ѣхать, я велѣлъ меньшому брату подвести ему лошадь, а братъ большой хитрецъ и шалунъ; онъ нарочно взвелъ лошадь прямо къ воротамъ наверхъ. Розенцвейгъ вышелъ, посмотрѣлъ внизъ; пятнадцать крупныхъ скользкихъ ступеней. Ничего не сказалъ, сѣлъ и сталъ спускаться. Лошадь у него молодая, пугливая, скользитъ, ржетъ... У меня сердце замерло, мать моя покачала головой и отвернулась; сестра тоже испугалась, отецъ былъ недоволенъ и началъ бранить брата. Только старый дядя мой, Яни, сказалъ:

— Ничего! Онъ знаетъ. Русскій человѣкъ!

Не довольно ли? Кажется, ты не можешь пожаловаться, что письмо мое коротко? Прощай, будь здоровъ и не забывай любящаго тебя

Г. Н—са.

1 марта 1865 года.

Ты спрашиваешь, что же это такое Халеппа, Халеппа, Халеппа? А гдѣ она, ты не знаешь. Это правда, виноватъ; мнѣ показалось, что весь міръ долженъ знать мою безцѣнную Халеппу!

Халеппа — это деревня, въ получасѣ ходьбы отъ города Канеи. А городъ Канея, это нашъ критскій Петербургъ. Есть у насъ и Москва — Иракліонъ или Кандія, которую зовутъ также Мегало-Кастро. Ты, я думаю, читалъ (а вѣроятнѣе, что нѣтъ; ты все «Крафтъ-ундъ-Штоффъ» читаешь), что Кандію турки осаждали 25 лѣтъ и что подъ стѣнами ея погибъ герцогъ де-Бофоръ, котораго во время Фронды звали «le roi de la Halle» и который былъ такъ популяренъ между парижскою черныю.

Иракліонъ — наша древняя столица, въ ней живетъ митрополитъ всего острова; тамъ религіозное чувство сильнѣе; тамъ и турки страшнѣе фанатизмомъ. А Канея — это Европа; здѣсь свѣтская власть — паша, который говоритъ по-французски; здѣсь вѣютъ консульскіе флаги всѣхъ державъ, здѣсь «la colonie européènne»; горсть купцовъ средней руки, докторовъ, шкиперовъ европейскихъ, чиновниковъ. Канея — нашъ Петербургъ, «ракъ Крита», по Розенцвейгу.

Не знаю, право, ракъ ли это, и съѣстъ ли онъ нашу національную физіономію; но знаю только, что городъ грязенъ и душенъ, запертъ въ крѣпости, тѣсенъ, скученъ. Но и въ немъ, если хочешь, есть своя поэзія; онъ напоминаетъ описанія и картины среднихъ вѣковъ: узкія улицы, которыя еще недавно (при Вели-пашѣ) чуть-чуть не обагрились кровью... Экипажей нѣтъ; толпы пѣшеходовъ и верховыхъ; всѣ тяжести возятъ на мулахъ и ослахъ; одежды пестрыя, рѣчи шумныя, лавки плохи. По захожденіи солнца ворота крѣпости запираютъ, и ужъ ни въ городъ не пустятъ, ни изъ города не выпустятъ никого, конечно, кромѣ консуловъ и чиновниковъ консульства, но и для тѣхъ отпираютъ такую маленькую калитку, что въ нее и средняго роста человѣкъ проходитъ съ большимъ трудомъ.

Я въ Канею почти никогда не хожу. «La société» терпѣть не могу; иностранцы здѣшніе такъ самоувѣренны, такъ гордо смотрятъ на турокъ и на грековъ, такъ презираютъ все восточное, а сами такъ пусты, суетны и алчны, что даже и не смѣшны; они даже и въ злую комедію не годятся,

въ нихъ ничего рѣзкаго нѣтъ. По желанію матери и по совѣту консула я почти всѣмъ имъ сдѣлалъ визиты: никто почти не заплатилъ мнѣ ихъ. Съ какой стати пожилымъ и *образованнымъ* членамъ «de la colonie européenne» платить визитъ Йоргаки Николаидису, сыну лавочника, который торгуетъ маслинами и мукой и носитъ шальвары и феску! А они не лавочники? Мой отецъ не имъ чета! Онъ бился съ турками еще отрокомъ, и на груди его одинъ шрамъ благороднѣе ихъ самодовольныхъ лицъ! Но то мой отецъ, а они европейцы! Они говорятъ по-французски; они книги торговыя ведутъ по всѣмъ правиламъ бухгалтеріи; они не носятъ фески и дорогихъ шальваръ, какъ мой отецъ, а старые протертые сюртуки и панталоны... Моя сестра не умѣетъ танцовать польку, а ихъ дочери умѣютъ. И когда бы ты видѣлъ, какъ онѣ всѣ дурны собой! Нѣтъ, правъ мой бѣдный Розенцвейгъ. Я становлюсь его адептомъ и начинаю ненавидѣть Западъ.

Прощай! И писать больше не буду, пока не получу отвѣта, что ты согласенъ со мной!..

Твой Г. Н—съ.

5 апрѣля.

Я очень радъ что ты со мной согласенъ, хотя Розенцвейгъ, которому я показывалъ твое письмо, говоритъ, что у тебя на умѣ *другое*, а у насъ *другое*. Ты говоришь, что западная буржуазія отживаетъ свой вѣкъ, и что у русскихъ потому есть великая міровая будущность, что только въ ихъ средѣ могутъ развиться какіе-то новые люди, чуждые всего того, что̀ тѣснитъ европейцевъ. Ты прибавляешь также, что будущность Россіи въ высшей степени космополитическая. Что мнѣ съ вами дѣлать? Ты одно, а добрый мой Разноцвѣтовъ другое!

Много мнѣ писать тебѣ некогда сегодня, я хотѣлъ только сдержать слово. Мы всѣ сейчасъ ѣдемъ въ сады Серсепильи къ двоюродному дядѣ моему Рустемъ-эффенди. Ужъ сынъ его Хафузъ, мой любимый товарищъ дѣтства, привелъ

для меня самъ лихого коня, а для милой сестры моей — такого чистаго, красиваго и смирнаго осла, что просто игрушка... Всѣ мы ѣдемъ: отецъ, мать, братья, сестра, Хафузъ и Розенцвейгъ съ нами... И даже *она*... А! вотъ еще на радость твоему космополитизму: *она*—еврейка, невѣстка банкира Самуила Нардеа. Радуйся же: самъ я грекъ, дядя мой турокъ, у меня здѣсь два друга — одинъ русскій, другой турокъ, а предметъ любви — роза Палестины...

Вотъ тебѣ «la sainte alliance des peuples!» Прощай, ослы наши кричатъ, и сестра уже зоветъ меня: «Йоргаки! Йоргаки! Мадамъ Нардеа пришла!» Вотъ счастье-то! Прощай.

Твой Г. Н — съ.

16-го апрѣля.

Кто жъ *она?* И какъ я полюбилъ ее? И какъ это возможно, чтобъ у эллина былъ дядя турокъ? И съ какой стати его сынъ Хафузъ мнѣ другъ? И что такое Серсепилья?

Не знаю, достанетъ ли у тебя силъ читать все это; но я берусь тебѣ все объяснить подробно.

Что такое Серсепилья? Это рай земной! Когда мы выходимъ съ Розенцвейгомъ гулять, мы всегда сядемъ на горѣ за Халеппой и глядимъ на эти дальнія оливковыя рощи. Но что я скажу о нихъ? Какія слова передадутъ тебѣ поэзію этого лѣса древнихъ оливъ, деревень полуразрушенныхъ и полудикихъ, стѣнъ, покрытыхъ плѣсенью, цвѣтовъ, которые ползутъ по стѣнамъ или ниспадаютъ съ террасъ?.. Издали картина величава и таинственна: надъ моремъ широкихъ оливъ столбами возносятся тополи, бѣлѣютъ тамъ и сямъ башни, стѣны большихъ зданій, и стелется дымъ изъ незримыхъ, убогихъ очаговъ... О, другъ мой! Какъ прекрасна моя родина! Какъ прекрасенъ молодой грекъ, когда онъ въ пышной и яркой одеждѣ идетъ по тихой сельской улицѣ гордою поступью! Какъ мила, какъ опрятна, какъ свободна въ обращеніи и какъ чиста нравомъ наша дѣвушка! Какъ величавъ, строгъ и прекра-

сенъ нашъ простой старикъ въ высокой фескѣ и сѣдыхъ усахъ! Слушай, другъ мой: всякій любитъ свою родину сердцемъ... Но счастливъ тотъ, кто можетъ сказать, *за что* онъ любитъ ее! О, если бы въ этой дивной странѣ, у этого прекраснаго народа, были достойные вожди! Но ихъ нѣтъ пока... и не знаемъ, откуда ихъ ждать. И не думай, что я увлекаюсь только тѣлесною красотой моихъ критянъ или храбростію ихъ, или поэзіей простого быта въ живописной странѣ... Повѣрь мнѣ, что нѣтъ. Мои греки безъ силы, безъ вождей, безъ помощи ждутъ освобожденія и дождутся его. Въ глухихъ деревняхъ, въ горахъ, до того неприступныхъ, что мулъ, не рожденный въ нихъ, не смѣетъ ступить на ихъ стремнины, — и тамъ эти красавцы и бандиты, которыхъ рука такъ легко хватается за ножъ, и тамъ они спѣшатъ учиться; и тамъ заводятъ школы, выписываютъ учителей изъ Греціи, похищаютъ ихъ ночью съ оружіемъ въ рукахъ, когда турки пытаются прервать эту связь со свободными Аѳинами. О, мой милый, русскій другъ! люби моихъ братьевъ критянъ; если ты холоденъ къ поэзіи и красотѣ и не въ силахъ ихъ любить, какъ Розенцвейгъ, за красоту и за высокое сочетаніе изящнаго и суроваго въ ихъ чудной жизни, то люби ихъ за гордыя, свободолюбивыя чувства, за пожирающій ихъ сердца пламень независимости.

Твой Г. Н—съъ.

20-го апрѣля.

Итакъ, я не сдержалъ обѣщанія, я не сказалъ тебѣ еще ни о первой моей встрѣчѣ съ *ней*, ни о Рустемъ-эфенди, ни о Хафузѣ. Если бы ты зналъ здѣшнюю жизнь такъ, какъ я знаю русскую, такъ мнѣ было бы легко разсказывать тебѣ просто, что случилось со мной и съ моими близкими. Но вы, русскіе, развѣ вы знаете, какъ живутъ здѣсь люди? Вы знаете послѣдній переулокъ въ Парижѣ, но что̀ дѣлаютъ греки, какъ живутъ они, и почему живутъ они такъ, а не иначе, что̀ вамъ за дѣло! А народъ

нашъ любитъ васъ и чтитъ ваше правительство. Только для вашего консула стоитъ въ нашей халеппской скромной церкви кресло, обитое краснымъ сукномъ; только къ нему идутъ люди съ поздравленіемъ въ праздники; только за васъ нашего добраго сельскаго священника, отца Анатолія, во время Крымской войны заключили турки въ тюрьму. За васъ, за побѣду вашему оружію онъ громко молился въ церкви... Только на вашъ флагъ съ любовію и надеждой смотритъ, вздыхая, мой отецъ... Только ваше имя съ любовью произносится въ самыхъ дикихъ ущельяхъ горъ, и, садясь за столъ вашего чиновника, нашъ гордый островитянинъ шепчетъ, крестясь: «Вотъ въ первый разъ пришлось мнѣ сѣсть за истинно-православную трапезу!»

Да, правда, и наши греки васъ не знаютъ, ни пороковъ, ни высокихъ вашихъ свойствъ не изучили, какъ бы должно. Но они вѣрятъ въ вашу силу, они любятъ васъ, и старое добро ими не забыто. Прости же мнѣ, что я все прерываю мой разсказъ, прости моимъ безпорядочнымъ порывамъ. Когда сердце полно, какъ совладѣть съ нимъ, добрый другъ?.. Опять брошу письмо и начну его тогда, когда успокоюсь...

22-го апрѣля.

Довольно! Теперь я не скажу ни слова о моей родинѣ. Я сейчасъ только вернулся отъ *нея*... Ее зовутъ Ревекка. Когда бы ты зналъ, какіе у ней золотые волосы и какъ она сама бѣла и стройна! Она выросла въ Константинополѣ, говоритъ хорошо по-гречески, читаетъ Шиллера и по-турецки знаетъ. И какая она хитрая и ловкая... Какъ она вьется передо мной, словна змѣйка, и скользитъ изъ рукъ! Я безъ ума отъ нея! Мужа ея нѣтъ; онъ торгуетъ въ Англіи и пріѣзжаетъ сюда разъ года въ два, въ три. Она живетъ у старика, своего свекра. Старикъ и жена его смотрятъ за ней очень строго; однако съ тѣхъ поръ какъ они на лѣто переѣхали въ Халеппу и наняли домъ близко отъ насъ, я нахожу средство видѣться съ ней часто. Я чувствую, что нравлюсь ей, но она ужасно лукава и такъ

тонко и ловко защищается, что даже трудно выразить эту летучую игру словъ, это движеніе взглядовъ! Напримѣръ, она говоритъ мнѣ на-дняхъ: «Я не люблю грековъ». — За что? — «Они такіе сердитые; я боюсь ихъ». И смотритъ мнѣ невинно прямо въ глаза, какъ будто я не грекъ. А потомъ начнетъ хвалить брюнетовъ и говоритъ: «Какіе здѣсь, въ Критѣ, мальчики всѣ хорошіе. Черноглазые такіе, щеки розовыя, лица нѣжныя; вотъ и вашъ младшій братъ какой красивый!» А младшій братъ, всѣ говорятъ, на меня похожъ. На-дняхъ она разсердилась на меня за то, что я далъ на Пасху нашимъ халеппскимъ дѣтямъ денегъ и старый сюртукъ мой, *чтобы жечь жида*... Какъ жечь жида? (Ты въ ужасѣ! вотъ и опять отступленіе; чѣмъ же я виноватъ?) Наши дѣти на Пасху, въ самую ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье, дѣлаютъ изъ соломы большую куклу на церковномъ дворѣ, надѣваютъ на нее шляпу и старое еврейское платье, стрѣляютъ въ нее изъ пистолетовъ, и кукла загорается. Хохотъ, радость и шумъ такіе, что заглушаютъ на мигъ церковное пѣніе. И ко мнѣ пришли дѣти и просили «на жида». Я далъ имъ 5 руб. Ревекка узнала объ этомъ, начала меня упрекать и бранить грековъ варварами и фанатиками. Я смѣялся, и она, наконецъ, такъ разсердилась, что ушла съ террасы и цѣлую недѣлю не показывалась. Вчера я шелъ мимо ихъ дома, она сидѣла за калиткой, въ тѣни, вмѣстѣ съ свекровью, и работала. Я даже обрадовался, что она не одна. При свекрови она не покажетъ, что дружба наша уже доходитъ и до ссоръ! Я поклонился, и она поклонилась. Я сѣлъ и спросилъ, какъ ея здоровье. Она говоритъ:

— Дурно; вашъ Критъ такой вредный. Отъ южнаго вѣтра голова все болитъ. И скука! Константинополь — вотъ это городъ. А здѣсь что?

Я говорю ей:

— Если угодно, мы для васъ и Константинополь возьмемъ. Только не сердитесь.

— Если, — говоритъ она, — ваши греки возьмутъ Кон-

стантинополь, такъ я туда никогда не поѣду! Турки гораздо лучше васъ...

Старуха тоже вмѣшалась и говоритъ:

— Нѣтъ, зачѣмъ же такъ хулить грековъ? и греки хорошіе люди; правда, что ужъ если турокъ добрый родится, такъ ужъ лучше добраго турка нѣтъ человѣка на свѣтѣ!

— А стихи какіе у нихъ хорошіе есть, и пѣсни, и поговорки,—говоритъ Ревекка.—А у васъ что? Все *поли-калò* и *поли-калò*. Вотъ у меня есть одна поговорка турецкая... (и она достала изъ кармана записку и подала мнѣ). Прочтите...

Я читаю и вижу, что турецкія слова написаны латинскими буквами:

«Гéль, кузýмъ, баришели́мъ; хéръ кабáтъ бендéдеръ. Нéкадаръ кабáтъ сендéольсунъ, гене́ гёзю́мъ бендéдеръ!»

Ни старуха, ни я по-турецки не знали, и Ревекка сперва прочла записку громко, съ большимъ выраженіемъ, а потомъ перевела ее:

«Поди сюда, помиримся, мой ягненочекъ; вся вина моя. А если бы вина была и твоя, все-таки ты очи главы моей!»

— Прекрасно! Прекрасныя слова! — сказала старуха.

А я отъ радости самъ не свой; отвѣтилъ, однако, съ презрѣніемъ, что ничего особенно хорошаго въ этихъ словахъ не вижу и, какъ будто раздосадованный, всталъ и простился. Старуха говоритъ:

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь. Ревекка это шутитъ.

А я говорю:

— Нѣтъ, мадамъ Нардеа всегда бранитъ моихъ соотечественниковъ и хвалитъ турокъ. Я вижу, что она грековъ ненавидитъ!

А самъ взялъ записку и домой пришелъ такой веселый, до поздней ночи все мнѣ хотѣлось пѣть и играть съ сестрой и братомъ.

Прощай. О Рустемъ-эфенди и о Хафузѣ въ другой разъ.

23-го апрѣля.

Это письмо не кончится, кажется, во вѣки вѣковъ. Рустемъ-эфенди и Хафузъ насильно рвутся въ него. Сегодня Хафузъ прискакалъ къ намъ изъ Серсепильи весь блѣдный и дрожащимъ голосомъ вызвалъ моего отца въ другую комнату. Долго шептались они, потомъ отецъ велѣлъ осѣдлать свою лошадь, и они уѣхали вмѣстѣ. Мы всѣ напугались; сестра стала плакать; наконецъ пришелъ мой младшій братъ Маноли и сказалъ, что Рустемъ-эффенди хотятъ за долги посадить въ тюрьму, что корабль его съ маслинами и другимъ товаромъ потонулъ, и заплатить нечѣмъ. А долгу больше 20.000 піастровъ (это на ваши деньги немного побольше 1000 руб. сер.).

Отецъ ночевалъ у Рустема, вернулся рано утромъ и сказалъ мнѣ:

— Слушай, Йоргаки, вотъ тебѣ 15.000 піастровъ, сходи къ Самуилу, возьми у него на два мѣсяца еще 5000; вотъ тебѣ и расписка моя ему. А отъ Самуила поѣзжай прямо къ дядѣ Рустему и отдай ему деньги. Да не забудь, много-много поклоновъ ему отъ меня. А я усну немного.

Я спросилъ:

— А расписки съ него не надо?

— Что за расписка съ Рустемъ-эффенди! — сказалъ отецъ.

Вотъ какіе друзья мой отецъ и Рустемъ-эффенди! Когда еще въ 21 году было въ Критѣ возстаніе, отецъ былъ въ горахъ съ возставшими греками, а Рустемъ-эффенди тогда еще былъ молодъ и жилъ съ женой (у критскихъ турокъ всегда одна жена), съ матерью и двумя сестрами въ Реоимно и торговалъ спокойно. Съ инсургентами дрались войска, и Рустема, какъ одинокаго мужчину въ большой семьѣ, не взяли въ солдаты. Пришлось разъ въ горахъ нашимъ терпѣть тяжкую нужду и голодъ. Стали думать, чтó бы и гдѣ бы достать? Мой отецъ видитъ, что достать негдѣ, и что пропадутъ «христіанскія души» съ голоду, или что придется поклониться пашѣ и положить оружіе; помолился онъ и пошелъ ночью въ загородный домъ Рустема.

Стучится — не отворяютъ; громко стучать опасно: не услыхали бы сосѣди турки. Помолился еще разъ мой отецъ и полѣзъ на стѣнку. Подняли собаки лай.

— Кто тамъ? кто тамъ? — закричали женщины.

Рустемъ отворилъ окно и курокъ взвелъ.

— Кто тамъ?

Отецъ сказалъ: — я.

— Да кто ты? Я тебя вижу и выстрѣлю; ты скажи имя, — спрашиваетъ Рустемъ-эффенди.

Отецъ сказалъ свое имя.

— А! милости просимъ! Огня, огня! Да потише, чтобы сосѣди не слышали.

Накормили, обогрѣли отца; навьючили ему на мула хлѣба, сыру, табаку дали и отпустили, а Рустемъ-эффенди сказалъ ему на дорогу:

— Да спасетъ тебя Богъ, несчастный!

Только тетка-старуха, мать Рустема, вышла къ отцу и долго ругала его и всѣхъ грековъ; проклинала и вѣру нашу, и насъ самихъ, и всѣхъ гяуровъ, только все по-гречески и *тихо*, чтобы сосѣди не услыхали.

Вотъ съ тѣхъ поръ и дружба ихъ. У Рустемъ-эффенди одинъ только сынъ, тотъ Хафузъ, о которомъ я уже писалъ. Такой онъ славный малый и молодецъ! Конечно, какъ и всѣ здѣсь, человѣкъ простой, по-французски не знаетъ, платья европейскаго не носитъ. Но по-восточному онъ довольно образованъ: по-турецки учился, что́ здѣсь очень рѣдко, и по-арабски читаетъ хорошо. Между турками онъ слыветъ за ученаго юношу. Мы съ нимъ въ дѣтствѣ были самыми душевными друзьями; безъ Йоргаки Хафузъ не хотѣлъ играть и безъ Хафуза Йоргаки. Первое наше удовольствіе было босикомъ, засучивъ шаровары, морскихъ ежей ловить въ морѣ, около камней; разрѣжемъ ихъ и ѣдимъ.

Только разъ мы поссорились, и то я былъ виноватъ.

У меня была страсть камнями въ другихъ дѣтей бросать. Сколько разъ меня за это билъ отецъ, привязывалъ

руками къ столбу и чубукомъ билъ по пальцамъ, а все я не исправлялся. Разъ я говорю Хафузу:

— Стань подальше, Хафузъ, я въ тебя камнемъ брошу.

— Не бросишь, — говоритъ Хафузъ, — не смѣешь. Я отцу скажу.

— Я твоего отца не боюсь; у меня тоже отецъ есть. Паликаръ! Сколькихъ турокъ избилъ на войнѣ!

— Твой отецъ гяуръ, а мой — Рустемъ-эфенди.

Я какъ швырну въ него камнемъ, и прошибъ ему голову. Потекла кровь; Хафузъ побѣжалъ домой съ плачемъ, а я, чуть живой отъ страха, тоже домой бѣгу и спрятался въ кладовой, гдѣ уголь клали. Слышу, ищутъ меня, отецъ кричитъ:

— Гдѣ этотъ негодяй! Постой-ка, я его палками вздую такъ, что и руки прочь отшибу!

А мать проситъ:

— Оставь, оставь, не пугай. Вѣдь онъ ребенокъ. Лучше, дай, я его сама отведу къ Рустемъ-эффенди; пусть попроситъ прощенья.

— Нѣтъ, — говоритъ отецъ, — чтобъ онъ былъ проклятъ! Чтобы душа его не спаслась!

— Не грѣши! — говоритъ мать. — Подумай, каково мнѣ слушать!

Ушелъ, наконецъ, отецъ искать меня у сосѣдей, а я къ матери и вышелъ; она, не сказавъ ни слова, схватила меня за руку и бѣгомъ побѣжала со мной къ Рустему-эфенди другою дорогой, чтобъ отецъ не встрѣтился.

Плачу я, думаю: послѣдній мой часъ насталъ!

Пришелъ. Рустемъ-эффенди сидитъ на диванѣ, куритъ наргиле; суровый такой, печальный, жена его (красавица была) плачетъ тоже на диванѣ; а Хафузъ лежитъ, головка обвязана, къ отцу на колѣни прилегъ, отецъ его обнялъ. Какъ вошла моя мать, какъ увидалъ меня Хафузъ, такъ сейчасъ и закричалъ: «Йоргаки! Йоргаки пришелъ...» И какъ захохочетъ съ радости, и языкъ мнѣ показалъ.

Мать моя поклонилась низко Рустему и полу платья его поцѣловала. Рустемъ все сурово глядитъ. Я зарыдалъ.

а Хафузъ кинулся ко мнѣ и ну меня цѣловать: «Йоргаки! говоритъ, *море* (глупый) Йоргаки! зажила моя головка!» Мать меня толкаетъ, чтобъ я поклонился Рустему, а Рустемъ говоритъ мнѣ: «Это, что ты въ Хафуза камнемъ бросилъ, это тебѣ большой грѣхъ! Хафузъ мальчикъ добрый и тебя очень любитъ. Пусть тебѣ Богъ проститъ. А вѣру нашу ругать да про турокъ слова скверныя говорить, за это знаешь что́? Головку съ тебя снимутъ, да въ Стамбулъ пошлютъ и на стѣну повѣсятъ!..»

А Хафузъ перепугался: «Не хочу, не хочу! кричитъ, чтобы голова Йоргаки на стѣнѣ была! А съ кѣмъ же я ежей морскихъ пойду завтра ловить?» Тутъ уже всѣ старшіе засмѣялись, и Рустемъ далъ мнѣ поцѣловать свою руку.

Вотъ наша единственная въ дѣтствѣ ссора съ моимъ милымъ Хафузомъ.

Помнится, я писалъ тебѣ въ одномъ изъ моихъ первыхъ писемъ, что встрѣтилъ его перваго изъ знакомыхъ, когда вышелъ на берегъ въ Критъ. Или нѣтъ? Если и повторю, не бѣда.

Когда я сталъ спускаться пѣшкомъ съ горы отъ Суды (это бухта) къ нашей Халеппѣ и сошелъ уже на дорожку между оливами, слышу, кто-то ѣдетъ вблизи верхомъ; мѣрно стучитъ лошадь по камнямъ. Посторонился я дать ему дорогу... Вижу, молодой турокъ. Такой разодѣтый, оружіе за поясомъ. Конь картина! Увидалъ меня, остановился, глядимъ другъ на друга... «Кто бы это былъ?»—думалъ я. О Хафузѣ и въ мысляхъ нѣтъ; но чувствую, что кто-то знакомый.

Вижу знакомые большіе глаза, что-то несказанно-ласковое и доброе въ лицѣ, усы чуть пробиваются. Онъ меня первый узналъ, постоялъ передо мной, засмѣялся и говоритъ: «а вѣдь это ты, Йоргаки!..» Тутъ ужъ и я его узналъ. Если бы ты зналъ, какъ я былъ радъ!

Онъ сошелъ съ лошади и пѣшкомъ довелъ меня до нашего дома. Съ тѣхъ поръ мы часто видимся. Съ Хафузомъ я хожу на охоту, съ Розенцвейгомъ бродимъ пѣш-

комъ по скаламъ и судимъ о жизни и политикѣ; съ сестрой я пѣсни пою, съ отцомъ говорю о торговлѣ и войнѣ, съ матерью — о святыхъ мѣстахъ въ Россіи, о Кремлѣ и о Кіевѣ, а съ братьями — о разныхъ грѣшныхъ дѣлахъ молодости... Все это такъ, но я все-таки не объяснилъ тебѣ, какъ можетъ быть мнѣ дядей Рустемъ-эффенди? У меня уже рука заболѣла. Но такъ и быть!

Не удивляйся, что Рустемъ-эффенди мнѣ дядя: онъ двоюродный братъ отцу. Вотъ рядомъ съ нами живетъ одна старушка христіанка, такъ у ней старшая дочь вдова турчанка, а младшія дѣти всѣ христіане.

Наши критскіе турки всѣ эллинской крови: дѣды ихъ измѣнили вѣрѣ въ началѣ завоеванія. Они и по-турецки не знаютъ, и съ нами бы жили какъ братья, если бы слабое и коварное правительство не старалось ссорить ихъ съ нами.

Но есть еще и другія, новыя связи.

Во время возстанія 1821 года часто и наши брали турчанокъ въ плѣнъ, и турки нашихъ женъ и дочерей. Грекъ, если былъ добръ, отпускалъ мусульманку, если былъ жестокъ, убивалъ ее, но прикоснуться къ ней онъ считалъ смертнымъ грѣхомъ; мусульманинъ, если хочешь (чтобъ угодить твоему былому космополитизму), либеральнѣе, но потому лишь, что для него женщина не равна мужчинѣ и, какъ нѣчто низшее, можетъ быть въ его гаремѣ, сохраняя свою вѣру. Сосѣдка наша, напримѣръ, была сначала замужемъ за туркомъ, прижила съ нимъ старшую дочь, а когда война кончилась, она его покинула и вышла за грека. Старшая дочь захотѣла навсегда остаться въ вѣрѣ отца, и никто ее не тревожитъ. Она была тоже за туркомъ, овдовѣла, вернулась къ матери; внѣ дома она покрывается, а дома говоритъ съ мужчинами безъ покрывала, какъ гречанка, и носитъ не шальвары, а платье.

Между нашими турками есть прекрасные люди. И когда взглянешь ты на наши добрыя отношенія и увидишь, какъ, обѣдая у насъ, иные изъ нихъ пьютъ съ нами за

здоровье короля Георгія, ты удивишься и скажешь: «гдѣ жъ фанатизмъ? Гдѣ жъ источникъ жалобъ и возстаній?»

Да, мой другъ, я вернулся на родину въ минуту успокоенія страстей. Но вотъ предо мной въ глуши долинъ стоятъ разоренныя деревни и развалины церквей, еще не обновленныя со времени того кроваваго погрома, когда бездушный Меттернихъ оторвалъ насъ отъ свободныхъ братьевъ. Не всѣ турки, другъ мой, похожи на Рустемъ-эфенди; повѣрь, искра злобы гнѣздится и здѣсь... Вотъ предъ тобой престарѣлая гречанка, на лицѣ ея, еще хранящемъ слѣды красоты, видны глубокіе шрамы. Турки привязали ея мужа когда-то къ столбу, а ее обезчестили и изрѣзали ей щеки, чтобы никто уже не любовался ею! Вотъ камень въ горномъ ущельи; на немъ выбито семь крестовъ: здѣсь когда-то убиты семь монаховъ за то, что не успѣли скоро дать дорогу бею.

Ужасная память еще не вымерла въ сердцахъ!

Конечно Розенцвейгъ, вздыхая, говоритъ: «Ужасно! Но ужаснѣе ужаснаго бездушная пошлость! Завоеваніе есть зло, и турки—варвары, безспорно; но благодаря ихъ кровавому игу воздухъ критской жизни полонъ высшаго лиризма. Счастье горца-грека въ цвѣтущей семьѣ не есть жалкое счастіе голландскаго купца, а лишь благородный отдыхъ юнаго подвижника!»

Больная мысль больного человѣка! но въ иную минуту и я задумываюсь надъ ней съ страннымъ для меня самого удовольствіемъ.

Вотъ тебѣ и этнографія, мой строгій другъ! Теперь прощай надолго: послѣ такого письма, я думаю, можно и примолкнуть.

Твой Н—съ.

20-го мая.

Май здѣсь хуже вашего, становится слишкомъ жарко. Чтó тебѣ сказать новаго? Розенцвейгу лучше; онъ перестаетъ почти вовсе кашлять. Остальное все то же. Отецъ

мой съ утра уѣзжаетъ на мулѣ въ городъ и торгуетъ въ лавкѣ. Мать шьетъ понемногу приданое для сестры. Сестра ей помогаетъ. Братья тоже заняты: старшій съ отцомъ въ лавкѣ, а меньшой ходитъ въ городъ, въ училище. Всѣ они заняты...

А я начинаю скучать. Безъ дѣла быть долго нельзя. А здѣсь одно дѣло—возстаніе. Какъ бы ни былъ хорошъ и способенъ народъ, что̀ можетъ онъ сдѣлать, когда онъ прикованъ къ гніющему цареградскому трупу!

Что̀ я предприму? Служить туркамъ? Быть можетъ и этимъ путемъ можно сдѣлать многое для родины, но мнѣ пріятнѣе, чтобы мои руки были чисты. Уѣхать въ Аѳины? Аѳины и безъ того полны людей, чающихъ движенія воды. Свободная Грецiя — это малое паровое судно, переполненное парами! Торговать здѣсь? На это и безъ меня столько охотниковъ между греками. Торговый духъ — это и сила и слабость грековъ. Думалъ я стать учителемъ. Но гдѣ? Въ горы уйти, въ даль и глушь? Сознаюсь тебѣ, нѣтъ еще силъ, я слишкомъ еще жить хочу...

Здѣсь въ Халеппѣ можно бы учить дѣтей, не удаляясь отъ семьи, отъ Розенцвейга, отъ нашего консульства, гдѣ я провожу такіе веселые вечера, гдѣ часто, внимая южной бурѣ, отъ которой рвутся окна вонъ изъ рамъ, мы говорили о сѣверныхъ снѣгахъ, о Невскомъ, о Кремлѣ... Здѣсь и *она* всегда будетъ близко, хоть изрѣдка да увижу ее и зимой. Но посуди самъ, могу ли я дѣйствовать лукаво противъ нашего старика учителя Стефанаки, который языкъ знаетъ еще лучше меня, а кромѣ языка и другихъ первоначальныхъ познаній что̀ нужно для здѣшнихъ людей?.. И бѣдный Стефанаки такой добрый и честный, и почтенный, и забавный, что дѣйствовать противъ него нѣтъ силъ, да нѣтъ и пользы.

Старикъ — великій патріотъ; не проходитъ дня, чтобъ онъ не сказалъ, перекрестясь и возведя очи къ небу: «Боже мой и Пресвятая Дѣва! Доживу ли я, чтобъ увидать свободнымъ Іерусалимъ, святыню православія, и Константинополь, кладезь византійской премудрости!» И между тѣмъ

онъ кротокъ какъ агнецъ, и добръ съ дѣтьми, и жизни въ семьѣ примѣрной, и сердцемъ до того мягокъ, что не можетъ слышать слово «кровь». Отецъ мой нерѣдко разсказываетъ при немъ небылицы и хвалится, что съ живого турка кожу снялъ въ 1821 году... Тогда Стефанаки блѣднѣетъ, блѣднѣетъ и чуть не падаетъ въ обморокъ. И я буду интриговать противъ такого благороднаго старика!

Итакъ, одно есть дѣло — возстаніе! Но гдѣ средства? Гдѣ вожди? Европа спитъ въ равнодушномъ мирѣ. Россія?..

А здѣсь все такъ мирно и спокойно, и ярко, и кротко... Но скучно, скучно, другъ мой, безъ дѣла и въ самой прелестной сторонѣ!

Твой Н—съ.

27-го мая.

Когда бы, по крайней мѣрѣ, я былъ увѣренъ, что *она* меня точно любитъ! Но я не понимаю, что̀ это за женщина. Встрѣтится со мной въ чужомъ домѣ, или къ намъ придетъ, самые лучшіе взгляды ея, самыя милыя улыбки обращаются ко мнѣ. Она не только вѣжлива со мной при другихъ, она любезна и внимательна. У себя дома, съ глазу на глазъ, холодна и небрежна! Старуха (представь себѣ коршуна надъ добычей!) слѣдитъ за нами какъ бдительный шпіонъ, но иногда и она выходитъ изъ комнаты. Тогда я бросаюсь къ Ревеккѣ, умоляю или поцѣловать или прогнать меня изъ дома.

— Зачѣмъ прогнать? — говоритъ она съ улыбкой, — вы нашъ хорошій знакомый.

— Тогда поцѣлуйте разъ!

— И это лишнее.

Нестерпимо! А то начнетъ хвалить мнѣ своего мужа. Показываетъ мнѣ его письма изъ Манчестера, сбирается ѣхать къ нему въ Англію; разсказываетъ, что она въ него очень влюблена.

— Мой мужъ, мой мужъ...

Я, наконецъ, взбѣсился и сказалъ:

— Я думаю, вашъ мужъ — ничтожный купецъ, скупой и скучный, больше ничего!

Она засмѣялась и отвѣчала:

— Нѣтъ, онъ не глупъ, а скупъ и толстъ — это правда; я за него вышла по совѣту матери, потомъ немного полюбила. Конечно, видишь его каждый день; тогда онъ былъ моложе, собой лучше...

— А теперь, — говорю я, — можно бы и меня полюбить.

— Я люблю васъ, отчего жъ васъ не любить? Вы мнѣ зла никакого не сдѣлали...

Ранитъ такимъ отвѣтомъ въ самую душу; и тутъ же елей на рану...

— А! забыла, хотѣла вамъ показать одну вещь!

И показала мнѣ и перевела стихъ Гёте:

Я слишкомъ стара, чтобы только шутить...
И слишкомъ юна, чтобы жить безъ желаній...

А все-таки я достигну того, чего желаю. Она будетъ моя!

Вчера я спросилъ у нея:

— Скажите, отчего вы такъ холодны? Вы знаете, какъ я люблю васъ. И вы ко мнѣ не равнодушны: я это вижу. Зачѣмъ же медлить моимъ счастьемъ?

— У васъ кровь горячая, а сердце холодное; а у меня кровь холодная, а сердце горячее, — отвѣчала она. — Скоро придетъ любовь, скоро и уйдетъ; я хочу, чтобъ она долго, долго длилась!

Вотъ какова она! Вотъ школа терпѣнья, другъ мой! Посуди ты самъ! Прощай.

Твой Н—съ.

P. S. Сейчасъ вернулся отъ нея. Я въ восторгѣ! Я рѣшился поцѣловать ее насильно... и не разъ, а сто, тысячу разъ. Она слегка сопротивлялась. Я думалъ: кончено! скажетъ она: «Такъ-то вы уважаете меня. Идите вонъ».

Ничуть не бывало! Лицо ея горѣло; но сама она была на видъ покойна; сѣла на диванъ, взяла работу и спросила: «Вы въ Аѳинахъ никогда не бывали?»

Я даже и не отвѣтилъ ей на это и внѣ себя отъ радости ушелъ домой. Вотъ она какая!

Іюнь.

Поздравь, поздравь меня, мой другъ, она меня любитъ, она *моя!* Даже холодность ея, и та восхищаетъ меня! Когда я осыпаю ее ласками, она молча смотритъ на меня, такъ тихо, какъ будто хочетъ сказать: «Что́ съ тобой? Это такъ просто и въ порядкѣ вещей!»

Когда, на разсвѣтѣ, я пробирался отъ нея домой по садамъ и видѣлъ еще спящее очаровательное селенье наше, дальній городъ и море, и зелень, — мнѣ пришла непростительная для грека мысль... Я думалъ: «О! пусть хоть вѣкъ царствуютъ надъ нами турки, лишь бы всѣ греки были счастливы какъ я!»

Прощай и не жди писемъ долго.

Іюнь.

Все хорошо. Но глазъ коршуна все внимательнѣе и внимательнѣе слѣдитъ за нами.

Уже Ревекка жаловалась мнѣ на замѣчанія злой старухи. Она грозится написать сыну и звать его сюда. Самъ банкиръ предобрый старичокъ и не алчный; и Ревекку любитъ, и меня; но боится коршуна. Я сумѣлъ понравиться ему, онъ живалъ когда-то въ Константинополѣ и любитъ хвалиться своими связями и тѣмъ, что не разъ въ бѣлыхъ перчаткахъ ѣзжалъ на посольскіе балы.

— Съ тѣхъ поръ, — говорилъ онъ, — я и сталъ благородный. Въ Константинополѣ такой обычай: кто бываетъ у посланниковъ, тотъ благородный.

Того банкира, который доставалъ ему билеты на балы, онъ зоветъ «благодѣтель».

На этой-то струнѣ его сердца я и постараюсь чаще играть,

чтобы привлечь его на нашу сторону; Ревекка дѣлаетъ то же.

Недавно она спросила у него при мнѣ (но безъ старухи) позволенье связать мнѣ кисетъ.

— Вездѣ дѣлаютъ для знакомыхъ работы. Вы, я знаю, человѣкъ образованный, позволите; но я боюсь свекрови.

— А ты ей не показывай, — сказалъ, смѣясь, старикъ. — Наши старыя женщины ослы; политическаго обращенія не имѣютъ. Сами говорить не умѣютъ и думаютъ, что какъ сѣлъ мужчина около женщины да посмѣялся, такъ значитъ дурное что-нибудь и задумалъ. — Потомъ съ безпокойствомъ прибавилъ: — Ты смотри, Ревекка! Не показывай ей ничего, знаешь... Порода ихъ вся пресердитая! Отецъ ея даже съ турками ссоры заводилъ...

— А вы бы не спускали ей, — сказалъ я.

— Не могу, — отвѣчалъ старикъ, — сердца нѣтъ у меня! Всегда, повѣрь мнѣ, Йоргаки, я былъ боязливъ. Вотъ и шишка на лбу; это отъ страха у меня вскочила. Одинъ паша велѣлъ схватить меня и въ тюрьму посадить. Какъ схватили меня кавасы и съ лѣстницы внизъ побѣжали со мной... съ тѣхъ поръ и стала шишка расти!

При такомъ свекрѣ можно, конечно, и съ коршуномъ помириться. Прощай.

Іюль.

Проклятая старуха настояла на своемъ: Ревекку увезли въ городъ и не пускаютъ даже къ роднымъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я ея не видалъ. На прощанье она мнѣ сказала: «Лучше потерпимъ немного; кто захочетъ, найдетъ средство видѣться. Не серди старуху, не ходи къ намъ часто; разсердится—и въ Англію меня отправитъ».

Брожу я теперь какъ тѣнь. Скука, жаръ, бездѣлье, лѣнь. Розенцвейгъ тоже задумчивъ. Почти не говоритъ. Не знаю, чѣмъ все это кончится. Хоть бы ты чаще отвѣчалъ мнѣ. Право, нестерпимая тоска! Южный вѣтеръ глаза жжетъ; вчера были три такіе сильные подземные удара, что стѣна наша треснула. Когда бы землетрясеніе! Все лучше тоски.

23-го іюля.

Мнѣ было такъ скучно, такъ тяжело, съ тѣхъ поръ какъ Ревекку увезли родные въ городъ и заперли на три ключа, что не было охоты писать даже къ тебѣ. Но вчера случилось въ нашемъ тѣсномъ кругу такое важное событіе, что я не могу не сообщить его тебѣ. Розенцвейгъ посватался за мою сестру.

Вотъ какъ это было. Насъ съ нимъ пригласили франки на пикникъ въ Серсепилью, въ очаровательный садъ Шекиръ-бея. Намъ показалось неловко отказаться. Да и консулъ гналъ насъ туда и сердился, что мы неохотно отправляемся. Музыка была хороша, фонтаны журчали, птички кротко пѣли, цвѣтники роскошно пестрѣли, краше восточныхъ ковровъ. Я сначала танцовалъ, потомъ удалился въ бесѣдку съ Розенцвейгомъ.

Мы сѣли.

— Не ѣхать ли домой? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — неловко. Обидятся. А меня и безъ того ужъ они ненавидятъ...

Потомъ я сказалъ:

— Если бы въ этомъ саду да съ любимою женщиной прожить хоть мѣсяцъ.

Розенцвейгъ на это сначала ничего не отвѣчалъ, потомъ сказалъ:

— Я и въ такомъ маленькомъ саду, какъ вашъ, готовъ свѣковать съ любимою женщиной... Возьмемъ, напримѣръ, хоть вашу сестру. Насколько она въ своей простотѣ лучше этихъ европейскихъ сорокъ, съ которыми вы сейчасъ такъ глупо носились въ вихрѣ вальса!..

— Что же, — я говорю, — особеннаго въ моей сестрѣ? Добрая, простая, правда, хорошенькая дѣвочка, читать, писать кой-какъ умѣетъ, пѣсенки поетъ... вотъ и все!

Розенцвейгъ вспыхнулъ.

— Да когда жъ люди поймутъ, что не все то изящно, что принято нами?.. Отъ вашей сестры дышитъ весной... Она сама пѣсня! Читать! Писать! Стыдитесь! Когда я вижу, какъ она проходитъ мимо нашихъ оконъ съ кор-

зинкой за дикимъ салатомъ и нагибаясь напѣваетъ пѣсни, я безъ ума отъ нея... Знаете, мнѣ даже нравится, что коса ея свѣтлѣе переднихъ волосъ, потому что она носитъ ее всегда на солнцѣ поверхъ повязки... Все мнѣ въ ней нравится. Когда она склонитъ немного голову на бокъ и такъ томно скажетъ: *мáлиста* (да, конечно), — это одно *мáлиста* можетъ свести человѣка съ ума! А вы развѣ не наблюдали, какъ она смотритъ въ небо, когда подаетъ гостямъ варенье на подносѣ? Да гдѣ вамъ! На то вы братъ, чтобы ничего не видѣть! Не даромъ вы и съ нигилистомъ русскимъ въ перепискѣ...

Я отвѣчалъ ему на это шутя:

— Женитесь, если она такая прелесть...

— Вы не шутите?

Что мнѣ было дѣлать? Я дѣйствительно пошутилъ, я никогда не думалъ, чтобы онъ рѣшился на этотъ шагъ.

Я сказалъ: «Какъ хотите: хотите, пусть будетъ шутка; а не хотите, пусть будетъ не шутка»...

Розенцвейгъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну, спасибо! Такъ завтра передайте это ей и роднымъ.

Ушелъ изъ бесѣдки и вскорѣ вовсе скрылся.

Я, право, не знаю, радоваться или нѣтъ?

Завтра поговорю прежде съ Хризò: что она скажетъ? Мнѣ кажется, она должна счесть это за неслыханное счастіе.

24-го іюля.

Мнѣ не удалось сразу передать сестрѣ предложеніе Розенцвейга. Сегодня воскресенье, и она прямо отъ обѣдни ушла въ гаремъ къ Рустему-эффенди. Долго я ждалъ ее, отъ нетерпѣнія ушелъ изъ дома и вернулся только къ полудню. Хризò вернулась, и я засталъ ее передъ зеркаломъ; она подходила и отходила отъ зеркала, поправляя новыя золотыя серьги съ маленькими яхонтами. Я спросилъ:

— Что ты дѣлаешь?

— Видишь, серьги новыя смотрю; думаю, какъ бы сдѣлать, чтобы лучше свѣтились.

— Кто жъ тебѣ ихъ далъ?

— Старшая сестра Хафуза. Рустемъ-эфенди тебѣ кланяется много.

— А что жъ вы еще тамъ въ гаремѣ дѣлали?

— Сидѣли.

— Только сидѣли?

— Говорили. Зейнетъ, старшая сестра, говоритъ мнѣ: когда бы ты, Хризó, мастику съ водой мѣшала и лицо бы этимъ каждое утро вытирала, ты бы еще лучше была; посмотри, какъ у тебя лобъ будетъ блестѣть!

— Нѣтъ, этого ты, Хризó, не дѣлай,—замѣтилъ я.—Женихъ твой тебѣ хорошихъ духовъ изъ Константинополя выпишетъ. Ты ужъ ими вытирайся, а не мастикой...

Сестра вся вспыхнула и растерялась:

— Кто, — говоритъ, — мой женихъ? У меня нѣтъ жениха.

— Какъ,—говорю я,—нѣтъ? А русскій секретарь?.. Ты развѣ не знаешь, что ты ему сердце сожгла любовью?

— Ба!—сказала сестра,—онъ ужъ не молодъ.

— Какъ не молодъ? Ему всего тридцать лѣтъ.

— Я думала больше. Такой слабый, худой! Ба! что за разговоръ!

— Да нѣтъ,—я говорю,—это не шутя... Ей Богу онъ просилъ меня сосватать его тебѣ. Чего жъ ты хочешь? Человѣкъ молодой, православный, русскій; будешь консульшей, большою дамой. Всѣ жены франковъ притащатся къ тебѣ съ визитами...

Сестра слушала, слушала, все не вѣрила и качала головой, и шептала: «чудное дѣло! Зачѣмъ бы этому быть!» Я опять сталъ настаивать, но она отвѣчала со слезами:

— Душка Йоргаки, я его не люблю и не хочу!

Въ этихъ слезахъ застала ее мать, вслѣдъ за матерью пришелъ и отецъ. Я сказалъ имъ, въ чемъ дѣло.

Отецъ, конечно, былъ очень польщенъ предложеніемъ Розенцвейга; улыбаясь лукаво, ободрилъ сестру, какъ будто и сомнѣнія не могло быть въ ея согласіи. Онъ думалъ, что сестра плачетъ отъ смущенія и неожиданности.

— Нехорошо ты сдѣлалъ, Йоргаки, что ей сказалъ пре-

жде чѣмъ намъ съ матерью. Вотъ она, глупенькая, испугалась. Или можетъ быть въ Россіи мода такая? Если у такихъ знатныхъ господъ, какъ русскіе, такъ дѣлаютъ, пускай и мы по модѣ пойдемъ! Ну, Хризò! Смотри, какъ станешь ты мадамой, намъ, простымъ людямъ, балъ задай. Я самъ съ тобой такую смирніотику *) обработаю, что страхъ будетъ! Э! До какихъ поръ стыдиться будешь?

— Я не стыжусь, — отвѣчала Хризò.

— Такъ что жъ молчишь?

— Я не хочу его.

— Чтó съ тобой! — сказала мать. — Человѣкъ тихій, высокую должность имѣетъ.

— И выше еще пойдетъ, — перебилъ отецъ.

— И выше пойдетъ, — сказала мать. — Боленъ онъ; да и то поправился, кажется, теперь...

— Не хочу, — отвѣчала Хризò.

— Отчего?

— Не люблю.

Встала, опять заплакала и вышла. Мы переглянулись; пожалъ отецъ плечами; мать говоритъ:

— Вотъ будетъ намъ стыдъ большой! Какъ же ему сказать?

— Постой, постой! — сказалъ отецъ. — Подумаетъ два-три дня и поумнѣетъ.

Но съ Розенцвейгомъ ждать нельзя было и дня. Онъ требовалъ отъ меня «да» или «нѣтъ». Когда я разсказалъ ему искренно, какъ все было, онъ не удивился и какъ будто не огорчился нисколько; какъ сидѣлъ, погрузившись въ большое кресло, такъ и остался. Только вздохнулъ и сказалъ сухо:

— Я, по правдѣ сказать, этого не ожидалъ.

— Кто жъ этого могъ ожидать, — отвѣчалъ я.

— А слѣдовало ожидать, — продолжалъ Розенцвейгъ, — большая ей охота за чахоточнаго итти. Чтò она, «обмѣна

*) Смирніотика — смирнскій танецъ.

идей» что ли будетъ во мнѣ искать? Она, повѣрьте, въ кого-нибудь влюблена... И прекрасно дѣлаетъ.

Я ушелъ; онъ не пошевельнулся съ кресла. Бѣдный Розенцвейгъ! Какая досада! Неужели она то́чно въ кого-нибудь влюблена? Я до сихъ поръ не замѣчалъ.

12-го августа.

Долго у насъ было все попрежнему. Я просилъ родныхъ моихъ не говорить никому о томъ, что̀ случилось, хотя и боюсь, чтобъ отецъ мой, по живости характера и отчасти изъ тщеславія, не высказалъ кому-нибудь изъ пріятелей свою досаду на дочь. Мнѣ кажется, Рустемъ-эффенди уже знаетъ объ этомъ, потому что вчера встрѣтилъ меня и, между прочимъ, лукаво спросилъ:

— А что̀ секретарь русскій, какъ теперь, въ своемъ здоровьѣ?

Я говорю «лучше».

— Хорошій, — говоритъ, — человѣкъ; аккуратный человѣкъ; въ срокъ все платитъ, что̀ изъ магазина у меня беретъ. И смирный человѣкъ; русскіе—люди хорошіе.

Слушая эти похвалы, я подумалъ: «Никогда онъ ни о русскихъ не говорилъ, ни о Розенцвейгѣ не спрашивалъ. Не даромъ это!»

Совѣстно было спросить у отца; однако рѣшился. Отецъ оскорбился и божился, что онъ не говорилъ никому. Мать очень осторожна; братья не знаютъ ничего. Значитъ сама Хризо̀ похвалилась въ гаремѣ. Я хотѣлъ побранить ее, и пришлось какъ разъ кстати. Иду домой, она изъ дверей Рустемъ-эфенди выходитъ.

Пришли домой; я говорю ей полушутя:

— Ты турчанкамъ, кажется, всю свою душу открываешь. Боюсь, чтобы ты не потурчилась сама.

Какъ она вспыхнетъ, какъ начнетъ плакать и упрекать меня! я не зналъ, что̀ и дѣлать; насилу мать ее уговорила. Она тоже побожилась, что не говорила ничего.

Твой Н—съ.

25-го августа.

Слава Богу, все какъ будто пришло въ порядокъ. Я совѣтовалъ роднымъ не тревожить Хризò (сначала они ее упрекали), и съ тѣхъ поръ, какъ они ей ничего не говорятъ, она успокоилась, опять стала пѣть и меня опять зоветъ, склоняя головку на бокъ: «Психи́-му, Йоргаки!» (душка моя, Йоргаки). Розенцвейгъ тоже не показываетъ ничего. Сначала онъ не ходилъ къ намъ, а потомъ опять началъ ходить. Первый разъ, когда онъ пришелъ, родители мои были смущены, а отецъ такъ совѣстился, такъ часто прикладывалъ руку къ сердцу, кланялся и улыбался, что я удивился. Обыкновенно онъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ. Милый Розенцвейгъ такъ хорошо и шутливо обошелся и съ сестрой, что и она скоро привыкла къ нему опять. Какъ будто ничего не бывало.

Итакъ, новаго мало.

Впрочемъ разскажу тебѣ, что я познакомился съ однимъ купцомъ изъ Θессаліи, который пріѣхалъ сюда на короткое время по торговымъ дѣламъ. Презанимательный человѣкъ! Ему уже лѣтъ шестьдесятъ, но на видъ больше сорока пяти не дашь. Огромные черные бакенбарды; высокій, полный; немного глухой; ораторъ пламенный, но человѣкъ претонкій и предобрый. Всѣ, кто его знаютъ, хвалятъ его доброту, щедрость, веселость. Любимый предметъ его рѣчей — «la haute politique». О чемъ бы ни говорили, онъ кончитъ тѣмъ, что спроситъ:

— А будемъ сегодня говорить о политикѣ?

— Говорите, мы готовы слушать.

Тогда онъ встаетъ, расправляетъ бакенбарды и начинаетъ сановито, внятно, медленно.

— ... Великая, православная Россія устами своей дальновидной дипломатіи давно сказала: «Je me recueille». Мы тоже должны до того времени, пока ударитъ нашъ часъ, мы должны, говорю я, «nous recueillir». Западъ достаточно доказалъ свое равнодушіе къ судьбамъ христіанъ! Англія

доказала, что она не что иное, какъ первая мусульманская держава въ мірѣ! Франція ищетъ вездѣ совратить насъ въ папство и лишить насъ столь существенной черты нашей народности, какъ православіе. Россія—великая, аристократическая, завоевательная нація...

Перебьешь его, скажешь, что Россія не аристократическая и не завоевательная нація, онъ кивнетъ головой, выслушаетъ, погладитъ свои баки и опять начнетъ.

— ... Россія—нація великая, аристократическая, завоевательная; но русскіе не любятъ наукъ и искусствъ. Греки издревле къ этому способны; въ благодарность за всѣ благодѣянія Россіи... (ибо даже и то, что мы видѣли отъ другихъ, какъ, напримѣръ, Наваринская битва или уступка Іоническихъ острововъ были не слѣдствіемъ естественной къ намъ симпатіи, а только мѣрой необходимости, чтобъ ослабить нашу естественную симпатію къ русскимъ)... Итакъ, греки, столь способные къ торговлѣ и мореплаванію, въ благодарность за благодѣянія Россіи, должны не только помочь ей въ цивилизаціи Азіи, но и развить просвѣщеніе, любовь къ наукамъ и искусствамъ въ самой Россіи!

Оспорить его нѣтъ силъ! Я говорю ему: «Что съ вами! Очень нужно Россіи наше просвѣтительное содѣйствіе!..» Онъ опять кивнетъ головой:

— Россія—нація высокаго, аристократическаго образованія, но...

Однако не только Россію, какъ силу, но и самихъ русскихъ онъ очень любитъ и даже къ слабостямъ ихъ относится съ особенною любовью...

Надо, напримѣръ, его видѣть, когда онъ представляетъ въ лицахъ, какъ у русскихъ будто бы два голоса и два тона. Одинъ для низшихъ званіемъ: «Вонъ! такой сякой!» и потомъ нѣжно и разставляя руки: «Катерина Ивановна! Пожалуйте! Не угодно ли вамъ чаю?»

Представитъ, захохочетъ и воскликнетъ въ восторгѣ:

— Ужасно люблю, когда у людей есть народный характеръ!

Меня онъ очень занимаетъ; онъ такъ своеобразенъ, что я не могу его наслушаться.

До слѣдующей почты.

Твой Н—съ.

15-го сентября.

Присутствіе Дели-Петро меня оживило. И на что, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ жаловаться? Въ семьѣ все утихло; я понемногу сталъ входить въ торговыя дѣла отца: исполняю его порученія, ѣзжу въ горы, въ Реѳимно, въ Иракліонъ. Вернусь, спѣшу въ городъ, ищу увидѣться съ Ревеккой. Наша любовь все такая же ровная, таинственная и нѣжная. Она такъ умна, благоразумна и тверда; такъ удачно устраиваетъ наши свиданія: служанку въ домъ взяла гречанку, и она, конечно, за насъ. Она даетъ мнѣ добрые совѣты: это она убѣдила меня попробовать счастья въ торговлѣ. Наши встрѣчи, препятствія, съ которыми мы боремся, придаютъ нашей любви самый романическій характеръ. Нерѣдко я ночую въ сосѣднемъ домѣ у пріятеля и перепрыгиваю надъ бездной съ террасы на ея балконъ; а чувства наши тихія, нетребовательныя, какъ чувства двухъ вѣрныхъ супруговъ. Когда я горячусь, она только скажетъ по-турецки: «Явашъ, явашъ—эпси оладжакъ!» (Понемногу, понемногу все будетъ). И эти простыя слова мнѣ какъ бальзамъ на сердце!

Итакъ, другъ мой, я успокоился, и писать почти нечего.

20 сентября.

Вчера еще утромъ хотѣлъ запечатать письмо; но вечеромъ у насъ съ Дели-Петро былъ разговоръ, который не могу не передать тебѣ. Недавно онъ ѣздилъ въ горный округъ Сфакію, гдѣ, какъ увѣрялъ, у него родные. Мнѣ показалось это подозрительнымъ. Вчера я провожалъ его пѣшкомъ отъ Халеппы до города и рѣшился выпытать отъ него правду.

Я всю дорогу выпытывалъ у него: «будетъ ли что-нибудь?»

Долго онъ смѣялся и шутилъ; наконецъ мы подошли къ мосту, около котораго, въ бѣдныхъ шалашахъ, живутъ подъ самыми стѣнами города полунагіе сирійскіе арабы. Лагерь ихъ спалъ, только одинъ арабъ, завернувшись въ бурнусъ и скрестя руки, стоялъ на мостикѣ и глядѣлъ вдаль на море.

Дели-Петро остановился и указалъ на эти жалкія жилища.

— Все проходитъ, все рушится! — сказалъ онъ, — и эти люди были знамениты и просвѣщали міръ... И мы снова пройдемъ; но мы, по крайней мѣрѣ, пройдемъ уже въ третій разъ, что не случалось еще ни съ кѣмъ другимъ...

— Но у насъ, — сказалъ я, — еще не было полнаго третьяго возрожденія.

— Явашъ, явашъ! — сказалъ онъ, какъ Ревекка...

Потомъ отвелъ меня дальше нѣсколько шаговъ и шопотомъ, но внятно, началъ такъ:

— Еще въ этой бородѣ у Дели-Петро не прибавится и десяти сѣдыхъ волосъ, когда въ храмѣ св. Софіи пропоютъ снова православные попы: Христосъ Воскресе!

— А пока...

— Recueillez-vous! Recueillez-vous!

Онъ засмѣялся, сжалъ мнѣ крѣпко руку и ушелъ въ городъ. А я пошелъ домой. Странно было подумать, что эти мирныя оливковыя рощи, гдѣ бродятъ ягнята, гдѣ слышатся только звуки бубенчиковъ, обагрятся снова кровью, какъ бывало въ давнія времена!

22-го сентября.

Сейчасъ я вернулся отъ Розенцвейга. Онъ прислалъ звать меня какъ можно скорѣй. Какъ бы ты думалъ, что̀ онъ открылъ, что подозрѣваетъ? Онъ думаетъ, что Хризо̀ влюблена въ Хафуза. Вотъ что̀ онъ разсказалъ. Сегодня передъ вечеромъ онъ ѣхалъ узкимъ переулкомъ около нашего сада.

Лошадь его испугалась срубленныхъ алоэ, и онъ долго мучился, чтобы заставить ее обойти ихъ. Когда онъ, наконецъ, поравнялся съ нашею калиткой, она вдругъ отворилась. Изъ нея вышелъ поспѣшно Хафузъ, а кто-то изнутри такъ поспѣшно ее захлопнулъ, что ущемилъ рукавъ его бурки.

Хафузъ рвался и краснѣлъ; Розенцвейгъ нарочно остановился и спросилъ у него, кто изъ нашихъ дома.

Онъ сказалъ: «никого, одна маленькая работница!» Розенцвейгъ отъѣхалъ, не спуская глазъ, и въ это время на помощь Хафузу показалась изъ калитки рука... и онъ узналъ эту маленькую руку!

Это меня какъ громомъ сразило! Это ужасное несчастье!

Здѣсь нравы строги, но и страсти пламенны; здѣсь шутить нельзя... О! Это было бы страшнымъ ударомъ и для меня, и для всей нашей семьи...

Розенцвейгъ, увидавъ мое отчаянье, уговаривалъ меня не спѣшить; не говорить ни сестрѣ, ни отцу, ни матери, а лишь слѣдить за Хризо̀ и Хафузомъ, и убѣдиться прежде—правъ ли онъ въ своемъ подозрѣніи.

Онъ замѣтилъ очень вѣрно, что въ Критѣ и юноши и дѣвушки довольно стыдливы предъ чужими, и что смущеніе Хафуза и то, что Хризо̀ спряталась, можно объяснить одною стыдливостью.

О! если бъ это было такъ!

Прощай—не жди писемъ, пока я не успокоюсь.

Твой Н—съ.

P. S. Онъ угадалъ. Она любитъ Хафуза; я все открылъ!
Прощай.

10-го января 1866 года. Константинополь.

Другъ мой! Въ то время, когда я начинаю это письмо, знаешь ли, кто сидитъ у меня на диванѣ, куритъ наргиле и напѣваетъ по-гречески наши критскія пѣсни?.. Знаешь ли кто? Угадай... Мой братъ—Хафузъ, мужъ моей бѣдной сестры. Онъ пришелъ занять у меня денегъ. Когда онъ

уйдетъ и я буду свободенъ, я напишу тебѣ все, какъ было, какъ я боролся до послѣдняго часа... Но спасти ее я не могъ—она турчанка и жена его!

Января 11-го.

Теперь я одинъ, и разсказъ мой будетъ длиненъ. Сколько я перестрадалъ за это время и за себя, и за другихъ—ты увидишь и постигнешь самъ.

Послѣ разговора съ Розенцвейгомъ я рѣшился присматривать за сестрой. Случай помогъ мнѣ. Чрезъ недѣлю, не болѣе, отецъ и мать собрались ѣхать на праздникъ въ горный монастырь. Сестра показывала видъ, что тоже собирается. Но въ то самое утро, когда уже всѣ были готовы и ослы осѣдланы, она приняла печальный видъ, повязалась бѣлымъ платкомъ и легла. Мать повѣрила, что у нея болитъ голова, и рѣшилась оставить ее дома. Я вызвался пробыть съ нею эти три дня. Хоть я и замѣтилъ, что она этому не обрадовалась, но не показалъ виду.

Какъ только родители наши уѣхали, Хризо̀ моя повеселѣла; «слава Богу, говорила она, мнѣ стало легче», встала съ постели, но по временамъ еще трогала голову рукой и жалобно вздыхала. Всѣ ея хитрости были пренеловкія.

— Что̀ жъ мы будемъ дѣлать?—сказалъ я.—Сегодня праздникъ. Если тебѣ лучше—давай веселиться. Не послать ли за Хафузомъ?

Хризо̀ нѣсколько смутилась, однако отвѣчала:

— Какъ хочешь. Только вели ему флейту принести. Онъ такъ хорошо играетъ: сестра его старшая, Зейнетъ, иногда слушаетъ-слушаетъ его и скажетъ: ахъ! пропади ты, Хафузъ! какъ ты играешь сладко!

«Ну!—думаю себѣ,—и ты однако хитрая; но я еще хитрѣе тебя. И я грекъ не даромъ!»

Послали дѣвочку-работницу за Хафузомъ. Онъ пришелъ тотчасъ, разодѣтый, такъ и горитъ и радостью, и молодостью, и красотой. Посмотрѣлъ я на него и подумалъ: «худо дѣло!»

Хризо̀ подала ему сама варенье и кофе на лучшемъ на-

шемъ подносѣ; держала подносъ предъ нимъ и смотрѣла «въ небо», какъ будто ничего между ними нѣтъ. Когда онъ взялъ кофе, Хризò поклонилась и сказала: «на здоровье». А онъ приложилъ руку къ сердцу и къ фескѣ и не прервалъ со мной бесѣды.

Итакъ, все какъ слѣдуетъ: ни смущенья, ни неумѣстной радости. Я пригласилъ Хафуза завтракать съ нами и велѣлъ вынести столъ въ садъ. Сестра хотѣла служить намъ сама, но я ее уговорилъ сѣсть лучше съ нами. Она сѣла; но все время безпокóилась, вставала, опять садилась, учила дѣвочку, угощала Хафуза такъ мило и такъ искренно, что я поуспокоился.

Послѣ обѣда Хафузъ пѣлъ и игралъ на флейтѣ. Сестра смѣялась и напомнила ему слова Зейнетъ. Онъ тоже смѣялся. Потомъ пришла молодая арабка Сайда, вольноотпущенная раба, у которой еще видны на шеѣ знаки ранъ отъ побоевъ; веселая, почти безумная въ веселости, она свистала, кричала и трещала языкомъ, какъ лягушки вечеромъ въ водѣ кричатъ.

При ней стало еще веселѣе: Хафузъ игралъ, Сайда плясала, шевелила спиной, стоя долго на мѣстѣ, щелкала пальцами... Мы съ сестрой смѣялись.

Потомъ всѣ четверо мы стали хоромъ пѣть нашу греческую марсельезу:

О! мой длинный, острый мечъ....
И ты горное ружье мое, огневая птица,
Вы убиваете турка,
Уничтожаете тирана...

Хафузъ не первый изъ критскихъ турокъ, который поетъ, смѣясь, эту пѣсню... Что они чувствуютъ при этомъ, не знаю. Быть можетъ музыка имъ нравится...

Сайда опять разсмѣшила насъ; прервала пѣніе и сказала:

— Хафузъ-ага, когда турокъ будемъ бить, я тебя не трону, а своего мужа убью.

— А что́, — спросилъ Хафузъ, — ревнивъ вѣрно, бьетъ тебя?

— Ба! бить ему меня! Онъ меньше меня ростомъ...

— Такъ за что же?

— Вотъ за то, что короткій такой; я хочу мужа паликара, какъ ты, такого...

И защелкала опять языкомъ, встала и простилась:

— Пойду,—говоритъ,—домой; будетъ мой короткій сердиться, что запоздала...

— А, боишься? — сказалъ Хафузъ. — Такъ я нарочно съ тобой вмѣстѣ пойду. Можетъ быть мужъ насъ увидитъ и прибьетъ тебя.

— Если такъ, такъ à la Franka пойдемъ вмѣстѣ, Хафузъ-ага!—схватила его подъ руку и пошла съ нимъ черезъ садъ до калитки.

— Adieu, mademoiselle! — сказала она намъ у калитки и подала мнѣ руку. Потомъ обратилась къ Хафузу: — подай Хризо́ à la Franka руку.

Хафузъ, немного краснѣя, протянулъ руку. Хризо́, опять нимало не смутясь, пожала ему руку.

Тогда мнѣ пришла мысль... Я сказалъ сестрѣ, такъ что Хафузъ слышалъ:

— Я въ русское консульство уйду на цѣлый вечеръ; а ты бы пошла на вечеръ къ сосѣдкѣ...

Хризо́ отвѣчала, что посидитъ дома.

Когда калитка заперлась за нашими гостями, она позвала служанку нашу и сказала ей:

— А ты, моя дѣвочка, не скучай дома; поди съ дѣтьми на дорогу погуляй...

Я увидалъ, что моя хитрость удалась. Какъ только стемнѣло немного, я съ величайшею осторожностью пробрался чрезъ заднія тропинки и засѣлъ въ глубокую рытвину, которая входитъ со стороны въ нашъ садъ. На краю ея, у стѣнки нашей, выросла большая смоковница; я сидѣлъ подъ ней и думалъ:

— Другой дороги Хафузу къ намъ нѣтъ! Я его увижу, а онъ не увидитъ меня.

Не просидѣлъ я и пяти минутъ, какъ Хафузъ пришелъ и сталъ у нашей стѣнки.

Постоялъ, осмотрѣлся и началъ тихонько насвистывать пѣсню.

Хризò тотчасъ же вышла, и, облокотясь оба на ограду, они стали разговаривать.

— Видѣла ходжу? — спросилъ Хафузъ.

— Видѣла.

— Чтò онъ говорилъ тебѣ?

— Много говорилъ. Хорошія слова все сказалъ. Говорилъ: «видишь, мы добрѣе христіанъ: христіане нашего пророка не почитаютъ, а мы Іисуса почитаемъ. И Онъ былъ великій пророкъ».

— Хорошо, — сказалъ Хафузъ. — А еще чтò онъ сказалъ?

— Сказалъ, міръ на четырехъ столбахъ; одинъ столбъ золотой — вашъ исламъ, второй серебряный столбъ — наша христіанская вѣра, третій мѣдный столбъ — вѣра еврейская, а свинцовый столбъ — франкская вѣра. У франковъ и книгъ нѣтъ священныхъ, такъ онъ сказалъ...

— И это хорошо сказалъ, — замѣтилъ Хафузъ. — Другое дѣло, вы, христіане, другое дѣло франки.

Послѣ этого оба постояли молча.

— Не боишься? — спросилъ потомъ Хафузъ.

— Боюсь, — сказала сестра.

— Не надо бояться. Отецъ мой согласится. Знаешь, какъ онъ жалѣетъ меня, чтò ни захочу — все сдѣлаетъ. Посмотри, какой я тебѣ гаремлыкъ отдѣлаю! Чтò за шелковые диваны будутъ! Въ Константинополѣ куплю. Фередже и яшмакъ будешь на дворѣ носить; а дома — чтò хочешь: хочешь атласныя шальвары; хочешь франкское платье...

— Чтò ты прикажешь — то я буду носить, — отвѣчала сестра. — Я буду тебя всегда слушаться. Когда ты будешь сердитый и закричишь на меня, я скажу: «Не гнѣвись, господинъ мой», и поцѣлую твою руку и ко лбу прижму ее, какъ турчанки дѣлаютъ... Вотъ такъ...

Потомъ она вздохнула, помолчала и спросила:

— Ты верхомъ когда же ѣздилъ, что твои руки кожей пахнутъ?..

Дальше я не могъ вытерпѣть и вышелъ изъ засады.

Хафузъ вынулъ ножъ.

— Стой, Хафузъ, ножа не надо! — сказалъ я и взялъ его руку. — Ступай домой и образумься! Ступай скорѣй, пока не увидали люди.

Хафузъ ушелъ; сестра упала на землю и закрылась руками. Я поднялъ ее и увелъ въ домъ. Она бросилась мнѣ въ ноги и просила не говорить ни слова отцу и матери, клялась, что оставитъ Хафуза, обѣщала, если я хочу, пойти въ монастырь; предлагала запереть ее на ключъ до пріѣзда отца... Она до того рыдала и клялась и просила меня, что я обѣщалъ ей молчать до тѣхъ поръ, пока другой разъ не замѣчу, запретилъ ей ходить въ гаремъ Рустема-эффенди, и такъ какъ послѣ этого намъ вмѣстѣ оставаться было тяжко, то я ушелъ къ Розенцвейгу и разсказалъ ему все.

Онъ сказалъ:

— Она права. Я бы на ея мѣстѣ сдѣлалъ то же. Хафузъ — прелесть!

— Такъ, по вашему мнѣнію, надо имъ дать свободу?

— О! нѣтъ. Вы не имѣете права на это, — отвѣчалъ онъ. — Вы обязаны ревниво охранять ваше собственное положеніе въ краѣ. Терпимость уронитъ васъ. Къ тому же твердыя вѣрованія вашихъ родныхъ не фанатизмъ, а только сила: безвѣріе — болѣзнь и слабость, а не сила...

— Правда, — сказалъ я, — но какъ тяжко мнѣ!

— На то жизнь и зовется жизнью, чтобы кипѣла борьба, — отвѣчалъ Розенцвейгъ. — Вотъ я не борюсь — и не живу.

Пока мы придумывали, какія взять мѣры, прибѣжала наша служанка и сказала въ ужасѣ, что Хризò похитили изъ дома, и никто не знаетъ, гдѣ она; никто не видѣлъ ее ни на дорогѣ, ни на улицѣ.

Посуди самъ, чтó я чувствовалъ! Отлагаю разсказъ до завтра.

12-го января 1866 г. Константинополь.

Когда сразила меня эта вѣсть, я ничего лучшаго не нашелъ, какъ пойти прямо къ Рустему-эффенди. Онъ не скрылъ, что уже знаетъ о побѣгѣ сестры съ его сыномъ, и сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

— Дитя мое! Я твоему отцу старый другъ и не стану подучать дочь его огорчать родителей. Ты мой нравъ знаешь. Что Хафузъ твою сестру любитъ, и она его, я самъ узналъ недавно. Въ домѣ моемъ ихъ нѣтъ, повѣрь мнѣ. Я бы ее тотчасъ же къ отцу воротилъ. Арабы, сынъ мой, люди тоже умные, и они говорятъ: «Дитя, которое любитъ и веселитъ своего отца, прекраснѣе вѣтра пустыни, напоеннаго благоуханіями!» Посмотримъ, не увезъ ли онъ ее въ Серсепилью, а въ городѣ ворота уже заперты.

Онъ велѣлъ сейчасъ же осѣдлать себѣ мула, и мы вмѣстѣ поѣхали въ Серсепилью. Войдя въ свой домъ, Рустемъ-эффенди грозно спросилъ сторожа; но сторожъ клялся, что Хафузъ не пріѣзжалъ и никто не былъ. Съ фонаремъ мы осмотрѣли всѣ углы дома и пустой гаремчикъ. Не было никого. Я сказалъ:

— Останемся здѣсь ночевать и утромъ поѣдемъ въ городъ и къ пашѣ.

— Оставайся, — сказалъ Рустемъ-эффенди, — а я уѣду. Къ пашѣ, самъ ты знаешь, мнѣ не слѣдуетъ итти жаловаться, что гречанка хочетъ исламъ принять. И сына я тиранить не стану; вамъ другое дѣло; не онъ вѣру мѣняетъ, а дѣвушка!

Велѣлъ постлать мнѣ постель и уѣхалъ.

Спать я не могъ и не больше какъ чрезъ часъ, среди ночи, воротился въ Халеппу.

Мнѣ все казалось, что она въ самой Халеппѣ спрятана. Дома я достучаться не могъ, потому что домъ былъ пустъ, и дѣвочка отъ страха ушла на ночь къ сосѣдкѣ. Я перелѣзъ чрезъ ограду съ большими усиліями и лошадь заставилъ перепрыгнуть черезъ нее и до разсвѣта просидѣлъ на террасѣ. Едва только зажглась заря, я пошелъ будить

сосѣдей и разспрашивать. Никто не зналъ, никто не видалъ, но всѣ были въ волненіи; нѣкоторыя изъ женщинъ плакали; мужчины брались повыломать двери всѣхъ гаремовъ въ Халеппѣ и осмотрѣть. Но я успокоилъ ихъ и совѣтовалъ не подвергать себя безполезно мщенію турокъ. И сколько же было гаремовъ? всего пять: Рустема-эффенди, одного чиновника, одного стараго ходжи и еще двухъ-трехъ беевъ. Я больше всѣхъ подозрѣвалъ ходжу; но нельзя же было ломать его дверь, не зная правды! За что же пострадаютъ мои товарищи безъ нужды? И всѣ наши поиски въ Халеппѣ были бы напрасны. Какъ я узналъ уже послѣ — Хризо̀ съ Хафузомъ были въ ту ночь въ Серсепильѣ, но у другого бея, въ загородномъ домѣ; а на разсвѣтѣ, пока сердце мое раздиралось отъ неизвѣстности и горя, пока я бродилъ озябшій по террасѣ въ Халеппѣ, — они вмѣстѣ пробрались въ городъ, въ гаремъ другого турка.

Я собрался въ городъ; какъ вдругъ мнѣ пришли сказать, что дядя Яни узналъ о побѣгѣ сестры и что онъ задумалъ, должно быть, что-то худое; спряталъ пистолетъ въ складки пояса и пошелъ пѣшкомъ въ Канею. Я послалъ къ Розенцвейгу просить, чтобы кавасъ погнался за дядей и позвалъ его въ консульство, а самъ тотчасъ кинулся за дядей вслѣдъ.

Догналъ его на полдорогѣ и остановилъ его.

— Куда?

— Сестру твою, псицу распутную, убить...

— У нея есть отецъ и братья... бейте вашихъ дочерей.

— Мои дочери не распутныя... Пусти. Не ее, такъ его убью...

Прибѣжалъ кавасъ; дядя спросилъ:

— Что̀ нужно отъ меня русскому консулу? Я не русскій, я райя; я консула не знаю.

— Проситъ васъ, — отвѣчалъ кавасъ.

Дядя послушался, и Розенцвейгъ усовѣстилъ его.

Я поѣхалъ въ городъ. Въ городѣ турки смѣлѣе, а греки

боязливѣе; турокъ тамъ гораздо больше. Одинъ изъ нихъ прямо мнѣ сказалъ:

— Твоя сестра у Лигу́нисъ-бея въ домѣ.

Я пошелъ туда, но бея не было дома, и я отправился въ *конакъ* паши. Паша, сказали, съ утра уѣхалъ въ Суду.

— А меджлисъ?

— Сегодня пятница, нѣтъ меджлиса!

Въ отчаяніи я поскакалъ опять въ Халеппу, чтобы посовѣтоваться съ Розенцвейгомъ или съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ сосѣдей.

Едва только я изъ города, — вижу, ѣдетъ мнѣ навстрѣчу самъ паша въ золоченой каретѣ, кругомъ бѣгутъ человѣкъ десять арнаутовъ. Какъ только поравнялся онъ со мной, сейчасъ махнулъ рукой, велѣлъ остановиться и поманилъ меня.

Я, чтобы польстить ему, спрыгнулъ съ лошади и подбѣжалъ къ дверцѣ.

Паша разсыпался въ любезностяхъ, подалъ мнѣ руку изъ окошка и сказалъ по-французски:

— Я уже знаю, mon cher m-r Yorgaki, о дѣлѣ вашей сестры. Я даже видѣлъ ее. Вы можете быть увѣрены, что я не допущу никакой несправедливости. Я терпѣть не могу этихъ обращеній, отъ нихъ намъ только хлопоты, больше ничего. Но вы знаете — духовенство вездѣ одно. Une fois que les femmes et les prêtres s'en mêlent, il n'y a pas de force qui y tienne.

Я просилъ его пощадить старые годы отца и матери нашихъ и не оставлять сестры въ рукахъ мусульманскаго духовенства.

Онъ обѣщалъ еще разъ и прибавилъ смѣясь на прощанье:

— Il faut avouer cependant que ce diable de Hafouz n'a pas mauvais gout! Elle est charmante votre soeur!..

Любезность эта, это радушіе ободрили меня, и я веселый вернулся домой. Сосѣди, которымъ я говорилъ, не много однако надежды возлагали на пашу и твердили:

— Не вѣрь, Йоргаки, нынче турки хитрѣе насъ стали!

Къ вечеру пріѣхали и наши изъ монастыря. Что тутъ было — самъ поймешь, я писать не стану. Мать вынесла горе тверже отца, она не отчаявалась въ томъ, что еще можно будетъ освободить сестру. Отецъ же былъ въ ужасномъ отчаяніи: онъ плакалъ, билъ себя въ грудь. Хотѣлъ бѣжать прямо въ русское, а оттуда въ греческое консульство и просить помощи. Но священникъ нашъ остановилъ его и сказалъ:

— Развѣ не знаешь пашу? Проси его самъ, быть можетъ, сдѣлаетъ, а пойдешь къ консуламъ, — лишь ожесточится; не ходи, райя, къ чужой власти. Завтра подите съ Йоргаки въ меджлисъ. Христосъ и Матерь Божія, быть-можетъ, благословятъ васъ на счастливое окончаніе!

На другой день мы рано съ отцомъ пришли въ конакъ. Сѣни уже были полны народа: просители, обвинители, свидѣтели, женщины, и наши, и турчанки, и еврейки, и арабы, носильщики масляныхъ курдюковъ, оборванные, полунагіе, всѣ въ маслѣ, вооруженные арнауты — сидѣли, стояли и лежали въ ожиданіи меджлиса и паши. Насъ впустили въ комнату секретаря. Долго мы ждали, наконецъ позвали и насъ.

Паша сидѣлъ въ креслѣ съ чубукомъ. Это былъ уже не вчерашній любезный человѣкъ! Гордо отвѣтилъ онъ намъ на поклоны и не сразу предложилъ сѣсть... Но отца, который было бросился поцѣловать его полу, онъ остановилъ благосклоннымъ движеніемъ руки.

Въ комнатѣ сидѣли, кромѣ паши, еще нѣсколько беевъ, двое нашихъ представителей, епископъ, мулла и муфти. Только у этихъ трехъ духовныхъ сановниковъ были чубуки, остальные курили папиросы.

Молчали; я принуждалъ себя сидѣть и глядѣть почтительно.

Наконецъ паша спросилъ моего отца:

— Ну, что вы подѣлываете?

— Кланяюсь вашему превосходительству, нашему пашѣ-господину.

— Et vous, m-r Yorgaki, vous allez bien aussi, j'espère?

— Parfaitement bien, excellence...

— Послать за вашей дочерью?—спросилъ паша.

Отецъ всталъ и поклонился.

Паша ударилъ въ ладоши и велѣлъ своему драгоману привести сестру.

Хризо́ пришла съ родною теткой Хафуза, матерью Лигу́нисъ-бея, у котораго жила въ гаремѣ. На ней было новое розовое атласное фередже и покрывало на лицѣ.

Вслѣдъ за ними притащился согбенный старикъ Феимъ-эффенди, дряхлый дервишъ изъ секты ревущихъ, которые къ христіанамъ, по ученію своему, благосклоннѣе другихъ магометанъ. Я его встрѣчалъ въ Халеппѣ и догадался, что это именно онъ, а не кто другой проповѣдовалъ сестрѣ о столбахъ золотыхъ и свинцовыхъ. Онъ старикъ смирный и полусонный, но и въ его глазахъ есть искра плутовства.

Паша предложилъ женѣ бея и сестрѣ сѣсть. Дервишъ мой тоже пріютился около нихъ.

— Тебя какъ зовутъ?—спросилъ паша сестру мою.

— Фатьме,—отвѣчала она.

— Нѣтъ, скажи твое христіанское имя...

— Хризо́.

— Хорошо, Хризо́. Ты дочь Киръ-Николаки изъ Халеппы?

— У меня теперь нѣтъ ни отца, ни матери. Ваше превосходительство мой отецъ, и я прошу васъ много и много защитить меня и позволить мнѣ остаться въ той вѣрѣ, которую я приняла...

Отецъ мой всталъ и далъ волю своему гнѣву. Онъ укорялъ сестру, просилъ, клялъ ее, онъ спрашивалъ ее, наконецъ, чѣмъ недовольна она у него въ домѣ, кто ее обидѣлъ и кто ея не любилъ и не жалѣлъ?

Сестра была тронута, она расправила свой вуаль и, оборотясь къ отцу, блѣдная, дрожащимъ голосомъ сказала: «Простите мнѣ, батюшка, я ни въ чемъ васъ не виню. Я добротой вашей много довольна, и матерью и братьями

довольна, и худа ни отъ кого не видала. Только я желаю потурчиться».

Отецъ въ отчаяніи разорвалъ на себѣ жилетъ. Турки молча курили.

Епископъ нашъ наконецъ рѣшился замѣтить вполголоса, что «законъ требуетъ, чтобы желающій перемѣнить вѣру былъ отданъ своему духовному начальству на три дня для увѣщаній».

— Закона этого нѣтъ,—отвѣчалъ сухо паша,—но во вниманіе къ почтенному характеру семьи господина Николаки я исполню этотъ обычай...

— Если сама дѣвушка будетъ согласна, — замѣтилъ мулла.

Паша отвѣтилъ ему что-то по-турецки и обратился къ сестрѣ:

— Хочешь къ епископу на три дня?

— Нѣтъ, я къ епископу не желаю,—я желаю оттоманскую вѣру принять...

Тогда рѣшился и я вмѣшаться; я видѣлъ, что отецъ убитъ и растерянъ отъ стыда и горя.

— Развѣ ты, Хризо́, боишься, что мы тебя мучить будемъ? ни преосвященный, ни мы, кромѣ добраго слова, ничего тебѣ не скажемъ. Мы тебя и въ Халеппу не будемъ просить, ты три дня пробудешь въ митрополіи: пріѣдетъ мать, и я буду тамъ. Если ты отъ тѣхъ, кто тебя кормилъ и воспитывалъ, кромѣ добра ничего не видала, надо же и пожалѣть ихъ. Если ты въ своей новой вѣрѣ тверда, такъ нечего тебѣ и бояться. Я думаю и самъ мулла-эффенди плохой мусульманки не твердой не желаетъ... Подумай же, пожалѣй всѣхъ насъ, а черезъ три дня пусть будетъ по твоей волѣ...

Сестра плакала, качая головой.

— Надо пойти,—повторилъ я.

— Такъ я пойду,—сказала наконецъ сестра вставая.

— Мы не принуждаемъ ея,—замѣтилъ сурово мулла.— не надо и вамъ принуждать ее.

Муфти, человѣкъ свѣтскій, въ зеленой чалмѣ и въ очкахъ, только что изъ Стамбула, сказалъ смѣясь:

— Лишь бы на сердцѣ было у нея хорошо,—а сколько нужно на землѣ правовѣрныхъ и гяуровъ, это знаетъ Богъ!

Паша поморщился (я думаю, отъ неосторожнаго слова «гяуръ») и сказалъ сестрѣ:

— Идите же, Хризó, на три дня; черезъ три дня вы намъ дадите здѣсь отвѣтъ. Деспотъ-эфенди, извольте взять ее...

Мулла съ негодованіемъ отвернулся, и лицо его выразило столько звѣрства, что я не вынесъ его взгляда и опустилъ глаза.

Такъ мы взяли Хризó на три дня къ епископу.

Въ митрополіи Хризó сначала совсѣмъ растерялась, лгала, клеветала на себя, опять оправдывалась, просила прощенія; то падала на колѣни передо мной и говорила мнѣ: «Йоргаки! пожалѣй меня!» То говорила наединѣ матери: «мать моя, свѣтъ мой! Радость ты моя! Очи ты мои! Пропала я, душа ты моя, матушка! Я дѣвушка безчестная! оставь меня! Я любовница его. Я давно потеряла честь мою!» То опять бросалась къ ней и, сложивъ руки, умоляла ее не вѣрить прежнимъ словамъ: «Это я тебѣ солгала вчера! Не вѣрь, я не безчестная. Онъ зла никакого не сдѣлалъ».

Епископа сестра слушала со вниманіемъ и почтеніемъ, вздыхала, когда онъ говорилъ ей о тяжкомъ грѣхѣ и о вѣчной мукѣ, призывала привычныя съ дѣтства святыя имена...

Я между тѣмъ зашелъ къ Ревеккѣ, и она опять дала мнѣ добрый совѣтъ. Когда я разсказывалъ ей подробно обо всемъ, чтó случилось, она очень сострадала, но не мнѣ и роднымъ нашимъ, а двумъ бѣднымъ любовникамъ.

— Лучше бы ты оставилъ ихъ; отъ тебя дѣло много зависитъ. И чѣмъ вѣра турокъ не хороша? И у патріарховъ было много женъ, и Богу одному, невидимому, они молятся. И развѣ не жалко тебѣ сестры? Пускай тайкомъ

убѣгутъ вмѣстѣ въ Константинополь; если хочешь, и я помогу имъ; а ты только не препятствуй.

Я сказалъ ей, что это невозможно.

Однако ей хотѣлось облегчить мое горе, и она, подумавъ, сказала:

— Если жъ ты ихъ хочешь развести непремѣнно, сдѣлай вотъ какую хитрость: обѣщай ей, что ты Хафуза обратишь въ христіанство, только съ тѣмъ, чтобъ она вернулась домой и не мучила отца и мать. Она успокоится; потомъ ушлите ее поскорѣй гостить въ Аѳины или въ Константинополь, если у васъ есть тамъ родные. Тамъ она его забудетъ легче!

Я расцѣловалъ ея руки и сдѣлалъ все такъ, какъ она говорила.

— Слушай, Хризó, — сказалъ я. — Хафузъ мнѣ другъ, ты знаешь. Потерпи мѣсяцъ, вернись домой; вотъ тебѣ слово, мы его окрестимъ. Развѣ прошлаго года не окрестился у насъ въ Халеппѣ ночью турокъ? А потомъ, чтобъ ему худа здѣсь не было, мы вамъ денегъ дадимъ и ушлемъ отсюда!

Хризó, услыхавъ это, согласилась и на другой день въ меджлисѣ отреклась отъ исламизма. Мнѣ показалось, что паша былъ недоволенъ; онъ очень сухо и гордо простился съ нами и не далъ мнѣ руки.

Съ торжествомъ увели мы Хризó въ Халеппу. Епископъ назначилъ ей по сту земныхъ поклоновъ въ день и далъ ей книжку съ молитвами; она прилежно читала, никуда не выходила, даже и въ садъ, и стыдилась показываться чужимъ.

Чтó за праздникъ былъ въ семьѣ — изобразить трудно. Лица веселыя, сосѣди радуются; отецъ, которому я разсказалъ о моей хитрости, хвалилъ меня всѣмъ и говорилъ: «Безъ Йоргаки мы было всѣ пропали!» Дядя Яни всегда молчитъ, но и тотъ разверзъ свои уста:

— Политическій человѣкъ, просвѣщенный! — сказалъ онъ про меня и выпилъ за мое здоровье раки.

На другой же день послѣ того какъ сестра объявила

въ меджлисѣ свое рѣшеніе остаться христіанкой, насъ съ отцомъ оскорбили на улицѣ. Сначала два солдата стали нарочно на узкомъ поворотѣ и толкнули насъ. Мы смолчали. Потомъ трое сирійскихъ дервишей встрѣтились намъ на базарѣ и остановились передъ нами. Смуглыя лица ихъ были свирѣпы; на всклоченныхъ, курчавыхъ головахъ не было ни фески, ни чалмы; полунагія тѣла ихъ были покрыты шкурами, и одинъ изъ нихъ несъ на плечѣ тяжелую сѣкиру; съ ними шелъ знакомый мнѣ Фазиль-бей, поэтъ изъ Дамаска.

Я любилъ его за его вѣжливость, за величавые пріемы и за благородство, которымъ дышала вся его особа. Онъ часто бесѣдовалъ со мной и хотѣлъ учить меня по-персидски.

— Если вы хотите узнать великую сладость, то изучите языкъ персидскій; это языкъ истинныхъ поэтовъ; а турецкій языкъ — языкъ военный, — говорилъ онъ мнѣ не разъ.

Я поклонился ему, но Фазиль-бей глядѣлъ на меня насмѣшливо, драпируясь въ свою длинную мантію. Дервиши загородили намъ дорогу. Отецъ попросилъ ихъ дать намъ пройти; они не слушали его; сотни глазъ глядѣли на нашу встрѣчу. Я схватилъ одного дервиша за грудь. Тогда двое другихъ осыпали меня ругательствами. Они кричали въ изступленіи: «Московская собака! Развѣ мы, гяуръ, боимся тебя?» Грозились кулаками и сѣкирой. Отецъ кротко уговаривалъ ихъ, а поэтъ отстранилъ ихъ величаво, какъ бы довольный уже и тѣмъ, что мы оскорблены и унижены.

Оружія при насъ не было, и мы должны были отступить.

Основываясь на томъ, что я русскій подданный, я хотѣлъ жаловаться пашѣ чрезъ консула, но отецъ мой, боясь мщенія, упросилъ меня оставить дѣло такъ, благо главная наша цѣль достигнута.

Недѣли три у насъ въ домѣ все шло хорошо; сестра кончила свою эпитимью, сама стала заниматься домашними работами; говорила съ нами, пропѣла ужъ разъ и пѣсню

по-старому. Но разъ (мы сидѣли съ ней на террасѣ, она шила, я читалъ) подошелъ къ ней сѣрый котенокъ, котораго подарилъ ей Хафузъ и котораго мы вовсе забыли— и сталъ ласкаться.

Хризò схватила котенка и вскрикнула:

— Кошечка, моя кошечка хорошая! Душу мою вырвать изъ меня ты пришла!

И рыдая упала ницъ.

Послѣ этого мы рѣшились отправить ее въ Константинополь; она не противилась, и я, надѣясь лучше другихъ развлечь и утѣшить ее, взялся самъ везти ее. Ей сшили два новыя шелковыя платья; зная слабость нашихъ къ моднымъ вещамъ, я обѣщалъ ей купить въ Константинополѣ такую шляпку, какія сами посланницы носятъ. Она во всемъ слушалась меня, казалось, съ удовольствіемъ. Взяли мы съ собой еще одну старушку, у которой въ Константинополѣ былъ сынъ, и уѣхали на разсвѣтѣ. Погода стояла теплая, море было гладко, и къ вечеру мы уже были въ Сирѣ. Я повелъ ее гулять, показывалъ церкви; водилъ въ Верхнюю Сиру, угощалъ мороженымъ. Въ церкви она помолилась усердно и поставила свѣчку, одной бѣдной женщинѣ подала милостыню; шоколаду попросила другую порцію, смѣялась иногда.

«Слава Богу!» думалъ я и благословилъ мою умную, хитрую Ревекку.

Изъ Сиры мы выѣхали утромъ на пароходѣ Ллойда. Капитанъ былъ очень ловкій и любезный человѣкъ, онъ окружалъ сестру вниманіемъ съ первой минуты нашего появленія на пароходѣ. Я посовѣтовалъ сестрѣ не стыдиться и быть свободною и разговорчивою какъ дома, и она послушалась меня, отвѣчала просто и мило капитану и сама его забавно разспрашивала:

— Есть у васъ жена?—говорила она.—Гдѣ она?

— Въ Тріестѣ,—отвѣчалъ капитанъ.

— Ба! —воскликнула Хризó, —и вы все такъ, безъ нея? И она безъ васъ! Это очень непріятно!

Около полудня изъ каютъ перваго класса вышелъ нѣ-

кто Хамидъ-паша; онъ ѣхалъ откуда-то чрезъ Сиру въ Константинополь, недѣли двѣ тому назадъ заболѣлъ, остался въ Сирѣ и теперь только тронулся снова въ путь.

На нашего критскаго пашу онъ не былъ похожъ: толстый, сѣдой, простой и молчаливый... все курилъ чубукъ и безпрестанно подзывалъ къ себѣ армянина, юношу-красавца, который съ поклонами и, казалось мнѣ, съ притворною робостью прислуживалъ ему. Паша его звалъ не иначе, какъ «дитя мое!»

Накурился паша, наѣлся и повеселѣлъ. Любовался на море и со мной заговорилъ.

— Это ваша фамилія (т.-е. жена)? — спросилъ онъ, указывая пальцемъ на сестру.

Я отвѣчалъ, что это сестра моя, подозвалъ Хризó и пригласилъ ее сѣсть съ нами.

Паша обратился къ ней чрезъ драгомана съ гордою благосклонностью.

— Въ первый разъ въ Стамбулъ ѣдете?

— Въ первый разъ.

— Аллахъ! Увидите тамъ много хорошаго! Всѣ эти моды для коконъ! И нашъ старый Стамбулъ посмотрите. Мечеть султанъ-Ахмета съ шестью минаретами и Ай-Софія, которой равной въ свѣтѣ нѣтъ...

«Добрякъ этотъ паша!»—думалъ я, слушая его. Но къ вечеру узналъ отъ одного изъ нашихъ спутниковъ, что онъ долго былъ губернаторомъ въ Азіи и отставленъ за грабежъ и тайныя пытки, которымъ подвергалъ христіанъ. Онъ зимой приказывалъ обливать ихъ холодною водой и держалъ ихъ по цѣлымъ недѣлямъ въ узкихъ и длинныхъ шкапахъ, гдѣ нельзя было ни лечь, ни сѣсть, ни спать. Одинъ изъ служителей его, чтобы вывѣдать истину, исколол одному пастуху всѣ ноги раскаленными щипчиками, которыми берутъ уголья для чубуковъ и сигаръ.

Послѣ этого разсказа добродушіе Хамида стало для меня ненавистнѣе лукавой вѣжливости нашего паши. Каковы же должны быть растлѣніе и ложь этой политиче-

ской развалины, которую зовутъ Турціей, если даже такой добрый (навѣрное, добрый) по природѣ старикъ, и тотъ является извергомъ и грабителемъ народа! Съ этими мыслями легъ я спать. Я думалъ о сирійскихъ дервишахъ, которые изругали меня, о заптіе, которые меня толкнули, о страшныхъ дняхъ Вели-паши, когда запертые въ стѣнахъ Канеи христіане искали прибѣжища въ консульствахъ, а турки влачили по улицамъ трупъ удавленнаго грека *), и сердце мое дрогнуло за родину мою, и за родныхъ, и за себя!

Сонъ мой пропалъ; пароходъ входилъ уже въ Мраморное море, волна становилась сильнѣе, и я чувствовалъ себя дурно. Такъ мучился я почти до ночи. Ужъ было темно, когда мы подъѣхали къ Золотому-Рогу, и насъ не впустили.

Я былъ радъ тишинѣ и сталъ засыпать, какъ вдругъ ко мнѣ въ комнату постучался слуга и сказалъ, что сестра моя такъ громко плачетъ, что всѣ спутницы ея испугались.

Всталъ я, спросилъ сквозь двери дамской каюты: «что съ ней?» она отвѣчала: «Теперь я ужъ перестала плакать, это я, когда волна плескала, испугалась и о матери вспомнила». Встало солнце, всѣ проснулись, и Хризо вышла безъ слезъ, но печальная. Я взялъ ея вещи и ждалъ, пока паша сойдетъ со всею своею челядью въ шлюпку.

Поравнялся съ нами паша. Вдругъ Хризо падаетъ ему въ ноги, хватаетъ его полу и говоритъ:

— Паша-эффендимъ! Возьмите меня съ собой! Я васъ прошу! Возьмите меня въ гаремъ вашъ! Я хочу потурчиться, а родные не даютъ мнѣ воли!

Паша съ радостью просилъ ее встать и, обратясь ко мнѣ, отечески сказалъ:

— Видишь, сынъ мой, я ей отказать не могу.

Всѣ пассажиры, вся прислуга столпились около насъ. Чубукчи паши хотѣли взять вещи сестры изъ моихъ рукъ. Я оттолкнулъ одного, схватилъ за воротъ другого и кричалъ, что я русскій подданный и чтобы сестры моей никто касаться не смѣлъ.

---

*) См. *Хамидъ и Маноли.*

Паша сказалъ мнѣ:

— Ты, сынъ мой, можетъ быть, точно русскій подданный, но сестра твоя райя, и я возьму ее. Султанъ, господинъ нашъ, даровалъ всѣмъ свободу вѣру мѣнять. Не тебѣ же, сынъ мой, противиться волѣ султана.

Капитанъ вмѣшался и предложилъ мнѣ продолжать споръ на берегу, а на суднѣ его не начинать безчинства. Я вынужденъ былъ уступить, и сестра сошла въ шлюпку паши. Я отдалъ ея вещи и видѣлъ, какъ заботливо армянинъ помогалъ ей войти въ шлюпку, видѣлъ, какъ самъ паша посадилъ ее около себя на особомъ коврѣ, тогда какъ даже драгоманъ его сидѣлъ далеко и почтительно.

Я спустился въ другую шлюпку, и скоро каикъ паши исчезъ за большими судами. Мнѣ послышалось только, будто сестра закричала: «Прощай, Йоргаки, прощай жизнь моя! Не сердись на меня несчастную!» Говорю: мнѣ послышалось, потому что я былъ какъ убитый и даже на гребцовъ стыдился смотрѣть.

Когда я остался одинъ въ гостиницѣ, раздраженное самолюбіе мое строило тысячи плановъ; я хотѣлъ просить помощи у русскаго посольства, хотѣлъ собрать какихъ-нибудь бродягъ кафелонитовъ и албанцевъ, отыскать домъ Хамида-паши, подкараулить сестру и похитить ее, или самого пашу схватить ночью и угрозами заставить его выдать Хризò.

Наконецъ я успокоился. Мнѣ казалось, я сдѣлалъ все, что̀ могъ, и никто изъ родныхъ не имѣетъ права меня упрекать. Насиловать болѣе волю и чувства сестры было свыше силъ моихъ.

Я написалъ письмо отцу и рѣшился ждать отвѣтъ.

Прождалъ двѣ недѣли. Разъ утромъ приходятъ ко мнѣ два наши кандіота и говорятъ:

— Много поклоновъ вамъ, г. Йоргаки, отъ отца и матери. Письма не прислали; а какъ мы сюда ѣхали по дѣламъ, то отецъ вашъ и приказалъ вамъ сказать, что дѣло вашей сестры очень огорчило его и вашу мать, и всѣхъ родныхъ, и всѣхъ критскихъ нашихъ. Всѣ на васъ надѣ-

ялись и были покойны. И еще велѣли сказать: думали мы, что Йоргаки мужчина, какъ слѣдуетъ; а теперь мать ваша вторую недѣлю не ѣстъ хлѣба и слова не говоритъ, и не плачетъ; все черезъ васъ...

— Что жъ мнѣ было дѣлать? — спросилъ я.

— Это ваше дѣло, — отвѣчали мнѣ. — Можетъ, вы и хорошо сдѣлали; вы человѣкъ съ воспитаніемъ и лучше нашего и свѣтъ, и законъ знаете. Мы вамъ говоримъ, что̀ ваши родители велѣли сказать. Дядя Яни вашъ плюнулъ, когда слушалъ ваше письмо, и говоритъ про васъ: «Если бъ Йоргаки былъ мужчина, онъ бы долженъ былъ и пашу въ воду сбросить, и сестру убить, и людей всѣхъ. А тамъ уже какая была его судьба, пусть Богъ знаетъ».

Слова эти меня такъ оскорбили и огорчили, что я рѣшился не возвращаться въ Критъ. Связь порвана! Я уже не надежда ихъ, я не молодецъ, я не краса Халеппы, я не эллинъ! Богъ съ ними, если такъ! Я проживу и безъ нихъ...

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль какъ Хафузъ пріѣхалъ сюда и женился на моей сестрѣ. Они скоро возвратятся въ Критъ и будутъ жить въ городѣ, пока это дѣло не забудется и опасность для нихъ минуетъ.

По праву брата, я посѣщаю ее, даю ей денегъ и дарю вещи... Душа моя ожесточена, и на-дняхъ, когда одинъ изъ тѣхъ кандіотовъ, которые принесли мнѣ проклятія и насмѣшки родныхъ, зашелъ ко мнѣ, я, на зло ему и всѣмъ, разсказалъ, какъ идетъ къ сестрѣ восточная одежда, и какой Хафузъ добрый мужъ, и сколько я заплатилъ за наргиле, который на-дняхъ подарилъ ему.

Дѣло сдѣлано! Она ему жена, и я имъ братъ навѣки! Съ родными я рѣшился порвать всѣ связи. Не виню и понимаю ихъ; но я не виноватъ, что они не могутъ понять меня. Прощай!

Константинополь, марта 29-го 1866 года.

Я давно не писалъ тебѣ, я былъ слишкомъ развлеченъ и занятъ. Я опредѣлился (на время, конечно) въ контору къ одному богатому греку. Онъ даетъ мнѣ около ста рублей

въ мѣсяцъ. Часто бываю въ русскомъ посольствѣ у секретарей; греческій посланникъ обѣщаетъ мнѣ должность при греческомъ консульствѣ. Здѣсь меня всѣ принимаютъ прекрасно. Ваши секретари всѣ немного злоязычны, но зато какъ умны и образованны! Самое злословіе ихъ свѣжо и и полно соли. Вижу изрѣдка и французовъ, но имъ далеко до вашихъ.

Сознаюсь тебѣ, я полюбилъ Константинополь; все мнѣ нравится здѣсь: и Босфоръ, и смѣсь пышности съ грязью, и туманные, дождливые дни, когда всѣ дальнія улицы такъ пусты и задумчивы, а въ тѣсной Перѣ такъ толпится, спѣшитъ и торгуетъ народъ.

Одного мнѣ здѣсь недостаетъ: я не могу забыть Ревекку; я написалъ ей письмо, очень осторожное и полное темныхъ намековъ. Я узналъ, что старуха умерла. Теперь ей будетъ свободнѣе. Когда бы хоть разъ увидать ее!

21-го апрѣля 1866 года.

Поздравь меня! Поздравь меня!

Она здѣсь, мой другъ! Вчера я встрѣтилъ ее подъ руку съ мужемъ. Когда бы видѣлъ ты, какою нѣжною царицей шла она. Она сама мнѣ поклонилась и познакомила съ мужемъ. Онъ меня пригласилъ бывать у нихъ чаще. Старуха своею смертью спасла насъ, не успѣла открыть глаза сыну.

Сейчасъ иду къ нимъ. Послѣ припишу, что̀ будетъ хорошаго.

Мужа не было дома. Они остаются въ Константинополѣ навсегда.

Я такъ счастливъ!

20-го іюня.

Два мѣсяца я тебѣ не писалъ. Дѣла мои идутъ прекрасно. Я поступилъ на службу въ греческое консульство, пока безъ жалованья, но это только начало, и работы мало. Негоціанта моего также не оставляю. Грустно, что родные мнѣ не пишутъ вовсе, но я отъ другихъ узнаю, что они всѣ здоровы. Что̀ жъ дѣлать; нельзя, чтобы все было хорошо, ты самъ это знаешь!

Твой Н—съ.

30-го іюня.

Здѣсь начинаютъ говорить, что въ Критѣ будетъ возстаніе.

Битва при Садовой поразила всѣхъ. Непостижимъ иногда для меня политическій тактъ нашихъ грековъ! Простой работникъ, и тотъ понимаетъ, что событія въ самой Америкѣ не пройдутъ безъ вліянія на судьбу нашего народа! Отовсюду гордый народъ нашъ ждетъ знака для движенія... Вчерашній воръ и тотъ съ восторгомъ жертвуетъ для родины у брата же грека наворованныя деньги!

Купецъ, тупой, скупой и скучный, спѣшитъ раскрыть свои сундуки, мать не жалѣетъ сына, жена шлетъ молодого мужа на войну!

Такъ было уже разъ, такъ будетъ снова, когда ударитъ часъ. Но неужели этотъ часъ такъ близокъ?.. Неужели буря близка? Не вѣрю, но я желалъ бы вѣрить и вспоминаю часто пламенныя рѣчи хаджи-Петро...

Посмотримъ!

Твой Н—съ.

2-го іюля.

Я не могу оставаться здѣсь долѣе... Я долженъ ѣхать туда. Чѣмъ бы ни кончилось волненіе умовъ,—я долженъ быть тамъ, куда зоветъ меня все родное. Я сказалъ сегодня Ревеккѣ, что уѣду въ Критъ и пойду въ охотники, если будетъ война. Въ первый разъ я увидалъ ее въ волненіи. Она поблѣднѣла и спросила:

— Ты шутишь?

Я самъ былъ взволнованъ, не отвѣчалъ ей ни слова и ушелъ домой.

Вчера Ревекка утромъ прислала мнѣ записку и звала притти скорѣй, пока мужа нѣтъ дома.

— Я не спала всю ночь, — сказала она мнѣ. — Я тебя люблю. Если хочешь, я окрещусь и оставлю мужа. Только не уѣзжай отсюда.

Она подвела меня къ комоду и вынула оттуда кучу брилліантовъ.

— Это все мое, — сказала она. — Домъ этотъ также мой. Есть у меня и деньги. Все это будетъ твое. Ты можешь служить на русской или греческой службѣ: будешь консуломъ, будешь, быть можетъ, посланникомъ. Ты мнѣ говорилъ, что я создана для свѣта. Не знаю, быть можетъ, любовь тебя ослѣпила; но я знаю одно, что я никогда не заставлю тебя краснѣть за себя. Вотъ мои послѣднія слова! — прибавила она, краснѣя, и заплакала.

Я просилъ ее дать мнѣ обдумать хоть два дня.

Вотъ уже третій день, другъ мой, и я рѣшился ѣхать... Никто изъ родныхъ моихъ не знаетъ, какую сокровенную жертву принесу я родинѣ! Ты одинъ ее узнаешь и поймешь.

Твой Н—съ.

Халеппа, 30-го іюля 1866 года.

Итакъ, другъ мой, я опять въ семьѣ: въ той же семьѣ, въ томъ же домѣ, — въ Халеппѣ нашей. Тѣ же добрые сосѣди наши, тѣ же красавцы юноши, тѣ же старики почтенные, тѣ же дѣвушки милыя. Такъ же, какъ и два года тому назадъ, плещетъ море наше въ берега; все зелено; цикады оглушаютъ меня пѣніемъ своимъ. Но въ воздухѣ нѣчто иное, нѣчто высшее... Гроза близка... Представители нашихъ возставшихъ округовъ разошлись. Они ждутъ отвѣта отъ султана. Уже тысячи критянъ подъ оружіемъ. Третьяго дня мой старшій братъ поклонился отцу и матери, прося благословить его... Когда бы ты видѣлъ нашихъ критянъ, другъ мой! Братъ не плакалъ; не плакали и мы... Казалось, не на смерть, а на пышный бракъ отпускали его!

Прощай. Увидимся ли мы когда-нибудь?

Августъ.

Ты уже знаешь все, вѣсть разнеслась повсюду, и оружіе грянуло въ нашихъ горахъ... Прочти! о, прочти ты благородное воззваніе къ державамъ, которое, готовясь къ ужасамъ битвъ, обнародовали мы! Ты увидишь, каковъ нашъ грекъ въ бою... О, родина моя... Когда бы ты видѣлъ нашихъ юношей... Когда бы ты видѣлъ, какъ я ви-

дѣлъ на-дняхъ двухъ братьевъ-отроковъ, вскормленныхъ нашимъ священникомъ. Прекрасные какъ ангелы, эти два мальчика-сироты пѣли въ нашей скромной церкви. Имъ еще нѣтъ 17 лѣтъ, а они уже приняли благословеніе духовнаго отца своего и надѣли оружіе... Сегодня мы простились съ ними!

Августъ.

Кровь наша льется, но не даромъ! Турки бѣгутъ вездѣ... Вчера была битва на горахъ у Проснеро. Я видѣлъ издали, какъ бѣжали турки, я видѣлъ дымъ ружей въ кустахъ, видѣлъ, какъ наши львами ворвались въ турецкій лагерь.

Утромъ я всталъ внѣ себя и ходилъ по террасѣ. Отецъ ѣхалъ въ городъ. Я сказалъ ему, что не могу больше сносить мое позорное бездѣйствіе.

— Подожди, Йоргаки, въ горахъ тяжко непривычному: настанутъ скоро холода, и сѣверный вѣтеръ будетъ дуть, и снѣгъ будетъ падать. Останься при насъ съ матерью. Ты человѣкъ не боевой.

Не скажи отецъ послѣднихъ словъ, я бы остался, мнѣ кажется. Но въ этихъ словахъ я прочелъ ужасный укоръ, хуже котораго нѣтъ для мужчины. Я вспомнилъ сестру, вспомнилъ стыдъ свой... И едва уѣхалъ отецъ, я пошелъ къ одному молодому сосѣду-столяру, который только что женился на богатой красавицѣ изъ Реѳимно. Я зналъ, что онъ задумалъ разстаться съ женой и бѣжать въ горы. Мы условились. Завтра насъ не будетъ въ Халеппѣ. Прощай, быть можетъ, навсегда!..

Одинъ Розенцвейгъ будетъ знать о моемъ намѣреніи. Родные пусть узнаютъ, когда моя рука уже обагрится вражьею кровью! Пусть скажутъ: «Мы ошиблись въ Йоргаки, онъ *нашъ*».

Еще два послѣднія слова. Съ Розенцвейгомъ мы простились. Онъ уже не встаетъ съ постели, дни его сочтены.

— Вотъ моя битва, вотъ моя кровь,—сказалъ онъ, пока-

зывая мнѣ окровавленный платокъ. — Вамъ, — продолжалъ онъ, — вамъ дай Богъ жить долго и украсить вашею дѣятельностью освобожденную отчизну. Я говорю вамъ: вы будете свободны... Но, если моя молитва можетъ быть услышана, я молю Бога объ одномъ, молю, чтобъ Онъ сохранилъ вашу родину и послѣ освобожденія въ той изящной и величавой простотѣ, въ которой Онъ сподобилъ насъ съ вами еще застать ее! Когда бы не ракъ европеизма...

Онъ не кончилъ, махнулъ рукой, и мы простились.

Твой Н—съ.

Сфакія, сентябрь.

Пишу тебѣ карандашомъ, на изломанномъ столѣ. Пароходъ нашъ *Аркадій* свезетъ его въ Аѳины.

Мной всѣ довольны здѣсь: я выношу ходьбу по камнямъ лучше многихъ. Уже на долю моего ружья пало пятеро враговъ; я еще не раненъ. Зимвракаки думаетъ уже поручить мнѣ небольшой отрядъ. Дядя Яни, и тотъ уже помирился со мной.

— Э! — говоритъ онъ, — Йоргаки! Когда ты капитаномъ будешь, я подъ твое начальство пойду. Не послушаюсь, хвати меня по головѣ кулакомъ, какъ слѣдуетъ, либо рукоятью ножа. А я поклонюсь тебѣ и скажу: «простите, господинъ капитанъ! Молодымъ для науки!»

Онъ заботится обо мнѣ; ночью снимаетъ съ себя бурку и накрываетъ меня; изъ пищи что есть лучшаго, мнѣ несетъ; смѣется; шутитъ. Здѣсь онъ сталъ веселѣе, говорливѣе, но все такъ же неумолимъ и грозенъ.

Двоюродный братъ мой, его сынъ, лѣтъ семнадцати, не болѣе, едва покинулъ школу, — какъ поступилъ въ другой отрядъ. Тамъ онъ служилъ не болѣе мѣсяца, усталъ, заболѣлъ и остался жить и отдыхать въ одной деревнѣ. Узналъ объ этомъ дядя и послалъ ему сказать: «Встань, негодяй, и будь здоровъ! А если не встанешь и не возьмешь оружія, приду я самъ къ тебѣ и палкой такъ по тебѣ поиграю, что вся охота болѣть пройдетъ!»

Братъ всталъ и пошелъ въ отрядъ.

Мы готовимся къ большому сраженію. Мы побѣдимъ, — и если бы только вы, наши братья русскіе, не забыли насъ... то мы будемъ свободны!..

Иногда съ горемъ гляжу на наши пока еще цвѣтущія долины, на наши бѣлыя деревеньки въ зелени маслинъ...

Я знаю турокъ. Цвѣтущія долины, веселыя селенія будутъ опустошены, и камня на камнѣ не останется въ нихъ. Уже мало-по-малу просыпается въ нихъ старинное звѣрство; ужъ гибнутъ въ отдаленныхъ жилищахъ беззащитные старики, и дѣти подвергаются поруганію...

Пусть такъ! мечъ вынутъ, мы не вложимъ его въ ножны; мы погибнемъ всѣ или будемъ свободны!

Пусть гибнутъ наши села, пусть гибнемъ мы, раны освобожденной родины моей заживутъ снова... Лишь на пажитяхъ, упитанныхъ кровью и слезами, растутъ и зрѣютъ тѣ высокіе духовные плоды, безъ которыхъ жизнь народовъ была бы презрѣнною жизнью робкаго стада. Прощай, меня зовутъ!

Я вѣрю, что буду живъ, и письмо это не будетъ послѣднимъ.

Твой Н—съ.

Октябрь, Сфакія.

Два слова, другъ мой! Холодъ становится нестерпимъ. Одѣты мы, ты знаешь, не по-русски. Битва при Вафѐ проиграна. Нашихъ было 500 человѣкъ. Турокъ пять тысячъ. Мàно, одинъ изъ лучшихъ нашихъ аѳинскихъ вождей, раненъ и взятъ въ плѣнъ; слышно, что турки хотятъ разстрѣлять его. Женщины наши и дѣти толпами бѣгутъ изъ селъ къ берегамъ ждать русскихъ судовъ, на которыхъ ихъ хотятъ везти въ Аѳины и Сиру. Я видѣлъ ихъ. Это уже не тѣ почтенныя, опрятныя старушки, не тѣ милыя, нарядныя критскія дѣвушки, о которыхъ я писалъ тебѣ когда-то... Теперь всѣ взоры, всѣ мысли этой толпы, изможденной усталостью, нуждой и страхомъ, приковали ихъ

къ морю. И что за восторгъ, что за безуміе, когда покажется вашъ флагъ!

Матери бросаютъ дѣтей своихъ въ шлюпку, другія сами отъ нетерпѣнія кидаются въ воду съ утесовъ.

Я самъ до того исхудалъ, до того измученъ и слабъ, что даже дядя Яни совѣтуетъ мнѣ ѣхать на отдыхъ въ Аѳины.

Мой молодой сосѣдъ, съ которымъ мы вмѣстѣ ночью ушли въ горы, не могъ болѣе вынести этой жизни. Онъ положилъ оружіе, поклонился туркамъ и вернулся къ своей новобрачной. Я такъ не сдѣлаю.

Январь 1867 года. Аѳины.

Не думай, что я не сдержалъ слова. Только сильная рана въ ногѣ заставила меня уѣхать. Теперь я въ нашей больницѣ пишу тебѣ у окна. Погода дивная; я вижу отсюда море и дальнія суда. Комната полна раненыхъ; но всѣ весело шумятъ и смѣются. Сейчасъ только вышелъ отъ насъ нашъ молодой король. Съ какимъ восторгомъ отвѣчали мы на его привѣтъ. Онъ особенно внимательно и благосклонно разговаривалъ черезъ переводчика съ однимъ черногорцемъ, который пріѣхалъ въ Критъ дѣлить наши судьбы и при первой схваткѣ былъ опасно раненъ. Теперь ему лучше.

Ахъ! другъ мой, съ тѣхъ поръ какъ я карандашомъ писалъ тебѣ изъ горъ, сколько перемѣнъ!

Хафузъ убитъ моимъ грознымъ дядей; бѣдная Хризо̀ моя погибла въ родахъ, услыхавъ эту вѣсть. Розенцвейга нѣтъ уже; его похоронили въ нашей опустѣлой Халеппѣ за два дня до моего отъѣзда сюда. Здѣсь только на отдыхѣ я чувствую жалость и утрату. О Розенцвейгѣ я уже зналъ; но о гибели Хафуза и Хризо̀ я услыхалъ вѣсть въ тяжкую минуту, когда сердце мое было закрыто для всего!

Незадолго до этой ужасной вѣсти я былъ раненъ; я былъ бы убитъ, если бы дядя Яни не спасъ меня. Пуля попала мнѣ въ ногу, и я упалъ въ кустахъ. Наши отступали: я силился встать; въ эту минуту передо мной изъ-

за камня выросъ турецкій солдатъ. Онъ бросился ко мнѣ; послѣднимъ усиліемъ я вырвалъ изъ рукъ его ружье и бросилъ внизъ съ горы; сабли при немъ не было; онъ ударилъ меня пустыми ножнами по головѣ и сталъ мнѣ ногами на грудь.

Онъ былъ силенъ, а я истекалъ кровью.

— Барба-Яни! — закричалъ я. — Спаси меня! Гдѣ ты?

— Здѣсь я! — закричалъ дядя и звѣремъ ринулся на турка. Долго боролись они, попирая меня ногами; турокъ старался вырвать пистолетъ изъ рукъ дяди. Тогда и я, собравъ послѣднія силы, вынулъ свой изъ-за пояса и убилъ турка. Дядя всталъ всклокоченный и блѣдный; схватилъ меня на плечи; велѣлъ рукой прижимать рану и кинулся со мной по скаламъ. Скоро замолкли выстрѣлы; мы отдохнули; собрались всѣ наши, и дядя самъ перевязалъ мнѣ рану.

Мы остались ночевать въ покинутомъ селеніи; развели огонь. Къ вечеру привели плѣнныхъ турокъ и въ ихъ числѣ Хафуза, который поступилъ въ турецкое ополченіе.

Къ чему буду я тебѣ разсказывать, какъ рвалось сердце мое отъ жалости, когда я его увидалъ. Руки Хафуза были скручены крѣпко назадъ. Я ослабилъ ему веревки. Онъ поднялъ на меня глаза съ благодарностью и попросилъ пить. Я подалъ ему вина.

Всѣ наши угрюмо молчали. Больше всѣхъ боялся я дяди. И не напрасно! Пришелъ онъ, обвелъ глазами плѣнныхъ турокъ и спросилъ: — «Сколько ихъ всѣхъ»? — «Пятеро».

— Собаки, собаки! — сказалъ онъ и ушелъ посовѣтоваться съ другими старшими.

Хафузъ дрожалъ. Другіе турки сидѣли молча, вздыхали и искоса взглядывали на насъ.

Всѣ они кромѣ Хафуза были настоящіе османли и по-гречески не знали. Они попросили черезъ него табаку. Я велѣлъ имъ дать и развязалъ всѣмъ имъ руки. Оружія у нихъ не было, и бѣжать имъ было некуда.

Тѣмъ временемъ дядя вышелъ съ другими капитанами;

я съ ужасомъ думалъ о томъ, что съ нами на этотъ разъ не было ни одного изъ аѳинскихъ офицеровъ.

Дядя вышелъ, постоялъ, посмотрѣлъ, сбилъ феску набекрень, хотѣлъ сказать что-то смѣшное... вдругъ лицо его исказилось бѣшенствомъ: онъ узналъ Хафуза. Не говоря ни слова, взялся онъ за пистолетъ... Хафузъ глядѣлъ на него, блѣдный и покорный, и дрожалъ.

— Нѣтъ, дяди Яни, ты не сдѣлаешь этого,—сказалъ я.

Дядя взвелъ курокъ.

Я зналъ его; слова съ нимъ безполезны; и я... и я рѣшился на безумный шагъ, я взвелъ курокъ на него, на моего спасителя!..

— Бей, бей,—сказалъ онъ,—бей дядю!

Товарищи насъ розняли и вырвали у насъ изъ рукъ оружіе. О, конечно! Я не хотѣлъ стрѣлять въ него, я зналъ, что насъ разнимутъ... Но и угроза была ужасное дѣло!

На шумъ сбѣжались старики.

— Нехорошо сдѣлалъ ты, Йоргаки,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—что на дядю и капитана руку поднялъ, и грѣхъ тебѣ это великій! А и тебѣ, капитанъ Яни, не слѣдъ убивать плѣнныхъ. Пусть не говорятъ, что критяне варвары!

— Кто ихъ, собакъ, трогаетъ, другихъ плѣнныхъ,—отвѣчалъ дядя,—пусть, пусть сами издохнутъ, когда ихъ часъ придетъ! А вотъ этого молодца... что семью нашу стыдомъ покрылъ!.. Его вы мнѣ дайте... Если служилъ я родинѣ, если христіане вы, если Яни капитанъ для васъ, а не песъ вонючій, не препятствуйте мнѣ, говорю я вамъ!

— Конечно!—сказалъ старикъ,—стыдъ вашей семьѣ великъ. Да не Хафуза судить на смерть надо. Онъ паликаръ, человѣкъ молодой, ищетъ потѣшить себя, гдѣ найдетъ. Виновата твоя племянница; ее присуди на смерть; а плѣннаго не убивай, я тебѣ это говорю!

— Хорошо говоритъ старикъ,—замѣтили другіе капитаны,—мы люди хотя и простые, а тоже должны знать политику. Довольно франки насъ варварами звали!

Хафуза отдали мнѣ, и съ дядей меня помирили. Я по-

клялся ему, что не хотѣлъ стрѣлять въ него, а только желалъ удержать его, пока сбѣгутся капитаны; и это было правда.

Я увелъ бѣднаго Хафуза въ пустой домикъ; тамъ мы развели огонь въ очагѣ и поужинали вмѣстѣ.

Краска вернулась на лицѣ Хафуза. Я спрашивалъ его о сестрѣ: узналъ отъ него, что она беременна.

— Любишь ты ее крѣпко?—спросилъ я его.

— Что за спросъ?—отвѣчалъ онъ краснѣя,—она жена мнѣ!

Мы заснули поздно, какъ братья, вмѣстѣ—подъ одною большою буркой.

На другой день я отправилъ его съ двумя нашими вѣрными молодцами къ Зимвракаки и просилъ разсказать ему все. Къ вечеру они вернулись и сказали, чтобъ я былъ покоенъ.

Рана моя однако становилась хуже. Я уже почти не могъ ходить и рѣшился ѣхать въ Аѳины на вашей *Тамани*. Съ трудомъ достигъ я того мѣста, гдѣ уже ждали русскихъ пароходовъ сотни женщинъ, дѣтей и больныхъ мужчинъ. Трое сутокъ мы ждали. Море было бурное, и турки старались препятствовать увозу семействъ, какъ только могли; они знали, что, избавляя грековъ отъ бремени семействъ, русскіе облегчаютъ душу и руки возставшимъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ.

Незадолго до моего прибытія къ берегу подошелъ турецкій пароходъ; онъ выкинулъ русскій флагъ, и когда толпа ринулась со скалъ къ морю, онъ далъ по ней залпъ картечью, избилъ нѣсколько десятковъ старухъ и дѣтей и удалился.

Я самъ видѣлъ ихъ обезображенныя и еще не погребенныя тѣла.

Долго мы ждали; уже настала ночь, на горѣ падалъ снѣгъ; холодъ былъ нестерпимый; мы боялись раскладывать костры на виду и жались за скалами. Я сидѣлъ у небольшой груды угольевъ и дрожалъ, укрывшись бур-

кой. Сонъ и голодъ терзали меня; рана болѣла все сильнѣе.

Я дремалъ подъ башлыкомъ, сидя на камнѣ, и жизнь, казалось мнѣ, сама жизнь уже покидаетъ меня!

Слышу, кто-то зоветъ меня. Подходятъ трое нашихъ молодцовъ; принесли водки, сыру, хлѣба, дали мнѣ и стали между собой шутить и смѣяться.

Вдругъ одинъ сказалъ:

— Э! Йоргаки! Забылъ я тебѣ сказать: Хафуза убилъ капитанъ Яни; отыскалъ его и убилъ. А сестра твоя, бѣдная, выкинула и умерла, какъ узнала объ этомъ...

Другой добавилъ:

— Не такъ ты это говоришь! Хризò, какъ узнала, что Хафузъ въ плѣну, послала мать просить къ себѣ. Мать пришла и сказала ей: «Вернись въ христіанство, я отца верхомъ въ городъ пошлю, пусть спасаетъ его, а ты свою душу спаси и на вѣкъ потомъ покинь его». Хризò сказала: «Пусть будетъ живъ только, а я его брошу». Поклялась на Евангеліи и образъ Божіей Матери цѣловала, что оставитъ его и въ христіанство обратится. И повезъ ее отецъ съ собой вмѣстѣ въ горы просить за Хафуза. Запоздали; а капитанъ Яни и убилъ его. Узнала Хризò на дорогѣ, упала и кровью изошла!»

Я слушалъ, другъ мой, все, но голодъ и боль, и утомленіе были такъ ужасны, что сердце мое внимало этимъ ужасамъ какъ камень, и пища была для меня въ тотъ мигъ драгоцѣннѣе всѣхъ священныхъ узъ!..

Лишь теперь, здѣсь, въ этомъ городѣ, полномъ жизни, отваги и восторга, здѣсь, отдохнувъ, я вспомнилъ сердцемъ все: и Розенцвейга, и Хафуза, и деревню нашу, и ласковый голосъ моей сестры, когда она говорила мнѣ, склоня головку: «Душка моя, Йоргаки!»

Гдѣ они? Гдѣ нашъ семейный міръ?

Но прочь отъ меня, любовь и состраданье! Я снова силенъ и здоровъ; снова душа моя кипитъ, и снова слышу я голосъ чести, зовущій меня туда, гдѣ льется наша кровь.

ПЕМБЕ́.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЭПИРО-АЛБАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(1869 г.)

I.

«Я долго лежалъ распростертый на ложѣ равнодушія.

«Оно не казалось мнѣ жесткимъ, и никакіе сны Эдема не сходили на хладную главу мою.

«Но внезапно явилась предо мною дѣвушка нѣжнаго возраста. Одежда ея была проста; однако и въ ней она казалась прекрасною, какъ золотой сосудъ, наполненный душистымъ напиткомъ.

«Обходя комнату искусными кругами, она уподоблялась молодой змѣйкѣ, играющей въ цвѣтущихъ кустахъ.

«Имя твое, Пембé *), есть цвѣтъ розы, самаго прекраснаго изъ цвѣтовъ.

«Ты сладка и свѣжа, какъ зерна гранаты, облитыя розовою водой и посыпанныя сахаромъ.

«Я не ищу ни долговѣчности, ни богатаго содержанія; пусть жизнь моя будетъ кратка и содержаніе бѣдно; но чтобъ я могъ покойно веселиться съ тобой.

«Я молчу, Пембé. Пусть соловей громко поетъ о любви своей въ садахъ персидскихъ. Я не буду слѣдовать его примѣру. Я лучше буду нѣмъ какъ бабочка: безгласная, сгораетъ она на любимомъ ею пламени!»

Такъ, засвѣтивъ лампу, писалъ ночью въ своей пріемной молодой албанскій бей Гайрединъ.

Гайрединъ-бей былъ женатъ, а танцовщица Пембé пріѣхала съ своею теткой и съ другими цыганами-музыкантами изъ Битоліи.

---

*) *Пембé*—женское мусульманское имя. Значитъ: *темно-розовая, малиновая.*

Гайредину было тогда двадцать шесть лѣтъ, а Пембé шестнадцать.

Гайрединъ-бей былъ изъ старой дворянской *) семьи Эпира: домъ отца его и теперь стоитъ на горѣ въ городѣ Дéльвино; онъ обнесенъ стѣной, въ которой до сихъ поръ видны бойницы для ружей. Село съ селомъ, родъ съ другимъ родомъ и семья съ семьей вели еще недавно кровавыя войны.

Мирный путникъ любуется на веселый видъ Дéльвино, на зеленые холмы и бѣлыя жилища его, но бойницы чернѣютъ едва замѣтными щелями въ простыхъ сельскихъ стѣнахъ, и гордый духъ албанскаго вождя еще дышитъ прежнимъ удальствомъ.

Албанецъ любитъ лишь войну, корысть и гостепріимство; еще недавно онъ одинаково былъ чуждъ и турку, и греку, и одинаково другъ имъ, когда ему это было выгодно.

Въ личныхъ дѣлахъ албанскій горецъ вѣренъ дружбѣ и слову; онъ любитъ кровь и месть и не боится смерти. Его одежда прекрасна даже и въ бѣдности, и поступь его изящна и легка.

Старый отецъ Гайредина, Шекиръ-бей, имѣлъ всѣ лучшія свойства своихъ соотчичей, но не имѣлъ ихъ злобы и корыстолюбія. Онъ былъ веселъ и добръ; кормилъ безъ нужды огромную прислугу на три разные стола, потому что мусульмане не хотѣли ѣсть съ греками, а греки съ мусульманами, и ни мусульмане, ни греки не хотѣли ѣсть съ цыганами, которыхъ онъ тоже не гналъ со двора.

Простодушное гостепріимство его славилось повсюду, и нищій находилъ у него въ людской ночлегъ и пищу, точно такъ же, какъ бей и купецъ въ его селамлыкѣ **).

Когда его посѣщали христіане, онъ давалъ имъ полную свободу обращенія: не сидѣлъ самъ на диванѣ неподвижно два часа, какъ дѣлаютъ другіе старые турки, стѣсняя

*) У албанцевъ до сихъ поръ существуетъ нѣчто въ родѣ феодальной аристократіи.

**) *Селамлыкъ*—та часть дома, въ которой принимаются чужіе мужчины.

своею важностью усталыхъ путниковъ и гостей, которымъ хочется размять ноги. Нѣтъ! Онъ гулялъ по комнатѣ, вставалъ и садился какъ хотѣлъ и просилъ всѣхъ дѣлать то же, говоря: «Чтó значитъ слово *франкъ?* Слово *франкъ* я узналъ отъ людей ученыхъ, значитъ свободный человѣкъ, развязный человѣкъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ и я франкъ. Свобода! Дѣлай чтó хочешь въ моемъ домѣ! Спи не спи, ѣшь не ѣшь... Сиди, ходи... Это значитъ—франкъ!»

Христіанъ онъ любилъ больше, чѣмъ любятъ ихъ другіе мусульмане; въ жизни его былъ одинъ великій случай, отъ котораго по гробъ не могло остыть доброе чувство.

Еще онъ былъ очень молодъ, когда отецъ его подарилъ ему въ рабы прелестную сироту-гречанку, взятую въ плѣнъ на островахъ во время борьбы за независимость Эллады.

Ей было всего четырнадцать лѣтъ, и звали ее Маригó. Когда Шекиръ, самъ еще почти мальчикъ, остался съ ней наединѣ, Маригó заплакала и, простирая къ нему руки, сказала: «Господинъ мой, я твоя. У меня нѣтъ ни отца, ни матери; ихъ убили; дѣлай со мной, чтó хочешь. Только одно слово я тебѣ скажу. Пожалѣй ты меня, я боюсь!»

Шекиръ оставилъ ее въ покоѣ; потомъ уже ласками, подарками, братскимъ участіемъ онъ склонилъ ее къ сближенію. Разъ преодолѣвъ свой дѣтскій страхъ, рабыня пристрастилась къ Шекиру всѣми силами души. Вѣрованій ея не касался никто: она продолжала ходить въ церковь, и въ посты ее кормили особо. Старые родители Шекира тѣшились и на доброту сына, и на ребяческій первый страхъ, и послѣ на покорную привязанность маленькой гречанки. «Дѣти, малыя дѣти!»—говорили, смѣясь, другъ другу отецъ и мать Шекира. Когда женили Шекиръ-бея на богатой дѣвицѣ, жизнь рабыни, конечно, стала хуже, но не надолго. Скоро пришлось ей щедро заплатить своему господину за его благодушіе и любовь.

Въ сорокъ восьмомъ году возстала противъ султана вся южная Албанія. Турки требовали отъ албанцевъ набора

въ султанское войско и податей, которыя свободнымъ горцамъ казались непомѣрными. Албанская знать не забыла еще, какъ измѣннически разстрѣлялъ паша въ Битоліи возмутившихся Арсмана и Вели-бея, пригласивъ ихъ туда примириться. Албанцы согласились всѣ притвориться сначала покорными и выставить начальниками людей простыхъ, но не менѣе ихъ самихъ способныхъ быть вождями. Кровавая борьба возгорѣлась около Дéльвино, Аргирокастро и Янинъ. Бунтовщиковъ велъ къ побѣдамъ простой селянинъ Гіонни-Лекка *). Албанцы вездѣ громили султанскіе отряды; но правильная сила взяла, наконецъ, верхъ надъ народнымъ ополченіемъ... Запертый сераскиромъ въ Лапурьѣ, Гіонни-Лекка думалъ лишь о собственномъ спасеніи. Люди его одинъ за другимъ покидали его. Сераскиръ рѣшился тогда нанести ударъ мятежу. Въ Дéльвино, въ Бератъ, въ Тепеленъ и въ другія селенія и чифтлики **) албанскіе ворвались турки и начали хватать и вязать богатыхъ беевъ, которыхъ давно подозрѣвали въ тайной помощи возставшимъ. Схватили Башьяръ-бея, Тахиръ-бея, трехъ сыновей Тахиръ-абаза, Абдулъ-бей-Кокка; а въ Дéльвино не нашли стараго дѣда Гайредина и взяли Шекиръ-бея, отца его. Жена Шекиръ-бея была въ то время беременна; когда услыхала она крики женщинъ, пальбу, страшные голоса солдатъ и плачъ дѣтей, младенецъ умеръ въ ней, а за нимъ умерла и она сама, безъ мужа и свекра, на рукахъ Мариго́. Шекиръ-бея и всѣхъ другихъ албанскихъ беевъ турки связавъ отправили въ Царьградъ, гдѣ ихъ ждала тюрьма, а можетъ быть и смерть. Похоронивъ свою госпожу, Мариго́ взяла на руки маленькаго Гайредина и поѣхала въ Царьградъ. Тамъ, выждавъ минуту, когда сера-

---

*) *Гіонни-Лекка*, разбитый, убѣжалъ въ Өессалію; отдался самъ турецкому начальству, былъ прощенъ, получилъ даже начальство надъ иррегулярнымъ отрядомъ и служилъ долго послѣ того туркамъ; убитъ въ 52 году на войнѣ противъ черногорцевъ.

**) *Чифтликъ*—имѣніе, собственное помѣстье; противополагается *вакуфу* (собственности мечетей и церквей) или *имляку* (государственной собственности).

скиръ-паша выѣзжалъ верхомъ изъ воротъ своихъ, она схватила его лошадь за узду и, подавая ему сына, сказала:

— Убей, паша, и насъ, когда хочешь погубить отца его!

— Ты христіанка?—спросилъ сераскиръ, котораго поразили ея красота и отчаяніе.

— Да,—сказала Мариго̀.

— Рабыня?—спросилъ сераскиръ.

— Да,—отвѣчала Мариго̀.

— Если ты христіанка и рабыня, и любишь его такъ, и не ищешь своей воли, такъ я думаю, Шекиръ-бей хорошій человѣкъ, и мы отпустимъ его.

Возвратившись въ свое имѣніе, Шекиръ-бей сказалъ Мариго̀:

— Теперь я вдовъ; пусть гнѣвъ Божій разразитъ меня, если я возьму когда иную жену, кромѣ тебя, Мариго̀... Ты будешь моя жена и моя радость. Ходи въ церковь, а я буду ходить въ мечеть; держи постъ, а я буду держать Рамазанъ.

Такъ Мариго̀ стала законною супругой Шекиръ-бея; а Гайрединъ и прежде былъ законнымъ; дѣти рабы, по закону мусульманскому, дѣти того же отца, и обиды имъ нѣтъ никакой.

Въ 54 году, когда Гривасъ хотѣлъ освободить Эпиръ отъ турецкаго ига, Шекиръ-бею пришлось послужить султану мечомъ. Онъ не грабилъ и не жегъ христіанскихъ селъ, подобно другимъ албанцамъ; онъ только съ отрядомъ баши-бузуковъ принялъ участіе въ нападеніи Абди-паши на селеніе Коцильйо, въ которомъ заперся Гривасъ, на двухчасовомъ разстояніи отъ Янины.

Шекиръ-бей первый замѣтилъ, что въ тылу турецкаго отряда спускается съ горъ врассыпную толпа паликаровъ, посланныхъ греческимъ капитаномъ Зѣрвою на помощь Гривасу. Абди-паша гордился и не хотѣлъ отступить, но Шекиръ-бей уговорилъ его, зная лучше мѣстность, и небольшой султанскій отрядъ былъ спасенъ.

Благодарилъ его султанъ и взялъ за это его сына въ Константинополь на обученье.

Гайрединъ обучался тамъ европейской вѣжливости; выучился хорошо по-турецки и по-персидски и немного по-французски; греческій же языкъ ему былъ какъ родной съ дѣтства. Въ Янинѣ и настоящіе турки по-турецки не знаютъ, а говорятъ по-гречески.

Вызвалъ старый Шекиръ-бей сына въ Дельвино и былъ радъ его успѣхамъ, однако сказалъ:

— Не слѣдъ тебѣ служить писцомъ при пашахъ; это дѣло цареградскихъ *пуштовъ*; пишутъ, пишутъ они, а Турція все несчастная, и все франки и русскіе въ ней командуютъ. Ты живи здѣсь своими доходами, и я тебя скоро женю. А какъ султанъ обучать тебя велѣлъ и сдѣлалъ человѣкомъ, такъ ты можешь ему и мечомъ послужить, какъ служилъ отецъ твой...

Гайредину сначала жалко было разстаться съ Босфоромъ, съ каиками, которые, какъ стрѣлы, мчась по тихому проливу, несутъ веселыхъ людей, съ гуляньями и музыкой, съ театрами въ Перѣ, съ друзьями и съ богатыми банями цареградскими. Но противорѣчить отцу онъ не могъ, остался и привыкъ.

Невѣсту нашелъ ему отецъ богатую. Звали ее Эмине, и она была по роду и родству еще знатнѣе Гайредина: однихъ барановъ у отца ея Абдулъ-паши были тысячи...

Самъ Абдулъ былъ ужъ старъ, но еще бодръ; почетное названіе паши онъ получилъ не по чину и долгой выслугѣ, а въ одинъ годъ за службу противъ Гриваса; онъ былъ жаденъ и жестокъ; одинъ видъ его былъ страшенъ; и ростъ, и дородство, и злые глаза на выкатѣ, — все въ немъ было, чтобы наводить ужасъ. Сколько селъ христіанскихъ сжегъ и ограбилъ онъ, преслѣдуя Гриваса! Сколько мирной крови пролилъ! Янинскіе турки говорили, что сабля его заговорена однимъ святымъ шейхомъ, удлиняется, когда Абдулъ прочтетъ молитву, и достаетъ издали бѣгущую жертву.

Дочь его, Эмине-ханумъ, жена Гайредина, ничуть на

него не была похожа; она была тихая и добрая женщина.

Уже у Эмине было двое дѣтей отъ Гайредина: мальчикъ Изрединъ и дѣвочка грудная, когда Гайрединъ-бей встрѣтилъ Пембé на еврейской свадьбѣ.

Еврей Ишуа былъ самый богатый янинскій банкиръ, и паши, и консулъ не пренебрегали его знакомствомъ.

Гайредина онъ зналъ давно и не разъ давалъ ему денегъ, а Гайрединъ всегда въ срокъ уплачивалъ ему или изъ отцовскихъ доходовъ или изъ женскаго имѣнія.

Ишуа выдавалъ младшую сестру свою за молодого еврея, Марко, телеграфнаго чиновника Порты.

Свадьба была богатая, одни одѣяла атласныя, шитыя знаменитымъ золотымъ янинскимъ шитьемъ, стоили пять тысячъ піастровъ.

II.

Незадолго до свадьбы Марко съ сестрой Ишуа Гайрединъ-бей соскучился въ своихъ горахъ и пріѣхалъ одинъ безъ жены и дѣтей въ Янину, гдѣ у него былъ свой домъ съ видомъ на озеро и на древнюю крѣпость, поросшую плющомъ.

Въ тотъ же день посѣтилъ его одинъ грекъ докторъ Петропулаки. Онъ былъ знакомъ съ нимъ еще въ Константинополѣ, а когда Петропулаки, самъ родомъ эпиротъ, переселился на житье въ Янину, Гайрединъ-бей сталъ всегда прибѣгать къ нему, когда кто въ домѣ былъ нездоровъ. Они были очень дружны съ Петропулаки.

Петропулаки былъ человѣкъ еще молодой и холостой: одѣвался онъ франтомъ; высокая шляпа его была по послѣдней модѣ, и безъ перчатокъ онъ на улицу не выходилъ.

Докторомъ считался онъ знающимъ, воспитывался въ Парижѣ и Германіи, пріобрѣлъ много денегъ, несмотря на то, что Янина полна докторами, и любилъ повеселиться.

Человѣкъ онъ былъ души не дурной и легко привязывался къ тѣмъ, кого долго лѣчилъ; такъ полюбилъ онъ и семью Гайредина. Сверхъ того отецъ Гайредина, Шекиръ-бей, сдѣлалъ много пользы роднымъ доктора во время прежнихъ безпорядковъ.

Когда Петропулаки пришелъ къ бею, первое дѣло сталъ онъ упрекать его за фустанеллу.

— Сними ты этотъ варварскій костюмъ!—сказалъ онъ ему.—Человѣкъ ты образованный, а одѣваешься какъ простой.

Гайрединъ краснѣя отвѣчалъ ему, что онъ только въ Дельвино «носитъ простую одежду», а что въ Янинѣ онъ одѣвается по-европейски.

Докторъ съ чувствомъ приложилъ руку къ сердцу и сказалъ, закрывая глаза:

— Я тебя люблю и уважаю, Гайрединъ-бей, и прошу тебя... переодѣнься скорѣе. Ты знаешь, я человѣкъ крайне нервный, и фустанелла раздражаетъ меня, особенно въ человѣкѣ такой хорошей фамиліи и столь образованномъ какъ ты...

Гайрединъ переодѣлся; вмѣсто расшитой тончайшимъ золотымъ шитьемъ куртки съ откидными рукавами, вмѣсто пышной фустанеллы и красныхъ чарухъ *) онъ надѣлъ сѣрое пальто и брюки. Это платье было куплено имъ готовое у жида для представительности въ Янинѣ.

— Вотъ это дѣло другое,—воскликнулъ Петропулаки,—благодарю тебя за пріязнь, бей-эффенди мой. Теперь я вижу предъ собой человѣка, а не дикаго звѣря. Ты прости мнѣ, я говорю это тебѣ, какъ другу; я и родные мои отцу твоему жизнью обязаны, быть можетъ... Ни вы, албанцы, ни мы, греки, не пойдемъ впередъ, пока послѣднюю фустанеллу не выброситъ за окно мужикъ въ самой отдаленной деревнѣ. Посмотри, въ Европѣ всякій хлѣбопашецъ такъ же одѣтъ, какъ консулъ или посланникъ... Все одно...

— Да, это, конечно, такъ,—отвѣчалъ Гайрединъ,—пора

*) Весьма красивая обувь.

бы всѣ эти закоснѣлыя вещи бросить; я и въ деревнѣ ношу, потому что, знаешь, народу это пріятнѣе...

Поговорили они еще по-пріятельски и собрались вмѣстѣ на свадьбу къ Ишау, — докторъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и круглой шляпѣ, а Гайрединъ — въ сѣромъ пальто и фескѣ.

Свадьбы въ Янинѣ празднуютъ и евреи и греки ночью. На еврейскихъ свадьбахъ гости жениха собираются у жениха въ домѣ и веселятся до полуночи, а въ полночь съ зажженными свѣчами идутъ въ домъ невѣсты. Выведутъ изъ внутреннихъ покоевъ невѣсту; поставятъ ее вмѣстѣ съ женихомъ предъ камнемъ, покроютъ ихъ обоихъ бѣлымъ покрываломъ. Читается молитва; новобрачнымъ даютъ пить вино; женихъ разбиваетъ стаканъ о камень; мужчины кругомъ поютъ; къ головѣ молодыхъ прикладываютъ по нѣскольку разъ живого пѣтуха... Обрядъ конченъ, и шествіе трогается опять съ зажженными свѣчами по тихимъ улицамъ. Музыка играетъ впереди; дѣти поютъ, пляшутъ и кричатъ вокругъ музыкантовъ. Толпа идетъ медленно; невѣсту поддерживаютъ подъ руки, она должна быть слаба, потрясена, убита... Она не смѣетъ поднять глазъ на веселую толпу...

Въ домѣ молодого опять всѣ пьютъ, ѣдятъ, поютъ и пляшутъ до разсвѣта...

На свадьбѣ сестры Ишуа все было такъ, какъ бываетъ у другихъ, но все было богаче и веселѣе.

На свадьбѣ, кромѣ доктора и бея, былъ еще французскій консулъ и многіе богатые греки и евреи.

Гайрединъ-бей сидѣлъ на диванѣ въ залѣ, между французскимъ консуломъ и докторомъ Петропулаки, когда хозяинъ дома подошелъ къ нимъ и спросилъ почтительно, не прикажутъ ли они плясать цингистрамъ.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ французскій консулъ.

И Пембе начала танцовать, звеня колокольчиками *).

---

*) Строго говоря, танцовщицы, или, по-здѣшнему, *цингистры*, которыя пляшутъ въ Битоліи и Янинѣ, звонятъ не колокольчиками, а мѣдными маленькими тарелочками, привязанными къ пальцамъ.

Она плясала долго; выгибалась назадъ, кружилась и присѣдала, опять кружилась, и опять выгибалась назадъ какъ тростникъ... То шла медленно и скромно, нагибая блѣдную голову на сторону; то опять неслась, трепетала всѣмъ тѣломъ подъ звонъ мѣди и вдругъ остановилась предъ консуломъ, улыбаясь и звеня.

Консулъ далъ ей наполеондоръ. Она остановилась предъ беемъ, и Гайрединъ далъ ей двѣ лиры; докторъ съ досадой и презрѣніемъ вынулъ пять франковъ.

— Какой варварскій обычай!—сказалъ онъ Гайредину.— Какъ могли позволить этимъ побродягамъ просить деньги у гостей!.. Пригласить на свадьбу и грабить!..

— Нѣтъ! — отвѣчалъ Гайрединъ, которому Пембе́ уже понравилась немного,—зачѣмъ же у бѣдняковъ отнимать хорошій случай...

— Что̀ вы говорите, докторъ? — спросилъ французскій консулъ.

— Я ненавижу наше азіатство, наше здѣшнее варварство...—отвѣчалъ Петропулаки. — Что значитъ этотъ танецъ? Это можетъ занимать какихъ-нибудь ремесленниковъ или турецкихъ солдатъ, а не насъ... И вашему сіятельству вовсе не весело смотрѣть на такія презрѣнныя вещи послѣ парижскаго кордебалета!..

— Нѣтъ, — отвѣчалъ французскій консулъ, — я, напротивъ того, люблю азіатскія вещи. Европа мнѣ надоѣла... Когда я служилъ въ Алжирѣ и дѣлалъ сирійскую экспедицію, я почти всегда, когда могъ, одѣвался по-арабски. Въ вашей странѣ мнѣ многое нравится...

— Ваше сіятельство слишкомъ добры,—отвѣчалъ Петропулаки.

— Кордебалетъ мнѣ надоѣлъ,—продолжалъ французъ,— а этотъ танецъ имѣетъ сходство съ испанскою качучей или болеро...

— Конечно, — возразилъ склонясь докторъ, — сходство съ болеро поразительное, но надо видѣть Фанни-Эльслеръ, а не эту несчастную Пембе́...

— Фанни-Эльслеръ въ послѣднее время была очень тол-

ста... Tandis que cette petite morveuse de Pembé me semble...

— Не отрицая ея грацiи, я только говорю, что эти блѣдныя лица не въ моемъ вкусѣ.

— Это дѣло вкуса, — сказалъ консулъ. — Вы докторъ и, конечно, матерiалистъ, а я люблю дѣвушекъ такихъ какъ эта Пембé, — блѣдныхъ, болѣзненныхъ и воздушныхъ... Поди сюда, мое дитя... вотъ тебѣ еще деньги, купи себѣ хорошее платье и новый тамбуринъ... Ah! la pauvrette! Elle est bien heureuse maintenent.

Докторъ сказалъ консулу, что у него, должно быть, предоброе сердце.

— Vous le croyez? — спросилъ консулъ съ презрѣнiемъ.

Гайредину было очень прiятно, что такой просвѣщенный человѣкъ, французъ и консулъ, хвалитъ Пембé. Послѣ этихъ похвалъ танцовщицѣ и всему азiатскому онъ сталъ смѣлѣе.

Консулъ вскорѣ удалился. Гости пошли за невѣстой и привели ее.

Послѣ консула Гайрединъ былъ выше всѣхъ по званiю. По его предложенiю хозяинъ опять заставилъ плясать Пембé, которую отправили внизъ ѣсть со слугами. Когда она кончила и почтительно присѣла наземь предъ нимъ, прикладывая руку ко лбу, онъ далъ ей еще нѣсколько золотыхъ.

Уже стало свѣтать, и съ горъ надъ Яниной подулъ прохладный вѣтерокъ, когда Гайрединъ-бей сѣлъ на лошадь, которую подвелъ ему его молодой арабъ.

Проѣзжая по двору, онъ въ толпѣ слугъ и гостей увидалъ Пембé; она сидѣла пригорюнившись на камнѣ, и при утреннемъ свѣтѣ лицо ея показалось бею еще блѣднѣе и грустнѣе.

III.

Мѣсяца три Гайрединъ-бей не видалъ Пембé. Онъ жилъ въ своемъ имѣнiи, сбиралъ деньги съ селянъ, шутилъ съ маленькимъ Изединомъ (безъ ума любилъ онъ своего

сына), ласкалъ свою жену. Поднимался съ горъ утренній вѣтеръ, онъ вставалъ, пилъ воду съ вареньемъ, билъ въ ладоши, и арабъ приносилъ ему наргиле подъ деревянный навѣсъ балкона. Жарче и жарче грѣло солнце къ полудню обнаженные холмы; громче и громче пѣли тысячи цикадъ на высокихъ дубахъ, и дальнія села утопали въ знойномъ воздухѣ долинъ.

Наставалъ обѣдъ, и сонъ приходилъ своимъ чередомъ. Добрая жена вставала, когда молодецъ мужъ входилъ въ гаремъ; она спрашивала его покорно: «что угодно тебѣ, господинъ мой?» А когда мужъ просилъ ее сѣсть и обращался къ ней съ ласковою рѣчью, добрая душа ея веселилась, и свѣтлѣе становились очи. И она уже не рабой законной, а милой подругой говорила ему: «Что ты мало ѣшь, мой дорогой, моя душка! кушай, кушай на здоровье, ягненокъ ты мой, очи ты главы моей...»

А Гайрединъ, вздохнувъ вздохомъ счастья, отвѣчалъ ей, привлекая ее на грудь свою: «Ты, султанша моя, на радость дана мнѣ Богомъ. Про тебя сказалъ пророкъ: «тамъ «юныя дѣвы будутъ глядѣть скромными очами, дѣвы, кото«рыхъ прелестей не оскверняль никогда ни человѣкъ, ни «духъ, созданный изъ чистаго огня. Онѣ будутъ подобны «гіацинту и жемчугу».

Старый Шекиръ-бей любовался на нихъ; пріѣзжалъ не разъ и тесть Гайредина, Абдулъ-паша, на лихомъ жеребцѣ, съ двадцатью молодцами. Кто пѣшій, кто на конѣ, всѣ на подборъ красовались за нимъ, во всю дорогу пѣли пѣсни о томъ, какъ Гривасъ вышелъ въ Эпиръ и какъ съ нимъ и съ его греками бились албанскіе мусульмане...

Долго бы такъ прожилъ Гайрединъ-бей и не увидалъ бы долго Пембе, если бы чрезъ три мѣсяца не выбрали его въ члены большого идаре-меджлиса *), который со всего вилайета сбирался въ Янину судить вмѣстѣ съ пашой о дѣлахъ.

Когда въ Янину представили списки всѣхъ мусульманъ

*) *Идаре-меджлисъ* — административный совѣтъ новаго устройства.

и не мусульманъ, которыхъ жители прочили въ это присутствіе, паша не совсѣмъ былъ доволенъ тѣмъ, что нашелъ въ нихъ имя Шекиръ-бея. «Не по сердцу мнѣ эта албанская голова упрямая!»—сказалъ онъ; а вычеркнуть его имени изъ списка не хотѣлъ... Однако слова эти слышали люди, и они дошли до Шекиръ-бея; Шекиръ-бей сказалъ сыну:

— Пускай лучше тебя занесутъ въ списки. Ты человѣкъ молодой и лучше моего обойдешься съ ними; а я вмѣстѣ съ пашой народъ обманывать не хочу. Мнѣ дороги не нужны, я и безъ дорогъ проживу хорошо. А имъ нужны дороги, чтобы войска водить на грековъ и на насъ, если которые изъ насъ вспомнятъ о старой свободѣ албанской. Пусть отрываютъ народъ отъ работъ полевыхъ и гонятъ камни ломать, дорогъ они хорошихъ не построятъ; придетъ осень, побѣгутъ ручьи, и вся дорога ихъ грязью станетъ, по которой лошадямъ труднѣе будетъ ходить, чѣмъ по камнямъ; а народъ отъ работъ оторвутъ, и будетъ селянинъ проклинать опять власть султана; и возстанетъ опять, когда тотъ, кому слѣдуетъ, скажетъ ему «возстань!» А мы, албанскія толстыя головы, опять за него будемъ биться и женъ, и дѣтей нашихъ сиротами оставимъ.

Когда узналъ народъ, что не старикъ поѣдетъ въ Янину на совѣтъ, а Гайрединъ, многіе пожалѣли. Иные, не только изъ албанцевъ, но и христіане говорили: «что Гайрединъ!»

А другіе сказали: «что Гайрединъ, что старикъ, все равно. Люди они оба хорошіе; а житья намъ лучше не будетъ, сколько совѣтовъ ни собирай».

А сельскій учитель, грекъ, который прожилъ три года въ Аѳинахъ, сказалъ деревенскимъ грекамъ еще хуже:

— Гляжу я на васъ и дивлюсь, какіе вы всѣ варвары, деревенскіе люди! Кажется, какъ бы не просвѣтиться вамъ: скоро во всемъ Эпирѣ не будетъ ни одного безграмотнаго грека; деревни ни одной нѣтъ безъ школы... Знайте вы, чѣмъ хуже для васъ, тѣмъ лучше! Такіе беи, какъ Шекиръ-бей и Гайрединъ, для васъ хуже всякаго врага;

потому что они честные и добрые люди, а вамъ нужны изверги, вамъ пытка нужна, чтобы въ васъ кровь заиграла и чтобы вы людьми стали. Добрый бей, честный паша— великое несчастіе для грековъ!

Крестьяне надъ его словами задумались, и одинъ старикъ сказалъ:

— Не бойся, учитель, и мы люди! И мы знаемъ, что мы греки, и съ турками не помирятъ насъ ни Гайрединъ, ни Шекиръ-бей. А время наше не пришло, ты самъ это знаешь...

Въ идаре-меджлисѣ нашлось много дѣла: распредѣленіе новыхъ податей; разборъ жалобъ крестьянъ на беевъ и беевъ на крестьянъ, или жалобъ крестьянъ на жидовъ и богатыхъ грековъ, которые въ послѣднее время скупили у иныхъ беевъ *чифтлики;* разсужденія о томъ, гдѣ начать проводить дороги по ущельямъ и стремнинамъ гористаго вилаета; турки янинскіе жаловались, что правительство не заводитъ имъ гимназіи.

— Намъ нужны прежде всего языки,—говорили богатые беи,—намъ нуженъ турецкій языкъ, котораго мы не знаемъ: это языкъ правительства, девлета; *) намъ нуженъ греческій языкъ: это языкъ здѣшнихъ жителей; намъ нуженъ французскій: это языкъ европейскаго просвѣщенія... Мы во всемъ отстали отъ грековъ. У грековъ были благодѣтели, которые разбогатѣли въ Россіи и Молдавіи и завѣщали имъ милліоны на устройство школъ въ Эпирѣ, а за насъ кому же думать, какъ не падишаху? Но падишахъ не думаетъ о насъ; онъ строитъ себѣ дворцы.

— Падишахъ сталъ гяуромъ,—отвѣчали на это беямъ улемы.—Падишахъ празднуетъ день своего рожденія какъ невѣрные короли. Всѣми дѣлами правятъ хитрецы Фаудъ и Аали-паша... Ужъ, слышно, женъ и дочерей нашихъ стали считать и записывать въ списки ихъ имена. Въ Эдирне-вилаетѣ **) ужъ сдѣлали это, и ни одна собака не рѣши-

---

*) *Девлетъ* — государство.

**) *Эдирне* — Адріанополь.

лась стать на порогѣ своего дома и обнажить мечъ на защиту святыни своего гарема.

Умы были давно въ волненіи; въ Критѣ греки уже подняли знамя возстанія; въ народѣ ходили ложные слухи о томъ, что русскіе уже двинули несмѣтныя войска къ Дунаю, что сербскій князь скоро нападетъ на Боснію, что Черногорія готова къ бою, будто Франція помогаетъ Россіи и увозитъ на своихъ пароходахъ семьи грековъ изъ Крита, чтобы легче и успѣшнѣе было грекамъ лить мусульманскую кровь. «И тутъ гяуръ, и здѣсь гяуръ!» говорили турки. «Приходитъ конецъ царству правовѣрныхъ, и Врата Блаженства (Царьградъ) скоро будутъ отверсты для свирѣпыхъ псовъ Московіи!»

Вздыхали радостнѣе старые греки въ неприступныхъ селахъ горныхъ округовъ и, поднимая глаза къ небу, говорили: «Да здравствуетъ Россія, надежда наша! Да здравствуетъ единственный столбъ православія въ мірѣ! Россія дала намъ не только свою поддержку, она дала намъ дружбу Америки, она даетъ намъ теперь дружбу Франціи, она спасетъ насъ несчастныхъ отъ турка!»

Старуха, слушая мужа, шептала молитву Божіей Матери, а сынъ, молодой *паликаръ*, сверкая очами, уже хватался за рукоятку ятагана.

Албанцы одни изъ всѣхъ жителей Эпира оставались непроницаемы; необузданная, молодецкая воля ждала молча слова богатыхъ дворянъ, вождей своихъ, и вымолви вожди это слово, безъ разбору полилась бы и христіанская, и турецкая кровь...

— Пойдешь со мной на султана въ Константинополь?— сказалъ когда-то одинъ грекъ своему знакомому албанцу.

— Въ адъ пойду!—отвѣчалъ албанецъ, обнажая ножъ,— скажи только, сколько лиръ золотыхъ ты мнѣ дашь за это?

Въ такое-то трудное время пришлось Гайредину засѣдать въ идаре-меджлисѣ янинскомъ.

Феимъ-паша, черкесъ, предсѣдавшій самъ въ этомъ совѣтѣ, былъ человѣкъ блестящаго ума и высокаго свѣтскаго воспитанія. Онъ былъ не разъ посломъ при европей-

скихъ дворахъ, имѣлъ ленты св. Анны, Почетнаго Легіона и Меджидіе. Жизнь его была исполнена событій. Рожденный въ глухомъ кавказскомъ аулѣ, онъ былъ проданъ родными за тысячу піастровъ одному могущественному пашѣ, который сражался въ 20-хъ годахъ въ Греціи, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ греками и отпущенъ ими съ отрѣзанными ушами.

— Живи, звѣрь,—сказалъ ему тотъ капитанъ, который отсѣкъ ему уши,—живи, звѣрь, и помни, что такое эллинъ! Мы хотимъ, чтобы младенцы ваши трепетали въ утробѣ турчанокъ, когда произнесено будетъ слово «эллинъ». Живи!

И старикъ жилъ долго и помнилъ грековъ.

Съ раннихъ лѣтъ Феимъ-черкесъ всосалъ ненависть ко всему, что носитъ имя грека.

Ребенкомъ Феимъ былъ красивъ, умиленъ, смѣлъ и хитеръ. Старый паша, воспитавшій его, звалъ его «сыномъ» и гордился имъ. Онъ вывелъ Феима на дорогу, женилъ его на дѣвицѣ султанской крови и скончался на рукахъ его. Феимъ шелъ впередъ уже самъ. Сорока шести лѣтъ онъ былъ уже великимъ визиремъ и палъ лишь потому, что не сумѣлъ угодить французскому послу. Тогда ему дали вилаетъ и приказали мудро сочетать осмотрительность съ энергіей. Съ этимъ общимъ правиломъ и онъ былъ согласенъ, но Фуада и Аали, низвергнувшихъ его, онъ ненавидѣлъ и не слушалъ и, увѣренный въ личной силѣ своей, не разъ рвалъ въ клочки ихъ предписанія.

Возмущенный вліяніемъ французовъ на дѣла Турціи, онъ, послѣ паденія своего, соединился съ тою старою турецкою партіей, которая ненавидитъ реформы въ пользу христіанъ, не зажигаетъ плошекъ на минаретахъ въ день рожденія султана, мечтаетъ вырѣзать всѣхъ грековъ и болгаръ, но считаетъ ихъ и русскихъ все-таки выше франковъ за то, что они не исказили, какъ исказили франки, данныхъ имъ свыше книгъ. Феимъ-паша соединился съ партіей, которая неуклонно содержитъ Рамазанъ, не пьетъ вина и говоритъ, что Турція гніетъ съ того ужаснаго дня, когда султанъ

Махмудъ обагрилъ цареградскіе камни кровью великихъ янычаръ.

Партія эта не видная и слабая въ мирное время можетъ еще стать ужасною въ смутную годину и подъ рукой просвѣщеннаго вождя.

Феимъ-паша соединился съ этою партіей, несмотря на то, что говорилъ по-французски какъ парижанинъ, несмотря на то, что былъ посломъ въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Лондонѣ, несмотря на то, что у него было въ теченіе его жизни двѣ жены изъ христіанокъ, одна гречанка, которая задушила въ ваннѣ его араба-евнуха изъ-за гаремной распри, а другая—француженка, которую онъ самъ разъ едва было не убилъ: такъ нестерпимъ былъ ея буйный нравъ; несмотря, наконецъ, на то, что любилъ стихи Байрона и романы Жоржъ-Зандъ.

Прибывъ къ своей новой должности, на которую онъ смотрѣлъ какъ на изгнаніе, Феимъ-паша держалъ себя съ недоступною гордостью, смѣялся надъ Фуадомъ, сочинялъ стихи на французовъ, ласкалъ ходжей и ѣздилъ на поклоны къ старому шейху, который въ городѣ считался святымъ. Во время Рамазана паша ѣлъ и курилъ днемъ, но только запершись даже и отъ жены своей и довѣряясь лишь одному слугѣ своему армянину.

Съ греками онъ обращался сначала холодно, но не дерзко (онъ не забывалъ осторожности); французскаго и австрійскаго консуловъ онъ принялъ въ туфляхъ и получилъ за это выговоръ изъ Царьграда; съ англійскимъ обошелся крайне почтительно, но сдержанно; а русскаго, на зло Фуаду, принялъ съ распростертыми объятіями, шутилъ и смѣялся съ нимъ, не выпускалъ отъ себя часа два и даже, провожая его до дверей, сказалъ ему съ радушіемъ: «Croyez moi, mon cher consul, qu'un russe et un turc s'entendrons toujours mieux entre eux qu'avec ces messieurs'là... Nous commes plus larges, plus genereux, moins mesquins...»

— Къ тому же,—прибавилъ онъ,—я вѣдь землякъ вамъ, кавказецъ.

Французъ и австріецъ выходили изъ себя.

Таковъ былъ Феимъ-паша, черкесъ. Когда Гайрединъ-бей въ первый разъ представился ему, паша принялъ его сначала гордо и сухо, сурово и разсѣянно; приложилъ руку къ фескѣ въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ; не пошевельнулся съ кресла и молча указалъ ему на дальній диванъ. Гайрединъ сѣлъ. Паша позвонилъ; спросилъ себѣ чубукъ, а Гайредину не предлагалъ даже ни папиросы, ни кофе; занимался при немъ долго дѣлами, звалъ дефтердара и отпускалъ его, звалъ муавина, звалъ мехтубчи-эффенди *), прикладывалъ печать и только мимоходомъ, между двумя телеграммами, изъ которыхъ одну онъ съ презрѣніемъ бросилъ на диванъ (она была отъ Аали-паши), спросилъ у смущеннаго и оскорбленнаго албанца.

— Какъ здоровье вашего отца?

Скоро послѣ этого вопроса вошелъ въ бѣлой чалмѣ мюфетишь, по новому уставу предсѣдатель и глава всѣхъ судовъ вилаетскихъ, полудуховный сановникъ, назначаемый самимъ Шейхъ-уль-исламомъ. Паша стремительно кинулся ему навстрѣчу, не далъ ему прикоснуться къ своей полѣ и прикоснулся, низко нагнувшись, самъ къ его халату, посадилъ около себя съ тысячами привѣтствій и поклоновъ, ударилъ въ ладоши (колокольчика онъ не тронулъ) и приказалъ скорѣе подать воды съ вареньемъ, кофе и два чубука.

Гайрединъ всталъ, поклонился и вышелъ, глубоко оскорбленный.

— Кто этотъ мальчикъ?—спросилъ мюфетишь.

— Новый членъ нашего идаре-меджлиса, албанскій бей, изъ старой и богатой семьи...

— Какихъ молодыхъ стали выбирать! Ему не больше двадцати двухъ лѣтъ,—сказалъ мюфетишь.

— Нѣтъ, я думаю, больше. Онъ кажется молодымъ, потому что бѣлокурый и брееть бороду.

— Странный народъ эти албанцы, — замѣтилъ мюфе-

---

*) *Дефтердаръ*—казначей, *муавинъ*—помощникъ, въ родѣ чиновника по особымъ порученіямъ; *мехтубчи*—правитель канцеляріи вилаета.

тишь.—Съ виду точно греки въ фустанеллахъ, а у нихъ свой языкъ.

— И своя вѣра,—отвѣчалъ паша съ презрѣніемъ,—или, лучше сказать, у нихъ нѣтъ ни вѣры, ни совѣсти. Въ другихъ частахъ Албаніи они ставятъ свѣчки въ христіанскихъ церквахъ и держатъ посты, какъ гяуры, тамъ обрѣзываются, какъ мы, и празднуютъ Рамазанъ, а здѣсь всѣ *бекташи* *), скрываютъ свои обряды и пьютъ вино какъ свиньи. На этотъ варварскій народъ надѣяться нечего...

— Дикій народъ!—со вздохомъ согласился мюфетишь.

IV.

Не прошло и недѣли послѣ разлуки Гайрединъ-бея съ его гаремомъ, какъ докторъ Петропулаки позвалъ его на холостую вечернюю пирушку. Съ тѣхъ поръ какъ французскій консулъ похвалилъ Пембе́ и доктору она стала больше нравиться, онъ позвалъ цыганъ на свой вечеръ. Цыгане эти, съ которыми ѣздила Пембе́, знали немного и европейскую музыку. Отъ захожденія солнца и до утренней зари не умолкали скрипки, кларнеты и тамбурины въ просторномъ домѣ доктора. Все веселилось; были тутъ Корфіотъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, Цукала́, который звалъ себя археологомъ, были двое консульскихъ драгомановъ, былъ одинъ родственникъ доктора, молоденькій аѳинскій студентъ, щеголь такой, что въ Янинѣ и не видали еще. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ къ отцу и на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Былъ еще одинъ пожилой членъ того же меджлиса, въ которомъ пріѣхалъ засѣдать Гайрединъ, семейный и умный человѣкъ, Киръ Костаки Джимопуло. Онъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ оживляли всѣхъ; только старикъ, рослый, крѣпкій на вино и осторожный, удивлялъ всѣхъ достоинствомъ, съ которымъ онъ умѣлъ пировать и шутить, а Цукала́ опья-

*) **Бекташи**, — такъ иногда зовутъ истые турки ту ересь, къ которой привержены многіе албанцы и которая сходна съ ересью персидскихъ *шіитовъ*.

нѣлъ сразу и сталъ какъ изступленный. Къ утру Гайрединъ-бей былъ безъ ума отъ Пембé. Проплясала она разъ и, звеня колокольчиками, ужъ не просто остановилась передъ беемъ, какъ на еврейской свадьбѣ, а сѣла улыбаясь на его колѣни. Бей смутился немного, особенно, когда всѣ закричали «браво!» Онъ далъ ей золотой, она сошла съ его колѣнъ, прошлась еще разъ кругомъ комнаты и сѣла къ старику; старикъ тоже скоро отпустилъ ее. Такъ она обошла всѣхъ поочередно; но когда дошла очередь до студента, то онъ долго держалъ ее и твердилъ ей: «Пембека моя! Пембула моя! Какъ ты мила!» Онъ говорилъ ей это по-гречески, а она кромѣ «благодарю» да «здравствуй» по-гречески ничего не знала. Этимъ бѣдный мальчикъ такъ надоѣлъ ей, несмотря на то, что былъ очень свѣжъ и красивъ, что она другой разъ во весь вечеръ не подпускала его къ себѣ и говорила ему: *гидъ! гидъ!* (Ступай вонъ!).

Всѣ уже были выпивши; выпилъ и Гайрединъ, но настолько, чтобы не забыться, а лишь повеселѣть. Джимопуло подавалъ всѣмъ примѣръ веселья. Онъ приказывалъ, чтобы слуги доктора прежде всѣхъ подавали сладости и кофе, и вино Пембé, какъ дѣлаютъ европейцы съ дамами.

За нимъ и докторъ, надѣвъ лорнетъ, пытался быть любезнымъ: студентъ становился предъ цыганкой на колѣни, несмотря на то, что она кричала ему: «гидъ! гидъ!»

Цукалá былъ внѣ себя; онъ кидался изъ угла въ уголъ, плясалъ предъ Пембé, съ разбѣгу вскакивалъ на диванъ и соскакивалъ съ него, декламировалъ предъ Пембé трагическіе стихи:

Гдѣ ты? Гдѣ я? Огонь и кровь! О ужасъ!...
О ужасъ дней моихъ и жизни преступленье!
Томись, душа моя, въ безвыходномъ томленьѣ!
Вонми!...

Пембé слушала съ насмѣшкой и прикладывала руку ко лбу и сердцу. Такъ и видѣлъ бей на лицѣ ея: «какой чудакъ этотъ гяуръ!» Внимательна Пембé была только къ хозяину дома, къ Джимопуло и къ Гайредину. Гайрединъ

какъ увидалъ, что всѣ съ ней шутятъ и обращаются нарочно, какъ съ госпожей, ободрился тоже и забылъ свою мусульманскую скромность. Она отдыхала на диванѣ, онъ сѣлъ около нея и спросилъ у ней, зачѣмъ она гонитъ студента. «Красивый мальчикъ», сказалъ онъ ей по-турецки. Кромѣ Джимопуло и двухъ драгомановъ никто этого языка не зналъ, а они всѣ трое ушли въ другіе покои.

— Зачѣмъ ты гонишь этого мальчика?—спросилъ опять Гайрединъ.

— Мальчикъ, — отвѣчала Пембé.

— Чѣмъ моложе, тѣмъ лучше, — сказалъ Гайрединъ.

— Нѣтъ; я такихъ молодыхъ не люблю,—сказала цыганка.—Тѣ люди, у которыхъ борода растетъ, больше знаютъ.

Что за угрюмое и что за усталое лицо было у нея, когда она такъ льстила Гайредину.

— У старыхъ больше денегъ,—сказалъ съ усмѣшкой бей.

— Я не деньги люблю, а человѣка!—отвѣчала Пембé.

— Не деньги?—сказалъ бей;—а если я тебѣ новое платье сдѣлаю, ты будешь рада... не лги!

— Сдѣлай,—отвѣчала она,—это ужъ старо. Да еще мнѣ курточку золотую нужно.

И все говорила она тихо, не спѣша, и въ глаза ему глядѣла, точно тоскуя или болѣя отъ усталости и пляски.

Недолго просидѣли они одни; Цукалá прибѣжалъ какъ безумный, крича: «Evviva! Да здравствуетъ нашъ добрый бей!» и закрылъ его вмѣстѣ съ Пембé полотняною покрышкой съ дивана. Пембé хотѣла было оттолкнуть его, но бей тихо удержалъ ее и подъ полотномъ приблизилъ губы свои къ ея губамъ. Пембé поцѣловала его крѣпко, а потомъ сбросила полотно и сказала:

— Цукалá, ты что? съ ума сошелъ сегодня...

— Zito! да здравствуетъ Пембé-ханумъ!—закричалъ археологъ, поднимая бокалъ...

— Zito.... Пембé!—кричалъ студентъ.

Музыка заиграла, бокалы поднялись и чокнулись.

— Zito, Пембé! — закричали всѣ греки.

Пембé благодарила всѣхъ не смущаясь.

За ужиномъ Пембе́ сидѣла съ господами, а другихъ музыкантовъ и старуху, тетку ея, которая играла на тамбуринѣ, отправили внизъ ѣсть со слугами. Часовщику пришла мысль посадить Пембе́ за столъ; докторъ взялъ ее самъ подъ руку и повелъ впередъ. Пембе́ немного испугалась и, отталкивая его, озиралась и спрашивала:

— Не варъ? Не варъ *)? Куда онъ меня ведетъ?..

Гайрединъ, смѣясь, успокоилъ ее, и какъ только она поняла, что отъ нея ничего не требуютъ, а хотятъ лишь величать ее, тотчасъ же приняла опять свой задумчивый и суровый видъ. Дѣтская непринужденность ея обращенія снова во все время ужина плѣняла Гайредина. Хозяинъ посадилъ ее около бея; Джимопуло самъ накладывалъ ей кушанья; совѣтовалъ ей кушать руками, не стѣсняясь; «мы люди старые, не брезгаемъ этимъ, а молодые простятъ тебѣ это за твои черные глаза», говорилъ старикъ. Но Пембе́ ничего не ѣла; разъ взяла пальцемъ немного мозга изъ головы барашка и чуть касалась губами вина, которое ей безпрестанно предлагали. Она все время глядѣла на Гайредина и улыбалась, когда онъ улыбался ей.

— Паша мой! — сказала она ему наконецъ тихо, подъ звукъ стакановъ и шумъ разговора, — паша мой! а паша мой?

— Чего ты хочешь? — спросилъ Гайрединъ.

— Люблю тебя! — отвѣчала Пембе́.

Гайрединъ покраснѣлъ и съ радостью замѣтилъ, что никто не слыхалъ ея словъ.

— Паша мой, — сказала Пембе́, — я больна, кузумъ **), — паша мой.

— Чѣмъ же ты больна, дочь моя? — спросилъ Гайрединъ.

— Лихорадка давно у меня; оттого я такъ худа. Потрогай мои руки, паша мой, видишь, какія онѣ нѣжныя.

---

*) «Что такое? Что есть?»

**) *Кузумъ*—по-турецки барашекъ, ягненокъ; ласкательное слово, которое не только турки, но и христіане, особенно женщины, часто употребляютъ на Востокѣ. Слово это у нихъ звучитъ очень душевно.

Я прежде не была такъ худа. И послѣ, если пройдетъ лихорадка, я стану опять красивая и толстая.

Словъ Пембе́ не слыхалъ никто, но движеніе бея, когда онъ взялъ руку Пембе́, не скрылось отъ другихъ гостей.

— Нашъ бей идетъ впередъ! — закричалъ хозяинъ дома. — Люблю бея, который умѣетъ устраивать дѣла свои! Да здравствуетъ бей! Zito! Да здравствуютъ албанцы, друзья наши!

Всѣ греки закричали «Zito», и Гарейдинъ благодарилъ грековъ и за себя, и за народъ свой.

— Постойте, — сказалъ Цукала́, всталъ, простеръ руку и началъ такъ: — Албанцы, добрые сосѣди грековъ, издревле обожали свободу, подобно намъ. Албанцы, по моему взгляду, не что иное, какъ древніе пелазги. Эллины, устремившись съ востока гораздо позднѣе...

— Довольно, — замѣтилъ Джимопуло, — избавьте насъ теперь отъ археологіи и политики. Здѣсь у насъ другія заботы. Я вижу, что Пембе́ ничего не кушаетъ. Выпьемъ лучше еще разъ за здоровье Пембе́ и пожелаемъ ей долго жить, расти и выйти замужъ за здороваго молодца вотъ съ такими плечами... Живи, моя бѣдная дѣвушка! — прибавилъ старикъ и погладилъ Пембе́ по головкѣ.

Всѣ стали опять пить за здоровье цыганочки, которая очень почтительно и прилично благодарила всѣхъ, но сама отъ вина опять отказалась.

Цукала́ не хотѣлъ успокоиться; онъ былъ совсѣмъ пьянъ и предложилъ тостъ за православіе, который всѣми греками былъ принятъ съ восторгомъ, кромѣ Джимопуло и одного изъ драгомановъ (австрійскаго); они переглянулись; драгоманъ пожалъ плечами, а Джимопуло всталъ и хотѣлъ сказать что-то, но греческій драгоманъ, пламенный молодой корфіотъ, выпивъ свой бокалъ, произнесъ:

— Да здравствуетъ православіе! Пусть оно идетъ впередъ, развивается на погибель всѣмъ врагамъ своимъ!.. (Онъ взглянулъ съ дружескою насмѣшкой на своего австрійскаго товарища.)

Всѣ еще разъ выпили, вставши; и Гайрединъ, и Пембé тоже встали и приложили бокалы къ губамъ.

Разгоряченный виномъ, криками и музыкой, которая въ это время опять заиграла, корфіотъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь о православіи (скрытый смыслъ ея понималъ всякій), но Джимопуло возвысилъ голосъ и сказалъ твердо, внятно и внушительно:

— Мнѣ кажется, мы больше окажемъ уваженія и преданности святой религіи, которую исповѣдуемъ, если не будемъ упоминать о ней на пирушкѣ.

Всѣ замолчали, и ужинъ кончился уже безъ новыхъ политическихъ намековъ.

Во время ужина подъ столомъ Гайрединъ нѣсколько разъ клалъ въ руку Пембé золотыя монеты, такъ что къ разсвѣту у нея собралось столько денегъ, сколько нужно бѣдной дѣвушкѣ въ Турціи на приданое.

Она шопотомъ благодарила его и клала деньги въ карманъ своей курточки.

— Зачѣмъ же ты пляшешь такъ много, когда ты больна? — спросилъ онъ ее тихо, пока греки шумѣли и спорили.

— Хлѣбъ нуженъ, милый паша мой; тетка меня бьетъ, когда я не пляшу... — отвѣчала она.

Уже разсвѣтало, когда кончилась пирушка. Всѣ гости, кромѣ Гайредина и стараго Джимопуло, были такъ пьяны, что слуги развели ихъ по домамъ; а хозяинъ уснулъ на диванѣ, не простившись съ гостями.

Джимопуло и Гайрединъ вышли вмѣстѣ пѣшкомъ. Слуги ихъ шли впередъ съ погашенными фонарями; заря занималась уже надъ горою. Въ домахъ просыпались, и изъ старыхъ гречанокъ многія уже вышли на пороги жилищъ своихъ съ пряжей и шитьемъ. Очаги начинали дымиться; въ дальнемъ лагерѣ слышался рожокъ, и одна молодая христіанка, больная, блѣдная и грустная, вынесла на улицу своего ребенка и стала качать его въ люлькѣ.

Проходя мимо нея, Гайрединъ сказалъ старику Джимопуло:

— Какъ рано трудятся эти люди!

Блѣдная женщина подняла на нихъ усталый взоръ и сказала съ досадой:

— Что жъ дѣлать! мы не беи и не купцы, намъ гулять некогда...

— Правду она говоритъ, — сказалъ Гайрединъ.

— Правду говоритъ, — сказалъ Джимопуло. — И хорошо дѣлаетъ бѣдный народъ нашъ, что трудится. Ему нужны спокойствіе, мирный трудъ, промышленность и школы, и большой грѣхъ берутъ на душу тѣ люди, которые хотятъ увлечь грековъ несбыточными надеждами. Несчастные критяне! Несчастные будемъ и мы, если послѣдуемъ ихъ примѣру или словамъ такихъ дураковъ, какъ этотъ корфіотъ...

— Да! — сказалъ Гайрединъ, — часъ онъ выбралъ нехорошій, чтобы пить за вашу вѣру.

Джимопуло проводилъ бея до дверей его дома и простился съ нимъ. Уходя, онъ напомнилъ Гайредину, что спать имъ придется мало, потому что завтра будетъ меджлисъ...

— Будемъ проводить шоссе, — сказалъ онъ улыбаясь.

— На бумагѣ? — прибавилъ, тоже улыбаясь, Гайрединъ.

— Наше дѣло бумага, — сказалъ Джимопуло. — Пусть другіе разбиваютъ скалы и мѣсятъ грязь. Это дѣло самыхъ большихъ людей и самыхъ простыхъ, а мы, ни самые большіе, ни самые малые, должны заниматься бумагой...

Джимопуло такъ понравился Гайредину, что онъ просилъ его зайти послѣ отдыха, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о многомъ, до засѣданія въ меджлисѣ.

Спать Гайрединъ уже не могъ; велѣлъ закрыть ставни и подать себѣ лампу, наргиле и кофе; заперся и раздѣвшись, сталъ писать стихи.

Еще въ Константинополѣ училъ его персидской поэзіи одинъ старый турокъ, и еще тогда старикъ говорилъ ему: «читай, читай, мой сынъ, персидскіе стихи. Стихи великое дѣло! Стихи для души человѣческой то же, что пѣніе птицы въ саду. Человѣкъ-стихотворецъ, мой сынъ, самъ уподобляется саду, наполненному душистыми цвѣтами».

V.

Дня черезъ два послѣ пирушки доктора Пембе́ пришла къ Гайредину вмѣстѣ съ теткой и съ однимъ скрипачомъ. Набѣлилась, нарумянилась, насурмила немного брови, надѣла новое лиловое платье съ большими яркими букетами. По улицѣ она, какъ слѣдуетъ турчанкѣ, открытая не ходила, а всегда въ *яшмакѣ* *) и черномъ *фередже* **). Гайрединъ не узналъ ея. Но только произнесла она «паша мой», какъ сердце бея уже забилось сильнѣе. Тетка сказала, что онѣ пришли за обѣщаннымъ платьемъ и золотою курточкой. Гайрединъ щедро одарилъ ихъ, но просилъ не ходить другой разъ безъ зова, чтобы народъ не замѣтилъ, и обѣщалъ черезъ недѣлю пригласить ихъ на пляску или къ себѣ въ домъ, или на островъ Янинскаго озера, гдѣ монастырь св. Пантелеймона ***).

Онъ не хотѣлъ сразу обнаружить много чувства. Его удерживали и стыдъ, и осторожность.

Всю эту недѣлю Гайрединъ прожилъ ожиданіемъ. Одинъ разъ въ теченіе этихъ дней проѣхалъ онъ съ нѣсколькими другими турками и съ Джимопуло по тому бѣдному предмѣстью, гдѣ жила Пембе́ въ глиняной мазанкѣ. На радость его, она стояла на своемъ порогѣ и поклонилась имъ. Старикъ Джимопуло поклонился ей вѣжливо, приложивъ руку къ фескѣ и спросилъ благодушно и шутливо о здоровьѣ:

— Какъ твоя лихорадка, дочь моя? Молодой надо быть здоровою, — сказалъ онъ ей по-турецки.

Другіе беи не обратили на это вниманія, а Гайрединъ проѣхалъ впередъ и чуть видно кивнулъ ей головой, даже не глядя на нее.

Подъ вечеръ онъ и всѣ его спутники возвращались по

---

*) *Яшмакъ* — покрывало, вуаль.

**) *Фередже* — турецкій салопъ.

***) Въ этомъ монастырѣ былъ убитъ знаменитый Али-паша Янинскій, Въ монастыри на востокѣ имѣютъ обычай ѣздить не только на богомолье, но и для пирушекъ.

той же дорогѣ въ городъ. Какъ только въѣхали въ предмѣстье, Гайрединъ пропустилъ всѣхъ беевъ и Джимопуло впередъ, нарочно сталъ поправлять то узду, то стремя, и когда потерялъ ихъ всѣхъ изъ виду за поворотомъ, пришпорилъ лихого коня своего и, гремя по скользкимъ камнямъ мостовой, понесся вскачь мимо бѣдной мазанки. Она уже ждала его у дверей.

— Добрый вечеръ, моя милая! — сказалъ онъ ей не останавливаясь. — Прощай, до субботы!

— Добрый вечеръ, кузумъ паша мой, — отвѣчала дѣвушка, вышла за порогъ и провожала его долго глазами.

Увидѣвъ, что переулокъ пустъ, онъ еще разъ обернулся, и еще разъ издали поклонился ей.

Въ субботу Пембé, по приглашенію его, плясала на островѣ Янинскаго озера.

Гайрединъ хотѣлъ пригласить на островъ всѣхъ тѣхъ грековъ, которые были на пирушкѣ доктора, но Джимопуло отговорилъ его.

— Бей-эффенди мой! Немного будетъ намъ добра отъ этихъ корфіотовъ... Пригласите лучше турецкихъ чиновниковъ. Это будетъ и вамъ, и мнѣ полезнѣе. Теперь время смутное.

Гайрединъ послушался его. Пембé танцовала на островѣ съ такимъ одушевленіемъ и съ такою выразительностью, какой еще не видалъ въ ней никто. Она была уже не въ прежнемъ старомъ платьѣ, а въ новомъ малиновомъ съ восточными пестрыми разводами и въ новой курточкѣ, расшитой густо золотомъ и блестками; на блѣдной головкѣ ея былъ газовый желтый платочекъ съ цареградскою бахромою удивительной работы.

— Хорошая дѣвушка, эта Пембé! Аферимъ, Пембé! Аферимъ *), дочь моя! — говорили турецкіе чиновники.

Гайрединъ опять осыпалъ ее золотомъ. Дня черезъ два послѣ этого Пембé опять пришла къ нему съ теткой, благодарила его, поцѣловала его руку и сказала, что послѣ

---

*) Прекрасно! Хвалю!

всѣхъ щедротъ его у нея будетъ хорошее приданое и что на ней сбирается жениться тотъ музыкантъ, который играетъ на скрипкѣ.

— Ты, паша мой, судьбу мою сдѣлалъ, — говорила она и опять цѣловала его руку.

Гайрединъ только тутъ понялъ, какъ дорога она ему. Онъ началъ уговаривать ее не выходить такъ рано замужъ и обѣщалъ со временемъ или дать ей на приданое гораздо больше того, что̀ она собрала, или даже взять ее къ себѣ въ гаремъ.

Старуха-тетка только этого и ждала.

— Не нужно намъ денегъ,—сказала она,—она тебя любитъ, во снѣ тебя видитъ. Только и говоритъ: «не господинъ онъ мнѣ, онъ мнѣ отецъ!» Возьми ее къ себѣ въ гаремъ. Она все знаетъ и жену твою почитать будетъ какъ старшую сестру... Возьми ее, паша!

На эту же ночь Пембé осталась ночевать у Гайредина.

Съ этихъ поръ Пембé начала часто ходить къ нему. Онъ сталъ оставлять ее у себя на цѣлые дни. Настала осень, начались дожди, морозы и длинные вечера, затопились веселые камины. Гайрединъ не скучалъ съ нѣжною баядеркой. Съ женою ему бывало много скучнѣе. Жена его была не разговорчива. Угощала его, кормила, подавала ему сама старательно чубукъ; хорошо смотрѣла за хозяйствомъ; но не разъ проходили цѣлые дни въ деревнѣ, а онъ не слыхалъ отъ нея ничего кромѣ: «ба! какъ жарко!» либо «ба! какъ холодно!» А если случалось, что онъ ей говорилъ: «Сегодня жарко!» она отвѣчала, важно покачивая головой: «Жарко. Лѣто теперь».

Не такова была Пембé. Смѣяться сама она, правда, почти никогда не смѣялась; изрѣдка улыбнется Гайредину, когда захочетъ приласкаться, и скажетъ:

— Поцѣлуй же меня, бѣдную, паша мой...

Зато бей смѣялся съ ней много и надъ ней самой тѣшился, сердечно любуясь на ея ребячества.

Увидала она разъ на улицѣ сквозь рѣшетчатое окно

гарема разносчика сластей, что зовется шекерджи. Помучила она бѣднаго старика!

«Шекерджи!» — звонко кричитъ она ему изъ окна. Старикъ ставитъ подставку наземь, смотритъ, «гдѣ зовутъ», а Пембé ужъ изъ другого, дальняго окна другимъ голосомъ: «шекерджи!» Смотритъ и туда разносчикъ. Никого нѣтъ, никто не выходитъ покупать. Постоялъ и пошелъ. Опять кричатъ: «шекерджи!» Пембé опять его зоветъ, опять прячется, пока, наконецъ, старикъ началъ проклинать и браниться. Тогда она послала купить у него пѣтушковъ сахарныхъ. Зимой, сидя съ Гайрединомъ у очага, Пембé то разсказывала ему о себѣ и о родныхъ своихъ и о томъ, что она успѣла видѣть на дѣтскомъ вѣку своемъ, то забавляла его всякими разспросами.

— Паша, а, милый паша мой! — говорила она.—Правда это, милый паша мой, что которые турки свинину ѣдятъ, такъ Богъ ихъ наказываетъ, и они по ночамъ свиньями становятся и бѣгаютъ?

— Кто тебѣ это сказалъ?—спрашивалъ бей.

— Мнѣ это Елена, другая танцовщица наша, христіанка, говорила.

— Елена ничего не знаетъ, кузумъ Пембé, она въ школу не ходила. Какъ это можетъ человѣкъ свиньей стать. Это дѣтскія слова, дитя мое!

— Смотри ты!—съ удивленіемъ воскликнула Пембé.—А я вѣдь думала, это правда. Елена сказывала, греки такъ всѣ говорятъ... А я еще хочу тебѣ одно слово сказать, паша мой. Сказать?

— Говори.

— Греки всѣ злые?

Гайрединъ смѣялся.

— Отчего всѣ? Есть и у нихъ добрые люди, во всякой вѣрѣ есть люди добрые.

— А кто добрый? Киръ-Костаки Джимопуло добрый? Я такъ думаю, что онъ добрый. Увидитъ меня, кланяется: «доброе утро, говоритъ, Пембé».

— Костаки добрый, и другіе есть христіане добрые. У

меня мать была христіанка, она тоже была женщина добрая, сладкой души, тихая женщина!

— Ба, что ты говоришь! Твоя мать была христіанка!

Гайрединъ разсказывалъ ей не разъ, какъ мать спасла его отца, она сама просила сызнова все это повторить, и какъ только доходилъ Гайрединъ до того мѣста, какъ его мать схватила подъ уздцы лошадь сераскира, Пембе вскакивала и, хлопая руками, восклицала:

— Эй в'аллахъ! Простилъ султанъ! простилъ! Хорошій былъ человѣкъ сераскиръ! Хорошая женщина была твоя мать! Эй в'аллахъ!

Видя ея радость, Гайрединъ съ восторгомъ обнималъ ее, и Пембе продолжалъ свои разспросы и замѣчанія.

— Вотъ какой здоровый папасъ идетъ по улицѣ. Здоровый папасъ! Борода большая какая! Взяла бы я его и зарыла бы въ землю!

— За что?—спрашивалъ Гайрединъ.

— За то, что онъ не нашей вѣры.

— Смотри ты, какая злая дѣвушка! Вѣдь и онъ человѣкъ, и онъ въ одного Бога вѣруетъ. Ты такихъ худыхъ словъ не говори.

— Нѣтъ, ты, паша мой, скажи мнѣ, зачѣмъ не всѣ люди одной вѣры? Пусть бы всѣ какъ мы были. Такъ я скажу: нашъ законъ очень хорошій. Жену ты свою любишь, и меня возьмешь въ гаремъ и будешь любить. А у гяуровъ все одна жена. Старая, старая она станетъ; а онъ все любитъ ее. Дурной законъ. Зачѣмъ это такъ?

— Аллахъ знаетъ, что нужно,—объяснилъ ей Гайрединъ,—онъ видитъ «какъ черная мурашка черной ночью ползетъ по черному камню!»

— Это въ книгахъ сказано?

— Въ книгахъ,—отвѣчалъ Гайрединъ.

— А! въ книгахъ!—восклицала серьезно Пембе.—Прекрасныя слова! Очень я люблю слышать хорошія слова.

Весь городъ зналъ о связи Гайредина съ цыганкой; но виду ему никто не показалъ. Только Джимопуло и доктору Петропулаки онъ довѣрялся самъ; при нихъ у него

Пембé плясала и пѣла открыто. Она просилась совсѣмъ бросить свое ремесло и перейти на житье въ его домъ. Но онъ не хотѣлъ на это согласиться, не предупредивъ жену.

Пембé продолжала плясать по разнымъ домамъ, а когда Гайрединъ задерживалъ ее у себя, тетка говорила всѣмъ, что Пембé больна.

Музыканты поправили свои дѣла, наняли квартиру получше и поближе къ дому Гайредина; даже другія двѣ танцовщицы-христіанки, Елена и Мариго̀, одѣлись заново на деньги бея. Онъ и ихъ ласкалъ и дарилъ, чтобы всѣ жалѣли Пембé и уважали ее.

Докторъ хвалилъ бея за эти дѣла и говорилъ ему:

— Жизнь есть вездѣ, другъ мой. Женщины есть и въ гнусной Янинѣ нашей. Надо умѣть отыскать ихъ. Я поклонникъ Эпикура и хвалю тебя за то, что ты умѣешь наслаждаться прекраснымъ! Хвалю! хвалю! Клянусь тебѣ, что я хвалю тебя.

Джимопуло, напротивъ того, качалъ головой и говорилъ:

— Нехорошо!

Нехорошо было одно: Пембé возненавидѣли слуги бея. Сначала она и ихъ забавляла: мѣшалась во все; считала куръ и утокъ; заглядывала въ шкапы; сама ходила на колодезь за водой; люди смѣялись. А потомъ она стала ужъ слишкомъ часто посылать ихъ туда-сюда. «Иди!»—говорила такъ повелительно. Иногда и въ спину толкнетъ, или за рукавъ дернетъ грубо. Больше всѣхъ не взлюбилъ ее Юсуфъ, молодой арабъ, который ходилъ за беемъ. Онъ и самъ былъ сердитый и самолюбивый лгунъ. Въ кухнѣ люди нарочно заставляли его разсказывать всякія небылицы, и онъ часто забывалъ самъ, что̀ говорилъ день тому назадъ; то онъ нашелъ два года тому назадъ на ярмаркѣ 5.000 піастровъ и всѣ ихъ отдалъ взаймы добрымъ людямъ безъ расписокъ; то нашелъ всего 50 піастровъ; то убилъ трехъ разбойниковъ; то каялся, что самъ съ ними ходилъ на добычу; то онъ служилъ два года тому назадъ

у англійскаго купца-богача, пилъ съ нимъ кофе, влюбилъ въ себя его жену. «А мужъ что̀?» — «Мужъ хотѣлъ убить и меня и ее», — разсказывалъ онъ одинъ разъ. А другой разъ говорилъ: «Гдѣ ему, дураку, знать! онъ не зналъ».

Съ этимъ Юсуфомъ больше всѣхъ поссорилась Пембе́ въ домѣ бея. Сначала онъ ей льстилъ.

— Ханумъ *)!—говорилъ онъ ей, угощая ее, когда она приходила раньше бея и скучала безъ него. — Ханумъ-эффендимъ! Возьметъ тебя за себя нашъ бей, я думаю, что возьметъ. Я тогда отъ тебя моей службой наживу много денегъ.

— Что̀ жъ ты, дурачокъ, съ деньгами сдѣлаешь? — смѣялась Пембе́.

— Куплю барановъ и пойду считать ихъ въ горы въ большой новой фустанеллѣ! Всѣ позавидуютъ и скажутъ: «Аманъ! аманъ! Это вѣдь Юсуфъ! Другого нѣтъ у насъ такого!»

Пембе́ достала Юсуфу денегъ отъ бея, Юсуфъ угощалъ ее; все было сначала хорошо. Но какъ стала она посылать его безпрестанно то за халвой, то за сардинками, Юсуфъ началъ обижаться и разъ сказалъ: «довольно тебѣ ѣсть да лакомиться! Надоѣла ты мнѣ!»

Пембе́ пожаловалась бею, бей побранилъ Юсуфа; а Юсуфъ пошелъ вездѣ разсказывать, что бей прибилъ его, честнаго слугу, изъ-за Пембе́, и что Пембе́ не дѣвушка, а шайтанъ, діаволъ!

Скоро чрезъ Юсуфа и до семьи Гайредина стали доходить о немъ и о Пембе́ худые слухи.

VI.

Жизнь восточныхъ городовъ не шумна и не спѣшна. Въ Янинѣ по улицамъ не гремятъ экипажи, и дома кажутся погруженными въ непробудный сонъ.

---

*) *Ханумъ* = госпожа.

Но кто хочетъ трудиться, найдетъ себѣ довольно дѣла и въ этихъ странахъ. Гайрединъ-бей не былъ лѣнивъ. Пользуясь совѣтами Джимопуло, которому не все было ловко говорить и дѣлать самому, онъ приносилъ довольно много пользы, и паша сталъ гораздо внимательнѣе обращаться съ нимъ. Однажды оставилъ онъ его у себя надолго и, раскрывъ предъ нимъ карту Эпира и Сѣверной Албаніи, спрашивалъ его мнѣнія о дорогахъ и о политическомъ настроеніи страны. Гайрединъ о духѣ населенія отвѣчалъ уклончиво, но о дорогахъ говорилъ такъ хорошо, что Феимъ-паша пожалъ ему крѣпко руку и благодарилъ его. Почтительная скромность, благодушіе и достоинство, съ которыми держалъ себя молодой бей, стали тоже нравиться пашѣ, и онъ даже разъ сказалъ ему:

— Я бы васъ гдѣ-нибудь мутесарифомъ *) сдѣлалъ.

Гайрединъ отвѣчалъ, что отецъ его уже старъ и некому заниматься имѣніемъ.

Другой разъ паша хотѣлъ испытать его и сказалъ невзначай:

— Албанцы ваши, я думаю, не забыли временъ Гіонни-Лекка и другія возстанія.

— Времена Гіонни-Лекка отъ насъ далеки, паша, господинъ мой, — отвѣчалъ бей.

— Не такъ далеки! — сказалъ паша.

— А времена Гриваса еще ближе, паша, господинъ мой.

— Конечно, времена Гриваса ближе! — согласился паша, не сводя глазъ, и отпустилъ его ласково.

Времена Гриваса казались точно близкими. Имперія опять стояла на краю гибели. Въ Критѣ упорнѣе прошлогодняго стояли гордые греки за свои попранныя права. Одинъ паша смѣнялъ другого на обагренномъ кровью островѣ; войско за войскомъ слали турки въ Критъ; но бунтъ не утихалъ, и дерзкіе пароходы выбирали самые бурные дни, чтобы быстрѣе вѣтра уходить отъ султанской

---

*) *Мутесарифъ* — губернаторъ; ниже чѣмъ *вали* (генералъ-губернаторъ, намѣстникъ).

эскадры и везти подмогу непокорнымъ. Аѳины кипѣли, взоры государственныхъ людей всего міра были устремлены съ безпокойствомъ и вниманіемъ на Эпиръ. Турки вездѣ думали видѣть измѣну и подкопы и ожесточались сильнѣе и сильнѣе...

Легче и легче дышалъ отважный грекъ на высокихъ стремнинахъ Эпирскихъ горъ. Уже въ округѣ Аграфы показались клефты...

Цѣлый пикетъ турецкій въ небольшой горной казармѣ вырѣзали ночью греки и скрылись. Раздраженіе росло.

Феимъ-паша не падалъ духомъ; напротивъ того, онъ сталъ спокойнѣе и какъ будто ждалъ съ радостью волненія, чтобъ имѣть отраду жестоко подавить его своею рукой.

Однажды Гайрединъ-бей позднимъ вечеромъ сидѣлъ одинъ у очага и читалъ цареградскія газеты, спрашивая себя: правда ли все это, что̀ пишутъ въ нихъ, правда ли, будто Пруссія, Америка и Россія рѣшились измѣнить весь строй Европы. Онъ спрашивалъ себя, что̀ станется съ его дикою родиной, свободна ли будетъ она, подѣлятъ ли ее сосѣди, если Вратамъ Блаженства (Константинополю) суждено пасть. Въ дверь постучался поздній гость. Съ удивленіемъ велѣлъ бей-Юсуфу впустить его и увидалъ старика Джимопуло. Онъ самъ несъ фонарь, платье его было мокро отъ дождя.

У Джимопуло былъ молодой братъ, патріотъ и писатель, который долго жилъ въ Корфу и печаталъ пламенныя статьи противъ Англіи и Турціи. Еще юношей, въ Корфу, во время протектората, онъ одинъ изъ первыхъ кинулся на протестантскаго священника, который у раки св. Спиридона осмѣлился смѣяться надъ мощами и просвѣщать по-своему народъ. Молодой Джимопуло одинъ изъ первыхъ кинулся на проповѣдника, разорвалъ ему одежду, и когда тотъ успѣлъ скрыться въ крѣпость, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые весь день осаждали ее, требуя выдачи дерзкаго попа. Онъ былъ замѣченъ англичанами, и хотя лордъ-комиссаръ и сдѣлалъ всѣ уступки корфіот-

скому народу, изгналъ священника и прибилъ вездѣ объявленія о томъ, что отнынѣ будетъ строго охраняться святыня народной вѣры грековъ, но молодой энтузіастъ остался у него на худомъ счету и скоро покинулъ Корфу.

Младшій Джимопуло имѣлъ греческій паспортъ и съ нимъ, немного спустя послѣ разгара критскаго движенія, являлся не разъ въ Эпиръ, исчезалъ и являлся вновь. Къ его несчастію, турки имѣли основаніе не признавать его греческимъ подданнымъ и слѣдили за нимъ зорко. Въ тотъ вечеръ, когда старшій братъ его пришелъ къ Гайредину, онъ узналъ, что его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ «разбойниками» (такъ звали турки народъ, поднявшійся въ Аграфѣ). Надо было спѣшить; старшій Джимопуло, который всегда держалъ себя вдалекѣ отъ восторженнаго брата, но любилъ и жалѣлъ его по узамъ крови, не теряя присутствія духа, рѣшился спасти его. Гибель энтузіаста была бы безплодною жертвой для родины. Живя на свободѣ, онъ могъ еще потрудиться для нея и перомъ, и словомъ, и рукою.

Джимопуло не сказалъ Гайредину, что̀ братъ его *сдѣлалъ*, сказалъ лишь, въ чемъ его такъ жестоко и несправедливо подозрѣваютъ. Гайрединъ понялъ его.

Албанецъ вѣренъ другу и любитъ все лихое. Недолго думалъ Гайрединъ, послалъ Юсуфа за шампанскимъ на другой конецъ города, призвалъ сеиса-грека, велѣлъ ему снести къ младшему Джимопуло албанскую одежду и записку, которую написалъ ему братъ дрожащею рукой, умоляя ее сжечь, и чрезъ полчаса молодой Джимопуло уже былъ тутъ и съ жаромъ благодарилъ бея.

— Мы друзья съ вашимъ братомъ, — отвѣчалъ добрый Гайрединъ.

Юсуфъ вернулся съ шампанскимъ раньше, чѣмъ ожидали. Гайрединъ заранѣе уже спряталъ молодого грека, вышелъ, какъ бы не нарочно, самъ навстрѣчу Юсуфу и послалъ его въ другую лавку за сардинками.

— Лавки заперты, — сказалъ Юсуфъ.

— Иди, оселъ, — сказалъ ему бей, — и пусть отопрутъ.

Перелѣзь черезъ заборъ и стучись въ заднюю дверь. А если не принесешь сардинокъ, не жди отъ меня добра.

Юсуфъ съ негодованіемъ потрясъ одежду на груди своей и сказалъ себѣ: «Опять эту цыганку кормить и поить онъ хочетъ!»

За сардинками Юсуфъ ходилъ полтора часа; съ сердцовъ зашелъ еще въ одну кофейню; курилъ тамъ долго, пилъ и пѣлъ, какъ «Юсуфъ-арабъ воевалъ»; смѣшилъ грековъ и, наконецъ, вздохнувъ, всталъ и сказалъ:

— Судьбы у тебя нѣтъ, Юсуфъ. Все у тебя есть: судьбы только нѣтъ.

Когда онъ вышелъ изъ кофейни, радуясь, что Пембé голóдна и ждетъ сардинокъ, младшій Джимопуло былъ уже далеко.

Въ албанской одеждѣ, на лошади бея, и съ однимъ только провожатымъ грекомъ скакалъ онъ въ темнотѣ по камнямъ до той горной деревни, гдѣ надѣялся найти друзей. Сто разъ и онъ и слуга бея были на краю гибели; лошади скользили по стремнинамъ; луна свѣтила слабо сквозь дождливыя облака; но къ утру они были уже на мѣстѣ, и когда бѣглецъ хотѣлъ дать денегъ сеису, тотъ сказалъ ему съ упрекомъ:

— Вы за что хотите дать мнѣ денегъ? Я радъ и тому, что христіанскую душу спасъ. Нашъ бей и турокъ, а пожалѣлъ васъ; чтò же, скажите, хуже мнѣ турка быть? Я, слава Господу Богу, самъ христіанинъ православный. А вамъ я желаю, господинъ мой, добраго пути!

Отъ села до села добрался осторожно младшій Джимопуло и до морского берега и, чуть живой отъ качки и волненія, переѣхалъ на рыбачьей парусной лодкѣ въ Корфу.

Юсуфъ принесъ домой сардинки со страхомъ. «Ну, какъ дастъ онъ мнѣ добрый кулакъ!..» — думалъ онъ. Но у бея всѣ были веселы; самъ бей читалъ газеты у камина съ Джимопуло и смѣялся.

— Молодецъ Юсуфъ, — сказалъ Джимопуло. — Сказано, арабъ-ага! Такого нѣтъ въ Янинѣ другого. Открывай сардинки и прóбку пусти на воздухъ.

И бей не сказалъ ничего Юсуфу; только велѣлъ не отлучаться ни на минуту отъ дверей, чтобы не ходить звать его, когда будетъ нужно.

Джимопуло посовѣтовалъ бею распорядиться такъ, а то Юсуфъ замѣтитъ, что лошадей и сеиса нѣтъ.

Когда Джимопуло ушелъ, Юсуфъ уже былъ такъ утомленъ, что заснулъ на мѣстѣ, а сеисъ вернулся на разсвѣтѣ и убралъ лошадей.

Черезъ два-три дня на квартирѣ младшаго Джимопуло былъ обыскъ, его требовали въ Порту. Греческій консулъ протестовалъ, основываясь на томъ, что младшій Джимопуло не райя, а греческій подданный. Старшій братъ на вопросъ паши отвѣчалъ, нимало не смущаясь, что онъ не знаетъ, гдѣ братъ, но полагаетъ, что онъ долженъ быть въ сторонѣ Загоръ, потому что три дня тому назадъ онъ поутру зашелъ проститься съ нимъ и еще спрашивалъ у него, «стóитъ ли брать для такого малаго путешествія паспортъ отъ греческаго консула». «А я, паша, господинъ мой, сказалъ ему, что не стóитъ».

— Это было не совсѣмъ правильно, — замѣтилъ мрачно паша.

— И неправильно, и неразумно, — отвѣтилъ Джимопуло, улыбаясь и не сводя глазъ съ грознаго правителя. — Неразумно, потому что, зная молодость и шальную голову моего брата, я долженъ былъ бы поберечь себя и заставить его взять паспортъ... Но онъ обманулъ и меня!

— Не безпокойтесь, — сказалъ паша благосклонно. — Мы знаемъ и васъ и вашего брата!

И отпустилъ его.

Въ Загорахъ младшій Джимопуло не отыскался. Греческій консулъ тоже не могъ найти его и удивлялся, что онъ не взялъ паспорта.

Старшій братъ вездѣ отзывался о бѣглецѣ сухо, и вскорѣ вѣрный человѣкъ доставилъ въ Порту секретное письмо Костаки къ брату въ Корфу: «Любезный другъ и братъ мой Маноли», — писалъ онъ, —

«съ грустью узналъ я о томъ, что ты обманулъ меня и тайно бѣжалъ въ Корфу. Мнѣ кажется, ты бы сдѣлалъ лучше, если бы взялъ тескере въ Портѣ. Ты бы долженъ былъ подумать и о моей семьѣ, которая тебѣ всегда оказывала столько дружбы и братской любви. Ты знаешь, я не раздѣляю вашихъ мечтаній о «великой идеѣ». Конечно, въ Турціи неправосудія еще много; подати мѣстами обременительны; заптіе грабятъ тайкомъ народъ; таково положеніе дѣлъ во всей Турціи; въ Эпирѣ сверхъ того селянинъ не имѣетъ собственности и состоитъ до сихъ поръ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ беямъ. Но и Турція идетъ впередъ; народу нашему необходимы цивилизація и мирный трудъ; покорностью султану и благоразумною защитой нашихъ правъ мы скорѣе достигнемъ благоденствія, нежели возстаніями и кровавыми жертвами. Не вѣрь, дорогой братъ, въ торжество несчастныхъ критянъ; противъ нихъ вся Европа, и одна единовѣрная Россія не можетъ вступить въ ужасную борьбу со всѣмъ міромъ для того, чтобы поддержать ихъ. Повѣрь мнѣ, я лью горькія слезы надъ судьбой моихъ соотчичей; но для того, чтобъ я могъ пожертвовать дорогою семьей моей и моимъ благоденствіемъ, я долженъ вѣрить въ будущее...

«Когда ваша «великая идея» восторжествуетъ, не скрою, я буду радъ. И во мнѣ течетъ кровь мильтіадовъ и аристидовъ! Но теперь я служу султану, я получаю деньги за мой трудъ, и повѣрь мнѣ, что и на этомъ поприщѣ можно дѣлать добро своему народу. Ты молодъ и полонъ энтузіазма; я старъ, имѣю семью и лично отъ турокъ, кромѣ добра, ничего не видалъ. Предъ неожиданнымъ побѣгомъ твоимъ, который, безъ сомнѣнія, компрометировалъ и меня, ты просилъ у меня денегъ для вашихъ предпріятій; я отказалъ; ты просилъ пожертвовать, по крайней мѣрѣ, для женъ и дѣтей критскихъ, для этихъ невинныхъ созданій, которыя терпятъ нужду и голодъ въ Греціи,— я не могу рѣшиться и на это: если турецкое начальство узнаетъ это, оно не повѣритъ чистотѣ моихъ намѣреній и скажетъ, что я жертвую не для женъ и дѣтей критскихъ, а на оружіе и продовольствіе бунтующимъ!»

Затѣмъ слѣдовало прощаніе, поклоны и просьбы не писать, чтобъ еще болѣе не компрометировать родныхъ. Потомъ было нѣсколько похвалъ пашѣ...

Паша прочелъ это письмо при нѣсколькихъ приближенныхъ своихъ.

Турки слушали съ напряженнымъ любопытствомъ. Старый дефтердаръ былъ очень доволенъ и воскликнулъ съ уваженіемъ:

— Умный, очень умный человѣкъ!

— Да! очень умный человѣкъ, — отвѣчалъ паша съ улыбкой. — Такой умный человѣкъ, что вѣрно это письмо не случайно попало въ наши руки! И невиннымъ женамъ, и дѣтямъ критянъ онъ, конечно, найдетъ средство послать деньги.

— Однако это только думать можно, — возразилъ старикъ, — а доказать нельзя.

— Очень жаль, что доказать нельзя, — сказалъ паша.

И велѣлъ отправить письмо по адресу, и къ Джимопуло не только не перемѣнился, но сталъ къ нему еще внимательнѣе. Джимопуло и это замѣтилъ.

VII.

Незадолго до Рождества у турокъ начался Рамазанъ. Гайрединъ собрался посѣтить свою семью. Простившись съ Пембе́, молодой бей тронулся въ путь; до имѣнія отца было двое сутокъ ѣзды; ночи были зимнія, длинныя; по горамъ надо было ѣхать шагомъ, подъ дождемъ; надо было сидѣть въ грязныхъ, холодныхъ хатахъ до разсвѣта; въ хатахъ не спалось; очагъ дымилъ; вѣтеръ рвалъ ставни съ оконъ, врывался въ щели и разносилъ дымъ по комнатѣ.

Всю ночь бей курилъ, пилъ кофе и думалъ о Пембе́.

«Уговорю ли я жену взять ее въ гаремъ и жить съ ней мирно».

Онъ нѣсколько боялся своенравія Пембе́; но зато вспо-

миналъ, что она умна, а жена,—думалъ онъ, сговорчива. Иногда, оставаясь одинъ, вспоминая о ребячествахъ Пембе: «Она будетъ тѣшить жену, и жена будетъ хорошо жить съ ней!»—думалъ онъ радуясь.

То вспоминалъ онъ Изседина, вспоминалъ, какъ Изсединъ еще два года тому назадъ былъ малъ, говорилъ дурно и, показывая пальцемъ на луну, звалъ ее къ себѣ. А теперь Изсединъ каждый вечеръ бѣжитъ барановъ считать, играетъ съ ягнятами и проситъ уже, чтобъ ему купили ятаганъ.

Съ такими веселыми мыслями легки показались ему и тягости зимняго пути.

Когда онъ пріѣхалъ, отецъ далъ ему ласково поцѣловать свою руку, пригласилъ сѣсть и велѣлъ самъ подать ему наргиле. Замѣтилъ Гайрединъ только одно: старикъ посмотрѣлъ на него исподлобья, когда сказалъ ему: «Я думаю, ты весело пожилъ въ Янинѣ?»

Ужъ не узналъ ли онъ про Пембе?

Всѣ были рады Гайредину въ домѣ: жена, дѣти, слуги... Весь домъ оживился и поднялся встрѣчать его. Пока онъ шелъ по лѣстницѣ, сколько рукъ хватали его руку и цѣловали ее, поздравляли съ пріѣздомъ! Двѣ прислужницы, молодыя гречанки изъ сосѣдняго села, которыя мыли бѣлье на гаремъ его, и тѣ подошли стыдливо къ рукѣ его и сказали:

— Живи, господинъ нашъ, живи до глубокой старости!

Онѣ благодарили его за подарки, которые онъ, по природной добротѣ своей, еще прежде прислалъ всѣмъ слугамъ.

Собравшись съ духомъ, онъ сказалъ на утро женѣ своей о томъ, что хочетъ взять къ себѣ танцовщицу. Эмине-ханумъ, ни слова не говоря, заплакала.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ тронутый бей.

— О горькой судьбѣ моей плачу!—отвѣчала жена.

— Какая же твоя судьба?—сказалъ Гайрединъ съ досадой.

— Судьба моя горькая!—отвѣчала Эмине-ханумъ.

И больше ничего, кромѣ рыданій, не слыхалъ отъ нея Гайрединъ цѣлый день.

Все веселье Гайредина пропало; ужъ и мальчика онъ не радъ былъ видѣть. Вздыхалъ, оставаясь одинъ, и отецъ становился ему въ тягость, когда звалъ его говорить о хозяйствѣ или политикѣ.

— Будетъ война! — говорилъ старикъ.

— Думаю, что будетъ! — подтвердилъ Гайрединъ.

И Богъ знаетъ сколько, и такой отвѣтъ казался ему тяжекъ.

— Будетъ война! — продолжалъ старикъ. — Какихъ народовъ, какихъ государствъ нѣтъ на свѣтѣ! Очень много есть девлетовъ. Есть и малые девлеты. Много смѣху намъ было, когда въ пятьдесятъ четвертомъ году услыхали мы, что Сардинъ-девлетъ воюетъ! Ну, Франція большой девлетъ, Англія; Россія очень большой девлетъ... Про нашу благословенную Богомъ страну я ужъ и не говорю... Двадцать и болѣе народовъ покорны падишаху! Ну, пусть бы еще Грандебуръ *) девлетъ воевалъ. У нихъ Фридрихъ былъ краль знаменитый и кралицу нѣмецкую много разъ побѣждалъ. Это я все знаю! А ты скажи, государь мой, не на смѣхъ ли это сказано: «Сардинъ-девлетъ» съ большими вмѣстѣ на войну собрался и на Крымъ пошелъ! Много смѣху намъ тогда было. Старикъ мулла тогда заболѣлъ отъ смѣха. Только скажи ему «Сардинъ-девлетъ!..»

— Теперь это все перемѣнилось, — отвѣчалъ Гайрединъ, чрезъ силу улыбаясь отцу.

Видѣлъ старикъ, что сынъ не веселъ, но говорить ему о Пембé, о которой давно зналъ по слухамъ, не хотѣлъ. «Либо гнѣваться на него, либо молчать. Помолчу до времени!»—говорилъ себѣ Шекиръ-бей.

Эмине-ханумъ послала своихъ служанокъ за Юсуфомъ, покрылась, вышла къ нему и спрашивала у него, какова Пембé.

— Цыганка, одно слово! — сказалъ Юсуфъ. — Открытая

---

*) *Грандебуръ*—Бранденбургъ, Пруссія.

при людяхъ пляшетъ. На колѣни ко всѣмъ грекамъ садится.

— Душа у нея хорошая? — спросила Эмине.

— Самая злая! — отвѣчалъ Юсуфъ и разсказалъ опять, какъ бей будто бы прибилъ его за нее. — Звонче монастырскаго колокола ухо мое зазвенѣло! — увѣрялъ онъ и осыпалъ проклятіями злую цыганку.

Эмине-ханумъ не повѣрила всему, что говорилъ Юсуфъ, она знала давно, какъ много онъ лжетъ; но вечеромъ сама завела разговоръ съ мужемъ и сказала ему:

— Твоя Пембе́ злая, и ты сталъ злой. Ты Юсуфа прибилъ за нее, говорятъ наши дѣвушки въ гаремѣ; а прежде ты слугъ никогда не билъ.

— Я Юсуфа прогоню, — отвѣчалъ бей блѣднѣя. — А что она злая и безпутная, ты не вѣрь.

— Цыганка она, танцовщица, какой же ей быть? — сказала Эмине.

— Она не цыганка; она арнаутской крови и родилась въ Битоліи, — отвѣчалъ бей. — А что она танцовщица, это не бѣда. Возьму ее въ гаремъ мой, тогда предъ другими она танцовать не будетъ. А предъ тобою пусть танцуетъ. Тебя веселить она будетъ и тебя слушаться. Она дѣвушка умная и будетъ служить тебѣ, султанша ты моя.

Эмине опять заплакала и сказала мужу:

— Возьми ее въ гаремъ, а я уѣду къ отцу, пойду къ кади и поставлю башмакъ мой предъ кади носкомъ впередъ и скажу: «Не стерпитъ этого душа моя. Я моего мужа люблю». Разведетъ меня съ тобой кади, а ты живи съ цыганкой и женись на ней, если нѣтъ у тебя стыда и если сѣдой отцовской бороды тебѣ вовсе не жаль!

Видѣлъ съ большимъ горемъ и старый Шекиръ-бей, что у сына въ гаремѣ раздоръ; онъ узнавалъ все черезъ вѣрныхъ старыхъ слугъ, которые душевно дѣлили его печаль. Не хотѣлъ онъ и сына дорогого огорчить, и невѣстку кроткую обидѣть.

Думалъ онъ крѣпко обо всемъ этомъ и сказалъ сыну:

— Пора бы тебѣ въ Янину ѣхать. Только, какъ погода

станетъ лучше, не прислать ли мнѣ тебѣ жену и дѣтей? жена твоя также давно въ вилаетѣ не была. Пусть не скучаетъ. Скоро будетъ Байрамъ; пусть она съ тобой конецъ Рамазана проведетъ, въ дружескіе дома походитъ и повеселится. Ты и къ гречанкамъ ее отпускай въ хорошіе честные дома... Ну, что скажешь объ этомъ моемъ словѣ?

Гайрединъ не сталъ противорѣчить отцу и велѣлъ женѣ сбираться, какъ только перестанутъ дожди.

Радъ онъ ея пріѣзду въ Янину не былъ; но все еще надѣялся уговорить ее не разставаться съ нимъ и взять въ домъ Пембé.

VIII.

Дорогой Гайредину пришла мысль принять предложеніе Феимъ-паши и поступить на службу. Мѣстъ было много еще незанятыхъ; паша желалъ побольше новыхъ чиновниковъ, чтобъ управлять ими по-своему. Уѣхалъ бы Гайрединъ въ новое мѣсто, взялъ бы Иззедина съ собой; потомъ пріѣхала бы и Пембé туда. А жена не требовала бы развода, соскучилась бы безъ него и уступила бы понемножку.

Возвратясь въ Янину, онъ засталъ Пембé очень больною, и ему было очень горько видѣть, что она лежитъ на бѣдномъ одрѣ и что ей нѣтъ покоя отъ шума и тѣсноты. Перевести ее въ домъ къ себѣ передъ пріѣздомъ жены онъ не могъ.

Тогда у него еще больше разгорѣлась охота поступить на службу и уѣхать поскорѣе изъ Янины.

Онъ сказалъ объ этомъ дефтердару, и старикъ взялся напомнить пашѣ о прежнихъ предложеніяхъ. Гайрединъ не ждалъ отказа, но паша велѣлъ ему передать «что часъ тотъ прошелъ. Надо было тогда принять, когда говорили. У султана много есть чиновниковъ».

Послѣ этого оскорбленія и Гайрединъ возненавидѣлъ

пашу, а Феимъ-паша опять сталъ обращаться съ нимъ дурно. Гайрединъ въ первомъ же засѣданіи меджлиса отказался приложить печать къ одному дѣлу, которое находилъ неправымъ.

— Для чего мы засѣдаемъ здѣсь? — спросилъ паша. — Скажите!

— Съ вашего позволенія, для того, я такъ думаю про себя... чтобъ облегчить подданныхъ падишаха и не обременять ихъ... — отвѣчалъ Гайрединъ.

Извинился еще разъ и все-таки не приложилъ печати. Дѣло прошло и безъ его печати.

Этого мало. Паша сказалъ однажды, что всѣ видятъ, въ какомъ порядкѣ при немъ стала полиція. Гайрединъ, выслушавъ это, разсказалъ, какъ въ ханѣ на дорогѣ жаловался ему со слезами греческій мальчикъ на то, что заптіе*), нанявъ у него лошадь на шесть часовъ ѣзды, заставилъ его пѣшкомъ бѣгать за собой все время; не хотѣлъ ѣхать шагомъ, а когда пріѣхалъ на мѣсто, то далъ ему пощечину вмѣсто платы и выгналъ его. Потомъ Гайрединъ прибавилъ еще, какъ разъ запоздалъ ночью въ деревнѣ и заѣхалъ въ глушь, гдѣ, кромѣ колючихъ кустовъ, не было ничего. Темнота была страшная, и кромѣ одного дальняго огонька не было видно ничего. Такъ пробылъ Гайрединъ около часу; хоть и зналъ, что отцовскій домъ близко, но ужъ и лошадь сама боялась итти впередъ. Услыхалъ онъ, наконецъ, что свищетъ кто-то пѣсню: сталъ звать, замолкъ человѣкъ; обѣщалъ Гайрединъ деньги, звалъ, просилъ, клялся, что онъ не воръ и не разбойникъ, обѣщалъ еще больше денегъ: пришелъ, наконецъ, молодой пастухъ влахъ, и какъ узналъ его, такъ поцѣловалъ его руку и обрадовался. «Чего же ты боялся?—спросилъ я его», разсказывалъ Гайрединъ. «Думалъ я, говоритъ онъ мнѣ, что это заптіе нарочно притворяется и зоветъ меня, чтобы на мой счетъ въ ханѣ *раки* выпить или денегъ съ меня взять. Такъ они съ нами дѣлаютъ».

*) *Заптіе* — турецкій жандармъ.

— А пастухъ этотъ, — продолжалъ еще Гайрединъ, — такъ бѣденъ, что отъ хозяина тридцать піастровъ въ годъ получаетъ, и когда далъ я ему золотую лиру, то онъ просилъ меня размѣнять ее на мелочь; боялся, не обочли бы его другіе, потому что онъ лиры никогда еще не видалъ!..

Паша съ бѣшенствомъ слушалъ эти разсказы; но Гайрединъ держалъ себя такъ почтительно, говорилъ такъ скромно, такъ часто прибавлялъ «паша господинъ мой», и даже такъ вѣжливо и лукаво прибавлялъ:

— Все это я сказалъ вашему превосходительству лишь для того, чтобы высокія ваши попеченія о вилаетѣ не были безплодны, чтобъ отъ васъ не скрывалось зло.

Такъ онъ все это сказалъ хорошо, что паша могъ только выговорить:

— Грекамъ и влахамъ тоже нельзя всегда вѣрить... Не правда ли, Киръ-Костаки? — спросилъ онъ у Джимопуло...

— Конечно, — отвѣчалъ Костаки, — во всякомъ народѣ есть ложь, но что бей говоритъ, это правда, къ сожалѣнію.

На другой день Гайредину было дано знать, что его исключили изъ меджлиса. «Я не чиновникъ,—сказалъ онъ,— это противъ устава!» Но огорчить его это не могло. Домашнія мученія его были много сильнѣе.

Скоро весь гаремъ его поднялся изъ Де́львино. Старухи-арабки, молодыя гречанки-прислужницы, всѣ верхами сопровождали Эмине-ханумъ. Сама она, поперемѣнно съ евнухомъ, везла на сѣдлѣ Изздина. Кругомъ ѣхали вооруженные слуги, около женщинъ шли пѣшкомъ провожатые и сводили подъ уздцы лошадей на стремнинахъ.

Толпою, со смѣхомъ, говоромъ и ржаньемъ, въѣхали они въ широкія ворота на дворъ Гайредина. Оживился домъ, но души радостной у хозяина не было! Бей недолго думалъ, онъ опять сталъ говорить о Пембе́, а жена опять стала плакать и грозить разводомъ.

Двѣ недѣли Гайрединъ видался съ Пембе́ у одной старой гречанки въ бѣдномъ домикѣ предмѣстья. На горе его былъ Рамазанъ, и весь день проводить ему слѣдовало

дома, не гуляя и не работая: нельзя было ѣсть, нельзя было пить до ночи. Это бы онъ терпѣлъ, потому что отдыхалъ ночью въ бѣдномъ домикѣ съ Пембé, и съ нею вмѣстѣ ужиналъ тамъ, но днемъ нельзя было и наргиле спросить дома, и въ кофейню итти и курить было непристойно.

Чтó было дѣлать? Онъ пытался спать и не могъ спать крѣпко и долго.

Жена его тоже, видя тоску его, ревновала и жаловалась. Родные ея посѣщали гаремъ и своими наговорами и совѣтами еще больше растравляли рану любви ея.

Была у нея старуха-тетка, богатая женщина, старуха такая смѣлая, что не знала людского страха, а только Бога и закона боялась.

— Я тебѣ скажу про себя, кузумъ Эмине, — говорила она, — я никого не боюсь. Знаешь ты, чтó такое русскій консулъ? Россія — великій девлетъ... Сильнѣе русскихъ нѣтъ народа. И на здѣшняго консула ты не смотри, что онъ молодой и худенькій. И онъ московскій человѣкъ. Замерзло озеро въ Яннинѣ. Паша не велѣлъ людямъ ходить по льду, и народъ на островѣ безъ хлѣба остался; кто пошелъ по льду? Московъ первый пошелъ, а за нимъ и другіе, и людямъ хлѣбъ отнесли! Наши солдаты вьючили разъ муловъ, а онъ ѣхалъ одинъ верхомъ... Жеребецъ подъ нимъ огонь. Наши видятъ, каваса нѣтъ съ нимъ. Значитъ: не знаемъ его лица, и не даютъ дороги. А онъ, собака московъ, отъѣхалъ назадъ, и какъ пуститъ на нихъ жеребца. И солдаты, и мулы, и вьюки попадали... А онъ, собака невѣрная, и проѣхалъ! Очень я разсердилась на него за солдатъ нашихъ. Встрѣтила его въ переулкѣ и остановилась. Смотри, говорю я, чтó я тебѣ сдѣлаю. И стала кричать на него: «собака, свинья, собачій сынъ, московъ-гяуръ, зачѣмъ ты сюда зашелъ? Зачѣмъ, діаволъ, въ городъ нашъ заѣхалъ!..» Поглядѣлъ онъ на меня, сухой человѣкъ, глаза большіе, страшные. А я его еще больше срамить стала и руками на него машу. А онъ усмѣхнулся и пошелъ. Это я тебѣ говорю, я никого не боюсь! А му-

жа почитаю... Мужъ мой тихій и боится меня. «У моей жены, говоритъ, палка въ рукѣ, какъ у Абдула-паши (у твоего отца) сабля, молитвой заговорена. Никуда отъ ея палки не уйдешь!» Вотъ я какая! Злая я, кузумъ Эмине. А законъ знаю. Вижу, что постарѣла. Сама на прошлый Байрамъ мужу черкешенку купила. Три тысячи піастровъ дала! Сама слушала ночью, не храпитъ ли, сама мочила ей подошвы водой и ставила на полъ босую, глядѣла, красивый ли слѣдъ ея ножка даетъ. Ей шестнадцать лѣтъ, и она нѣжна, какъ цвѣтокъ садовый! И стала она мнѣ какъ дочь. На чемъ я сплю, спитъ и она на томъ; я пью кофе, и она пьетъ; какой хлѣбъ я ѣмъ, и она такой же ѣстъ. Бью я ее въ худой часъ, лгать я не стану. Да она молода, ума еще нѣтъ, за это я ее и бью.

Видѣла Эмине-ханумъ, что отъ тетки совѣта добраго ей не дождаться, потому что старуха больше о себѣ говорить хотѣла да хвалиться, а не совѣты давать.

— Законъ, законъ,—говоритъ,—и у пророка было много женъ!

Эмине сказала ей:

— Иное дѣло раба-черкешенка, купленная отъ отца и матери; иное дѣло цыганка, которая безъ яшмака при людяхъ пляшетъ!

Тетка сейчасъ согласилась.

— Правда, — говоритъ, — иное дѣло черкешенка! Умная ты, Эмине... Ты все равно, вижу, какъ я!

И стали говорить о другомъ. И всѣ турчанки говорили: «Иное дѣло черкешенка! Иное дѣло эта Пембé безстыдная!»

Только одна бѣдная старушка говорила ей отъ души: «покорись», и говорила ей все такъ тепло и сердечно, что стала было склоняться и Эмине-ханумъ.

— Покорюсь я ему! — вздыхала она и слушала дряхлую старушку.

Старушка сидѣла передъ нею сгорбившись, вся въ морщинахъ, тряслась и говорила:

— Кузумъ-кузумъ! Смотри на меня, милая ханумъ! Я богатства не знала, какъ ты! Было мнѣ двадцать лѣтъ, и

ушелъ мой мужъ въ солдаты при султанѣ-Махмудѣ, и убили его на Дунаѣ. А я хлѣба не имѣла и стала съ нужды продавать себя; узналъ меня Риза-бей и говоритъ: «возьму я ее, бѣдную, къ себѣ», и взялъ. Были у меня и дѣти отъ Риза-бея. И жена его жалѣла меня. Съ молоду она добрая была, а постарѣла и сердитѣе стала. А я ее жалѣла; мои дѣти померли всѣ, я за ея дѣтьми хожу. Стара я стала, чуть хожу; дѣти ея большія стали, разошлись туда-сюда, и Риза-бей заболѣлъ и умеръ. А я за внучатами ихъ хожу. Иногда она ругаетъ меня и бьетъ крѣпко мою сгорбленную спину старую, а за Мехмедомъ моимъ, за внучкомъ ея, я все смотрю. Плачу много и все смотрю. И дороже мнѣ внучата ея жизни моей. Мехмедъ мой, Мехмедъ мой маленькій! Часъ я не вижу его, мальчика моего, умирать хочу. И добрый мой Мехмедъ, кузумъ Эмине! «На комъ, — говоритъ бабушка, — женить тебя, Мехмедъ мой?» А онъ, дитя неразумное: «На нянькѣ, говоритъ, моей». Это онъ, свѣтикъ мой, на мнѣ хочетъ жениться. Вотъ, ханумъ, какова моя доля! А я добра ихъ не забуду. Покорись ты ему, наградитъ тебя Богъ за это, и въ ней ты слугу вѣрную найдешь на старость!.. Покорись ему!

«Покорюсь», думала Эмине, и велѣла позвать къ себѣ Пембé. Посмотрѣла ее, поговорила, но какъ увидала, что Пембé смѣло глядитъ на нее и кофе пьетъ какъ султанша, не торопясь, а больше всего, какъ увидала на ней золото и шелкъ отъ щедротъ Гайредина, такъ сердце ея какъ будто упало. «Не могу!» сказала она и опять задумала развестись. Послала объ этомъ вѣсть и свекру, и отцу, и мужу опять сказала:

— Я разведусь съ тобой.

— Разведись, — сказалъ Гайрединъ и ушелъ изъ дома.

Старики, какъ узнали о томъ, что Эмине хочетъ развестись съ мужемъ, тотчасъ же пріѣхали оба въ Янину. Всѣ родные горой поднялись на молодого бея. Отецъ Гайредина, какъ ни былъ добръ, а позвалъ сына и сказалъ ему грозно: «Ты позорить меня сталъ по всему вилаету». Гайрединъ покорно вынесъ брань отца, но тестю сказалъ:

— Я твою дочь не гоню, она сама противъ мужа идетъ и сраму хочетъ. А я въ гаремѣ своемъ господинъ, какъ и ты въ своемъ. И я тебя не боюсь.

Какъ звѣрь сталъ Абдулъ-паша. Онъ и дорогой не клялъ и не ругалъ позорно зятя только потому, что ѣхалъ вмѣстѣ съ Шекиръ-беемъ и уважалъ его. А тутъ, послѣ этихъ словъ, онъ уже не хотѣлъ видѣть зятя, заперся въ конакѣ своемъ огромномъ, и вещи ломалъ, и людей всѣхъ въ ужасъ привелъ, восклицая: «Какое мнѣ зло ему сдѣлать? какое зло, чтобъ онъ дрожалъ и просилъ у меня пощады!»

Обдумавъ, призвалъ онъ цыганъ и давалъ имъ деньги, чтобъ они увезли изъ Янины Пембé. Но онъ былъ скупъ, давалъ не такъ-то много, и цыгане думали, что отъ Гайредина они больше наживутъ, чѣмъ отъ стараго звѣря. Кланялись, и пóлу хотѣли у старика цѣловать, и клялись, что Пембé дѣвушка вольная, живетъ вмѣстѣ съ теткой, пристала къ нимъ и отстала; а силой увезти ее не можетъ никто.

Посылалъ Абдулъ-паша и за самой Пембé, и за теткой ея, но онѣ не пошли и сказали:

— Онъ человѣкъ большой и грозный; боимся, не сдѣлалъ бы онъ намъ какого худа.

Абдулъ-паша до крови прибилъ слугу, который принесъ ему этотъ отвѣтъ, и выгналъ его изъ дома.

— Поди, жалуйся на меня пашѣ! — сказалъ онъ ему.— Теперь царство наше стало царствомъ гяуровъ и побродягъ, бей теперь не бей, и паша не паша! Было иное время! Позвалъ бы я тогда двухъ-трехъ молодцовъ и сказалъ бы имъ: «Эй, хорошіе молодцы мои! Увезите эту дѣвку въ горы, зарѣжьте ее и заройте въ землю». И увезли бы ночью, и зарѣзали, и зарыли; и знали бы объ этомъ всѣ люди, отъ Превезы и до Шкодры, и никто бы не сказалъ мнѣ худа. А теперь консулы за нами какъ волки бѣгаютъ!

Узналъ Юсуфъ, что Абдулъ-паша говоритъ: «хорошо бы зарѣзать Пембé!» Пришелъ, поклонился Абдулъ-пашѣ и предложилъ себя для этого дѣла.

— Вы меня послѣ въ Элладу отправьте, — сказалъ онъ, — чтобы меня не наказали. А я это сдѣлаю!

— Вонъ! Собака! — закричалъ на него паша и привсталъ съ дивана.

Убѣжалъ Юсуфъ и разсказывалъ по кофейнямъ, что Абдулъ давалъ ему 20.000 піастровъ, чтобы зарѣзать Пембе́.

На другую ночь Пембе́ плясала у мехтубчи; Гайрединъ пробылъ тамъ до разсвѣта и возвратившись заснулъ въ своемъ селамлыкѣ, не заходя даже въ гаремъ.

Въ эту ночь Шекиръ-бей повидался съ Абдуломъ и успокоилъ его немного.

— Пойдемъ вмѣстѣ къ Вали-пашѣ и поклонимся ему, чтобы цыганку послали отсюда въ изгнаніе,—сказалъ Шекиръ-бей Абдулу.

Феимъ-паша принялъ ихъ хорошо; почтилъ ихъ года и званіе, какъ того требовали приличія; и много спрашивалъ о краѣ и о духѣ народа.

Наконецъ Шекиръ-бей заговорилъ о Пембе́.

Паша давно зналъ обо всемъ этомъ, но показалъ видъ, что въ первый разъ это слышитъ, и очень жалѣлъ, что такъ случилось.

Абдулъ ободрился и сказалъ слово «сюргюнъ», что значитъ *изгнаніе*.

— Это дѣло домашнее, — отвѣчалъ паша и сталъ объяснять старикамъ, что тѣ времена прошли, когда бей, потому что онъ бей, могъ выгонять людей изъ города и даже рѣзать ихъ. Говорилъ это Феимъ-паша и разгорячался все сильнѣе и сильнѣе... — Для девлета нашего всѣ подданные султана равны. Времена несправедливостей и самоуправства утекли вмѣстѣ съ кровью крамольныхъ янычаръ въ воды Босфора! Турція теперь принята торжественно въ семью европейскую, и слуга султана сумѣетъ заставить уважать законъ!

Абдулъ-паша молчалъ угрюмо.

— Такъ новый законъ, — сказалъ онъ наконецъ, — велитъ, чтобы старый воинъ былъ наравнѣ съ распутною цыганкой? Хорошій законъ...

— Законъ, данный государемъ нашимъ..—возразилъ, блѣднѣя, генералъ-губернаторъ и всталъ съ своего кресла.

— Такъ я проклинаю всѣ ваши новости!—закричалъ старый Абдулъ.—Я знаю одинъ законъ, древній обычай моей родины... Вы погубили насъ; вы погубили весь народъ мусульманскій. Вы погубили насъ...

Феимъ-паша смотрѣлъ на изступленнаго старика молча и надменно, перебирая четки. Какъ на безсильнаго стараго пса глядѣлъ онъ на него.

Шекиръ-бей кинулся къ намѣстнику и схватилъ его полу...

— Простите другу моему, онъ старикъ... Онъ говоритъ по старому *à la Turca!*... Злобы нѣтъ въ его сердцѣ.... Горе и обида ожесточили его душу... Онъ вѣрный слуга султану... Его родъ всегда служилъ вѣрно государю нашему...

Феимъ-паша отступилъ надменно отъ Шекиръ-бея и отвѣчалъ ему:

— Я ему прощаю: его родъ точно всегда вѣрно служилъ. Я вамъ скажу: вѣрно ли вашъ родъ служитъ? Вѣрно ли служитъ вашъ сынъ?.. Вы знаете, за что̀ удалилъ я его изъ меджлиса? Идите, теперь у меня есть другія дѣла, и готовьте сына вашего въ дальній путь. Не цыганку я пошлю въ изгнаніе, а вашего Гайредина. Пусть знаетъ онъ, какъ дружиться съ греками, нашими злѣйшими врагами, и какъ спасать заговорщиковъ ночью въ арнаутской одеждѣ...

Сказавъ это, паша позвонилъ и велѣлъ кликнуть своихъ чиновниковъ съ бумагами. А старики удалились въ безмолвіи домой.

IX.

Абдулъ-паша, какъ только возвратился въ свой домъ, тотчасъ послалъ за дочерью и сказалъ ей:

— Ты мнѣ не дочь, если не поѣдешь за мною въ мой домъ.—Брось его! Пусть онъ придетъ и поклонится намъ. Я разведу тебя съ нимъ и найду тебѣ мужа честнаго.

Эмине-ханумъ покорилась отцу, взяла дѣтей и въ тотъ же день уѣхала съ отцомъ изъ Янины.

Шекиръ-бей, сидя одинъ, горько плакалъ. Когда сынъ воротился домой, Шекиръ-бей передалъ ему печальныя вѣсти объ изгнанiи и объ отъѣздѣ жены.

— Судьба! — сказалъ Гайрединъ, блѣднѣя, и сѣлъ: ноги его не держали.

Стали они совѣщаться и спрашивать: кто бы могъ довести дѣло Джимопуло до паши? Призвали сеиса-грека и заклинали его всѣмъ святымъ сказать правду. Грекъ, прослезясь, признался, что въ пьяномъ видѣ говорилъ о бѣгствѣ Джимопуло съ кавасами, хваля доброту бея. Между кавасами былъ одинъ турокъ; должно быть онъ передалъ.

— Вотъ тебѣ награжденье, — сказалъ старый Шекиръбей сеису. — Я тебя теперь въ домѣ моемъ видѣть не могу.

И далъ ему денегъ.

Одумавшись, Шекиръ-бей рѣшился ѣхать въ Царьградъ, чтобы спасти сына. Какъ ни тяжело было ему пускаться въ дальнiй путь, сынъ былъ дороже покоя преклонныхъ лѣтъ.

Слезы его бѣжали ручьемъ при одной мысли, что Гайредина сошлютъ въ Сирiю или каменистую Аравiю, гдѣ у него не будетъ ни отца, ни жены, ни друга!

Ѣхать онъ собирался, но денегъ было мало. По добротѣ своей, Шекиръ не любилъ тѣснить грековъ, которые жили на его землѣ, и часто отсрочивалъ имъ платежи. Въ это лѣто дождей было мало; кукуруза не родилась, и собрать ему съ нихъ было почти нечего.

Послали за банкиромъ Ишуа, но Гайрединъ и безъ того за эти три мѣсяца задолжалъ ему много, потому что не хотѣлъ показывать дома, какъ дорого стоитъ ему Пембé, и не бралъ денегъ на это ни отъ отца, ни отъ тестя.

Ишуа сначала сказалъ, что принесетъ сейчасъ 30,000 пiастровъ. Ушелъ и не вернулся. Къ вечеру послали за нимъ, его не было дома; на другой день была суббота; въ воскресенье утромъ онъ обѣщалъ опять принести, а вечеромъ прислалъ сказать, что поссорился съ племянни-

комъ, съ которымъ у него до тѣхъ поръ все было сообща, и что племянникъ унесъ ключъ отъ кассы.

Сѣлъ старикъ на лошадь и поѣхалъ самъ къ Ишуа. Опять Ишуа не было дома. Шекиръ-бей вернулся оскорбленный и разсерженный. Уходя изъ дома еврея, онъ произнесъ нѣсколько угрожающихъ словъ. Ишуа испугался этихъ словъ и пришелъ самъ съ извиненіями; но албанцы выругали его, какъ нельзя хуже, а Гайрединъ хотѣлъ гнать его изъ дома палками. Ишуа подалъ жалобу въ Порту.

— Дурной часъ пришелъ на насъ, сынъ мой!—воскликнулъ Шекиръ-бей.

Гайрединъ долго сидѣлъ какъ убитый, но вдругъ оправившись, вспомнилъ о Джимопуло, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ нему. Дорогой, еще не доѣзжая до его дома, онъ увидалъ его на улицѣ.

Киръ-Костаки самъ, узнавъ случайно въ конакѣ паши о ссорѣ Гайредина съ Ишуа, шелъ къ Гайредину съ деньгами.

— Возьмите, возьмите!—сказалъ онъ старому Шекиру,—и знайте, что и между греками есть такіе, что помнятъ добро.

Старикъ и Гайрединъ долго обнимали и благодарили его.

— И въ немъ, ты самъ знаешь, течетъ ваша кровь!—говорилъ съ восторгомъ старикъ, указывая на сына.

Джимопуло тѣмъ труднѣе было дать деньги эти, что онъ, какъ и предсказывалъ Феимъ-паша, давно уже нашелъ средство тайно отправить для критянъ большую сумму.

На другой день Шекиръ-бей взялъ въ конакѣ паспортъ и уѣхалъ въ Царьградъ въ самый ненастный и дождливый день. Сынъ провожалъ его до перваго хана и со слезами видѣлъ, какъ скрылся за скалами отецъ и какъ зимній холодный дождь ливмя лилъ на его старую голову.

Жалобу Ишуа оставили въ Портѣ безъ вниманія.

Пашѣ довольно было и того, что онъ сдѣлалъ Гайредину; въ тотъ же день, какъ уѣхалъ старый Шекиръ, онъ послалъ въ Царьградъ бумагу, въ которой чернилъ Гайредина какъ только могъ.

Гайрединъ, возвратившись въ городъ послѣ проводовъ отца, пошелъ прямо къ той гречанкѣ, у которой онъ последнее время видался съ Пембе́, и послалъ за любимою дѣвушкой, думая подѣлить съ ней горькій часъ.

Пембе́ пришла съ теткой. Тетка, какъ вѣдьма, сѣла на корточки у жаровни и стала грѣть свои старыя руки надъ угольями.

Пембе́ смѣялась и ласкала бея.

Гайрединъ, глядя на нее, забылъ все свое горе и, обнимая ее, спросилъ у нея наконецъ нѣчто завѣтное, о чемъ еще не спрашивалъ ее:

— Поѣдешь ли со мной, моя жизнь, въ Аравію? И тамъ, ягненокъ мой, добрые люди есть. Тамъ нашъ пророкъ родился; туда люди на молитву ходятъ. Съ тобой, Пембе́, изгнаніе—не будетъ мнѣ изгнаніемъ, и ни отца, ни жены я не буду жалѣть, когда ты будешь со мной, моя сладкая дѣвушка!

Пембе́ молчала и глядѣла на тетку.

— Поѣдешь?—спросилъ опять Гайрединъ.—Что жъ ты молчишь?

— Она жалѣетъ тебя, паша мой,—сказала съ улыбкой тетка.—Отъ жалости говорить не можетъ. Слышали мы вчера отъ людей, будто тебѣ хотятъ «сюргюнъ» сдѣлать, и всю ночь обѣ отъ слезъ и отъ страха не спали.

— Пусть не жалѣетъ, я самъ не жалѣю себя, если она поѣдетъ со мной...

Переглянулись еще Пембе́ съ теткой, и Пембе́, вставъ и поцѣловавъ руку бея, сказала ему:

— Ты, паша мой, человѣкъ большой; тебѣ и въ Аравіи хорошо будетъ жить. А я сирота. Тетка моя не пуститъ меня съ тобой. Кто за нею, бѣдною старухой, будетъ смотрѣть, кузумъ-паша мой? Какъ она смотрѣла за мной, такъ и мнѣ надо теперь смотрѣть за ней, кузумъ-паша мой! Я теперь цѣлую глаза твои и руки и благодарю тебя за то, что ты мою судьбу сдѣлалъ...

Послѣ нея заговорила тетка.

— Узнали наши родные въ Битоліи,—сказала она,—что

у Пембе́, по милости твоей, и деньги, и вещи есть, сосватали ее тамъ и зовутъ насъ на родину.

— Правда?—спросилъ Гайрединъ у Пембе́.

— Правда, паша мой. И я, сирота, благодарю тебя,—отвѣчала коварная Пембе́.

Гайрединъ не далъ ей руки... Вся душа его содрогнулась отъ гнѣва и горести.

Помолчавъ съ минуту, онъ всталъ, вышелъ вонъ и уѣхалъ въ свой опустѣлый чифтликъ ждать уныло, что пошлетъ ему Богъ, обрушившій столько бѣдъ на его голову.

X.

На слѣдующій день греки праздновали Рождество Христово. Закрыли всѣ лавки свои и ночь подъ праздникъ провели въ церквахъ, молясь и пріобщаясь св. Тайнъ.

Въ ту же ночь турки отдыхали отъ дневного поста своего, курили, ѣли и кончали дѣла. Феимъ-паша спросилъ себѣ на разсвѣтѣ свѣжаго хлѣба, но ему отвѣчали, что свѣжаго хлѣба нѣтъ, что всѣ хлѣбники—христіане и заперли пекарни на три дня.

— На три дня?—воскликнулъ паша съ удивленіемъ и гнѣвомъ.

Чиновники сказали ему, что такъ ведется здѣсь съ древнихъ временъ, и самъ Али-паша, тиранъ эпирскій, уважалъ этотъ обычай грековъ.

— И войско будетъ ѣсть три дня сухой хлѣбъ?—спросилъ Феимъ-паша.

— И войско.

Не повѣрилъ Феимъ-паша, послалъ за полковникомъ, и полковникъ повторилъ ему то же.

— Мы знаемъ это, и привыкли,—сказалъ онъ.

Паша тотчасъ же послалъ за тремя самыми богатыми хлѣбниками и грозно велѣлъ имъ отворить лавки и печь свѣжіе хлѣбы для войска и для всѣхъ турокъ.

— Не можемъ,—отвѣчали хлѣбники, кланяясь.

— Я велю вамъ!—закричалъ паша.

— Не можемъ,—повторили хлѣбники.—Намъ вѣра не велитъ работать эти дни, и мы, паша, господинъ нашъ, работать не будемъ.

Паша пришелъ въ изступленіе и воскликнулъ:

— Я покажу вамъ всѣмъ здѣсь, и арнаутамъ и грекамъ, каковъ у васъ паша! Я покажу вамъ, что у меня не пойдете вы по дорогѣ критянъ! Вонъ отсюда!

И приказалъ безъ суда схватить этихъ трехъ хлѣбниковъ и, посадивъ въ цѣпяхъ на лошадей, отправить немедленно въ дальній городъ Бератъ и заключить тамъ въ тюрьму. Они не имѣли времени проститься съ семьями; ихъ взяли, когда они, только что причесавшись, шли изъ церкви.

Поднялась вся православная Янина. Одинъ за другимъ бѣжали греки другъ къ другу, къ богатымъ купцамъ своимъ, къ митрополиту и консуламъ. Толпа народа съ благословеніями шла за тремя изгнанниками далеко за городъ. Собрались старшины у митрополита. Робкій старецъ заплакалъ горько, выслушавъ ихъ разсказы и сужденія. Страшно ему было вступить въ борьбу съ могучимъ намѣстникомъ, но просьбы и угрозы общины еще сильнѣе трогали и пугали его. «Лучше отъ турокъ пострадать, чѣмъ отъ укоровъ своей паствы!»—сказалъ онъ наконецъ и поѣхалъ въ Порту.

Дрожащимъ голосомъ и со слезами на дряхлыхъ очахъ молилъ онъ пашу возвратить изгнанниковъ и не касаться того обычая, котораго самъ Али-паша не дерзалъ касаться.

Феимъ-паша отказалъ ему.

Еще шумнѣе и ожесточеннѣе заговорили греки.

— Мы не бунтуемъ, — кричали они, — но церкви нашей даны права въ первый день паденія Византіи самимъ султаномъ-Магометомъ-завоевателемъ. Мы отстоимъ права наши!

— Я покажу грекамъ, каковъ у нихъ паша!—повторялъ намѣстникъ и велѣлъ тайно войсковымъ начальникамъ усилить обходы и стражу и быть готовымъ на все.

— Мы отстоимъ права наши! — восклицали греки всѣ заодно.

Весь городъ былъ въ движеніи. Турецкіе фанатики осматривали свои ятаганы и ружья! Встрѣчались молча на улицѣ толпа грековъ съ кучей турокъ, молча взглядывали одни на другихъ, но какъ! — и молча продолжали путь. На всѣхъ перекресткахъ въ эти три смутные дня слышались зловѣщіе разсказы: шло, разсказывали турки, десять грековъ пьяныхъ вечеромъ безъ огня, заптіе спросилъ ихъ: «куда вы идете пьяные съ пѣснями?» «На твою погибель!» — отвѣчали они, разбили объ его голову незажженный фонарь и разбѣжались.

Въ иномъ мѣстѣ греки разсказывали, какъ во время крестнаго хода, когда митрополитъ остановился предъ русскимъ консульствомъ и по обычаю прочелъ молитву, кинулись толпой сосѣдніе турчата (наученные большими) на пѣвчихъ мальчиковъ, засыпали ихъ каменьями и разбѣжались сквозь толпу.

«Часовые перестали отдавать честь русскому и греческому консуламъ», — говорили на базарѣ христіане.

Юзъ-баши встрѣтилъ съ обходомъ толпу гулявшихъ христіанъ, заспорилъ съ ними и, обнаживъ саблю, сказалъ:

— Если и эти дѣла пройдутъ вамъ, какъ многое прошло, все-таки дождусь я и того часа, когда сабля эта пройдетъ сквозь вашу грудь.

Говорили, что паша осмѣлился не принять обоихъ православныхъ консуловъ, когда они пришли сдѣлать ему свои замѣчанія.

Громче всѣхъ говорилъ честный Джимопуло. Слушаясь его совѣтовъ, старецъ-митрополитъ привезъ ключъ отъ соборной церкви къ пашѣ и вручилъ его ему, говоря, что митрополіи въ Янинѣ больше нѣтъ и что онъ, послѣ оскорбленій, нанесенныхъ вѣрѣ и общинѣ греческой, сношеній съ нимъ имѣть не можетъ. Вслѣдъ за духовнымъ пастыремъ пришли всѣ христіанскіе члены идаре-меджлиса и судовъ уголовнаго и гражданскаго и подали въ отставку.

Джимопуло обратился къ пашѣ съ рѣчью спокойною и твердою.

— Мы лишимся довѣрія нашихъ соотчичей, — сказалъ онъ, — если останемся послѣ этого позора членами судовъ и совѣтовъ султанскихъ. Ваше превосходительство знаете, что его величество султанъ изволилъ дать намъ права не для того, чтобы мы сами потеряли ихъ нашимъ равнодушіемъ. Поддерживая ихъ, мы сообразуемся съ волей того, кто намъ даровалъ ихъ!

Паша повернулся къ грекамъ спиной и повторилъ опять:

— Я докажу, что здѣсь не будетъ Крита!

Къ слѣдующей ночи не только выборные члены судовъ и совѣтовъ, но и всѣ мелкіе чиновники изъ грековъ, писаря, драгоманы и служащіе на телеграфной станціи и въ таможняхъ подали въ отставку.

Телеграммы со всѣхъ сторонъ неслись въ Царьградъ; писались спѣшныя донесенія во всѣ европейскія столицы.

Паша не дремалъ и по нѣскольку часовъ подъ рядъ проводилъ самъ на телеграфной станціи, отвѣчая на запросы съ береговъ Босфора...

Волненіе умовъ росло въ столицѣ вилаета, а изъ дальнихъ округовъ въ то же время прилетали вѣсти, отъ которыхъ пахло уже порохомъ и кровью... Наконецъ и западные консулы вмѣшались и совѣтовали уступить: ибо для самой Порты невыгодны смятенія...

Раздираемый нѣмымъ бѣшенствомъ, Феимъ-паша уступилъ. На третьи сутки раздался по мостовой, со стороны Берата, стукъ копытъ, и изгнанники вернулись въ среду ликующаго народа.

Феимъ-паша уныло простился со своею ролью просвѣщеннаго, но грознаго патріота и правителя Эпира. Онъ понималъ, что послѣ этой неудачи его царству здѣсь конецъ... Все, что̀ было оскорблено имъ въ этомъ дѣлѣ, все, что̀ лично было ему враждебно, поднялось на него въ Царьградѣ. Вселенскій патріархъ вступился за право митрополита; греческія газеты привлекали взоры на самоуправство пашей. Фанаріоты, и тѣ роптали. Драгоманы посольствъ

сожалѣли оффиціально въ кабинетѣ великаго визиря о неосторожномъ обращеніи Феима съ народными страстями. Паши, у которыхъ не было мѣстъ, спѣшили заявить свои надежды. Не дремали и старые албанскіе бен: Абдулъ-паша писалъ спѣшныя письма къ роднымъ и друзьямъ своимъ въ столицу, обвиняя пашу какъ безумца и заклятаго врага албанцевъ. Шекиръ-бей хлопоталъ за сына. Но болѣе всѣхъ вредилъ Феиму одинъ престарѣлый министръ, котораго Феимъ оскорбилъ когда-то своимъ остроуміемъ.

Старикъ этотъ былъ съ нимъ друженъ и, вздумавъ подражать европейцамъ, просилъ его, какъ человѣка знающаго, сочинить ему гербъ на новую карету. «Вы были судьей и воиномъ не разъ», — сказалъ ему Феимъ и прислалъ ему рисунокъ герба: вѣсы и мечъ, а внизу девизъ по-французски: *pese et vainc!* По-турецки же слово *пезе венгъ* хуже, чѣмъ подлецъ!

Феимъ-паша зналъ все это; онъ готовился къ отъѣзду и забылъ о Гайрединѣ и о его ссылкѣ.

XI.

Скоро Феимъ-паша уѣхалъ изъ Янины; его замѣнилъ другой, съ которымъ успѣлъ сдружиться въ Царьградѣ старый Шекиръ-бей. Они пріѣхали вмѣстѣ. Объ изгнаніи Гайредина уже не было и рѣчи; новый паша обѣщалъ старику выгнать изъ вилаета Пембé безъ всякаго суда и разговоровъ; но, по пріѣздѣ въ Янину, онъ узналъ, что Пембé уѣхала сама. Шекиръ-бей сказалъ сыну:

— Поѣдемъ къ Абдулъ-пашѣ. Помирись съ женой. Ты забылъ и дѣтей своихъ!

Гайрединъ поѣхалъ съ нимъ къ тестю и привезъ назадъ жену и дѣтей. Изздину онъ былъ очень радъ и крѣпко обнималъ его и ласкалъ цѣлый день; но къ женѣ уже не лежало сердце его, и часто думалъ онъ про себя:

«Пустыня Аравіи была бы лучше родины, если бы *та дѣвушка* была со мной въ пустынѣ!»

видѣли всѣ: и жена, и отецъ, и родные, что бей молчитъ и тоскуетъ, и не знали, что дѣлать съ нимъ.

Однажды Шекиръ-бей откровенно говорилъ о сынѣ съ новымъ пашой.

— Послушай меня, — сказалъ ему генералъ-губернаторъ, — не излѣчишь ты дома души его! Пошли ты его на грековъ съ баши-бузуками въ горы. Хоть «сюргюнъ» ему и не сдѣлали, а все же мнѣніе о немъ худое въ Стамбулѣ. А пойдетъ онъ на грековъ, такъ эти мысли измѣнятся.

Шекиръ-бей поблагодарилъ пашу и сказалъ сыну какъ будто отъ себя:

— Вотъ, пришло тебѣ время послужить султану мечомъ и очистить имя твое!

Гайредину было все равно. Онъ принялъ начальство надъ сотней баши-бузуковъ и выступилъ въ Аграфу. Ему не пришлось и сразиться съ клефтами. Не прошло и трехъ недѣль, какъ его убили.

Онъ ѣхалъ подъ вечеръ впереди своего отряда по ущелью. Съ обѣихъ сторонъ стояли высокіе камни. Снѣгъ падалъ густой, и вѣтеръ грозно ревѣлъ навстрѣчу албанцамъ.

Гайрединъ ѣхалъ шагомъ, укрываясь буркой, и унылыя мечты его были далеки отъ боевого дѣла. Онъ съ горькою думой вспомнилъ иную непогоду, веселый очагъ и окна своего дома, которыя напрасно рвалъ вѣтеръ,—вечерній дождь надъ темною мостовой и блѣдную Пембé.

Такъ мечталъ Гайрединъ, когда греческая пуля, пущенная изъ-за дальняго куста, пресѣкла его жизнь. Онъ упалъ на шею лошади, не сказавъ ни слова. Баши-бузуки разбѣжались, только двое старыхъ слугъ привезли его тѣло къ отцу.

Такъ кончилъ жизнь свою добрый Гайрединъ.

ХАМИДЪ И МАНОЛИ.

(РАЗСКАЗЪ КРИТСКОЙ ГРЕЧАНКИ ОБЪ ИСТИННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ 1858 г.).

(1869 г.)

I.

Насъ было двое у отца и матери,—братъ мой Маноли и я. Домъ нашъ былъ въ Анерокуру. Ты вѣрно видѣлъ по дорогѣ къ Судѣ двѣ деревни на склонѣ горы.

Одна зовется Скаларія, а другая Анерокуру,—это наша родина. Она вся въ зелени скрыта... И теперь цѣла; сколько ни разбойничали и ни разоряли народъ проклятые турки, а около Ханьи, вѣрно консуловъ боялись, мало трогали.

Домикъ нашъ давно проданъ и пристанища нѣтъ у меня, господинъ мой! Вся семья наша родилась горькая; отецъ былъ рыбакъ и утонулъ въ морѣ, когда брату Маноли было десять лѣтъ всего, а мнѣ немного больше. Мать бѣдная кормила насъ долго, какъ могла; чулки вязала, полы нанималась мыть, въ монастырь нанималась служить; наберетъ иногда жасмину самаго душистаго, нанижетъ его на прутикъ, сядетъ на дорогѣ и ждетъ. Бей ли какой проѣдетъ, турчанки ли богатыя пройдутъ, консулъ ли, или какой-нибудь иной богатый франкъ подъ руку съ женой гуляетъ, самъ на себя любуется,—мать поклонится и подастъ жасмины: и всегда ей что-нибудь за жасмины дадутъ; турки, скажу я тебѣ правду, отказывали рѣдко. Это у нихъ есть. И другіе давали, шутили съ матерью: «Что Элена, бѣдная? Все объ дѣтяхъ ты убиваешься? А давно ли ты красавица первая была у насъ въ округѣ? Никакъ про тебя и стишки эти сдѣлали:

Всѣмъ нашимъ дѣвушкамъ царица,
Красой и добротой, ты душа Эленица! *).

---

*) *Эленица* — уменьшительное отъ Элена.

Это ей говорилъ часто бакалъ **) одинъ Ставраки, какъ только завидитъ ее, и никогда съ пустыми руками не отпускалъ. Говорили люди, что онъ какъ молодъ былъ и еще бѣденъ, такъ хотѣлъ взять мою мать; да родные отговорили. И вышла ему другая судьба: дочь хозяина, у котораго онъ въ лавкѣ служилъ, влюбилась въ него; увидалъ богатый отецъ, что дочь беременна отъ мальчика, отъ Ставраки; побилъ Ставраки, а все-таки дочь за него отдалъ и со всѣмъ богатствомъ. А мать за рыбака вышла. Хуже всѣхъ это франки... Какъ я тебѣ скажу, господинъ мой? кабы моя сила была, я бы франковъ ко хвосту лошадиному привязывала, да чтобъ рвали ихъ лошади на части.

Турокъ глупъ и варваръ; а его они всему злому учатъ, зачѣмъ вѣра у насъ православная, а не такая какъ у нихъ.

Подала мать разъ жасминъ француженкѣ, а она какъ закричитъ: «Иди, иди прочь! Не люблю я этого запаха! Какіе эти греки всѣ безстыдные... Не хотятъ работать!» Слышите? Греки лѣнивы? Не хотятъ работать? чума ты такая, вѣдьма франкская! Развѣ стыдно цвѣтки бѣдной женщинѣ продавать? А что твой мужъ, чума ты французская, изъ Австріи всякую гнилую дрянь натащилъ въ лавку свою и народъ обираетъ нашъ простой? Это не стыдно? Купитъ человѣкъ коверъ у твоего мужа: «Это, подумаетъ, европейская вещь». А черезъ годъ, гляди, ужъ и бросилъ коверъ никуда негодный.

Много я отъ франковъ зла видѣла всякаго, господинъ мой!

А братъ мой, бѣдный Маноли, отъ турокъ погибъ, удавили его солдаты на лѣстницѣ у паши, передъ всѣмъ народомъ.

Такова была судьба его! Подружился онъ съ турками, принялъ на душу свою большой стыдъ и грѣхъ большой и погибъ.

Вся семья наша была несчастливая.

**) *Бакалъ* —лавочникъ.

II.

О самой себѣ мнѣ много нечего разсказывать. Я черезъ три года послѣ того, какъ утонулъ отецъ, вышла замужъ, а черезъ годъ послѣ свадьбы овдовѣла. Мужъ мой—Янаки, былъ каменщикъ, и его задавила скала: обрушилась на него, когда онъ работалъ.

Пока онъ женихомъ былъ, съ полгода мы жили очень хорошо, и вышла за него замужъ—тоже хорошо жила.

Первый разъ увидала я его у насъ на одной свадьбѣ въ деревнѣ. Онъ былъ изъ другого села. Пришелъ, стоитъ широкоплечій такой у стѣнки, облокотился и смѣется, глядитъ на насъ. Былъ въ то время карнавалъ; мальтійцы-носильщики въ Ханьѣ пѣли и плясали, и наши молодцы выучились у итальянцевъ наряжаться — кто медвѣдемъ, кто докторомъ, кто кавасомъ консульскимъ въ Арнаутской фустанеллѣ. Говорятъ наши паликары: «Нарядись, Янаки, и ты!» «Дѣтскія, говоритъ, это вещи, я не стану наряжаться!» А самъ искоса на меня глядитъ. И мнѣ онъ понравился. Сталъ онъ въ нашей Анерокуру работать и къ матери пришелъ. Мы его кофеемъ угощали, и я тогда же про себя думала: «Никакъ вышла мнѣ хорошая судьба!» Онъ хоть былъ и каменщикъ, а домъ у него свой былъ и одѣвался онъ по праздникамъ въ тонкое голубое сукно очень чисто. Щеголять любилъ. Я тоже хитрая, знаю по какой дорожкѣ онъ подъ вечеръ ходитъ съ работы; сегодня нѣтъ, а на третій день и пойду по этой дорожкѣ.

— Добрый вечеръ, Катерина! — и если нѣтъ никого и руку пожметъ крѣпко. Такой онъ былъ видный изъ себя и молодецъ всѣмъ. Наши критскіе, правду надо сказать, красавцы всѣ. Еще Янаки былъ лицомъ хуже многихъ; да вотъ—я его любила.!

Разъ шелъ онъ мимо насъ и показалъ мнѣ, что у него пуговица на рукавѣ оборвалась. «Сирота я здѣсь, Катерина, кто мнѣ въ Анерокуру пришьетъ?» Я говорю: «Я тебѣ пришью!» И пришила. А когда нагнулась къ рукѣ

его зубами нитку откусить, у него рука какъ вздрогнула, и онъ сказалъ мнѣ: «Люблю я тебя душа, Катинко, больше всего свѣта Божьяго!»

Сказали мы матери; матери что же? Слава Богу—судьба дочери вышла! Сталъ Янаки къ намъ ходить каждый день, часы серебряные мнѣ подарилъ, платье шелковое, а платочковъ головныхъ и не сочтешь сколько!

И домикъ нашъ самъ починилъ; по праздникамъ соберемъ другихъ дѣвушекъ, и онъ приведетъ молодцовъ, и танцуемъ всѣ на террасѣ... На это у насъ свободно.

Отецъ мой сказывалъ, помню, что въ Янинѣ дѣвушки и на улицу не выходятъ, и причащаются почью, а днемъ и въ церковь даже не ходятъ, чтобы не видали ихъ мужчины, а разврату говорятъ тамъ много. У насъ не такъ: гулять и плясать и говорить можно и смѣяться; знай только честь свою храни... А не сохранишь честь, —либо убьютъ, либо всю жизнь будетъ стыдъ... Веселились мы съ Янаки и до свадьбы и послѣ свадьбы жили хорошо. Только какъ женился онъ на мнѣ, говоритъ мнѣ сурово: «Я ревнивъ, Катерина. Помню пѣсенку, что поютъ у васъ въ Анерокуру:

Я тебя убью, собака ты, Катерина!

— «Не ревнуй, говорю я. На другихъ я и смотрѣть не стану». И стали мы жить какъ голуби; мула онъ для меня купилъ и на праздники въ монастыри возилъ веселиться, и на богомолье вмѣстѣ ѣздили; дворикъ у насъ сталъ чистый, и я на немъ цвѣты развела.

Собачка у насъ была, и та утѣшала: умная и безхвостая родилась; мы ее *аркудица* звали; это значитъ медвѣженочекъ!

Матушка радовалась на насъ и перешла къ намъ жить; а какъ я стала беременной—еще больше меня Янаки полюбилъ. И всѣ люди про насъ говорили: «Хорошо они, бѣдные, живутъ, хорошая семья». Одинъ только братъ Маноли и тревожилъ насъ. Такой былъ безпутный мальчикъ: не злой, а глупый и безпутный; черезъ глупость свою погибъ! Пусть Господь Богъ проститъ его душу!

III.

Сначала мать отдала брата Маноли къ одному красильщику. Ходили они вмѣстѣ по домамъ и красили двери и потолки. Маноли, бѣдный, тогда еще любилъ семью, и гдѣ дадутъ ему *бахчишь**), не прогуляетъ все, а что-нибудь и матери принесетъ.

Собой онъ вышелъ такой красивый, что всѣ оборачивались, глядѣли на него, когда онъ шелъ по дорогѣ. Я что такое! Я передъ нимъ цыганка всегда была. И мужъ мой шутилъ всегда матери:

— Если бы я не зналъ тебя, матушка, за честную жену моему свекору покойному, я бы на всѣхъ старыхъ цыганъ и арабовъ смотрѣлъ бы... который изъ нихъ любилъ тебя? такую ты мнѣ жену черную родила!

— «Грѣхъ!—бывало скажетъ бѣдная мать.—Стыдно такія слова говорить!» А сама ничуть не сердится.

Мы всѣ трое мирно жили вмѣстѣ. А Маноли нашъ былъ такой бѣлый, какъ англійскія барышни бываютъ. Кудри черныя, походка, ростъ, руки — все какъ на картинѣ. А глаза были у него синіе, какъ море въ жаркій день, и сладкіе, тихіе такіе, когда онъ задумается. Только я говорю, ни ума, ни хитрости у него не было. Всякому вѣритъ: пожалъ ему руку кто на базарѣ, изъ богатыхъ, бѣжитъ домой.

— Хорошій, говоритъ, человѣкъ! Руку мнѣ жметъ. Какъ поживаешь, Маноли!

Оттого хорошій, что ему, мальчику, руку пожалъ! А спросишь, и узнаешь, что этому человѣку нужно что-нибудь было, послать ли его куда или еще что-нибудь.

Бывало начнетъ хвалиться:

— Меня, говоритъ,—никто обмануть не можетъ. У меня страхъ какіе открытые глаза! У другихъ открытые глаза бываютъ, а у меня еще открытѣе!

---

*) *Бахчишь* — награда на чай, на водку.

И откроетъ глаза въ самомъ дѣлѣ, такъ и смотритъ на насъ долго.

— Не пугай насъ, закрой скорѣй!—скажетъ бывало мужъ.

А онъ сердится.

И вспыльчивый былъ и пугливый. Немного что случится: «а? а? гдѣ? гдѣ? что? что?» Туда-сюда бросается, а сдѣлать ничего не сдѣлаетъ. Жалѣли мы его часто и бранили. За это онъ и мужа моего разлюбилъ.

Пока еще онъ жилъ у красильщика, было лучше. Красильщикъ былъ старикъ строгій; самъ много работалъ и его держалъ сурово. Его Маноли боялся.

Дѣла худыя начались, какъ онъ познакомился съ молодымъ туркомъ Хамидомъ, который въ Ханьѣ табачную лавку держалъ.

Хамида этого и турки звали Дели-Хамидъ, это значитъ на настоящемъ турецкомъ языкѣ—безумный-Хамидъ, либо Хамидъ-сорви-голова. Торговалъ Хамидъ хорошо и честно. На фальшу въ торговлѣ его табакомъ никто не жаловался. Турокъ онъ былъ критскій, изъ округа Селимно, и по-гречески читалъ и писалъ хорошо. Фанатикомъ онъ не былъ и въ мечеть ходилъ даже рѣдко. Что ему мечеть! Ему бы все пѣсни пѣть, да вино пить, да въ хорошемъ платьѣ на конѣ лихомъ скакать мимо дѣвушекъ. Усики свои бѣлокурые бывало припомадитъ вверхъ кольцомъ, капу*) на красномъ подборѣ накинетъ, шальвары изъ самаго тонкаго и свѣтлаго сукна надѣнетъ; лошадь вся въ красныхъ кистяхъ; скачетъ, кисти туда-сюда играютъ на лошади: точно изъ первыхъ семействъ дитя; точно сынъ бея богатаго. Игралъ онъ и на скрипкѣ и на флейтѣ—у итальянца учился. На охоту пойдетъ и на охоту съ флейтой; набьетъ птицъ и идетъ домой, по дорогѣ при всѣхъ на флейтѣ играетъ съ радости. Жениться не хотѣлъ, хотя ему уже двадцать семь лѣтъ было.

— Законная жена—бремя, говоритъ.—Поди, роднымъ

*) *Капа* — короткій, очень красивый бурнусъ съ башлыкомъ.

комплименты строй! А рабу теперь трудно купить; закона уже нѣтъ. Все франки это надѣлали!

На вино Хамидъ былъ крѣпокъ и пилъ много; но чтобы срамъ какой дѣлать пьяному, этого онъ не любилъ; поетъ и веселится, а потомъ заснетъ. Когда другіе турки говорили ему: «Зачѣмъ пьешь съ греками? Пророкъ пить не велѣлъ». У него была на это исторія, сейчасъ и разскажетъ ее.

Какъ при султанѣ Мурадѣ жилъ въ Константинополѣ одинъ пьяница Бикри-Мустафа. Султанъ Мурадъ строго наказывалъ пьющихъ турокъ и казнилъ даже тѣхъ, отъ кого пахло виномъ. Самъ султанъ и вкуса вина не зналъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ Бикри-Мустафу. Разъ шелъ султанъ ночью,—самъ осматривалъ городъ. При немъ была стража. Встрѣтился ему Бикри и кричитъ: «дай мнѣ дорогу!»

— Я падишахъ!—сказалъ султанъ.

— А я, — говоритъ пьяница, — Бикри-Мустафа, я Константинополь у тебя куплю, и тебя самого куплю, когда хочешь. Велѣлъ султанъ его взять во дворецъ, и когда на другой день Бикри протрезвился, султанъ Мурадъ призвалъ его и спросилъ: «Гдѣ жъ твои сокровища, чтобъ и меня и столицу мою купить?» Вынулъ Бикри изъ-подъ платья бутылку хорошаго вина и сказалъ:

— О! падишахъ! Вотъ сокровище, которое нищаго дѣлаетъ царемъ-завоевателемъ и факира послѣдняго равняетъ съ искендеромъ-двурогимъ. (Такой царь, говорятъ, былъ въ Македоніи — двурогій; весь міръ покорилъ; у Маноли брата и книжка объ немъ была.) Удивился султанъ, попробовалъ вина и съ тѣхъ поръ первый пьяница въ свѣтѣ самъ сталъ, и Бикри-Мустафу во дворецъ себѣ въ друзья взялъ.

Про этого Бикри Хамидъ всѣмъ разсказывалъ. Другіе турки подивятся этому разсказу его и оставятъ его, только скажутъ: «одно слово—Дели-Хамидъ!»

Съ Маноли онъ вотъ какъ познакомился. Братъ красилъ дверь у кофейни. Было это въ пятницу, и много

турокъ сидѣло предъ кофейной на стульяхъ. Курилъ и Хамидъ наргиле. Курилъ и глядѣлъ на брата.

Глядѣлъ долго и какъ вдругъ вскрикнетъ: «Богъ мой, вѣра ты моя, *бояджи!*» Бояджи значитъ красильщикъ.

Такъ понравился ему братъ, что онъ его богомъ и вѣрой назвалъ. Зашумѣли турки, схватили Хамида и повели къ кади. Кади сказалъ: «Запереть его въ тюрьму. Завтра разберемъ дѣло!» А Хамидъ не испугался ничуть и обдумалъ свой отвѣтъ за ночь вѣрно.

Привели его въ судъ. Спросилъ кади: «Правда, что ты маленькаго грека красильщика назвалъ богомъ?» «Нѣтъ, говоритъ Хамидъ: я не красильщика назвалъ богомъ, а бога—красильщикомъ».

— Что за слова?—удивился кади.

— Пусть приведутъ сюда мальчика этого,—сказалъ Хамидъ. Взяли бѣднаго Маноли, онъ плачетъ отъ страха.

— Смотрите, кади-эффенди!—сказалъ Хамидъ,—смотрите на глаза этого гречонка. И въ слезахъ насколько они прекрасны! А вчера эти глаза смѣялись, и цвѣтъ ихъ былъ еще чище. Кто далъ имъ этотъ небесный цвѣтъ? Кто былъ красильщикомъ этихъ глазъ? Не Аллахъ ли, который одинъ всемогущъ и всеблагъ? Кто кромѣ его могъ создать такіе глаза? Вотъ поэтому-то и назвалъ я бога—красильщикомъ!

Засмѣялся кади, и всѣ турки сказали Хамиду: «Ты большой хитрецъ, и смѣлости у тебя много!» И отпустили его вмѣстѣ съ братомъ.

Хамидъ сейчасъ же, какъ остался съ братомъ одинъ, такъ и сталъ говорить ему:

— Брось ты ремесло свое, милое дитя мое. Ходишь ты весь замаранный въ краскѣ, и жаль мнѣ твоей красоты. Ты должно быть и умный; если считать умѣешь хорошо, иди ко мнѣ въ лавку служить. Я тебѣ сдѣлаю новое платье, персидскій кушакъ куплю и часы подарю. Служба у меня, ты знаешь, будетъ легкая. Сиди въ лавкѣ, вѣшай табакъ и деньги считай, когда меня самого не будетъ. Считать умѣешь ты, Манолаки? Маноли говоритъ: «Да, у меня очень открытые глаза; никто не обочтетъ меня!»

Мы отговаривали его бросать красильщика, боялись отдать его Хамиду.

И сначала онъ послушался насъ; только разъ ушелъ онъ, не спросясь у старика, гулять и не сказалъ куда, краску нужную спряталъ. Старикъ на другое утро его бить сталъ. День былъ воскресный. Ударилъ его разъ, ударилъ два, Маноли на улицу выбѣжалъ, а старикъ вышелъ за нимъ, не спѣша, и остановилъ его на углу. Прижался Маноли спиной къ стѣнкѣ и ждетъ, что̀ будетъ. Подошелъ старикъ, стоялъ сперва молча предъ нимъ, а потомъ какъ ударилъ, феска съ брата упала; ударилъ другой—кровь у Маноли изо рта пошла.

Было тутъ много арабовъ и турокъ. Кинулись они и стали брата отнимать у старика. Одинъ арабъ старый говоритъ: «Грѣхъ тебѣ молодого бить такъ; сегодня праздникъ у васъ, а ты бьешь его!»

Старикъ видитъ заступниковъ много; оставилъ брата, а туркамъ и арабамъ сказалъ, когда уходилъ: «Не грѣхъ мой вамъ забота, а у васъ у всѣхъ пакость на умѣ; оттого вы молодыхъ и жалѣете!» Старика за эти слова мусульманамъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ продержали; а Маноли пересталъ насъ слушаться послѣ этого, ушелъ къ Хамиду; и въ новомъ платьѣ, съ цѣпью серебряной на часахъ, сѣлъ какъ картинка въ лавкѣ у безпутнаго турка.

IV.

Дивлюсь я всегда, отчего нашей семьѣ такая доля несчастная выпала? Въ одинъ годъ и мать скончалась, и мужа моего камнемъ раздавило, и брата убили турки въ Ханьѣ. Игуменъ монастыря Пресвятой Богородицы такъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Апостолъ Іаковъ сказалъ: «надо радоваться всякому горю и искушенію. Въ горѣ и въ искушеніи терпѣнье человѣческое видно». Игуменъ этотъ былъ человѣкъ молодой и ученый; въ Аѳинахъ учился. Проповѣди говорилъ очень высоко и монастырь въ по-

рядкѣ держалъ. Говорили про него люди, что онъ гордъ, любитъ очень хорошее платье и деньги. Я этого не знаю; а знаю только, что онъ къ сфакіотамъ въ горы ушелъ въ 66-мъ году и вмѣстѣ съ простымъ народомъ противъ турка бился; а потомъ пропалъ безъ вѣсти; убитъ ли онъ или скрылся гдѣ, — не знаю. Видно, говорилъ онъ мнѣ тогда отъ души,—что и самъ горя и смерти не побоялся; и своей высокой должности и своего покоя не пожалѣлъ! Какъ вспомню его, какъ онъ молодой еще, и ростомъ видный, и важный, въ золотой ризѣ на высокомъ креслѣ стоитъ у обѣдни: такъ жалко мнѣ его станетъ, кажется больше чѣмъ мужа и всю семью мою. Съ тѣхъ его словъ — и я меньше плачу,—а собираю все, что заработаю, чтобы по смерти моей половину только дочери моей оставить, а на другую половину серебряную большую поликандилью на островъ Тиносъ сдѣлать. Такъ-то душа моя покойнѣе! Живу и жду своего часа, когда и онъ чередомъ придетъ.

А тогда было не то. Сперва матушка заболѣла и скончалась. Жаль намъ ее было; и за ребенкомъ моимъ она смотрѣла, и во всемъ помогала намъ, и слова дурного мы отъ нея не слыхали ни разу!

Что дѣлать! Похоронили ее. И братъ Маноли пришелъ на похороны изъ города, только онъ мало объ ней плакалъ; совсѣмъ отъ турецкихъ ласкъ и подарковъ обезумѣлъ мальчикъ и забылъ сердцемъ семью.

Около этого времени поднялись на Вели-пашу наши сельскіе греки. Сталъ браться народъ за оружіе; сбирались люди толпами и подступали къ Ханьѣ.

Вели-пашу и я сама часто видѣла; въ Халеппѣ около Ханьи у него свой домъ былъ лѣтній; въ Халеппѣ же и англійскій консулъ тогда жилъ съ женой. Онъ очень былъ дружենъ съ Вели-пашей: обѣдаютъ другъ у друга; гуляютъ вмѣстѣ; паша возьметъ консульшу подъ руку, а консулъ возлѣ идетъ. Мы смотримъ и дивимся: какъ это турокъ съ англичанкой подъ руку идетъ! Точно онъ не турокъ, а франкъ настоящій! Такого паши у насъ еще и не видывали.

Вели-паша былъ нашъ критскій; отецъ его такъ и звался Мустафа-*Киритли*-паша. Имѣнія у Киритли старика были огромныя въ Критѣ; недавно онъ ихъ только всѣ распродалъ. Самый большой конакъ *) и садъ самый прекрасный около Серсепильи были его. Войдешь—какъ рай! Фіалки цвѣтутъ и благоухаютъ по дорожкамъ,—апельсины, лимоны, тополи стоятъ—кажется до самыхъ небесъ—высокіе; фонтаны льются; рыбки красныя нарочно пущены въ воду. А кругомъ этого сада,—куда ни обернись,—все оливки широкія, тѣнь прохладная, птички поютъ... Миру бы и вѣчному бы счастью тутъ быть!

И жилъ бы Вели-паша у насъ въ Критѣ долго, если бы людей захотѣлъ обижать.

Политическіе люди, которые эти дѣла знаютъ, говорятъ, будто бы онъ человѣкъ не злой и съ большимъ воспитаніемъ; а только задумалъ, какъ паша египетскій, отъ султана особенно царствовать, или вотъ какъ на островѣ Самосѣ князь Аристархи былъ.

Малое дѣло! Правда или нѣтъ—не знаю; только сталъ народъ непокоенъ что-то.

Есть у насъ въ селѣ кофейня. Держалъ ее тогда грекъ изъ Чериго. Такой былъ патріотъ этотъ Чериготъ, что Боже упаси! Усы—страсть большіе; плечи, глаза—все большое у него было.

Умѣлъ онъ и съ турками ладить для выгодъ своихъ; а надъ дверьми кофейни своей синей краской расписалъ такой букетъ цвѣтовъ, что всякій видѣлъ (кто былъ поученѣе или поумнѣе)—что это не цвѣты, а двуглавый орелъ византійскій. И газеты умѣлъ этотъ Чериготъ доставать такія, которыя запрещали турки строго. Никогда даже и не скажетъ:—*Критъ*; а все: *отечество Миноса* (это царь Миносъ былъ у насъ въ Критѣ гораздо прежде чѣмъ турки пришли).

Съ моимъ Янаки они большіе друзья были. Если нѣтъ въ комнатѣ турокъ,—Чериготъ сейчасъ пальцемъ въ грудь

*) Конакъ—большой домъ, хоромы.

мужа толкнетъ и скажетъ: «Съ такою силой, съ такими плечами да на войнѣ не былъ!»—«Пойду и я, когда нужда будетъ!»—скажетъ бывало Янаки.

Такъ у этого Черигота стали сбираться наши часто и говорили о политикѣ и о томъ, что права даны были критскимъ людямъ и опять отняты. Приходили и къ намъ въ домъ, по вечерамъ. Меня ужъ и сонъ въ углу давно клонитъ, а Кафеджи намъ все говоритъ: «Права и права; Меттернихъ да Меттернихъ австріецъ много грекамъ зла сдѣлалъ! Теперь и здѣсь васъ судитъ кади въ чалмѣ по корану; а надо вамъ *димогеронтію* свою, и чтобы васъ архіерей и свои старики судили...»

— Люди вооружаются,—скажутъ ему наши.

— Слова одни,—кричитъ Кафеджи,—все слова... Вы критяне—лжецы всѣ; про васъ и апостолъ Павелъ сказалъ, что вы лжецы.

А мужъ мой ему на это:

— Съ того времени, братъ, какъ апостолъ Павелъ жилъ—много лѣтъ прошло. Люди народились другіе!

И правда, что изъ дальнихъ деревень сталъ народъ въ Серсепилью сбираться; и мой Янаки сказалъ: «пора и мнѣ, душа моя Катерина, туда!»

Забилось мое сердце сильно, и заплакала я, а не сказала ему: «нейди». Нельзя же человѣку хорошему нейти на опасность за родину, когда другіе идутъ.

Только не пришлось ему и ружья отцовскаго вычистить; чрезъ два дня послѣ этого разговора нашего убилъ его на работѣ камень.

На домъ и не принесли его; меня пожалѣли люди,—а прямо взяли на церковный дворъ.

Тамъ я его и тѣло несчастное увидала.

Конечно, господинъ мой, есть и вдовымъ слезамъ конецъ. Много я пролила слезъ объ Янаки, однако надо было и себя и дѣвочку кормить. Взяла я ребенка моего на руки и пошла въ городъ наниматься въ служанки.

V.

Я вамъ сказала, господинъ мой, что пошла въ Ханью искать службы въ какомъ-нибудь домѣ. Сказали мнѣ, что у одного католика только что ушла служанка. Я пошла въ этотъ домъ и согласилась служить за полъ-лиры въ мѣсяцъ. Дѣвочку мою они взять съ собой не позволили, и я отнесла ее опять въ село и отдала къ одной родственницѣ.

Въ этомъ домѣ я прожила всего одинъ мѣсяцъ. Не могла: и работы много, не по силамъ моимъ, и брани и обидамъ всякимъ конца нѣтъ. Зачѣмъ ты чисто одѣваешься такъ? Что ты, мадама что ли? Съ твоею ли мордой одѣваться чисто? Должно быть ты развратная какая-нибудь? Хочешь, чтобы мужчины на тебя глядѣли? Гости придутъ; выскочитъ мать, выскочитъ дочь: какъ ваше здоровье? какъ живете?—Какъ живемъ? Знаете—какъ живется въ этихъ варварскихъ странахъ? Отъ однихъ слугъ сколько мученья! «У васъ новая горничная гречанка?»—«Гречанка, къ несчастью. Вездѣ простой народъ золъ и грубъ, а ужъ злѣе грековъ—нѣтъ людей на свѣтѣ. Гордость какая! Нельзя слова сказать!—Ужъ, конечно, злой народъ. Они въ душѣ ненавидятъ насъ, и между собой, да съ русскими въ разговорахъ, скило-франками насъ зовутъ; хорошо дѣлаютъ турки, что бьютъ ихъ!»

А я держи подносъ съ кофе или съ вареньемъ и слушай все это.

И мать и дочь грязныя были такія! Пока нѣтъ гостей, все въ грязномъ и въ старомъ сидятъ; а стукнули въ дверь,—Христе и Матерь Божія!—«визиты! визиты!—кричатъ. Давай то, давай другое; дверь отворяй! Все разомъ!»

— Мы, говоритъ, большіе люди—господа!

— Нѣтъ,—думаю я,—господа настоящіе не такіе бываютъ! Видала и я!

Скупость да злость непомѣрная въ домѣ: пирогъ сладкій принесутъ имъ, мать сама всѣ кусочки сочтетъ и за-

претъ въ шкафъ. Сами съѣсть не могутъ; великъ пирогъ; а людямъ не дадутъ и бросятъ, когда мыши и мурашки источатъ.

Старикъ самъ подобрѣе былъ, зато ужъ развратенъ очень; сталъ было шутить со мною—я и ушла. Вся душа моя поднялась—точно выйти изъ тѣла хотѣла съ досады! Куда дѣться? Не хотѣла я къ туркамъ итти, а дѣлать нечего. И не хочу я лгать и грѣшить; отъ турокъ я добра больше видѣла: одинъ купецъ хорошій, Селимъ-ага, взялъ меня въ гаремъ свой. Возьми, говоритъ, и дочь свою, пусть съ нашими дѣтьми и спитъ и играетъ. Тутъ и работы было меньше, а словъ обидныхъ и совсѣмъ я не слыхала. Старикъ суровый былъ Селимъ-ага, а меня иначе не звалъ, какъ «дочь моя»; за столъ жена его меня вмѣстѣ съ собой сажала и дѣтямъ своимъ мою дѣвочку обижать никакъ не давала. Если сынъ ея толкнетъ мою дочь, либо скажетъ ей худое слово, такъ она возьметъ щипцы отъ жаровни да ему тутъ же добрый урокъ дастъ.

Руками они ѣли, а я дома вилками привыкла ѣсть; одно это трудно мнѣ было; а то ничего!

Братъ Маноли ко мнѣ часто ходилъ: съ Хамидомъ они ужъ ссориться стали. Маноли теперь подружился съ однимъ морантомъ молодымъ. Этотъ морантъ, хоть и христіанинъ былъ, а еще хуже Хамида; распутный и скверный человѣкъ!

Фустанелла у него всегда грязная; лицо худое и злое. Пить ему, да драки заводить, да къ дурнымъ женщинамъ ходить, да воровать, да разбойничать—вотъ его дѣло! Чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ (Христо Пападаки его звали)—не знаю. И самъ говорилъ:

— Мы моранты — разбойники! Умные люди! Придетъ нашъ деревенскій въ Аѳины; фустанелла грязная; феска сальная; кланяется всѣмъ... Откуда ты, братъ? «Изъ Морьи́ *) господинъ мой!» Сожмешься весь, отвѣчаешь. А пожилъ да поправился чѣмъ Богъ помогъ: куртка шитая! феска

---

*) *Морья* — грубо произнесенное *Море́я*, т.-е. *Пелопонесъ*.

хорошая; подперся и стоитъ у кофейни! Хоть самъ король спроси: «Откуда ты?» «Мы откуда?! Мы изъ Пелопонеса!» да и прочь пойдетъ гордѣе министра всякаго!

Ужъ не разъ и выгоняли турки Христо изъ Крита за буйство и всякіе безпорядки; а онъ опять пріѣзжалъ; въ тюрьму консулы греческіе его сажали и въ убійствахъ его винили. Только какъ его сожмутъ покрѣпче, онъ сейчасъ грозится: «Пойду, потурчусь». И оставятъ его. Это съ такимъ-то разбойникомъ свелъ мой бѣдный Манолаки дружбу.

Водилъ Христо его и къ тѣмъ турчанкамъ, которыя по дорогамъ открытыя ходятъ, и въ другія скверныя мѣста.

Узналъ это Хамидъ и началъ бранить брата и ссориться съ нимъ; и все-таки такъ любилъ его, что прогнать не могъ его изъ лавки.

Мнѣ все это мой новый хозяинъ Селимъ-ага разсказалъ однажды. «Аманъ *)! бѣдная Катерина, говоритъ мнѣ; жаль мнѣ тебя сироту и вдову огорчить, а пропасть твоему брату. Худое дѣло Дели-Хамида любовь, а дружба разбойника Христо еще опаснѣе! Либо въ тюрьму попадетъ Маноли, либо убьютъ его! Ужъ я слышалъ,—Хамидъ грозился зарѣзать его, если будетъ съ Христо въ худыя мѣста ходить. Стыжусь я, старикъ, и сказать тебѣ это; а правду сказать надо! Ревнуетъ его Хамидъ и говоритъ: «Я тебя не отпущу отъ себя, а убью и самъ пропаду! Это все мнѣ добрые люди сказали!»

Я закричала и заплакала; а старикъ ага говоритъ: «Позови его; мы его вмѣстѣ усовѣстимъ». Позвали мы Маноли и стали вмѣстѣ съ Селимъ-агой его уговаривать. Только старикъ, Богъ его прости, все дѣло испортилъ; разгорячился да и сталъ срамить и пугать мальчика.

— Отецъ твой былъ честный и мать честная, и сестра честная въ домѣ моемъ живетъ! а ты мошенникъ, да распутный, да разбойникъ! Тебя въ хорошій домъ пускать нельзя; я тебѣ другой разъ вотъ этою палкою голову про-

---

*) *Аманъ* — Увы! ахъ! безпрестанно употребляется на Востокѣ.

ломлю, если ты не исправишься. Потому я твоего отца зналъ и любилъ и тебя жалѣю!

Такъ-то хотѣлъ пожалѣть его палкой ага! Простой человѣкъ былъ, думалъ сдѣлать добро; а сдѣлалъ еще хуже. Обидѣлся Маноли и говоритъ мнѣ, когда я вышла его провожать за дверь: «Я, Катерина, больше сюда не приду! Будь проклята вѣра этого стараго дьявола и весь домъ, и отецъ, и его мать пусть будутъ прокляты! Всякій оселъ да будетъ приказывать мнѣ! Онъ мнѣ не отецъ и не братъ!—Прощай, говоритъ».

И ушелъ; весь раскраснѣлся отъ гнѣва; идетъ такъ скоро отъ меня, только шальвары колышатся туда и сюда и кисть на фескѣ.

Стою у дверей и думаю. Вотъ и ругаться, и проклинать людей какъ научился! а личико-то у бѣднаго красивое и доброе, какъ у того Михаила Архангела, котораго образъ изъ Россіи нашъ игуменъ привезъ. Точно такое лицо; мы всѣ на образъ этотъ любоваться ходили.

Съ тѣхъ поръ я ужъ и не видала никогда моего брата! Часъ его смертный былъ близокъ, и никто изъ насъ этого страшнаго часа не зналъ.

VI.

Христіане наши въ это время вооружились и собрались подъ Ханьей, около Серсепильи и Перивольи. Ихъ было тысячъ около десяти изъ разныхъ епархій и селъ. Начальниковъ у нихъ было много, а главный самый былъ одинъ молодецъ — Маврогенни. У насъ и теперь такъ говорятъ люди, — во времена Вели-паши, либо во времена Маврогенни,—все равно это. Стали они въ садахъ и подъ оливками; не портили и не трогали ничего даже въ турецкихъ садахъ и домахъ и послали сказать всѣмъ сельскимъ туркамъ въ Киссамо и Селимно, гдѣ больше турокъ, и въ другія мѣста, чтобы они работъ своихъ не бросали и не боялись бы. «Мы съ Вели-пашой воюемъ, а не съ ва-

ми. Вы, критскіе люди, такіе же, какъ и мы, и отъ насъ вы зла не ждите...»

Однако глупые турки деревенскіе нашимъ не повѣрили, а повѣрили Вели-пашѣ. Паша подсылалъ имъ людей: «Идите, спасайтесь въ города; не вѣрьте грекамъ; ихъ больше въ селахъ, и они васъ тамъ всѣхъ перебьютъ».

Ему хотѣлось, какъ слышно, чтобы больше смутъ было въ Критѣ и чтобы султанъ сказалъ: «ты одинъ исправишь все тамъ, Вели-паша! безъ тебя нѣтъ спасенья»...

Говорили также наши, что англійскій консулъ тоже все противъ христіанъ дѣйствовалъ.

Пошли турки въ городъ изъ деревень толпами. Женщины, дѣти на ослахъ, на мулахъ ѣдутъ; пожитки везутъ: а мужчины около пѣшіе съ ружьями. Усталые, сердитые, голодные всѣ въ Ханью собрались.

Работы свои полевыя покинули и жить имъ нечѣмъ: работъ въ городѣ для нихъ нѣтъ...

Городъ нашъ-то, знаешь, тѣсный; улицы узкія; стѣны кругомъ города толстыя; ворота у крѣпости на ночь запрутъ и бѣжать некуда; развѣ въ море броситься. Страшно стало христіанамъ городскимъ. Какъ ночь придетъ—души нѣтъ; такъ и ходитъ за тобой смерть жестокая!.. Что дѣлать? Куда бѣжать?

Наши изъ садовъ Серсепильи шлютъ сказать пашѣ:

— «Пусть султанъ намъ права возвратитъ обѣщанныя!»

А паша ждетъ войска изъ Константинополя и не уступаетъ. Турки въ городѣ, — сказала я, — голодные, злые, тѣснота имъ, жить негдѣ; у кого родные были, и тѣхъ стѣснили, а у кого не было родныхъ?! И то сказать, каково было въ жару въ эту лѣтнюю съ дѣтьми маленькими и съ больными, и старыми людьми, гдѣ попало жить?

Въ селахъ у нихъ, какіе бы то ни было, а дома чистые и хозяйство свое было заведено. Грозятся они намъ ежедневно; ходить по базару грекамъ становилось опасно. И женщинъ трогали турки. Вышелъ епископъ въ праздникъ изъ митрополіи; за нимъ мы идемъ. Стали трогать гречанокъ турки; епископъ остановился и закричалъ на нихъ:

«не трогайте женщинъ, которыя съ молитвы идутъ! Это и по вашему закону стыдъ и грѣхъ великій!..»

А одинъ киссамскій паликаръ вынулъ ножъ изъ-за пояса и хотѣлъ ударить епископа.

Паша велѣлъ этого молодого турка въ цѣпи заковать. И отъ этого остальные турки ожесточились еще сильнѣе. А наши молодцы изъ Серсепильи шлютъ свои угрозы.— «Если тронетъ кто христіанъ въ Ханьѣ, мы запремъ источникъ и весь городъ и паша отъ жажды истомятся». Вода хорошая изъ Серсепильи въ городъ проведена и даже мѣсто это зовется у насъ: *«И мáну ту неру»* (мать водная). Куда пошли бы турки изъ Ханьи брать воду? По селамъ окрестнымъ?—боятся, войска мало... А въ городѣ нѣтъ иной воды хорошей.

Вотъ такъ-то мы мучились долго. Я задумала изъ города отъ страха и духоты уйти; думаю, лучше одинъ хлѣбъ въ деревнѣ какой буду ѣсть и жалованья не надо мнѣ, когда что ни ночь—то страшнѣе и страшнѣе становится. Какъ придетъ часъ запирать ворота городскія и увидишь надъ собой со всѣхъ сторонъ до небесъ толстыя стѣны, и кругомъ все турки суровые, съ большими усами—такъ и польются слезы отъ страха! Какъ живую въ гробъ тебя кладутъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ твоимъ невиннымъ. Турчанки мои меня утѣшали и ободряли:

«Не бойся, *морè* *) Катинко! мы тебя никому не дадимъ! Ты въ гаремѣ у насъ, не бойся!»

Однако я все-таки собралась уйти, хоть и много благодарила ихъ. «Пробудь до завтра, сказала хозяйка сама:— вымой ты мнѣ это платье одно; а завтра тебѣ добрый путь».

Я осталась на одну еще ночь. Дѣвочка моя ужъ давно заснула, и мы стали собираться спать; Селимъ-ага въ кофейнѣ былъ и не пришелъ еще... было ужъ около полуночи... Все стемнѣло и стихло въ городѣ... Вдругъ, какъ закричитъ кто-то отъ нашего дома недалеко:

---

*) *Морè* — звательный падежъ отъ *морось* — глупый. Это не всегда брань на Востокѣ, а просто фамильярное и даже иногда ласковое воззваніе, какъ бы у насъ: *дурочка* или *глупенькая*!

— Рѣжь гяуровъ!.. Рѣжь! Всѣхъ гяуровъ рѣжь... нашихъ бьютъ!..

Минуты, я думаю, не прошло—бѣгутъ турки со всѣхъ сторонъ. Огонь! Крики! Оружіе стучитъ; двери хлопаютъ въ домахъ. Женщины плачутъ, дѣти кричатъ.

Упали было подо мной ноги; но вспомнила я о дочери; схватила ее и кинулась къ дверямъ. Хочу бѣжать въ итальянское консульство; вспомнила я консула мусьё Маттео, добрый былъ старичокъ.

Хозяйка кричитъ: «нейди, глупая, нейди; мы тебя въ коверъ завернемъ и подъ диванъ бросимъ; кто сюда въ гаремъ изъ чужихъ турокъ рѣзать тебя придетъ!..»

А я не помню себя, вырвалась и ушла на улицу. Дѣвочка моя плачетъ со сна и съ испуга; а я бѣгу съ ней.

Ужъ кто мнѣ попался навстрѣчу, и не помню въ лицо никого. Помню, и солдаты турецкіе бѣжали, и офицеры,— и наши, и простые турки раздѣтые и съ крикомъ...

Одно видѣла я хорошо. Собралась въ одномъ мѣстѣ толпа солдатъ; я остановилась—что дѣлать. Смотрю, выскочилъ изъ дверей одинъ сосѣдъ нашъ, старый бей турецкій; выскочилъ раздѣтый, съ топоромъ въ рукѣ и кричитъ: «нашихъ бьютъ! рѣжьте! рѣжьте грековъ».

Полковникъ низамскій *) какъ схватитъ его за горло да какъ дастъ ему по щекѣ:

— Лжешь!—говоритъ,—никого не бьютъ!

Вырвалъ у него топоръ, въ домъ его назадъ втолкнулъ, дверь заперъ и ушелъ дальше съ солдатами. На меня они и не взглянули. А я увидала, что по другой улицѣ греки съ женами и дѣтьми бѣгутъ толпой—кинулась за ними и взошла вмѣстѣ съ ними въ французское консульство; русскаго тогда у насъ въ Критѣ еще не было; греческій консулъ дальше французскаго жилъ; и все-таки понимала я:—«Франція—держава большая, европейская, въ этомъ консульствѣ не такъ опасно будетъ».

Знала я, что франки, хотя и злы на насъ, а рѣзать

*) *Низамъ* — регулярное войско.

насъ туркамъ простымъ, безъ причины, не дадутъ; не потому, чтобы они насъ жалѣли... Господи избави—жалѣть имъ насъ! а потому, что свѣту хотятъ показать, будто въ Турціи законъ и порядокъ есть. Эти дѣла политическія у насъ всякій ребенокъ глупенькій знаетъ!

Вотъ вбѣжала я за другими къ французскому консулу... А ужъ домъ его полонъ греками. Въ этотъ часъ всѣ консулы, кромѣ англійскаго, отворили народу нашему двери. Англійскій—въ деревнѣ ли былъ, не велѣлъ ли отпирать, не знаю,—только заперты были двери его для нашихъ.

Во французскомъ консульствѣ стонъ стоитъ и плачъ.

Кавасы блѣдные ходятъ; шепчутся. Консулъ самъ задумчивый ходитъ тоже, шагаетъ черезъ ноги наши, куритъ молча. Выйдетъ на балконъ, постоитъ, послушаетъ и опять вернется.

— Нѣтъ ли у васъ оружія?—спрашиваетъ.

— Есть,—говорятъ люди.

Онъ кликнулъ кавасовъ и велѣлъ отобрать оружіе.

— Бѣда вамъ!—сказалъ онъ,—если у котораго изъ васъ нечаянно выстрѣлитъ пистолетъ; подумаютъ турки, что мы въ нихъ отсюда стрѣляемъ, и тогда... кто знаетъ, что будетъ. Сидите тихо и не бойтесь; вы подъ флагомъ французскаго императора!

Успокоились мы какъ-будто немного, стали потихоньку между собой говорить.

— Что случилось?—спрашиваемъ другъ друга.

Одинъ грекъ и сказалъ, какъ вышло все это. Разсказывалъ онъ, и мы всѣ слушали, и драгоманы, и кавасы и самъ консулъ.

Слушала и я, и не знала несчастная, что это о моемъ бѣдномъ братѣ рѣчь. Одинъ христіанинъ молодой турка въ кровати зарѣзалъ; хотѣлъ его деньги взять. Да ударилъ ножомъ неловко; весь въ крови бросился бѣжать на улицу, а турокъ истекаетъ кровью—тоже дошелъ до порога своего и сталъ звать другихъ турокъ на помощь... Турки и подумали всѣ, что греки ихъ рѣзать собрались...

— Слава Богу!—крестились мы,—это еще ничего!.. И въ городѣ все стихло какъ будто.

Слышимъ, мимо консульства низамы прошли—«стукъ, стукъ, стукъ!» Слышно, правильное войско идетъ... все не такъ страшно стало...

Сидимъ полчаса, сидимъ часъ у французскаго консула—все тихо... Послалъ онъ предъ этимъ еврея, драгомана своего, въ Порту... Пришелъ еврей блѣдный, дрожитъ и шепчетъ что-то консулу.

Вышли они вмѣстѣ.

Какъ вдругъ загремятъ ружейные выстрѣлы... чаще, чаще! Мы только руки подняли къ небу и взмолились о прощеніи грѣховъ нашихъ.

Гремятъ ружья все сильнѣе. Вбѣжалъ кавасъ и говоритъ:

— Того гречонка, что турка зарѣзалъ, схватила полиція и увела его въ конакъ къ пашѣ. Турокъ же простыхъ тысячи собрались предъ конакомъ, и беи, и ходжи съ ними и кричатъ Вели-пашѣ: «или отдай намъ грека этого на растерзаніе, или мы всѣхъ христіанъ перебьемъ въ Ханьѣ!»

Паша не отдаетъ его, говоритъ—судомъ его будутъ судить, такъ убивать нельзя. Какъ услышали этотъ отвѣтъ турки, и стали стрѣлять въ окна паши. Что-то будетъ!

Побѣжалъ опять драгоманъ куда-то съ кавасомъ.

А мы говоримъ другъ другу въ страхѣ нашемъ: «Ужъ лучше отдали бы, правда, этого грека имъ, чтобы насъ спасти! Онъ убійца, а мы что сдѣлали?» И стали люди молиться; и я, пусть Господь Богъ проститъ меня! помолилась:

— Когда бы отдалъ паша убійцу на растерзаніе!..

Не знала я, что о погибели любимаго брата молю! Потому что это Хамида своего онъ убилъ, а никто другой. Текутъ мои слезы градомъ и теперь, когда я вспомню объ этомъ!..

VII.

Потерпите же теперь, я разскажу вамъ, какъ это случилось, что Маноли нашъ Хамида убилъ.

Я ужъ это все послѣ хорошо узнала.

Любилъ его, видно, Хамидъ крѣпко. И Маноли, я вамъ говорила, сначала доволенъ былъ судьбою своей. А потомъ, когда Христо Пападаки и другіе греки стали дразнить его Хамидомъ и смѣяться надъ нимъ, ему тяжело стало. И Хамидъ сталъ грозить ему тѣмъ и другимъ. «И себя убью, и тебя!» говорилъ Хамидъ.

— Брось его,—учитъ Христо.—Уѣдемъ въ Элладу; тамъ просвѣщеніе и свобода, а здѣсь Турція.

— Убью тебя, если уѣдешь отъ меня,—твердилъ Хамидъ.

Братъ ужъ и плакать сталъ, а Христо свое продолжаетъ:

— Уѣдемъ да уѣдемъ въ Элладу. Ты собой красавецъ, и у меня сестра младшая въ Патрасѣ еще красивѣе тебя будетъ. Какъ цвѣтъ гвоздики она хороша! Не видалъ отъ нея еще и улыбки ни одинъ мужчина. Ты первый будешь. За ней домъ дадутъ тебѣ, если ты будешь мужчина.

— Развѣ я не мужчина?—спрашивалъ братъ.

— Какой же ты мужчина? Когда бы ты былъ мужчина— Хамида, который по дѣтской глупости твоей опозорилъ тебя, давно бы на свѣтѣ не было. Убей его и бѣжимъ вмѣстѣ; возьми всѣ деньги его изъ кассы и бѣги прямо ко мнѣ, какъ убьешь его. Я спрячу тебя на корабль греческій.

Въ этотъ вечеръ Хамидъ былъ пьянъ немного; считалъ свои деньги при Маноли нарочно, должно-быть, чтобъ Маноли отъ него не уходилъ; забылъ запереть ихъ и легъ. А братъ поднялся и ударилъ его въ грудь ножомъ... Да ударилъ дурно... Потерялся и побѣжалъ изъ лавки... Поднялся крикъ и шумъ въ сосѣдствѣ, и заптіе*) на углу поймали его и отвели въ конакъ.

Вотъ какъ это было. Вели-паша, когда увидѣлъ, что

---

*) *Заптіе* — жандармы.

турки стрѣлять въ конакъ его начали и что стекла въ окнахъ отъ пуль биться и падать начали—задумался. А всѣ говорятъ ему кругомъ: «отдай ты этого гречонка проклятаго; онъ убійца».

Турки все стрѣляютъ въ конакъ и ревутъ какъ звѣри «отдай намъ его! отдай!!!»

Что было дѣлать пашѣ? Не губить же всѣхъ изъ-за одного? Солдатъ и заптіе у него мало!

Однако терзать брата онъ не далъ имъ; а вывели заптіе мальчика на высокую лѣстницу... Внизу народъ, какъ море кипитъ... Ужъ и на лѣстницу кинулись и лѣзутъ. Заптіе поскорѣе удавили Маноли веревкой и кинули съ лѣстницы его тѣло народу.

Повеселѣли турки, варвары тутъ же; привязали къ цѣпямъ, которыя у брата на ногахъ были, веревки; схватились за нихъ и побѣжали съ крикомъ и проклятіями по всѣмъ улицамъ.

Предъ каждымъ консульствомъ они останавливались и ругали и грековъ, и всѣхъ, по ихнему, гяуровъ вмѣстѣ. И консуловъ самихъ осыпали бранью самой скверной.

И около французскаго консульства простояла толпа долго съ криками и бранью.

Кто посмѣлѣе былъ изъ насъ, побѣжали къ окну.

— Довольно вамъ, гяуры, царствовать надъ нами! Кончится скоро царство ваше здѣсь, собаки, шуты маскарадные, сводники! Всѣхъ васъ въ клочки изорвемъ! всѣхъ!

Я думаю, вы и сами, господинъ мой, поймете, до чего это страшно было.

Консулъ, однако, вышелъ на балконъ, уговаривалъ турокъ уйти, а самъ между тѣмъ высмотрѣлъ, кто изъ нихъ больше кричалъ и бѣсновался. Замѣтилъ послѣ и паша этихъ людей; какъ стихло все, въ тюрьму посадилъ. Дольше всѣхъ просидѣли одинъ дервишъ горбатый и старый бей одинъ, нашъ деревенскій, изъ Халеппы: онъ въ серебряныхъ очкахъ всегда ходилъ. Этотъ бей шесть мѣсяцевъ пробылъ въ тюрьмѣ за это.

Накричались турки и потащили дальше трупъ Маноли;

цѣпи звенятъ по камнямъ. Съ шумомъ и смѣхомъ толпа бѣгомъ за трупомъ бѣжитъ.

Мы всѣ перекрестились и отдохнули. Иные съ радости стали плакать, и всѣ благодарили консула.

Турки кинули трупъ брата въ ровъ, разошлись по кофейнямъ, закурили наргиле, успокоились, веселились до разсвѣта и хвастались, что самимъ консуламъ задали страха.

Тѣмъ это дѣло и кончилось. Скоро послѣ этого пріѣхалъ изъ Константинополя старикъ Сами-паша смѣнить Вели-пашу. Пришло съ нимъ и войско. Сами-паша привезъ грекамъ обѣщанія: уступить имъ многое, чего они просили (что обманули потомъ—это вы знаете). Пришелъ и молодецъ Маврогенни въ Ханью. Сами-паша верхомъ, а Маврогенни около него идетъ; пусть всѣ видятъ, что критскіе христіане помирились съ турецкимъ начальствомъ.

Послѣ этого греки изъ Перивильи и Серсепильи разошлись по домамъ, и турки деревенскіе изъ Ханьи всѣ ушли. Люди радовались, что все утихло, и хвалили консуловъ: одинъ только тотъ усатый Черриготъ Кафеджи, который съ мужемъ покойнымъ былъ другъ, все не хвалилъ и не радовался.

— Жаль, жаль,—говоритъ,—что ни васъ всѣхъ, ни консуловъ турки не перебили! Конецъ бы тогда Турціи сразу! Вы думаете, эти западные консулы объ васъ заботились? Глупый вы народъ! Это у нихъ тоже своя политика другъ противъ друга. На зло все они это англичанину сдѣлали; зачѣмъ больше ихъ вѣсу у Вели-паши имѣлъ. Ахъ, вы деревенскія головы! Что мнѣ сдѣлать съ вами, не знаю.

Ужъ не знаю, правду ли онъ говорилъ, Кафеджи, или такъ у него уже злость противъ франковъ была.

Какъ утихло все, говорю я, и душа моя утихла вовсе, господинъ мой! Долго и слезъ у меня ни капли не было. Точно душу мою кто вѣтромъ, какъ лампадку, задулъ. Хожу—ничего не хочу, все вижу, а смотрѣть ни на что не смотрю.

Хлѣбомъ однимъ годъ почти питалась у себя въ домѣ и, кромѣ церкви, никуда не ходила. Сердце мое стало какъ камень, а камень такой всякихъ жалобъ и слезъ тяжелѣе!

И о братѣ, и объ мужѣ, и объ матушкѣ вспоминала нарочно, не заплачу ли?

Дочь нарочно начну нянчить: «Сирота моя! несчастная моя!» Все не плачу!

Только, наконецъ, весной я заплакала, и стало мнѣ много легче. И вотъ отчего это случилось.

Дѣвочка моя на рукахъ моихъ стала дремать, а я сидѣла и вспоминала всякія пѣсни, которыми нянчатъ дѣтей.

И вспомнилась мнѣ одна не здѣшняя пѣсня; отецъ меня пѣть ее выучилъ, когда изъ Эпира вернулся.

Нашего маленькаго, маленькаго балованаго
Вымыли его, вычесали, къ учителю посылали...
Ждетъ его учитель съ бумагой въ рукѣ;
А учительша ждетъ его съ золотымъ перомъ.
— Дитя ты мое, дитя, гдѣ твоя грамота, гдѣ твой умъ?!
— Грамота моя на бумажкѣ, а умъ мой далеко, далеко!
Далеко, у дѣвушекъ тѣхъ черноглазыхъ,
Глаза у нихъ точно оливки, а брови снурочки.
А волосы ихъ бѣлокурые — длиной въ сорокъ пять аршинъ!..

Вотъ эту пѣсенку какъ запѣла я сама про себя (дѣвочка моя уснула), и вспомнила я, какъ носила брата! сама еще мала какъ была!

Несу его, помню, домой изъ-за воротъ вечеромъ и пою эту пѣсню; и мѣсяцъ ему въ личико свѣтитъ, и онъ глазами синими на мои глаза глядитъ и молчитъ... Вотъ какъ это я вспомнила, открылась душа моя съ того часа, и полились мои слезы!..

Вѣрьте мнѣ, господинъ мой, что я вамъ всю правду сказала!

Я слушалъ внимательно разсказъ Катерины. Небо надъ нами было чисто, и розовый цвѣтъ уже покрывалъ старый персикъ, у котораго мы сидѣли: море не шумѣло, и мирно блисталъ снѣгъ вдали, на высотахъ Сфакіотскихъ...

Я вѣрилъ страданіямъ Катерины; но и страданія, и радость въ этомъ прекрасномъ краю казались мнѣ лучше тѣхъ страданій и радостей, которыми живутъ люди среди зловонной роскоши европейскихъ столицъ.

ПАЛИКАРЪ-КОСТАКИ

(РАЗСКАЗЪ КАВАСА СУЛІОТА).

(1870 г).

I.

Если вы любите, господинъ мой, слушать исторіи разныя про то, какъ живутъ люди въ Турціи и что случается въ нашихъ мѣстахъ,—я разскажу вамъ, какъ влюбленъ былъ одинъ молодой суліотъ нашъ Костаки въ дочь богатаго купца Стефана Пилиди, и какъ онъ на ней женился.

Костаки значитъ Константинъ. Такъ его крестили. Онъ былъ всегда мнѣ близкій другъ, и теперь я иногда ѣзжу къ нему въ Акарнанію.

Въ этой исторіи можно видѣть, какъ велика премудрость промысла Божія! Какъ однимъ бываетъ отъ чего-нибудь убытокъ и погибель, а другіе чрезъ это судьбу свою составляютъ и желаніямъ своимъ успѣхъ видятъ.

Не случись пожара въ городѣ, гдѣ бы Костаки взять дочку у Пилиди! А пожаръ этотъ полсотни лавокъ сгубилъ, весь базаръ уничтожилъ, богатыхъ разорилъ, а бѣдныхъ безъ хлѣба на нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ. Да это я вамъ послѣ скажу. Теперь о самомъ Костаки. О Суліи слыхали ли вы какъ слѣдуетъ? Марко Боцарисъ былъ суліотъ: и даже сестра его Еленко сражалась съ турками и была убита. На пути изъ Янины въ Арту стоитъ у самой дороги большое дерево, подъ которое ее раненую положили турки, и она скончалась подъ нимъ.. Есть у насъ и стихи старинные про Еленку.

Всѣ капитанши, всѣ черноглазыя,
Всѣ попались въ плѣнъ туркамъ, всѣхъ ихъ забрали.
Одна только Лена Боцарисъ, эта одна черноглазая,
Въ плѣнъ не попалась и ее не забрали.

Пятеро турокъ за нею бѣгутъ и пять янычаровъ.
Обернулась къ нимъ Лена и такъ говоритъ; обернулась и молвитъ:
Турки мои! не трудитесь напрасно, не тратьте труда вы;
Елена я Боцарисъ и Марку сестра я;
Ружье ношу я, саблю дамасскую и пистолеты серебряные.
И въ руки турокъ живая не отдамся!

Горы наши страшныя со всѣхъ сторонъ видны. Если ѣхать изъ Янины въ Превезу или въ Арту, онѣ будутъ на правой рукѣ; а назадъ поѣдете, онѣ будутъ у васъ на лѣвой. Крѣпость Суліи стоитъ высоко, и ѣхать туда трудно даже на самомъ хорошемъ мулѣ. Дорогъ вовсе нѣтъ отъ деревни къ деревнѣ; только въ долинѣ Лакки полегче. И я, и Костаки, другъ мой, въ этой Лаккѣ родились.

Суліоты всѣ герои. Неужели вы не слыхали и не читали въ книгахъ, какъ тиранъ эпирскій Али-паша хотѣлъ завоевать Сулію и какъ суліотскія женщины съ высокой скалы побросали дѣтей своихъ и побросались сами? Спаслись, пробившись съ оружіемъ сквозь турецкое войско, очень немногіе. А отдаться никто не хотѣлъ!

Вотъ что такое суліоты! Поэтому и зовутъ даже нашу Сулію: *Злая Сулія*. Суліотовъ нашихъ и лордъ одинъ великій хвалитъ въ своихъ сочиненіяхъ. Я забылъ его имя, но его у насъ еще помнятъ старики; игуменъ въ монастырѣ св. Иліи, что въ Зицѣ, говоритъ: «Какъ сейчасъ «предъ собой вижу: кудрявый и красивый мужчина былъ; «въ монастырѣ нашемъ три дня гостилъ, и съ меня портретъ карандашомъ снялъ, и отдалъ мнѣ на память, да «пропалъ портретъ съ другими бумагами во время албанскихъ набѣговъ».—Этотъ лордъ въ Миссалонгѣ умеръ; онъ бросился за грековъ сражаться, да заболѣлъ и скончался. Да проститъ Богъ его душу! Хоть онъ и англичанинъ былъ, а я все-таки скажу: да проститъ Богъ его душу!

Вотъ этотъ-то лордъ въ своихъ сочиненіяхъ, сказываютъ ученые люди, весьма возвышенно хвалилъ суліотовъ и говорилъ: «я самъ храбръ и за Элладу кровь пролью, а суліоты ужъ свыше всякой мѣры герои».

II.

Какъ суліотскія женщины кидали съ горы своихъ дѣтей, такъ бросили и мать нашего Костаки; ей тогда уже десять лѣтъ было; она кричала и не хотѣла, бѣдненькая, кидаться, но мать насильно столкнула ее, и Богъ ее дивнымъ, удивительнымъ образомъ спасъ. Послушайте, эффенди: это пріятно слышать! Какъ бросила ее мать, она прямо съ ужасной крутизны на другія тѣла упала и только ногу попортила.

Вотъ вещи какія ихъ родъ видалъ! Отецъ его тоже старикъ отчаянный былъ. Усы сѣдые вотъ до какихъ поръ!

Выпьетъ—веселый человѣкъ станетъ; одинъ разъ къ нашему консулу пришелъ. Деревенскій человѣкъ, простой. Посадилъ его консулъ. Люблю, говоритъ, старыхъ людей, уважаю! Вина ему, раки*), кофе, чубукъ... Старикъ и важность свою бросилъ.

— Дайте мнѣ, ваше сіятельство, позволеніе пѣть.

Далъ консулъ съ радостью. До полуночи старикъ пѣлъ разныя старыя пѣсни, а консулъ, глядя на него, веселился.

А дома онъ былъ суровый человѣкъ. Всѣ мы въ горахъ женъ нашихъ въ строгости большой держимъ; онѣ съ нами и за столъ не смѣютъ сѣсть, а стоя служатъ намъ и кушаютъ послѣ. Я и самъ разъ хотѣлъ было застрѣлить жену свою, и вотъ за что. Шелъ я по улицѣ, а она у сосѣдскихъ воротъ стоитъ съ сосѣдкой и смѣется, спиной къ улицѣ; я иду, она видитъ и должна была повернуться ко мнѣ лицомъ. Да забыла, бѣдняга, видно. Я дома и показалъ ей, что значитъ мужъ. Оно, конечно, я ужъ не деревенскій человѣкъ, и европейское обращеніе съ госпожами видѣлъ, и даже чрезъ мѣру знакомъ со всѣмъ этимъ, ибо много консульшъ всякихъ державъ, и другихъ знаменитыхъ и офиціальныхъ дамъ знавалъ близко. Поэтому я

---

*) *Раки* — водка.

на жену и не разсердился взаправду, а только видъ ей страшный показалъ, чтобы древній обычай чтила.

Да это я такъ, а другіе у насъ хуже меня много.

Уважаютъ жену всячески, но чтобы она помнила, что она жена. Старшій братъ нашего Костаки женился въ другой суліотской деревнѣ на дѣвушкѣ изъ очень хорошей семьи. И дядя, и отецъ, и дѣдъ ея подъ Миссалонги сражались и начальниками были; дѣда Али-паша уважалъ; а другой ея дядя уѣхалъ въ Аѳины учиться и вышелъ ученѣйшій человѣкъ. Съ материнской стороны дядя у нея полковникъ греческой службы, потому что маленькимъ въ Аѳинахъ учился. Вотъ какая родня!..

Когда повезъ жену свою старшій братъ Костаки въ домъ отца, видитъ онъ, что она еще такая молоденькая и нѣжная, пожалѣлъ и посадилъ ее на лошадь, а самъ около пѣшкомъ пошелъ. Жалко, говоритъ, а другой лошади не взяли. Увидалъ старикъ новобрачныхъ и встрѣтилъ ихъ съ ружьемъ въ рукѣ.

— Видишь это ружье, негодяй!—говоритъ сыну,—другой разъ увижу, на мѣстѣ убью.

— За что, Христосъ и Панагія *)?—говоритъ сынъ.

— За что? — говоритъ старикъ. — Развѣ прилично воину суліотскому жену посадить на лошадь? Ты сиди самъ на лошади, какъ мужчина, а жена должна итти около и ружье твое на плечѣ нести. Если тебѣ жалко стало ее, по дорогѣ везъ бы на лошади, а въ деревню не въѣзжалъ бы срамить меня.

Такая вся родня была у Костаки честная и хорошая, никто ихъ семью въ безчестномъ какомъ-нибудь дѣлѣ укорить не смѣлъ.

И родъ знаменитый ихъ былъ въ нашихъ горахъ.

---

*) *Панагія* — Божія Матерь, Всесвятая.

III.

Костаки и самъ былъ малый, какъ у насъ говорится, *костяной носъ*.

И ростомъ, и силой, и смѣлостью изъ первыхъ у насъ. Танцовать станетъ—всѣ любуются: сперва тихо начнетъ; одну ногу подвинетъ важно и тихонько, потомъ другую выставитъ и остановится: глядитъ на всѣхъ. А потомъ какъ подопрется и закружится и запрыгаетъ, фустанелла на немъ изъ трехсотъ кусковъ сшита, пышная, развѣвается — удивительно! Я тоже, эффенди, танцую хорошо, но Костаки гораздо лучше меня танцовалъ.

Суліоты всѣ наши одѣваться любятъ чисто. Если вы заѣдете въ наши горы и увидите нашихъ, какъ они бѣдно живутъ, вы удивитесь и скажете: *дикіе люди!* Наши дома не то, что въ городахъ, а у рѣдкихъ хозяевъ потолокъ въ домѣ есть. Стекла на окнахъ никакъ во всей Суліи у одного только человѣка и есть, да и то недавно вставилъ ихъ. Зимой, какъ поднимется вѣтеръ и снѣгомъ насъ начнетъ заносить, мы въ буркахъ у очага сидимъ и ставни притворимъ днемъ. Школъ въ другихъ округахъ Эпира много, а у насъ ни одной нѣтъ до сихъ поръ. Нельзя и быть намъ богатымъ. Ружье—вотъ наша жизнь настоящая. А какъ другіе эпироты—жить ремесломъ, у насъ не въ обычаѣ. Лучше слугой пойти къ богатому человѣку, чѣмъ столяромъ или башмачникомъ быть. Такъ-то мы какъ дикіе звѣри живемъ, эфенди. По мнѣ вы не судите, я политикѣ въ городахъ обучался и даже въ Болгаріи былъ и въ Босніи. А гордость у суліотовъ нашихъ у всѣхъ большая. Посмотрите вы на маленькаго суліота въ какомъ-нибудь хозяйскомъ домѣ въ Янинѣ или въ другомъ городѣ, на малое неразумное дитя десяти какихъ-нибудь лѣтъ. Что вы видите? Слугой его взяли въ домъ, напримѣръ, и безъ платы, а только одѣвать и кормить. Завелись у него двѣ фустанеллы; онъ встанетъ рано, самъ вымоетъ фустанеллу, утюгомъ выгладитъ и надѣнетъ, и ужъ пробуетъ, какъ ему

красоваться въ ней. И такъ станетъ, и такъ прыгнетъ, и протанцуетъ одинъ! Завелись небольшія деньги у суліота, онъ сейчасъ оружіе хорошее покупаетъ, одежду такую, что одна, красная шелковая съ кистями, лиръ пять турецкихъ стóитъ, серебряные щипчики, чтобы уголья горячіе доставать изъ мангала*) для чубуковъ, за поясъ золотомъ шитый заткнетъ и гордится. «Пусть видятъ люди, что воинъ-человѣкъ идетъ!»

Другіе эпироты, хоть бы яніоты или загорцы богатые, смѣются надъ нами. «Варвары люди!» говорятъ они объ насъ. Однако ни яніотъ, ни загорецъ недостойны къ оружію прикоснуться, и безъ нашихъ капитановъ сами турки и паши разбойниковъ даже преслѣдовать не могутъ. Придетъ часъ, господинъ мой, и вы опять увидите, что значитъ суліотъ!

Таковое мое слово вамъ.

Костаки тоже, какъ слѣдуетъ суліоту, одѣвался чисто, и самъ консулъ, у котораго я служилъ, всегда хвалилъ его за это. Придетъ ко мнѣ въ гости Костаки; если консулъ его увидитъ, всегда скажетъ ему: «Добрый вечеръ, Костаки! Что ты дѣлаешь? Какой ты опрятный, я все любуюсь на тебя. Скажи мнѣ, Костаки (разъ это ему консулъ говоритъ), отчего это у васъ люди простые, ремесленники, кавасы и всѣ сельскіе паликары такіе чистые и нарядные? И бѣлаго на васъ столько, и все чисто, и руки вы чисто держите, такъ что васъ въ примѣръ европейцамъ можно поставить; а купцы богатые ваши, доктора, ученые и всѣ, что у васъ европейскую одежду носятъ и кого вы, дураки, благородными, чортъ знаетъ почему, зовете, отчего они такіе неопрятные и неловкіе, и сюртуки скверно сшиты и на воротникѣ сала три ока? Отчего это?»

Мы улыбаемся оба съ Костаки и молчимъ. Хоть и знаемъ, что сказать, а хотимъ консулу почтенье показать, какъ будто стыдимся.

---

*) *Мангалъ* — жаровня, brasero, для согрѣванія комнатъ зимою; употребляется, если не ошибаюсь, во всѣхъ южныхъ странахъ Европы и на Востокѣ.

— Говорите же! — разсердился немного консулъ.

— Моя такая мысль, г. консулъ,—говоритъ Костаки, — думаю я, эти богатые и ученые у насъ надѣются, что ихъ и паши, и консулы и всякій примутъ, и посадятъ и уваженіе сдѣлаютъ, хоть они и грязные придутъ. А намъ, горцамъ, что́ дѣлать, чтобы хоть немного получше казаться? мы и украшаемъ сами себя, какъ умѣемъ.

— Умно говоришь ты, Костаки, — говоритъ консулъ. — А я еще и другое думаю: что по-здѣшнему одѣваться, отъ отца, и дѣда, и прадѣда обычай идетъ, и всякій знаетъ какъ надо. А эти медвѣди хотятъ по-европейски одѣться— и не умѣютъ. Такъ, какъ ваши архонты одѣваются, у насъ такъ нищіе либо преступники галерные одѣты.

Ужасно любитъ этого Костаки нашъ консулъ. Все говоритъ ему: «Когда жъ это я тебя къ себѣ кавасомъ возьму да увижу тебя съ красотою твоей въ красной курткѣ, золотомъ расшитой? Что мнѣ дѣлать? Мои старики-кавасы вѣрно мнѣ служатъ столько лѣтъ. Не могу я прогнать ихъ чрезъ тебя! А болѣе четырехъ не положено!»

Покраснѣетъ Костаки отъ радости. Какъ не радоваться похваламъ такимъ?

Придумалъ, наконецъ, консулъ въ сеисы, то-есть въ конюхи его взять.

— Если, — говоритъ консулъ, — не умѣешь за лошадьми смотрѣть—не смотри; я другого возьму для ухода, а ты только для красы будешь; будешь около меня итти, когда я съ визитами верхомъ поѣду, и стремя будешь держать, когда сажусь. Что́ скажешь?

— Нельзя,—говоритъ Костаки; то, другое, третье... Нельзя. А говорилъ онъ неправду все. Не хотѣлъ отъ гордости сеисомъ стать. И хорошо сдѣлалъ. Иное дѣло кавасъ, иное дѣло сеисъ. Сеисъ простой слуга; его и турки схватить и судить могутъ безъ спроса у консула. А кавасъ вещь великая: кавасъ оружіе носитъ; кавасъ точно офицеръ иностранный; онъ жизнь и честь консула защищаетъ; для него паша—нуль, повѣрьте мнѣ! Для него одна глава—консулъ. Прикажетъ консулъ: «убей этого турка!»

и убью я безъ страха. Это не я, а консулъ убилъ. Консулъ своему правительству отвѣчаетъ. А мнѣ одно дѣло есть—повиноваться консулу. Меня не смѣетъ и паша тронуть безъ позволенія консула. На это трактаты существуютъ, клянусь вамъ! Мѣсто паша свое потеряетъ, если тронетъ меня. И нельзя иначе: фанатизма еще много у турокъ; консулу трудно ходить одному по улицамъ. Турчата камнями бросятъ; солдаты честь не отдадутъ; обругаютъ и прибьютъ нарочно; а потомъ, дьявольскія души, скажутъ: «Мы люди простые, виноваты, и не знали, что это консулъ: каваса съ нимъ не было; мы думали, простой франкъ».

Да и наши христіане, безъ злого умысла, а по грубости на базарѣ толкнутъ. Знаете, нашъ грекъ, какъ объ деньгахъ заспоритъ, не то консулъ, король самъ иди, не разсмотритъ; онъ смотритъ, какъ бы свои полпіастра выиграть.

А порядокъ ли это, чтобы представителя великой державы, котораго всякій въ городѣ знаетъ, какой-нибудь глупый человѣкъ на базарѣ толкалъ?

Вотъ у насъ что́ значитъ кавасъ, господинъ мой! Великое дѣло кавасъ; онъ и въ бумагахъ зовется «привилегированнымъ». А конюхъ—одно слово конюхъ.

Костаки и не могъ пойти въ конюхи, потому что онъ былъ изъ слишкомъ хорошаго капитанскаго рода. И хлѣбъ у семьи ихъ все-таки какой-нибудь былъ.

Теперь я хотѣлъ вамъ еще сказать, какой Костаки былъ хитрый и смѣлый.

Этому, господинъ мой, я надѣюсь, вы даже смѣяться будете.

IV.

Съ турками ссориться и драться у Костаки было нипочемъ. И не думайте, чтобъ онъ это дѣлалъ какъ дуракъ; а иной разъ силой и отвагой, а другой разъ и умомъ и хитростью возьметъ.

Одинъ разъ, однако, не умомъ и смѣлостью спасся, а счастьемъ однимъ. Спасла его старушка одна, и старушка эта послѣ всю судьбу его устроила. Не будь этой старушки, было бы худо ему отъ турокъ.

Надо вамъ и то сказать, что старикъ, отецъ Костаки, былъ въ 54 году въ дѣлахъ замѣшанъ, и потому, какъ дѣла испортились, онъ уѣхалъ въ Элладу и съ греческимъ паспортомъ вернулся въ Турцію.

Турки его не трогали, только греческимъ подданнымъ ни его, ни Костаки, ни другихъ его дѣтей не хотѣли считать.

Я поэтому не разъ и говорилъ Костаки:

— Остерегайся, братъ! У консуловъ греческихъ силы мало, турки ихъ не боятся; а твоего эллинскаго подданства и знать не хотятъ... Смотри!

Иногда онъ меня и слушался, а иногда нѣтъ.

Есть у насъ въ городѣ старикъ одинъ, дервишъ, и любитъ онъ грѣться у своего домика на солнцѣ. Ничего старикъ: ни худа, ни добра никто отъ него теперь не видитъ. Однако люди, которые молодымъ его помнятъ, говорятъ, что онъ былъ золъ и фанатикъ.

Костаки мимо него каждый день по дѣламъ своимъ проходилъ. Сердце его требовало сказать что-нибудь, чтобы подразнить турка.

Проходитъ и шепчетъ, какъ будто про себя: «Чтобы вся ваша порода съ Магометомъ проклятымъ не спаслась отъ зла!»

Старикъ разъ прослушалъ, два прослушалъ и пошелъ жаловаться кади. А кади человѣкъ опасный былъ; никакихъ новыхъ уставовъ знать не хотѣлъ, а только свой шеріатъ*) старый. Денегъ онъ не бралъ; а турокъ честный

---

*) *Шеріатъ* — священный законъ, судъ по Корану, которому долгое время были подчинены не только турки, но и христіане въ Турціи. Исключеніе составляли всегда лишь семейныя и чисто религіозныя дѣла, которыя судились архіереями съ помощію старшины. Изданіе новыхъ законовъ избавило христіанъ отъ шеріата, по крайней мѣрѣ въ принципѣ; но это не могло сдѣлаться вдругъ, и многіе мусульманскіе судьи, вопреки всевозможнымъ обѣщаніямъ и распоряженіямъ, долго судили лишь по шеріату.

для насъ еще хуже вора: отъ вора откупишься, а отъ честнаго не спасешься ничѣмъ. Позвали Костаки, онъ не испугался, а только притворился, что испуганъ, и говоритъ: «Я? да что я сумасшедшій что ли, кади-эффенди, чтобъ живя въ османли-девлетѣ, да противъ вашей вѣры говорить сталъ такія скверныя слова! Вретъ старикъ отъ злобы, а я не боюсь, потому что знаю, что кади-эффенди не на вѣру чью, а на правду смотритъ».

— Хорошо ты говоришь, мой сынъ! — сказалъ кади.—А ты, старикъ, самъ дервишъ, а не знаешь, что судъ *Мехкеме* нашъ двухъ свидѣтелей требуетъ.

Только это онъ не при Костаки, а послѣ дервишу сказалъ. На счастье Костаки, въ Мехкеме пришла въ эту самую минуту по своему дѣлу одна старушка, Катинко Хаджи-Димо, христіанка. Слышала она, и хоть и не имѣла съ Костаки знакомства, а пожалѣла его. Думаетъ: «гдѣ бы его найти?» Отыскала и говоритъ: «Паликаръ молодой! берегись: по твоему дѣлу два свидѣтеля будутъ».

На счастье, дервишъ былъ почти нищій, подкупить ему свидѣтелей нечѣмъ было; и приходилось правды держаться: упросилъ онъ двухъ турокъ спрятаться за стѣну могилы турецкой и ждать Костаки.

Костаки идетъ мимо и говоритъ громко товарищу, который съ нимъ былъ:

— Ахъ, что у насъ за счастье нынче въ городѣ, что кади у насъ справедливый и клеветы не любитъ!

Свидѣтели и ушли ни съ чѣмъ. Недѣлю Костаки молчалъ, а потомъ опять проклялъ Магомета. А старичокъ ужъ только вздохнулъ и говоритъ:

— И я, братъ, его проклинаю теперь, потому что онъ слугъ своихъ нехорошо защищаетъ.

Да и мало ли что̀ еще я могу сказать про Костаки! Патріотъ былъ мальчикъ этотъ! 19 лѣтъ ему всего было, а онъ эллинскій крестъ вытравилъ себѣ на рукѣ, и съ этимъ знакомъ его всѣ турки видѣли.

Пришелъ я въ нашъ городъ, когда его родители померли, и не зналъ онъ, чѣмъ заняться. Денегъ отецъ его, хоть

и не бѣденъ былъ, а немного оставилъ; много тоже на проценты было роздано, и много изъ нихъ пропало черезъ злодѣйство людское и черезъ неправосудіе турокъ.

Я тоже въ это время отошелъ отъ консула и сталъ жить въ этомъ городѣ и торговать. Торговалъ я русскою кожей, которую у насъ зовутъ *телятиной* и изъ которой и здѣсь и въ Акарнаніи шьютъ *чарухи* *).

У Костаки отъ отца осталось лиръ сто. Я и говорю ему: «Будемъ торговать вмѣстѣ». Онъ согласился, и всѣ дивились въ городѣ, что два суліота магазинъ открыли.

Наши, кромѣ барановъ да еще уголья и дрова кое-какія привозить въ городъ и продавать, ничего не знаютъ.

Жили мы съ Костаки хоть и врозь, потому что я семью мою въ городъ привезъ, но видѣлся съ нимъ каждый день, и тогда-то узналъ я, что дочь Пилиди моему паликару сердце согрѣла.

V.

Влюбился Костаки въ дочь купца Пилиди. Только вы, господинъ мой, не думайте, что въ нашей сторонѣ бываетъ любовь какъ у другихъ, у франковъ, или у русскихъ, или въ Аѳинахъ, что дѣвушка съ молодымъ человѣкомъ разговариваетъ или подъ ручку гулять съ нимъ идетъ. У насъ этой свободы нѣтъ. Я въ жизни моей множество вещей видѣлъ и стихи читалъ разныя, и миѳическія исторіи о любви; у другихъ людей иначе это все бываетъ, а у насъ иначе. Въ Болгаріи я былъ, напримѣръ, и какъ увидалъ, что простыя, сельскія дѣвушки у болгаръ съ молодцами танцуютъ; возьмутся всѣ руками, вокругъ станутъ и пляшутъ и прыгаютъ высоко,—и дѣвушки и мужчины,—Господь Богъ одинъ знаетъ, какъ я удивился! И смѣшно мнѣ и стыдно стало; и еще удивительнѣе для ме-

*) *Чарухи* — красивая обувь, съ загнутыми вверхъ носками, которая употребляется въ Эпирѣ, Акарнаніи и другихъ странахъ. Дѣлается изъ красной *русской кожи*, которую греки зовутъ *телятіни*.

ня было, что эти болгарскіе паликары возьмутъ цвѣтокъ и дѣвушкѣ при всѣхъ даютъ. Это значитъ: «Я тебя люблю». Въ Босніи тоже я былъ. Такъ тамъ не только христіане, и турки съ молодыми дѣвушками на улицѣ смѣются. Дѣвушки придутъ за водой на колодезь; а паликары-босняки и христіане, и турки съ ними шутить станутъ. Подойдетъ другой, сейчасъ ей два-три комплимента скажетъ; а она рада! И это у нихъ *ашикъ* называется.

Гдѣ у насъ такъ дѣлать!

У насъ въ Эпирѣ дѣвушка какъ подросла, такъ что можно замужъ итти, запрутъ ее въ домъ, — и никуда она выходить не смѣетъ; не то на танцы или на свадьбу чью, а и въ церковь нельзя. Срамъ великій! Одинъ разъ въ годъ всѣ дѣвушки причащаться въ одну церковь сбираются ночью, и кромѣ попа и пѣвчихъ ни одного мужчины нѣтъ тогда въ церкви; и митрополитъ въ эту ночь у паши заптіе требуетъ, чтобы дверь церковную стерегли. И въ самомъ вилайетѣ, въ Янинѣ, еще строже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И чѣмъ богаче домъ, тѣмъ строже, потому что и спрятать дѣвушку въ богатомъ домѣ легче.

Извольте теперь судить, какая у насъ любовь можетъ быть! Скверное наше мѣсто насчетъ этого!

Однако, пока еще дѣвушка не выросла совсѣмъ для замужества, ее можно видѣть вездѣ, — и въ домѣ гостямъ варенье и кофе она подаетъ, и въ школу по утрамъ ходитъ, и въ гости, и на танцы ее берутъ родители, пока мала.

Такъ и Костаки нашъ Софицу Пилиди узналъ, когда еще ей четырнадцать лѣтъ было; и влюбился въ нее. Она уже велика была, а еще ходила въ училище. По мнѣ, ничего въ ней хорошаго не было: блѣдная и худенькая, какъ почти всѣ наши эпирскія женщины. (Это такъ! у насъ все больше худыя; родъ уже такой!) Глаза у нея это правда, что сладкіе были, и обращеніе хорошее, цѣломудренное.

Идетъ съ нянькой утромъ въ училище всегда очень скромно, а вечеромъ изъ училища въ домъ отца возвращается. Одѣта она была по-старинному и не шляпку на

головѣ носила, а феску; идетъ, и глазъ отъ земли не подыметъ. И обучена была она въ школѣ свыше всякой мѣры хорошо.

Подушки по канвѣ большими франкскими цвѣтами вышивала; рубашки европейскія шить умѣла. Исторію и географію всю наизусть знала.

Пріѣхалъ къ намъ новый митрополитъ и пошелъ на экзаменъ въ дѣвичье училище. Пришла очередь Софицы. И такъ знала она хорошо, бѣдная, — какъ въ барабанъ забила! не разберешь даже словъ.

А митрополитъ хитрый; спрашиваетъ вдругъ у нея: «Есть въ Молдавіи горы или нѣтъ?» Покраснѣла Софица, на учительшу глядитъ. Учительша тоже застыдилась, а помочь нельзя. Подумала Софица и говоритъ митрополиту: «Нѣтъ горъ въ Молдавіи; все поле». Всѣ обрадовались.

Костаки, конечно, ея воспитанія не имѣлъ. Однако и его священникъ нашъ читать и писать хорошо обучилъ; пѣлъ онъ въ церкви съ дѣтства и Апостолъ читалъ прекрасно. Суліотъ—человѣкъ! Гдѣ жъ ему географію знать?

VI.

Ни я, ни другіе друзья и товарищи Костаки долго не знали, что ему нравится дочь Пилиди. Только стали замѣчать, что онъ пѣть чаще сталъ. Все поетъ и поетъ! И особенно одну пѣсенку.

Эту пѣснь вы часто, господинъ мой, можете слышать на улицѣ и въ Янинѣ, и въ Артѣ, и въ другихъ нашихъ городахъ; въ праздникъ, когда стемнѣетъ, палликары наши выпьютъ въ кофейняхъ, идутъ по улицамъ и громко поютъ ее:

Проснись и не спи,
Моя золотая канарейка!
Встань съ постели
И услышь, какъ я пою.

Вотъ эту пѣсенку Костаки все распѣваетъ. Онъ распѣваетъ, а Софица въ школу мимо нашей лавки ходитъ.

Ужъ когда я спросилъ у него отъ всего сердца правду и просилъ его мнѣ исповѣдаться, онъ признался. — Люблю ее, говоритъ.

— Ба! — говорю я ему, — трудное это дѣло! Не случится это, чтобы дочь такого официальнаго человѣка какъ Стефанаки за мальчика суліота вышла...

— Я суліотъ, а онъ франкскій портной, *франкорафтъ*... *) — говоритъ.

— Это такъ, — говорю я. — Да онъ, видишь, не только богатъ, но и въ драгоманы теперь поступилъ; корону на фуражкѣ золотую носитъ; съ пашой обѣдалъ раза два у консула, у консула въ большомъ уваженіи.

— Да онъ оселъ, — говоритъ опять Костаки...

— Оселъ, да поди навьючь его? — не навьючишь!

— Богъ все дѣлаетъ! — отвѣтилъ Костаки и ушелъ.

Я молчу; жалѣю паликара, что безуміе такое задумалъ. Такъ и прошло довольно много времени.

Оно не то, чтобы Стефанаки былъ изъ какой-либо старинной эпирской семьи: есть у насъ древнія имена по сту лѣтъ даже. Все торговали и въ уваженіи были. А Стефанаки франкорафтъ съ тѣхъ поръ наживаться сталъ, какъ у насъ въ моду великую это европейское платье стало входить. Человѣкъ онъ былъ и не умный, а судьбу хорошую имѣлъ. Сначала многіе помнятъ его у итальянца портного: босой бѣгалъ мальчикомъ, а потомъ за женой взялъ деньги хорошія и началъ богатѣть. Судьба ему даже такая вышла, что жену свою онъ не любилъ и, видно по желанію его, ее разбойники убили. Вотъ какъ это было: у жены его въ Загорахъ въ деревнѣ былъ домикъ; виноградники были и еще кой-какія вещи. Въ 54 году разбрелись люди Гриваса, потому что ужъ Гривасъ не могъ держаться: были у Гриваса всякіе люди, и побродяги и злодѣи были. Нельзя безъ этого при возстаніи. И люди Гриваса сильно

*) *Франкорафтъ* — французскій портной, который шьетъ европейское платье.

озлоблены были на загорскихъ, потому что загорскіе жители мошенники и хитрецы. Я суліотъ и не люблю ихъ*). Они и защищать себя сами никогда не умѣли, а нашихъ же прежде капитановъ съ молодцами изъ Лакки-Суліи сторожить себя отъ разбойниковъ нанимали. Деньги наживать—это они умѣютъ, сказано загорцы.

Вотъ ребята Гриваса и разбрелись туда и сюда. Пришла партія въ Загоры ночью. —Мы, говорятъ, султанское войско.—«Дервенъ-Агадесъ» **), сельская стража.

---

*) *Загоры* — гористый округъ, тысячъ въ 20—25 жителей, къ сѣверозападу отъ Янины. Округъ этотъ пользовался прежде особыми правами и своего рода самоуправленіемъ. Права эти уничтожены лишь въ послѣднее время, при устройствѣ вилайетовъ въ Турціи, и Загоры стали простымъ уѣздомъ. Загоры мѣсто очень своеобразное; сорокъ слишкомъ селъ, которыя составляютъ округъ, всѣ почти очень богаты, чисты, и дома въ нихъ большіе, какъ въ городахъ. Богатство загорцевъ все пріобрѣтено въ путешествіяхъ; земледѣлія нѣтъ. Рѣдкій загорецъ остается дома; всѣ почти женятся рано, покидаютъ тотчасъ же жену подъ присмотромъ родныхъ и уѣзжаютъ въ Молдо-Валахію, въ Россію, въ Египетъ, въ другія провинціи Турціи. Возвращаются на короткое время, чтобы жены не оставались безплодными, и опять уѣзжаютъ. Загорцы занимаются всѣмъ: одинъ выходитъ докторомъ, другой учителемъ, третьи арендуютъ имѣнія въ Молдо-Валахіи, торгуютъ, снимаютъ *ханы* на большихъ дорогахъ и въ дальнихъ городахъ и т. д. Загорцы очень хитры, корыстолюбивы и неутомимы въ трудѣ. Воинственный и небогатый суліотъ бранитъ ихъ въ нашемъ разсказѣ: но всякій своеобразный край производитъ и хорошіе, и дурные плоды. Изъ Суліи и другихъ бѣдныхъ и воинственныхъ округовъ Эпира выходили и выходятъ разбойники и герои-патріоты; изъ Загоръ выходятъ скупцы, боязливые и холодные мошенники, но зато вышли и до сихъ поръ выходятъ патріоты другого рода, — патріоты, которые все состояніе свое, добытое трудомъ, строжайшею экономіей и, можетъ быть, всякою хитростію, жертвуютъ на школы, на богоугодныя заведенія, на церкви, на приданое бѣднымъ дѣвушкамъ родной страны и т. д. Покойный, трудолюбивый, медленно-лукавый характеръ загорцевъ напоминаетъ болгаръ. Имя округа заставляетъ также думать, что загорцы погреченные славяне. Суліоты, напротивъ того, погреченные албанцы и сохранили еще всѣ черты албанскаго характера: соединеніе суровости съ большою живостью, воинственность, гордость пріемовъ, отвращеніе къ мирному труду и ремесламъ. И загорецъ, и суліотъ, каждый по-своему, могутъ еще принести много пользы эллинизму.

**) *Дервенъ-ага* — сельскій стражъ.

Поужинали. А Пилиди они знали, знали, что онъ и туркамъ кланялся всегда низко, и на возстаніе ни піастра не далъ. Онъ въ это время уѣхалъ въ Загоры посмотрѣть свой домъ и виноградники.

Подошли къ его дому: — «Отворяй!» кричатъ.

— Куда отворять! Убѣжалъ черезъ крыши и скрылся портной проклятый... а жену беременную оставилъ.

Они ее и не хотѣли убить. Но видно ея смертный часъ пробилъ тогда. Мошенникъ мужъ отъ скупости своей все не вѣрилъ ей и пряталъ отъ нея деньги. Зароетъ ихъ въ погребѣ въ землю въ одинъ уголъ и призоветъ и покажетъ... Смотри, вотъ деньги гдѣ. А потомъ опять испугается, чтобы она не взяла и не истратила, потихоньку отъ нея въ другое мѣсто перенесетъ. Потомъ опять зоветъ, показываетъ, опять тайкомъ въ третье мѣсто переноситъ. Такъ она, несчастная, и не знала, гдѣ деньги.

Впустила она, бѣдная, грабителей. Что жъ ей дѣлать было? Беременная, убѣжать не успѣла...

— Гдѣ деньги у мужа? — кричатъ разбойники. Она указала на послѣднее мѣсто. Рыли, рыли, ничего не нашли; указала она на другое, третье мѣсто: опять ничего, измучились рывши.

— Ты, вѣдьма, насъ обманываешь, смѣешься надъ нами! Здѣсь со злости ее, несчастную, и убили. Зарѣзали съ ребенкомъ вмѣстѣ, который въ утробѣ ея былъ. Такъ и ушли. Франкорафту что? Слава Богу! Жены нѣтъ, а деньги цѣлы. Для хозяйства старушку бѣдную, сестру свою родную, вдову, взялъ и живетъ хорошо.

Вотъ какой человѣкъ Пилиди! Худой человѣкъ! А въ почетѣ большомъ, куда бы ни пришелъ, особенно какъ къ богатству его, да корону на фуражку надѣлъ и драгоманомъ сталъ...

VII.

Какимъ драгоманомъ сдѣлался Стефанаки, французскимъ русскимъ или австрійскимъ, ужъ я и сказать вамъ не могу. Вице-консуломъ въ нашемъ маленькомъ городкѣ былъ

одинъ мусьё Бертоме, франкъ изъ армянъ. Онъ былъ вовсе простой человѣкъ и служилъ безъ жалованья, а только изъ чести, и поднималъ разомъ три флага: русскій, французскій и австрійскій. Русскій настоящій консулъ назначилъ его для кое-какихъ мореходныхъ дѣлъ и еще чтобы было кому защитить иногда человѣкъ пять-шесть русскихъ подданныхъ (изъ нашихъ же грековъ они всѣ были).

Хоть и простой и смирный человѣкъ, а былъ мусьё Бертоме въ большомъ уваженіи, потому что изъ старыхъ хозяевъ былъ въ городѣ и состояніе свое имѣлъ. Въ праздники императоровъ русскаго, австрійскаго и французскаго расходовъ не жалѣлъ; угощалъ всѣхъ кофеемъ и ликеромъ, кто ни придетъ, и старался, бѣдный, какъ могъ. И вотъ что удивительно: хоть и франкъ онъ былъ по вѣрѣ своей, однако, какъ-будто, русскій флагъ больше другихъ уважалъ. Я думаю своимъ мозгомъ, который мнѣ Богъ далъ, что онъ это въ угоду грекамъ дѣлалъ, чтобы въ городѣ его больше любили. Ничего, былъ человѣкъ хорошій. Только бѣдный умъ его *плохо рѣзалъ* *). Придетъ къ пашѣ, улыбается все, а сказать, какъ слѣдуетъ, ничего не умѣетъ. Если бы не консульша, дѣла бы вовсе не шли. Та была паликаръ старуха! На пашу накинется: «Я съ тобой говорить не хочу! Ты все лжешь и обманываешь насъ. Обѣщалъ выпустить вотъ того-то и того-то изъ тюрьмы, а не выпускаешь. Учатъ-учатъ васъ, а вы все такіе же... Не смотри ты на меня, паша... я сама тебѣ вчера пирогъ сладкій испекла, своими руками замѣсила; а ты насъ не любишь, и я сама тебя теперь ужъ не люблю!» Проситъ ее паша, обнимаетъ. «Эй, *морè* **) кирія, не сердись! Не сердись, морè консульша! Отпущу этого человѣка тебѣ въ угоду. Вѣрь мнѣ! мы съ мужемъ твоимъ старые друзья... Въ одномъ городѣ родились»...

---

*) *Умъ рѣзалъ* — одно изъ любимыхъ выраженій греческаго просторѣчія. *Умъ хорошо рѣжетъ у этого человѣка*, значитъ человѣкъ этотъ уменъ.

**) *Морè* — глупый, глупенькій, полупрезрительное, полуласкательное выраженіе, которое вездѣ и всѣми употребляется въ Турціи, безъ всякаго намѣренія оскорбить.

На жандармовъ кричала, командовала ими консульша. То не такъ, и другое не такъ! «Ты знай свое мѣсто, разбойникъ; а ты свое дѣло смотри; а ты свой долгъ знай, и тѣмъ и уважишь кого надо!..»

Такъ и покрикиваетъ, и мужъ за ней тихонько да съ улыбкой: «Что жъ ты это? Правду она говоритъ: ты это не такъ, море, дѣлаешь».

Были у нихъ двѣ дочки молодыя: m-lle Роза и m-lle Мари. Дѣвицы красивыя и скромныя. Сама старушка была изъ Сиры, *франкорумья* *), и былъ у нея родной племянникъ, тоже франкорумьосъ, Жоржаки.

Вотъ этотъ-то Жоржаки и свелъ съ ума стараго дурака Пилиди, сдѣлалъ его драгоманомъ, всячески насмѣялся надъ старикомъ и ограбилъ его потомъ черезъ мѣру.

Я съ кавасами г. Бертоме былъ большой другъ и часто бывалъ въ консульствѣ. Приду и сижу у нихъ. И они мнѣ много разсказывали, а многое и самъ слышалъ. Жоржаки такой негодяй былъ, что и сказать трудно. Жиденькій, да съ бородкой, какъ еврей, такъ и крутится. Діаволъ! А хвастаться — это первое дѣло. Придетъ къ намъ съ кавасами внизъ: «я, говоритъ, весь свѣтъ изъѣздилъ! Въ Александріи былъ, въ Константинополѣ жилъ, въ Молдавіи и Валахіи торговалъ. Въ Константинополѣ въ посольствахъ замучили меня. Я, другъ мой, люблю простоту; комплиментами тягощусь. Нѣтъ покоя! надѣвай, Жоржаки, фракъ и перчатки каждый вечеръ! «Киръ-Жоржаки! — говоритъ русскій посланникъ, — вы обѣдаете у меня сегодня?» — французъ къ себѣ зоветъ, нѣмецъ къ себѣ. Тиранія! кататься верхомъ съ секретарями, французскую посланницу вечеромъ à la bracetta домой съ балу англійскаго провожай! Я съ ними со всѣми былъ знакомъ. Конечно, люди высокаго званія, аристократія такая, что ваши эпиротскія головы и не постигнутъ во вѣки вѣчные. А иной разъ бывало отъ утомленія всѣхъ ихъ къ чорту пошлешь. — «Чтобы ваши души не спаслись!» скажешь про себя. «Ужъ довольно мнѣ комплиментовъ этихъ!..»

---

*) *Франкорумьосъ* и *франкорумья* — грекъ-католикъ, гречанка-католичка.

Такъ онъ намъ разсказывалъ. Вѣрить намъ этому или нѣтъ — не знаю. И еще говорилъ: «скажу я тебѣ, братъ, что я вотъ какой человѣкъ: чѣмъ хочу, тѣмъ и буду: съ пастухомъ я самъ пастухъ, съ лордомъ лордъ, съ ученымъ ученый, съ пашой паша, съ дуракомъ дуракъ, съ мудрымъ мудрецъ первой степени!.. У меня ключъ всего міра; что захочу—отопру. Вотъ что я!»

Тошнота, бывало, видѣть его, какъ онъ вертится и хвалится; панталоны узенькія и самъ тонкій... Господи, избави!

Разъ одинъ старичокъ простой сидѣлъ у насъ и сказалъ ему: «Это точно, оно можетъ быть, что ваше благородіе съ пастухомъ пастухъ; учености я и мудрости никакой не знаю; лордовъ въ жизни моей не видалъ. А съ пашой-то вы когда, такъ на пашу не похожи; а какъ бы, такъ сказать, больше къ простымъ людямъ приближаетесь... Паша пашѣ кланяется иначе, чѣмъ вы, да и говоритъ, я думаю, иначе, чѣмъ вы говорите!»

— Ты, говоритъ, глупый старикъ — грамотѣ не обучался и свѣту не видалъ... Не вмѣстить головѣ твоей толстой сужденіе о человѣкѣ какъ слѣдуетъ благородномъ... Это моя вина, что у меня гордости нѣтъ и что я съ такою сволочью, какъ ты, въ разговоры удостоиваю вступать! Ты знаешь ли, несчастный, что я на все способенъ!.. Знаешь ли ты, что если на меня хоть бы писать найдетъ охота, перо въ рукѣ моей трепещетъ! Какъ въ лихорадкѣ само перо бьется! Вотъ что я такое! Никто здѣсь и понять даже не въ силахъ, что̀ у меня за душа... И сверхъ того еще какая я собака...

Разсердился Жоржаки — бѣда! а мы отъ смѣха чуть не задохлись всѣ.

А благородство его тѣмъ и кончилось, я говорилъ уже вамъ, что онъ старика Пилиди ограбилъ.

Разъ сидѣли мы вечеромъ внизу съ кавасами, — слышали у господъ наверху шумъ и смѣхъ, и дочки консула тоже громко хохочутъ.

Взошли мы потихоньку на лѣстницу, глядимъ: стараго Пилиди Жоржаки на царство вѣнчаетъ...

Правду я вамъ говорю; на царство вѣнчаетъ. Вѣдь этотъ Жоржаки безсовѣстный и что выдумалъ: у епископа митру выпросилъ. — «У насъ споръ, говоритъ, въ консульствѣ сколько митръ у васъ есть. Я говорю двѣ, а консулъ говоритъ одна. — Нѣтъ, я говорю... Одна здѣшняго круглаго фасона, а другая высокая изъ Россіи...» «Я, говоритъ консулъ, только круглую видѣлъ...» Такъ и выпросилъ митру Жоржаки.

Напоили немножко старика и посадили на очагъ какъ на тронъ и митру надѣли...

— Zito! — кричитъ Жоржаки, и другіе кричатъ «Zito!»

— Zito! императоръ австрійскій!..

— Что, — говоритъ Жоржаки, — императоръ австрійскій... Не того онъ достоинъ... Съ такимъ величіемъ, съ такимъ, говоритъ, лицомъ ему только византійскимъ императоромъ бы прилично быть...

Консулъ говоритъ: — полно, полно! А тотъ безумный сидитъ на очагѣ въ митрѣ и улыбается, и не видитъ, что изъ него *карагёза* *) сдѣлали...

Выйти въ этотъ день намъ пришлось съ Стефанаки вмѣстѣ изъ консульства. Мальчикъ опоздалъ притти за нимъ съ фонаремъ, у меня былъ фонарь, я и говорю: «пойдемте вмѣстѣ, киръ-Стѐфо!»

Пошли.

— Что, — говорю я ему, — хорошо повеселились сегодня?

— Съ такими благородными, воспитанными людьми какъ не веселиться, говоритъ. — Боже ты мой! что значитъ человѣкъ въ Европѣ былъ! Совсѣмъ другой обычай! Свобода обращенія, благородство, веселость! А у насъ что? бѣдность, нищета, каждый ищетъ только, какъ бы осудить и обмануть другого! Варварство, Турція, одно слово...

Я слушаю его и думаю: «вотъ что! А давно ли я видѣлъ, какъ ты башмаки снималъ въ сѣняхъ, не то у паши, а у послѣдняго турецкаго меймура **), и подбѣгалъ къ нему согнувшись, точно полу поцѣловать сбирался!

---

*) *Карагёзъ* — шутъ, паяцъ.

**) *Меймуръ* — турецкій чиновникъ.

Думаю я такъ, а самъ говорю ему:

— Да, киръ-Стефо — Турція и дѣла турецкія вещь пропадшая! Пора и тутъ эллинской свободѣ распространиться!

— Нѣтъ! — отвѣчаетъ, — этого ты также не говори. Я эллиновъ не люблю... Ты меня не понимаешь, несчастный... И я тебя не виню, потому что ты не такъ-то грамотенъ... Я говорю о свободѣ обращенія, а ты объ Элладѣ! Что̀ хорошаго твоя Эллада? Разбой, всякій пастухъ равенъ богатому и образованному торговцу. Теперь хоть бы мнѣ... Я человѣкъ хорошей фамиліи, благородный, имѣю состояніе... Пріятно ли мнѣ будетъ, если всякій куцо-влахъ *), всякій *бѣлошапочникъ* **) будетъ со мной равенъ. Здѣсь тебѣ все-таки почетъ какой-нибудь есть... Здѣсь, другъ мой, есть еще аристократія. Просфору мнѣ въ церкви подаютъ особую, потому что цѣнятъ и уважаютъ меня за мое состояніе... Что̀ это значитъ? Это значитъ аристократія!

— Ну, хорошо! — думаю я про себя. — Мнѣ что до этого... Подожду, какъ начнется тревога какая въ краю, да перейдутъ эллины границу, что̀ тогда заговоришь?.. Первый отъ страха закричишь: «Zito!»

Черезъ недѣлю мы узнали, что Стефанаки драгоманомъ сдѣлали.

Надѣлъ онъ фуражку съ галуномъ и съ короною вышитой, мундиръ сшилъ, ходитъ прямѣе сталъ, глядитъ строже. Бѣда! Ужъ и передъ пашой въ сапогахъ сидитъ; баш-

---

*) *Куцо-влахами* зовутъ людей валашскаго племени, которые занимаются преимущественно овцеводствомъ въ Эпирѣ, Өессаліи и Македоніи; они ведутъ полукочевую жизнь, имѣютъ села и покидаютъ ихъ на зиму, спускаясь съ горъ на болѣе теплыя пастбища.

**) Слово *бѣлошапочникъ* (*аспроскуфосъ*), означающее въ устахъ богатаго горожанина, также какъ и „куцо-влахъ" — *простой человѣкъ*, происходитъ отъ того, что эпирскіе простолюдины, греки и албанцы, жалѣя каждый день надѣвать феску, носятъ обыкновенно бѣлые колпачки на бекрень, которые дѣлаются женщинами дома. При изяществѣ фустанеллы и вообще греко-албанской одежды даже и тогда, когда она отъ работы и не совсѣмъ опрятна, бѣлый колпачокъ этотъ вовсе не производитъ впечатлѣнія какого-нибудь спальнаго колпака, и насмѣшка надъ нимъ доказываетъ только, какъ мало развито теперь чувство изящнаго у болѣе образованной части восточно-христіанскаго общества.

маки пересталъ носить (а прежде сапогъ не носилъ, легче скидать), смотримъ, онъ ужъ и съ турками споритъ: извините, говоритъ, на это трактаты великихъ державъ существуютъ!

Зашелъ я къ нему съ Рождествомъ поздравить. Садись,—говоритъ. А прежде бывало: добро пожаловать, капитанъ Яни! Добро пожаловать, садитесь. Какъ живете? А теперь просто: садись, братъ. Нынѣ праздникъ, ты у меня гость... Садись!

И фуражка драгоманская на столѣ, на особой вышитой подушкѣ у него лежитъ, коропой впередъ; пройдетъ мимо и поправитъ ее.

— Ба, ба, ба! думаю: какъ этотъ человѣкъ вдругъ распухъ и возгордился.

VIII.

Костаки, я вамъ скажу, можетъ быть при одной пѣсенкѣ бы и остался. Все бы думалъ: куда мнѣ *навьючить* богача и драгомана! Поскучалъ бы и сказалъ бы послѣ: «Софица — *Мофица* *), не все ли равно! На Лаккіоткѣ нашей женюсь». Но та старуха, которая отъ кади его спасла, Катинко Хаджи-Димо—распалила своими словами его любовь. О томъ, что Софица нравится нашему молодцу, она отъ меня узнала. Я сказалъ ей: — «Вотъ бы сдѣлать ему хорошую судьбу?» Катинко была прелюбопытная старуха. Добрая была на разговоры, да и на дѣла всякія, какъ мужчина.

Послѣ того, какъ она спасла Костаки отъ наказанія, Костаки сталъ бывать у ней въ домѣ. Она жила одна; хоть мужъ у ней и былъ еще живъ, однако онъ давно уѣхалъ въ свое село и съ ней не видался никогда. Она сама развелась съ нимъ, сумасшедшая! Не любила его, а по-

*) *Софица — Мофица, вилайетъ — милайетъ, консулъ — монсулъ,* принятая у восточныхъ людей шутка; и наши крымскіе татары говаривали: *становой — мановой.* Это значитъ какъ бы пренебреженіе; «становой и тому подобное». Второе слово должно непремѣнно начинаться буквой *м.*

вѣрьте мнѣ, что онъ въ молодости былъ превидный собой мужчина! Да, сказала себѣ женщина: «Не люблю его и кончено!» Представили архіерею прошеніе, что у ней будто зобъ на шеѣ больше растетъ, когда она съ мужемъ вмѣстѣ. «У меня зобъ, говоритъ, есть: и какъ я уѣду отъ него къ матери моей, такъ у меня зобъ меньше; вернусь къ мужу, зобъ больше станетъ!»

Доктора свидѣтельствовали ее, свидѣтельствовали. Всѣ говорятъ одно:

— Не слыхали мы, и въ книгахъ не писано, чтобы черезъ мужа зобъ сталъ больше!

А Хаджи-Димо свое:

— Не хочу, чтобы меня черезъ него да зобъ бы задушилъ! Архіерей говоритъ: «Это не причина». А она ему: «Ваше преосвященство монахъ, человѣкъ святой, отъ такихъ дѣлъ далеко жили. Вы мнѣ повѣрьте. Доктора мошенники. Кабы я побогаче была, не то чтобы зобъ, а и худшую бы причину нашли».

Таскали, таскали мужа по ханамъ *). Усталъ человѣкъ. А Катинко оставитъ дѣло на два-три мѣсяца, уѣдетъ къ матери въ село, и опять въ городъ судиться. У нея родные вездѣ были; у родныхъ живетъ. А мужу несчастному каково въ хану жить, когда его вызовутъ? Ужъ онъ и самъ сталъ соглашаться. «Хоть мнѣ она и по душѣ была, и зобъ этотъ у ней невеликъ, и я этимъ зобомъ нисколько не брезгаю; однако, Богъ съ ней, если я ей угодить не могу» (надо и то сказать, что деньги и имѣніе у нея были, а онъ былъ бѣденъ). Архіерей, однако, все еще увѣщевалъ ее и уступилъ только тогда, когда Катинко сказала: — «Эй! не разведете, пойду къ туркамъ и потурчусь — одно мое вамъ слово».

Испугался архіерей и всѣ старшины и развели ее. А она смѣется послѣ: «Слыханное ли дѣло, чтобы хорошая христіанка потурчилась? Кто пойдетъ турчиться? Развѣ распутная какая-нибудь, которая турка полюбила!»

---

*) *Ханъ* — гостинница, подворье.

И стала съ тѣхъ поръ жить сама одна.

Женщина эта многое вынесла и многое видѣла и знала. Она и у разбойниковъ въ плѣну была. Да! взяли ее на дорогѣ разбойники и двѣ недѣли держали въ лѣсу. «Извините, кирія, говорили они ей, что у насъ угощать васъ нечѣмъ кромѣ хлѣба и кизиля». Кизилевыми ягодами все ее кормили; послали одного пастуха Влаха съ угрозами въ городъ и велѣли роднымъ выслать пять тысячъ піастровъ; «а не вышлете, убьемъ кирію Катинко».

Дома у нея были деньги, и выслали родные пять тысячъ піастровъ. Разбойники ночью проводили ее сами до хана и сдали ее Ханджи въ руки. «Смотри, оселъ, береги кирію и завтра отправь бережно въ городъ! Это наша кирія, мы ее любимъ».

И еще сказали ей: «Мы, сударыня, знаемъ, какое у васъ состояніе: не богатое и не малое, а среднее; оттого мы съ васъ больше пяти тысячъ піастровъ и взять не хотѣли»...

Когда вернулась Катинко въ городъ, захотѣли турецкіе чиновники ее видѣть и узнать что-нибудь о разбойникахъ.

И она своими отвѣтами всѣхъ смѣшила, а показать что-нибудь важное на разбойниковъ не показала.

Случился тогда въ конакѣ одинъ греческій подданный, и вздумалъ онъ, когда всѣ отъ отвѣтовъ Катинки развеселились, подшутить надъ ней.

— А что, говоритъ, Катинко, какъ здоровье ваше? Послѣ разбойниковъ у васъ какъ-будто зобъ опять побольше сталъ?

Всѣ засмѣялись. А она ему:

— Стыдись, несчастная твоя голова! Ты думаешь, здѣсь Эллада ваша что ли? У васъ въ Элладѣ, въ Юнанистанѣ *) вашемъ разбойники люди безсовѣстные, такіе же, какъ ты! А здѣсь Османди-Девлетъ, и албанцы, которые меня взяли, люди цѣломудренные и разумные.

Боже мой! Какъ хвалили ее турки за эти слова!

А она вышла изъ конака и говоритъ христіанамъ:

*) *Юнанистанъ* — турецкое названіе Греціи. Происходитъ отъ слова *юнанъ* — Іоніецъ.

— На! пропадите всѣ вы, и паша, и кади, и всѣ дьяволы! Захотѣли, чтобъ я на разбойниковъ что-нибудь показала! Какъ же; ждите! Развѣ можно хорошему человѣку въ Турціи на разбойниковъ показывать? Что жъ это будетъ за порядокъ, если въ Турціи переведутся разбои и скажутъ всѣ: «Турція хорошее государство, Турція впередъ идетъ. А Эллада государство скверное: Эллада не идетъ впередъ; въ Элладѣ есть разбойники, грабятъ и бьютъ; а въ Турціи нѣтъ! Ну, какіе же и вы сами патріоты, если хотѣли, чтобъ я на разбойниковъ туркамъ показывала?»

Вотъ какая была женщина эта Катинко. Всѣ мы ее уважали; а Костаки такъ и говорилъ: «она для меня больше матери».

Я сказалъ вамъ, что Костаки сталъ къ ней часто ходить послѣ того, какъ она его изъ рукъ кади спасла. Старуха его очень любила. Ласкала его какъ сына и любила шутить съ нимъ и дразнить и стыдить его.

Костаки былъ отцомъ своимъ въ большомъ цѣломудріи воспитанъ. Кто видѣлъ его съ мужчинами въ пляскѣ, или на базарѣ, или когда на горѣ за городомъ въ праздникъ начнутъ играть въ войну и, раздѣлясь на двѣ партіи, каменями бросать, всякій говорилъ: «какой этотъ смѣлый и дерзкій паликаръ!» А при женщинахъ онъ все краснѣлъ, и никогда никто отъ него безстыдной шутки не слыхалъ; мы, которые постарше, часто и шутить начнемъ между собой. У того есть въ городѣ кума; а у того двѣ кумы. Костаки только краснѣетъ. Разъ, какъ я зналъ, что Катинко любитъ Костаки какъ своего сына, я и говорю ему въ праздникъ:

— Пойдемъ, Костаки, сдѣлаемъ посѣщеніе кира-Катинки.

— Пойдемъ.

Пришли. «Садитесь, садитесь. Какъ поживаете?» Очень хорошо. А вы какъ? «Очень хорошо!» Стали разговаривать. Костаки куритъ и молчитъ въ углу, какъ дѣвица.

Пришла служанка, подала намъ варенья и кофе. Служанка была молодая Куцо-Влаха и собою красивая.

Я на нее взглянулъ; а Костаки и глазъ на нее не поднялъ. Ушла служанка. Кира-Катинко и говоритъ паликару:

— Что жъ это ты, другъ мой, такую великую суровость оказываешь? На женскій полъ не глядишь.

Застыдился Костаки! Какъ свекла красная покраснѣлъ!

— Оставьте его, кирія,—говорю я.—Костаки мальчикъ у насъ хорошій, стыдливый и честный. А паликаръ вы сами знаете какой! Онъ отцомъ въ цѣломудріи и молодечествѣ воспитанъ.

— Знаю, знаю,—говоритъ Катинко.—Я пошутить хотѣла съ нимъ, потому что̀ я его люблю какъ своего сына. А что онъ, такой паликаръ, краснѣетъ и стыдится, когда говорятъ съ нимъ о женщинахъ, это точно доказываетъ его скромность. И знай ты, если молодой человѣкъ краснѣетъ, когда съ нимъ говорятъ о чемъ бы то ни было старше или по званію высшіе, то это значитъ, что онъ хорошій человѣкъ будетъ. Это значитъ, что душа его чувствуетъ все!

— Женить бы его, кирія, поскорѣй,—говорю я,—чтобы не развратился, не испротился...

— Что̀ жъ, женили бы его.

А я говорю: «На комъ?»

— На комъ? — говоритъ кирія. — На дѣвушкѣ честной и красивой, изъ уважаемой семьи и съ приданымъ.

Такъ этотъ разговоръ и кончился. Мы ушли, и съ тѣхъ поръ Катинко задумала непремѣнно женить Костаки.

IX.

Старушка Катинко Хаджи-Димо какъ задумала своего любимца Костаки женить на Софицѣ, такъ и стала паликару объ этомъ говорить.

— Вотъ изволь, тебѣ жена какъ слѣдуетъ... Ты молодецъ и она миленькая. Ты молодъ, а она еще моложе. Пара! Дѣвочка, ты меня, сынъ мой, послушай, диво! Обхо-

дительная, кроткая, хозяйка. Теперь, какъ изъ школы вышла, посмотрѣлъ бы ты на нее: ни минуты безъ дѣла не бываетъ, посуду моетъ сама, всѣмъ старшимъ и роднымъ, которые въ домъ пріѣдутъ погостить, постель стелетъ; на кухню безпрестанно ходитъ; шьетъ; я даже видѣла разъ, что она стѣны бѣлила сама.

Старуха хвалитъ, а Костаки только краснѣетъ, бѣдный.

Такъ всякій день говорила Катинко паликару. И это была правда. Что́ другое, а воспитаніе Стефанаки дочерямъ хорошее давалъ, благочестивое. И въ семьѣ онъ и самъ былъ добрый и ласковый человѣкъ. Всячески и подарками, и ласкою дочерей старался утѣшить.

А Катинко все свое твердитъ:

— Какая, я тебѣ говорю, Софица эта тихая. Я у нихъ часто бываю и ночую даже нерѣдко. И что̀ жъ, повѣришь ли ты: слова почти отъ нея не слыхала! Только улыбается всѣмъ и угощаетъ, бѣдная: не угодно ли кофе, кира̀, не угодно ли ликеру, не угодно ли варенья, кира̀? Такая сладкая дѣвушка! И приданаго за ней будетъ лиръ 200 и даже болѣе...

— Не отдадутъ ее за Костаки! — говоримъ мы.

— Старуха Катинко — колдунья! Не бойтесь. Ужъ не знаю, отчего это я полюбила этого паликара? Или оттого, что мнѣ за мои грѣхи Богъ дѣтей не далъ; такъ ужъ ему душу всю отдаю!.. Будетъ, будетъ это! Пусть Костаки еще годикъ поторгуетъ *телятиной* и немножко поправится деньгами!

Катинко призналась мнѣ, что она и Софицѣ говорила.

— Хочешь замужъ, дочь моя? — сказала ей старуха.

Софица только глаза опустила.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

— Это воля отца моего, — говоритъ.

— А твоя воля?

Конечно, дѣвица скромная на это не должна отвѣтить... Да старуха успокоиться не могла.

Велѣла паликару пройти мимо оконъ, и позвали Софицу.

— Смотри, что, эта картинка хорошая?

— Какая? — говоритъ.

— Этотъ паликаръ.

— Хорошъ, — говоритъ Софица, — я его знаю; это Костаки, суліотъ, который кожей торгуетъ. Я въ школу мимо его магазина ходила.

— Вотъ тебѣ мужъ! — говоритъ старуха.

Софица обидѣлась и покраснѣла.

— Ба! — говоритъ, — бѣлошапочникъ, и вдругъ мнѣ мужемъ будетъ! Простой человѣкъ. Весь, какъ клефтъ, въ бѣломъ платьѣ!..

Этого мы не сказали Костаки бѣдному, чтобы не огорчить его.

Такъ-то шло это дѣло. А старикъ Стефанаки въ это самое время о мошенникѣ Жоржаки съ ума сходилъ.

Тотъ извергъ ему все льстилъ, въ дѣлахъ своихъ совѣтовался, способности его хвалилъ.

— Какъ же не проклянуть вамъ, здѣшнимъ православнымъ, эту Турцію! Сколько великихъ способностей пропадаетъ. Да вы министромъ, губернаторомъ должны быть.

— Не брани Турцію, — скажетъ Стефанаки, — какъ бы хуже не было!

— Ба! ба! ба! Да вы такой умный, да вы такой честный и опытный гражданинъ... Я, который столько видѣлъ людей... Мало видѣлъ такихъ, какъ вы... Вы меня извините, я вамъ скажу, у вашихъ здѣсь мало благородства въ обращеніи... А у васъ благородство свыше всякой мѣры. Вы мнѣ отецъ. Я отца своего такъ никогда не любилъ.

Катинко все это сама слыхала и сама разсказывала намъ.

И полюбилъ старикъ Жоржаки крѣпко. Пироги ему шлетъ; виноградъ привезутъ ему изъ деревни, онъ цѣлые вьюки винограда къ Жоржаки шлетъ.

Похвалитъ Жоржаки у него въ домѣ коверъ болгарскій, — старикъ коверъ даритъ ему.

Самъ по улицѣ идетъ въ драгоманской фуражкѣ съ базара, а слуга за нимъ большую каракатицу для Жоржаки несетъ.

— Каракатицъ свѣжихъ, — говоритъ, — привезли изъ Превезы!

Жоржаки плачетъ, обнимаетъ его: «ты мнѣ отецъ!» кричитъ.

А Стефанаки вездѣ вздыхаетъ и разсказываетъ: «много я жаловался, что судьба дала мнѣ однѣхъ дочерей, и пожалѣлъ меня Богъ, послалъ мнѣ сына въ Жоржѣ!»

Катинко сокрушалась, боялась смерть, чтобы Софицу за Жоржа не отдали.

— Нѣтъ! — я говорю ей, — этой-то мерзости ужъ не сдѣлаетъ старикъ. Все какъ бы то ни было христіанинъ, за франка не отдастъ!

— Закрутился, — увѣряетъ Катинко, — закрутился старикъ отъ похвалъ и отъ драгоманскаго галуна!

Недолго, однако, веселился съ франками Стефанаки.

Смотрю я разъ поутру—бѣжитъ за мной мальчикъ отъ Хаджи-Димо:

— Идите, — говоритъ, — киръ-Янаки! госпожа моя желаетъ васъ видѣть.

Прихожу.

— Что́ такое случилось?

— Случилось, капитанъ Яни, дѣло мерзкое. Жоржаки ограбилъ киръ-Сте́фо нашего.

— Какъ? — удивился я.

— Какъ? Лестью. Бралъ у него деньги взаймы и въ срокъ отдавалъ, а гляди и раньше срока. Разъ пришелъ и говоритъ: «Сыномъ ты меня считаешь, киръ-Сте́фо».— Лучше сына. — «А если я тебѣ лучше сына, такъ дай мнѣ подъ залогъ имѣнія, которое у меня въ Молдавіи, полторы тысячи лиръ. Вотъ тебѣ мои документы».

Старикъ далъ и расписку взять не хотѣлъ; Жоржаки насильно далъ ему расписку. А тамъ, какъ это случилось, что и расписка пропала и въ Молдавіи, говорятъ, имѣніе разоренное, двухъ піастровъ не сто́итъ, и самъ Жоржаки уѣхалъ.

— Плохо старику! — говорю я. — Жалко. А что́ же мусьё Бертоме съ женой о племянникѣ говорятъ?

— Они тоже бранятъ и проклинаютъ Жоржаки. Поди теперь, ищи его. Вѣдь здѣсь Турція, и на мѣстѣ дѣло не кончается, а каково въ Египтѣ или Молдавіи мошенника искать?

Встрѣчалъ я не разъ послѣ этого дѣла старика. Снялъ онъ и драгоманскую фуражку, и сапоги бросилъ, и опять башмаки надѣлъ, чтобы легче было снимать у турокъ. Объ трактатахъ уже ни слова! Сталъ опять согнувшись къ пашѣ и къ кади подбѣгать. Къ Вали-пашѣ ѣздилъ подавать прошеніе. Писалъ Вали и греческому консулу (потому что мошенникъ греческій подданный былъ), и въ Константинополь писалъ. Дѣло и до сихъ поръ не кончено.

Старикъ горюетъ, а у насъ съ Костаки и съ Катинкой все его дочь на умѣ.

Сталъ жаловаться старикъ Катинкѣ, что дочь старшая ужъ на возрастѣ. Катинко и говоритъ:

— Это еще не велико несчастіе, что на возрастѣ. Всѣ дѣвушки растутъ скоро.

— Время замужъ, — говоритъ Стефанаки. — Время приданое готовить. Кто у насъ съ малымъ приданымъ возьметъ? Разбойникъ ограбилъ меня, теперь и мнѣ тяжело будетъ, Софицѣ подъ пару не найти теперь жениха. Изъ большого дома женихъ большія деньги попроситъ.

А Катинко говоритъ ему.

— Не смотри на большіе дома, смотри на человѣка. Я тебѣ жениха нашла.

И сказала ему, кто женихъ.

Боже сохрани, какъ разсердился Стефанаки!

— Бѣлошапочникъ! простой суліотъ! кожей торгуетъ!

— А ты сукномъ торгуешь, — говоритъ ему кира̀ наша добрая.

И начался у нихъ съ Пилиди споръ и крикъ.

— Онъ капитанскаго рода хорошаго!

— Кто, — говоритъ Пилиди, — на капитановъ глядитъ теперь! Теперь цивилизація! Ты такъ говоришь, кирія, потому сама за простымъ человѣкомъ была...

— Такъ что жъ, дай Богъ здоровья моему мужу бѣд-

ному. Онъ со мной хорошо жилъ, и хоть сельскій человѣкъ, а изъ хозяйскаго дома, а ты вѣдь у франка-портного прежде старое платье штопалъ и дворъ ему подметалъ!

— Что жъ ты мужа бросила, если онъ такой благородный человѣкъ былъ? — кричитъ Пилиди.

— Это дѣло другое, — говоритъ ему старуха, — самъ знаешь, у меня зобъ прибавлялся...

До ссоры дѣло чуть-чуть не дошло. Однако, такъ какъ Катинко была сродни старику, то они скоро опять помирились.

— Нѣтъ тебѣ судьбы, паликаръ мой! — сказала старуха Костаки.

— Какъ Богу угодно! — отвѣтилъ бѣдный...

Поблѣднѣлъ онъ, правда, немножко въ эту минуту, но потомъ ужъ не говорилъ ничего ни мнѣ и никому изъ друзей.

X.

Такъ-то, господинъ мой, хоть у глупаго Пилиди много уменьшилась гордость, оттого что Жоржаки осмѣялъ и обманулъ его; а все-таки онъ дочь за простого молодца-суліота отдать не хотѣлъ, пока не обѣднѣлъ вовсе. Обѣднѣлъ онъ вовсе, я, кажется, сказывалъ вамъ, отъ большого пожара, когда у насъ въ городѣ весь базаръ сгорѣлъ...

Скажу вамъ, какъ это было; отчего стараго нашего пашу, Аббединъ-пашу, смѣстили и прислали намъ новаго, и какъ этотъ новый, отъ большой образованности своей, сжегъ базаръ. Аббединъ-паша былъ у насъ свой человѣкъ. Онъ былъ у насъ сперва каймакомъ, а потомъ мутесарифомъ; двѣнадцать лѣтъ управлялъ онъ у насъ. Былъ онъ здѣшній, изъ большого албанскаго *очага* *); знатный и честный человѣкъ.

Въ городѣ нашемъ тысячи четыре жителей: тысячи три

*) *Большой очагъ* — аристократическій домъ; богатый и гостепріимный домъ, въ которомъ очагъ всегда дымится.

христіанъ и одна тысяча турокъ, не больше. Аббединъ-паша не только въ городѣ, а, я думаю, и въ деревняхъ всякаго зналъ. И его зналъ всякій. Всякій къ нему шелъ, и всякаго онъ принималъ. «Чтó тебѣ, сынъ мой?» Это онъ такъ молодымъ говорилъ, а стариковъ, конечно, какъ слѣдуетъ, уважалъ еще больше.

Франковъ онъ не уважалъ и ненавидѣлъ. Съ кѣмъ былъ друженъ, прямо говорилъ: «Чтó они насъ все русскими штыками пугаютъ! Лучше отъ русскаго штыка потерять то, чтò мы саблей пріобрѣли, чѣмъ ихъ лукавыми совѣтами жить! Что мы теперь чрезъ франковъ стали? Мы слуги ихъ, и французскій консулъ кого захочетъ того и прибьетъ здѣсь... Прибьетъ, и меня же обвинятъ, если я не скажу ему: «Хорошо вы сдѣлали, консулъ-бей, кланяюсь вамъ! Прекрасно вы сдѣлали! Хвалю, хвалю! турокъ палку любитъ: ломай ему голову палкой; онъ поклонится вамъ, консулъ-бей».

Судилъ Аббединъ-паша насъ скоро и по-старому. И туркамъ не давалъ въ обиду.

— Ты чтó? — говоритъ какому-нибудь турку, — ты зачѣмъ прибилъ этого человѣка?

— Я, паша-эффенди, я такъ, да этакъ!

— Врешь, мошенникъ, я тебя знаю; и въ городѣ всѣхъ знаю... Я васъ, ословъ, учить люблю... Не дерись безъ нужды. Пошелъ, животное, на три дня въ тюрьму; въ другой разъ на мѣсяцъ посажу, когда людей будешь бить, мошенникъ!.. Вонъ!

Придетъ къ нему какая-нибудь худая женщина жаловаться на архонтопуло *) какого-нибудь. Сказано, женщина. Кричитъ, плачетъ.

— Вдова, паша-эффенди! Я вдова, я честная женщина. А онъ вчера разорвалъ мнѣ платье; вотъ оно! За чтó онъ позоритъ меня? Паша-эффенди, я тебя вмѣсто отца имѣю! Защити меня! Защити ты, какъ отецъ, мою честь...

— Чтó жъ ты кричишь? — скажетъ бывало паша. — Честь

*) *Архонтопуло* — сынъ архонта. Архонтами зовутъ всѣхъ зажиточныхъ людей: банкировъ, купцовъ, богатыхъ врачей.

я твою знаю, и ты сама ее знаешь; такъ и не плачь и не кричи, а подожди, что человѣкъ скажетъ.

Призовутъ и мужчину.

— Ты что, повѣса, дѣлаешь?

— Я, ваше превосходительство, такъ и такъ... Она клевещетъ...

— Молчи, морè, знаю я и тебя! Ты женолюбецъ и буянъ... Ты вотъ то-то, вотъ то-то прошлаго года у Арабки въ домѣ сдѣлалъ. Я все знаю... И Арабку ту знаю я, и тебя, повѣса, и эту женщину знаю. И она непотребная, и ты нехорошій человѣкъ. Эй, морè! заприте ихъ въ другую комнату; пусть поговорятъ одни и помирятся. Онъ тебѣ, несчастная, за обиду можетъ быть лиру одну дастъ. Вотъ тебѣ и честь!

— Да я присягну, ваше превосходительство паша, господинъ мой, я присягну, — говоритъ архонтопуло.

— Какъ! мошенникъ! Въ такомъ дѣлѣ да еще присягать хочешь? Какой же ты христіанинъ? Гдѣ вѣра твоя? Постой, я скажу, чтобы деспотъ-эффенди*) на тебя церковное наказаніе наложилъ за это. Ведите ихъ въ другую комнату, и когда не помиритесь, я васъ обоихъ на три дня въ тюрьму заключу!

И помирятся люди. И имъ хорошо, и другимъ веселье и смѣхъ, глядя на то, какъ старый паша осрамилъ ихъ непотребство.

Обращеній въ турецкую вѣру онъ не любилъ. «Никогда добра отъ этого не бываетъ. Это все или за деньги или изъ разврата дѣлается. Свяжется дѣвка съ туркомъ и вѣру хочетъ мѣнять. Развѣ это вѣра?»

И трудолюбивъ, бѣдняга, былъ Аббединъ-паша. Когда онъ успѣвалъ свой гаремъ видѣть — это удивительно. Цѣлый день слушаетъ жалобы и принимаетъ народъ. Насъ, эллиновъ свободныхъ, которые жили въ Эпирѣ по дѣламъ своимъ, онъ преслѣдовать не любилъ. «Да они бунтуютъ народъ», говорятъ ему.

---

*) *Деспотъ-эффенди* — турецкое названіе архіерея или митрополита.

— Это, — скажетъ, — все пустое. Я этого не боюсь. Пока не захочетъ Европа, не вѣрю я въ ихъ силу и не боюсь ихъ!

И намъ черезъ это было хорошо.

Когда завели эти новые вилайеты, онъ прилежно уставы всѣ изучилъ и по нимъ хотѣлъ справедливо дѣйствовать.

Пишетъ ему Вали изъ вилайета:

— Пришли мнѣ этого грека сюда судиться.

— Не могу, — отвѣчаетъ Аббединъ сердечный, — человѣкъ не ѣдетъ, говоритъ, что по новымъ законамъ султана его слѣдуетъ прежде въ здѣшнемъ судѣ судить, а когда кто будетъ недоволенъ, тогда надо въ главный городъ ѣхать.

— Пришли этого грека, — приказываетъ опять Вали-паша.

— Если прикажете силой взять человѣка, то я пришлю; а человѣкъ кричитъ, что это не по уставу. Какъ прикажете?

Ну, и уступитъ иногда Вали.

Иные жаловались на Аббедина-пашу, что онъ лжецъ. Да онъ, бѣдняга, и лгалъ-то иногда чрезъ мягкость свою и доброту души. Всѣмъ обѣщать хорошее хочетъ; отказывать ему жалко.

Вотъ эта слабость у него была. Какъ онъ былъ здѣшній, а не изъ Константинополя, то ему и хотѣлось, чтобы всѣ любили его и жалѣли, если и должность свою потеряетъ.

И точно, онъ должность потерялъ свою чрезъ насъ и чрезъ свою справедливость.

Когда вздумали прошлаго года турки эллинамъ объявить войну, пришло приказаніе выгнать скорѣе всѣхъ греческихъ подданныхъ.

Кто хочетъ остаться, пусть будетъ райя.

Народъ собрался къ Аббедину и проситъ. У одного жена больна, умираетъ, ни везти ее зимой по горамъ и по морю нельзя, ни бросить одну; другому счеты свести, у другого денегъ на дорогу нѣтъ. Архонты умоляютъ докторовъ

и учителей греческихъ подданныхъ не выгонять. «Для здоровья и для просвѣщенія нужны!»

Аббединъ и вступился за народъ, пишетъ къ Вали-пашѣ: «Дайте людямъ срокъ; не губите людей». Только написалъ онъ это по просьбѣ народа, такъ и услыхали на базарѣ вѣсть, что его смѣнятъ. Весь народъ заговорилъ.

И мѣсяца не прошло, какъ новый мутесарифъ къ намъ пріѣхалъ.

— Извольте теперь, господинъ мой, судить, правы ли мы, что бунтуемъ?

XI.

Пріѣхалъ новый мутесарифъ Арифъ-паша. Онъ былъ боснякъ и человѣкъ европеецъ вполнѣ. Шампанское пилъ, по-французски зналъ... Молодой еще, жирный такой и въ Константинополѣ большую силу имѣлъ.

Какъ пріѣхалъ, такъ въ тотъ же день стѣснилъ христіанскихъ членовъ идаре-меджлиса и спрашивалъ, кто больше преданъ. Ему сказали турки: «вотъ Стефанаки хорошъ. Испортился было какъ драгоманомъ былъ, а теперь опять хорошій человѣкъ сталъ».

Сейчасъ Пилиди членомъ въ идаре пригласилъ. И стали вмѣстѣ они разбирать, кто старый греческій подданный, а кто новый? Кто несомнѣнный, а кто сомнительный? Кто долженъ ѣхать, а кто можетъ остаться? Толпой ходили люди къ Пилиди, просили, чтобы пощадилъ.

— Странные вы люди! — говоритъ онъ имъ, — развѣ я не христіанинъ и не жалѣю грековъ? Но что̀ же мнѣ дѣлать теперь? Не гибнуть же мнѣ? Уйду я изъ меджлиса, другой еще хуже меня будетъ...

Пришлось и Костаки нашему паликару выбирать — либо ѣхать въ Элладу и всѣ дѣла бросить, либо райя стать.

Чтобы Костаки да сталъ райя! Какъ сказали ему это люди, онъ говоритъ: «да лучше я умру, а турецкимъ подданнымъ не сдѣлаюсь. Не оскорбляйте меня».

Мнѣ тоже было худо; но я побѣжалъ къ мадамъ Бертоме, и она, бѣдная, тотчасъ же заставила мужа меня безъ жалованья въ кавасы записать.

Пошелъ я послѣ этого просить киръ-Стефо, чтобы онъ за моего друга Костаки заступился. Предлагалъ, что я за него поручителемъ буду и расписку дамъ, пусть меня въ тюрьму посадитъ консулъ, если Костаки въ чемъ провинится.

Хаджи-Димо старушка тоже вмѣстѣ со мной уговаривала Стефанаки.

И, Боже мой, и слышать не хочетъ. «Вонъ его, вонъ!»

— Что онъ за царь! Докторъ онъ, учитель что ли? башмачникъ простой — вотъ онъ что!

Взбѣсился и я, и вышло бы дѣло толстое, когда бы старуха не удержала меня.

Сталъ я ругать Стефанаки.

— Ты ненавидишь молодца за то, что онъ тебѣ честь сдѣлалъ, твою честь хотѣлъ взять. Предатель! — ругаю его, — мошенникъ! Мало людей босымъ мальчишкой у итальянца тебя знали!

Онъ было сталъ тоже кричать на меня:

— Какъ ты, простой слуга, и смѣешь архонта и царскаго члена ругать!

— Молчи! — я говорю, — извергъ, — и вынулъ пистолетъ изъ-за пояса. — Вотъ тебѣ клятва моя, что я убью тебя этою рукой моею, которую видишь, какъ только эллины перейдутъ границу. Пусть погибну я, но и твоей жизни будетъ конецъ! Ты кого, извергъ, предъ собой видишь? Воинъ-человѣкъ, суліотъ стоитъ предъ тобой, извергъ ты человѣкъ!

Поблѣднѣлъ, задрожалъ Стефанаки; ни слова громко... Только шепчетъ:

— А! варвары! варвары люди!

Катинко насъ развела и говоритъ мнѣ:

— Иди, Яни, съ Богомъ! — Добрый часъ тебѣ... Успокойся!

Я послушался хорошей старушки и ушелъ.

А Костаки на другой день вмѣстѣ съ другими прогнали изъ города. Въ три дня все кончилъ Арифъ-паша. Вали, слава Богу, былъ милосерднѣе его; по телеграфу приказалъ ему оставить для народа хоть докторовъ и учителей, которые были эллинскіе подданные.

И когда бы вы видѣли, господинъ мой, какое это несчастіе было!

Кто боленъ, кто счетовъ не свелъ и половины выгодъ своихъ лишился; кто семейный... Съ утра объявили, а вечеромъ на пароходъ погнали силой... Старухи, женщины, дѣти... всѣ бѣги, все бросай въ одинъ день... Разсудите, легко ли это? Слезъ и жалобъ и крику сколько мы слышали и видѣли — это ужасъ. Время еще зимнее не кончилось: дождь, грязь, на морѣ волны горою ходятъ и вѣтеръ паруса рветъ...

Такова-то была жестокость Арифъ-паши.

Потомъ, когда все успокоилось, сталъ Арифъ-паша просвѣщать нашъ край по-европейски.

Не хочу я сказать, чтобы онъ вовсе несправедливъ былъ или бы взятки бралъ. Нѣтъ, этого не было; даже при немъ смѣнили скоро тѣхъ чиновниковъ турокъ, которые взятки любили, и прислали новыхъ.

И кой-что еще онъ хотѣлъ полезное сдѣлать. Преступниковъ въ тюрьмѣ заставилъ всякими ремеслами заниматься, сапоги, гарухи шить, желѣзо работать, кто что́ знаетъ и можетъ, чтобы не болѣли отъ скуки и бездѣлья. Такъ, слышно, въ Европѣ бываетъ.

Дороги стали проводить. Только дороги эти наше несчастіе въ Турціи.

По дождю и грязи идутъ несчастные люди работать далеко отъ своихъ селъ; а потомъ отсюда ихъ въ другое мѣсто погонятъ, куда выгодно для турокъ. Женщины дѣтей согнувшись на спинѣ несутъ; а другія женщины камнями какъ ослы навьючены... Денегъ за это ни піастра, труда много, спи и отдыхай въ грязи на дорогѣ. И зачѣмъ все это? Для торговли, скажемъ? Богъ одинъ знаетъ — заведутся ли когда въ странѣ нашей хорошія колесныя дороги

для товаровъ: а мы пока видимъ, что на этихъ новыхъ дорогахъ отъ дождей такая грязь стоитъ, что по камнямъ въ горахъ итти лошади и мулу легче, чѣмъ по нимъ... Я думаю, больше для того открываютъ турки дороги, чтобы имъ было легче войска противъ насъ водить, когда мы опять возстанемъ. Такъ вотъ и убивается народъ безъ пользы на этихъ дорогахъ. А бей, хозяинъ чифтлика, свои деньги требуетъ, а начальство требуетъ подати... И священнику надо заплатить; нельзя же безъ церкви жить, и школу почти въ каждой самой бѣдной деревнѣ народу хотѣлось бы завести... Мученье великое! И всегда было худо: а все-таки скажемъ — при Аббединѣ-пашѣ, сердечномъ, добрый часъ ему, бѣдному, ни дорогъ не проводили на свою же погибель, и по судамъ меньше мучили.

Хоть и завелись у насъ и при немъ вилайеты-милайеты, а все онъ больше любилъ мирить людей по-старинному, чѣмъ въ новыхъ судахъ томить ихъ...

А теперь, поглядите, во всякомъ городѣ ханы народу полны, который издалека вызвали и тиранятъ въ судахъ въ этихъ правильныхъ безъ конца.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! И что́ будетъ съ нами — не знаемъ мы. Куда это дойдетъ — Богу извѣстно.

И отчего это, господинъ мой, этимъ франкамъ такъ занадобилась анаѳемская Турція?

XII.

Теперь о томъ, какъ старый базаръ нашъ сгорѣлъ.

Пришли разъ поклониться къ мутесарифу архіерей нашъ и архонты, и евреи-купцы, и турки кое-какіе... Принялъ всѣхъ хорошо. Архіерею навстрѣчу всталъ и далеко по комнатѣ прошелъ, сѣлъ потомъ и сказалъ:

— Все у насъ здѣсь хорошо, только базаръ очень тѣсенъ. И эти крышечки деревянныя, что́ одна съ другой сходятся, — какъ бы пожара не было. Надо каменный базаръ весь отстроить и безъ навѣсовъ.

Одинъ еврей говоритъ: ваше превосходительство! Крышечки эти, о которыхъ изволите говорить, покупателя зимой отъ дождя, а лѣтомъ отъ зноя предохраняютъ.

— Покупатель долженъ внутрь лавки входить. Это все одно варварство и глупость, что торговцы сидятъ въ лавкахъ, какъ на балконѣ открытомъ, а покупатель снаружи стоитъ или влѣзетъ и сядетъ съ купцомъ... Надо, чтобы были закрытая дверь и окна. Въ Европѣ вездѣ такъ.

— Далеко намъ до Европы, паша-господинъ мой! — сказалъ одинъ старичокъ-турокъ изъ нашего города.—Европа мѣсто богатое, а наше бѣдное.

Мутесарифъ разсердился на старика и сказалъ:

— Не то ты говоришь, а то скажи, что въ Европѣ люди живутъ, а здѣсь ослы...

— *Эветъ! эффендимъ, эветъ* *) *!* — сказалъ бѣдняга и замолчалъ.

Что̀ будешь дѣлать!

Паша у доктора одного спрашиваетъ: «Синьоръ, какъ вы думаете? Эта тѣснота вѣдь и здоровью вредитъ?»

Докторъ сказалъ, что не вредитъ, потому что городъ маленькій и воздухъ чистъ; лѣтомъ въ городѣ самомъ травой пахнетъ. Въ Европѣ очень большіе города, тамъ тѣснота вредитъ. И въ открытыхъ лавкахъ сидя, сами купцы здоровѣе.

— Вы гдѣ обучались? — спросилъ паша.

Докторъ говоритъ: «въ Италіи».

— Э! Италія! — говоритъ паша, — оттуда только музыканты выходятъ. И вы пѣсни поете, а не дѣло говорите.

Греки купцы наши говорятъ: «дорого намъ очень перестраивать базаръ».

Паша ничего не сказалъ имъ на это и уѣхалъ изъ города, будто мутесарифлыкъ **) весь осматривать.

Весь разговоръ этотъ я знаю хорошо, потому что отъ

---

*) *Эветъ* — да, конечно, согласенъ. Таково большею частью мнѣніе разныхъ выборныхъ членовъ въ присутствіи пашей.

**) Губернію.

двадцати человѣкъ о немъ слышалъ. Уѣхалъ паша, и черезъ недѣлю ночью загорѣлся базаръ.

Я спалъ крѣпко, и ни пушки съ крѣпости, ни трубы не слыхалъ, которыми у насъ опасную вѣсть народу даютъ. Говорятъ, кто и близко отъ крѣпости былъ, ничего не слыхалъ.

Поднялся шумъ и крикъ на улицѣ страшный, бѣжитъ народъ, кричитъ, барабанъ бьетъ, низамы бѣгутъ толпами, женщины плачутъ и воютъ. Выбѣжалъ и я, взглянулъ, весь базаръ ужъ въ огнѣ. Мечется туда-сюда народъ между лавками, хочетъ спасти товаръ. Низамы не пускаютъ... «Не велѣно!» говорятъ, а сами не тушатъ огня. Кинутся, гдѣ молодцы наши съ топорами, низамы ихъ гонятъ.

Ужасъ что такое было!.. Да не только гонятъ низамы, грабятъ сами. Подойдутъ къ дверямъ желѣзнымъ, которыя у иныхъ купцовъ внизу подъ лавками были, и начнутъ рубить двери топорами.

А тамъ у людей и товары есть, и золото, и счетныя книги, и расписки разныя, и векселя. Успѣютъ захватить деньги или вещи—захватятъ, а гдѣ не могутъ, оттого что огонь кругомъ силенъ, такъ отъ злости огню дорогу открываютъ. Войдетъ огонь, и пожжетъ и бумаги и товаръ. А что золото они воровали, такъ это видно. Не находилъ же никто сплавленнаго золота или серебра на базарѣ послѣ пожара. И если сказать, что это царское войско дѣлало!

Арифъ-паша и мечети старой, которая около базара, не пожалѣлъ, и около нея не тушили, и въ ней всѣ окна потрескались; но она была каменная и осталась.

И что́ за диво, думали мы послѣ, насколько хотѣли, настолько и пошелъ пожаръ?

Только четыре дома, которые около самаго базара были, тѣ сгорѣли.

И Пилиди домъ до тла сгорѣлъ, и магазинъ его сгорѣлъ, и счеты, и сукно, а шкатулку съ деньгами унесли.

Начальникъ низамскій самъ сказалъ ему съ начала самаго:

— Выводите поскорѣй вашихъ дѣвицъ и выносите вещи

изъ дома, базаръ уже не спасемъ, весь сгоритъ, а вы близко.

Пилиди все еще надѣялся. Сталъ онъ просить молодцовъ, плотниковъ-христіанъ, рубить кругомъ его дома дерево на магазинахъ; никто не хотѣлъ. «Низамы не пускаютъ», говорятъ; низамовъ въ это время близко не было, но народъ его не жалѣлъ. Сталъ давать деньги плотникамъ, — они просятъ много, онъ не даетъ; пока торговались, подступилъ огонь, и пропало все.

Семья убѣжала къ Катинкѣ Хаджи-Димо въ домъ, и что̀ успѣла, то и взяла.

Старикъ тутъ же объ землю ударился и рыдать сталъ. Мнѣ терять на базарѣ было нечего; моя кожа была далека, а другихъ жалко. Пошелъ я искать низамскаго бинъ-баши, то-есть тысячника, котораго всѣ мы знали за хорошаго человѣка. Смотрю, онъ присѣлъ на корточкахъ въ углу, куритъ и любуется на пожаръ.

— Эффенди,—говорю я,—весь городъ, кажется, сгоритъ.

— Что̀ дѣлать, — отвѣчаетъ, — огонь.

Вышелъ на пожаръ и мусьё Бертоме.

— Боже! какъ сильно горитъ! — А самъ ни съ мѣста. Я говорю ему: вы, мусьё Бертоме, низамовъ бы постращали немного.

Пошелъ, бѣдняга, стращать ихъ. Стоитъ одна кучка; сдѣлали честь, руки всѣ къ фескамъ приложили.

— Что не тушите пожаръ? — спрашиваетъ консулъ.

Молчатъ изверги.

— Вы бы тушили, — говоритъ. — Нехорошо, что̀ не тушите.

Одинъ *чаушъ* *) отвѣчаетъ ему:

— Что̀ же тушить, консулосъ-бей? Весь базаръ уже сгорѣлъ!

И то правда, что весь сгорѣлъ.

Вздохнулъ мосьё Бертоме и пошелъ домой.

— Что же вамъ сказать еще о пожарѣ этомъ? Нарочно ли

---

*) *Чаушъ* — унтеръ-офицеръ.

начальство зажгло базаръ или только тушить не хотѣло, не буду я говорить. Кто его знаетъ? Только одно скажу: и недѣли не прошло, какъ инженеръ пріѣхалъ (французъ или полякъ, не знаю), и началъ улицы прямыя и широкія проводить. И какіе дома на дорогѣ пришлись, то, какъ слышно, ихъ чинить не приказано, пусть себѣ падаютъ. Пять лѣтъ срока назначено. На помощь бѣднымъ погорѣлымъ изъ Константинополя денегъ, правда, прислали. Этого я не утаю. Стали строить люди новый каменный базаръ, а мутесарифъ ѣздитъ верхомъ и смотритъ каждый день и любуется. И цвѣта, какими стѣны должны быть расписаны, назначаетъ. Иные любятъ зеленый цвѣтъ, не велитъ. Отчего? Туркамъ простымъ угодить хочетъ; зеленый цвѣтъ у нихъ священный. Иные хотятъ себѣ лавки шахматами голубыми съ бѣлымъ раскрасить, чтобы милѣе было. «Нѣтъ, говоритъ начальство, нельзя!» Почему же нельзя? «Не знаемъ!» А мы, греки, знаемъ. Голубой съ бѣлымъ — эллинскіе цвѣта. Вотъ какая политика! Хозяева горюютъ, а паша смѣется. «Желтымъ красьте всѣ. Желтый цвѣтъ значитъ *зависть;* пусть всѣ чужіе нашему базару завидуютъ!» Подъѣхалъ разъ мутесарифъ къ одному новому дому и увидалъ, что надъ дверью двуглавый византійскій орелъ изъ камня высѣченъ. Зоветъ хозяина.

— Что это у тебя за птица?

— Птица, паша-господинъ мой! Каменщики любятъ меня и хотѣли мою дверь украсить.

— А зачѣмъ у нея двѣ головы? Такихъ птицъ съ двумя головами и не бываетъ. Богъ всѣхъ съ одной создалъ... Не любятъ тебя каменщики; когда бъ они тебя любили, они бы сдѣлали тебѣ птицу простую, съ одною головой. Сними ты мнѣ этотъ камень.

На другой день рано выѣхалъ паша, и люди не успѣли сбить орла.

— Ну, иди въ тюрьму, — сказалъ ему паша. — Не любятъ тебя каменщики.

Низамовъ судить и разбирать не стали, а поскорѣй отправили въ другой городъ, а на мѣсто ихъ изъ другого

полка привели. Кой-что изъ вещей и товаровъ собрали и вызывали людей смотрѣть, чьи вещи.

Пустое дѣло!

Поймали человѣкъ шесть христіанъ-воровъ, нашли и у нихъ вещи, и обрадовались турки: «Вотъ кто грабилъ! Ваши же люди!»

Встрѣтилъ я доктора, того, который въ Италіи учился, и говорю ему:

— Вѣдь это они сдѣлали, чтобы мы бѣднѣе были, чтобы насъ разорить?

— Богъ ихъ знаетъ! — отвѣтилъ мнѣ докторъ. — Можетъ быть, да; а можетъ-быть и нѣтъ. Я скорѣй думаю, что это отъ глупости, чтобы передъ свѣтомъ хвалиться: у насъ во всѣхъ городахъ прямыя улицы, какъ въ Парижѣ. Они и у своихъ турокъ въ Стамбулѣ, говорятъ, не тушили; прямыя улицы провели послѣ. У нихъ бредъ предсмертный ужъ начался: вѣрь мнѣ, другъ мой!

— Помоги Богъ! помоги Богъ! — сказалъ я и хотѣлъ проститься съ докторомъ.

А онъ мнѣ говоритъ:

— Слышалъ ты, что Стефанаки Пилиди изъ меджлиса выгнали?

— Возможно ли это? — говорю я.

— Такъ, другъ мой, возможно, что выгнали. Не вытерпѣла и его душа. Сталъ въ меджлисѣ о разореньи народа кричать и о своей шкатулкѣ. «Царское войско меня ограбило!» сказалъ онъ. А мутесарифъ ему: «Когда вы смѣете обвинять войско и власти такъ открыто и безъ доказательствъ, то зачѣмъ же здѣсь въ идаре сидите?» Старикъ всталъ и говоритъ: «Если угодно, я уйду и не ступлю на порогъ этотъ никогда!» «Добрый вамъ часъ!» говорятъ турки. Пилиди сдѣлалъ имъ *теменна* *) и вышелъ. Живетъ онъ теперь съ дочерьми у Катинки Хаджи-Димо, плачетъ и проклинаетъ турокъ.

«Зайти развѣ къ нему?» подумалъ я и на другой день пошелъ въ домъ Катинки.

*) *Теменна* — почтительный восточный поклонъ.

XIII.

Пришелъ я послѣ пожара къ Пилиди. Жалко мнѣ стало старика.

— Садись, — говоритъ, — киръ-Яни. Какъ твое здоровье?

Какъ-будто ничего не случилось; а самъ все вздыхаетъ и шепчетъ: «Христосъ и Панагія! Христосъ и Панагія!» И на меня не смотритъ, а все въ землю.

Сѣлъ я; спрашиваю:

— Какъ вы поживаете, киръ-Стéфо?

— Не спрашивай! — говоритъ, и опять вздыхаетъ: «Христосъ и Панагія!»

— Великое разрушеніе произошло, — говорю я ему.

— Грѣхи наши, грѣхи, киръ-Яни!

А потомъ какъ закричитъ:

— А? правительство это? А? правительство это? Скажи мнѣ? Видалъ ты войско, которое на пожарѣ грабитъ народъ? Видалъ, скажи?

— Видалъ, — говорю я. — Чтó жъ другое въ Турціи увидишь, кромѣ такихъ вещей!

— А! — кричитъ Пилиди, — чтобы весь родъ вашъ пропалъ! Вы хотите погубить наше богатство, которое мы трудами своими пріобрѣли! Чтобы мы не могли паликарамъ нашимъ деньгами помогать, когда они возьмутъ ружье и станутъ можжить ваши головы! Слышишь? слышишь? Впередъ идетъ Турція! Образованнаго мутесарифа намъ прислали. А онъ жжетъ базаръ! Слышишь ты, въ Парижѣ онъ видѣлъ широкія улицы! Франціи здѣсь захотѣлъ!

Я вамъ говорю, кричитъ, и слезы льются у старика.

Клянусь вамъ, хоть онъ и глупъ былъ и не патріотъ, и за мошенника я его считалъ, а жаль мнѣ все-таки его стало. Какъ не пожалѣть христіанина, который отъ турецкихъ безпорядковъ плачетъ!

Я утѣшаю его.

— У васъ, — я говорю, — въ Загорахъ имѣніе еще есть; накупите сукна въ Австріи опять, и опять торговать начнете.

— Не говори мнѣ такихъ словъ, киръ-Яни! У меня три большихъ дочери есть. Пока я опять разбогатѣю, старшая постарѣетъ; теперь ей восемнадцать лѣтъ; минетъ ей двадцать три года, кто ее возьметъ? Вѣдь у насъ, ты знаешь, за двадцать три года перейдетъ, говорятъ люди: стара ужъ.

— Найдутся женихи, — я говорю, — только снизойдете ли вы.

— Слышишь! Снизойду ли... Да я Софицу за бакала *) съ радостью теперь отдамъ. Снизойду ли! Чтó ты за слово сказалъ? Чтó я теперь! Безъ денегъ человѣкъ чтó такое?.. Ничего!

Я какъ вышелъ отъ него, такъ и написалъ письмо къ Костаки въ Акарнанію. «Онъ теперь, — пишу я ему, — снизойдетъ».

Костаки скоро пріѣхалъ изъ Акарнаніи съ греческимъ паспортомъ; только скоро женить мы его не могли. Много еще было хлопотъ. Какъ пріѣхалъ онъ, такъ сейчасъ его заперли турки въ тюрьму. «Ты,—говорятъ, — сюда бунтовать пріѣхалъ». Костаки говоритъ:—я греческій подданный, не райя. Теперь у султана съ Греціей миръ; за чтó же вы меня въ тюрьму сажаете? «Ты бунтовать пріѣхалъ».

Чтó было дѣлать? Греческаго консула еще нѣтъ, другіе почти мало мѣшаются... Думали, думали. Пошелъ я къ мусьё Бертоме, боится. Все улыбается да поглядываетъ на меня.

«Такъ взяли его турки?» Я говорю: «взяли». «Взяли?» говоритъ. «Взяли».—«Этакіе дьяволы!—говоритъ,—въ тюрьмѣ теперь?» Я говорю: «въ тюрьмѣ».

— «Сказано, турки!»

А самъ къ мутесарифу не идетъ. Слава Богу, черезъ добрыхъ людей написали въ вилайетъ; тамъ одинъ докторъ пошелъ къ Вали-пашѣ и просилъ его за Костаки. «Ваша справедливость извѣстна, — такъ докторъ Вали-пашѣ говорилъ, — Костаки жениться пріѣхалъ, а не бунтовать».

На комъ? — спрашиваетъ Вали.

---

*) *Бакалъ* — бакалейный торговецъ, мелкій лавочникъ.

Докторъ сказалъ на комъ. Вали говоритъ: «это дѣло доброе; только пусть въ Элладу поскорѣй уѣзжаетъ. Паликаръ онъ хорошій, только намъ такихъ не очень-то нужно!»

И далъ знать мутесарифу, чтобы выпустили изъ тюрьмы Костаки. Какъ вышелъ Костаки изъ тюрьмы, мы его обручили. Причесался онъ, одѣлся во все чистое, и пошли къ Пилиди.

Вышла и Софица нарядная; подошла, у Костаки руку поцѣловала и варенье и кофе намъ всѣмъ сама подала.

Я хотѣлъ было прижать старика, чтобы побольше денегъ новобрачнымъ далъ, зналъ я, что у него все-таки гдѣ-нибудь да спрятаны мѣшочки! Думаю: «Постой же, теперь обручили, весь нашъ городъ узналъ, и въ Янинѣ знаютъ люди черезъ пашу и доктора... Уговорю я Костаки постращать, что броситъ и осрамитъ дѣвушку». Но старушка Катинко на меня разсердилась за это: «Грѣхъ,—говоритъ,—этимъ шутить! онъ и самъ дастъ!»

И Костаки не хотѣлъ.

— Стыдно мнѣ это, — сказалъ онъ, — пусть по совѣсти дастъ.

И точно, въ тотъ же вечеръ подписали бумагу; самъ старикъ 150 турецкихъ лиръ назначилъ. Онъ дочерей жалѣлъ. Шелковыхъ платьевъ дали два, шерстяныхъ много; два платочка, золотомъ шитые, и одѣяло атласное алое записали, и много другихъ вещей попроще.

Турки гонятъ: «Поѣзжай, Костаки, скорѣе въ Элладу!» а тутъ съ архіереемъ хлопоты.

— Костаки греческій подданный; я не могу разрѣшеніе ему дать на Софицѣ жениться*).

Къ мутесарифу бѣжимъ.

*) Законъ Турецкой имперіи запрещаетъ дѣвушкамъ турецкаго подданства выходить за иностранныхъ подданныхъ. Законъ этотъ въ силѣ до сихъ поръ, но надо сказать правду, турецкіе паши въ этомъ случаѣ благоразумны и рѣдко преслѣдуютъ за его нарушеніе, лишь бы все сдѣлано было секретно и не нарушено было бы уваженіе къ власти посредствомъ явныхъ празднествъ и т. п.

Мутесарифъ говоритъ:

— Это дѣло пустое! Кто станетъ на это смотрѣть. Не бойтесь. Я скажу архіерею, чтобъ онъ не боялся.

Опять къ архіерею.

— Пусть паша мнѣ на бумагѣ приказаніе дастъ. А я безъ этого не могу. Патріархъ еще недавно писалъ мнѣ: острегайтесь, Высокая Порта строго требуетъ, чтобы законъ этотъ соблюдался...

— Такъ мы тайно его обвѣнчаемъ.

— Какъ знаете! А я узнаю, который попъ вѣнчалъ, такъ я его строгому церковному наказанію предамъ и прихода лишу.

Бросимся къ одному попу, къ другому, — всѣ боятся.

Опять къ пашѣ.

— Ваше превосходительство, вы бы изволили письменно разрѣшить архіерею.

— На что ему письменно. Это дѣло церковное. И въ этихъ дѣлахъ онъ не отъ меня, а отъ патріарха зависитъ.

Отыскалъ я одного стараго попа, котораго архіерей за безчинства, пьянство и за драки съ турками прихода лишилъ, но отлученъ онъ не былъ и вѣнчать могъ. Этому хоть десять братьевъ рядомъ поставь съ десятью родными сестрами, обвѣнчаетъ всѣхъ по очереди!

Обѣщалъ ему три лиры. Онъ говоритъ:

— Хорошо, три съ половиной мнѣ нужно, потому что съ портнымъ за новый подрясникъ такъ сторговался!

— Что жъ вы думаете, кончено все? Нѣтъ!

Вѣнчать будемъ тайно; только гдѣ? Пилиди боится, чтобъ его самого паша послѣ въ тюрьму не посадилъ. Каковъ же это срамъ былъ бы для стараго архонта! Надо сдѣлать такъ, что и отецъ какъ-будто этого не знаетъ!

Куда итти? Побѣжалъ я вечеромъ къ мадамъ Бертоме. Она (дай Богъ ей жить!) «съ радостью,—говоритъ, — съ радостью! Здѣсь консульство, и мы на себя все возьмемъ!» Мусьё Бертоме хотѣлъ сказать что-то, а она ему: «Хуже ты женщины!» Онъ и замолчалъ.

Сейчасъ затворили въ консульствѣ ставни; поставили

столъ и свѣчи. Попъ уже готовъ. Вино и хлѣбъ принесли. Пришла и Софица со старухой Катинкой; свидѣтелей достали, и поставили молодыхъ подъ вѣнецъ.

Попъ ихъ вѣнчаетъ, а я смотрю на Костаки: «Что́ за красавецъ! Какъ царскій сынъ стоитъ въ нашей народной одеждѣ».

Такъ мы ихъ обвѣнчали; а черезъ три дня въ Акарнанію отправили. Никто ни слова не сказалъ, ни архіерей, ни паша. Такъ поспѣшили ихъ отправить, что Софицы и платья не были всѣ сшиты, несшитыя взяла.

За день до отъѣзда ихъ, однако, мы повеселились хорошо. У Пилиди за городомъ былъ апельсинный садъ; всѣ мы и новобрачные пошли туда и скрипки наняли. Цыганка Анше плясала, и самъ старикъ въ *сирто* *) прошелся. Выпили мы всѣ и хорошо повеселились.

Было это весною, когда у насъ апельсины цвѣтутъ, и потому по всему саду благоуханіе какъ въ раю простиралось.

Выпилъ старикъ за здоровье Костаки, обнялъ его и закричалъ:

— Теперь ты хоть обижай, хоть пугай меня, хоть грязью меня закидай, а я любить буду. Дай мнѣ поправиться, и увидишь ты самъ, какъ я твое благородство цѣню.

Костаки его руку поцѣловалъ; а мы всѣ радовались на ихъ счастье.

Потомъ, какъ цыгане пошли въ сторону, подъ деревами поѣсть, говоритъ старикъ тихонько зятю:

— Вотъ ты уѣдешь скоро въ Грецію. Такъ я тебѣ, дитя мое, скажу, что мои молитвы будутъ объ одномъ: чтобы ты, какъ слѣдуетъ такому паликару, капитаномъ эллинскимъ поскорѣй съ оружіемъ въ рукахъ границу бы перешелъ и показалъ бы нашимъ тиранамъ, что́ значитъ эллинъ! А я тебѣ клянусь, тогда послѣдній піастръ вамъ на помощь пожертвую! Великій патріотъ Рига-Фереосъ сказалъ:

---

*) *Сирто* — самый обыкновенный изъ греческихъ танцевъ.

Лучше часъ одинъ свободной жизни,
Чѣмъ сорокъ лѣтъ рабства и тюрьмы.

Вотъ какъ возненавидѣлъ старичокъ турокъ за пожаръ!

Я былъ недавно въ Акарнаніи въ гостяхъ у Костаки. Они хорошо живутъ съ Софицей. Костаки барановъ накупилъ и домъ въ городѣ хорошій имѣетъ. Стѣны раскрашены и надъ лѣстницей представленъ садъ съ воротами большими, и на воротахъ двѣ зеленыя птицы сидятъ. Костаки за одинъ годъ уже много премудрости пріобрѣлъ: газеты читаетъ и на выборахъ иногда хорощо говоритъ.

Софица тоже много свободнѣе стала и за мужа умираетъ отъ любви.

Я говорю ей разъ, шутя:

— А мужъ тебя, кирія, не любитъ: не слушается; франкскаго платья не надѣваетъ. Я знаю, что ты боялась за него итти черезъ это.

Софица покраснѣла.

— Я, — говоритъ, — во всякомъ платьѣ обязана его любить. Онъ мнѣ мужъ.

А Костаки засмѣялся и сказалъ мнѣ:

— Ты не вѣрь ей. Она много меня вначалѣ этимъ тиранила, и тогда только душа ея успокоилась, когда ей случилось увидать, что одинъ номархъ да два депутата, оба образованные люди и великіе ораторы, фустанеллу носятъ.

АСПАЗІЯ ЛАМПРИДИ

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(1871 г.)

I.

Алкивіадъ Аспреасъ былъ родомъ изъ Корфу, но учился въ Аѳинахъ и тамъ провелъ послѣдніе годы. Ему было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, когда онъ задумалъ посѣтить Эпиръ и посмотрѣть, какъ живутъ его братья греки подъ турецкою властью.

Съ дѣтства онъ слышалъ вокругъ себя разговоры о православіи, о турецкомъ игѣ, о просвѣщенномъ деспотизмѣ Англіи, о ненавистной іонійцамъ римской пропагандѣ. Чаще всего слыхалъ онъ дома о дальней великой холодной странѣ, гдѣ царствуетъ мощный царь, котораго боятся другіе государи, гдѣ весь народъ молится такъ же, какъ молится его старый отецъ, гдѣ войску и церквамъ нѣтъ числа, и привыкалъ думать, что лишь бы захотѣлъ этотъ царь, лишь бы тронулось это несмѣтное войско, то и красныхъ мундировъ не осталось бы на живописной эспланадѣ нашего города, не осталось бы и тѣхъ свирѣпыхъ людей, которыхъ дикій берегъ высится за моремъ такъ близко отъ Корфу, ни даже проповѣдниковъ въ черныхъ мантіяхъ и широкихъ шляпахъ, съ лицами недобрыми и язвительными, которые жаждутъ вреда православной церкви.

Недалеко отъ Корфу, на горѣ, есть селеніе Гастури. По прекрасному шоссе коляска мчитъ къ нему чужеземца сквозь нескончаемый лѣсъ маслинъ.

Когда бы кто ни посѣтилъ это селеніе, — во всякій часъ дня, — онъ увидитъ у кофейни толпу однихъ и тѣхъ же молодыхъ и старыхъ мужчинъ, съ усами, въ соломенныхъ

шляпахъ и голубыхъ шальварахъ... Они курятъ или пьютъ умѣренно, или бесѣдуютъ у порога кофейни...

Однѣ и тѣ же высокія, полногрудыя молодыя женщины, осторожно спускаясь по камнямъ, живописно несутъ кувшины съ водой на головахъ, убранныхъ бѣлымъ покрываломъ и косами, перевитыми краснымъ... Какъ-будто однѣ и тѣ же старушки работаютъ у дверей своихъ пустыхъ и бѣдныхъ каменныхъ жилищъ... Тѣ же дѣти, румяныя и веселыя, бѣгутъ за коляской больше часа и кричатъ: «*Полдвола, пол-двола эфенди!*» Тѣ же отроковицы подаютъ вамъ молча маленькіе букеты цвѣтовъ и душистыхъ травокъ...

Работы этимъ людямъ мало.

— Оливковое дерево, государь мой, есть злѣйшій врагъ индустріи! Оно само кормитъ лѣнтяя! — говоритъ ученый грекъ.

И крестьянинъ іоніецъ сознается въ томъ же, только гораздо милѣе ученаго грека.

— Богъ и деревья неравными сдѣлалъ,—говоритъ онъ.— Есть деревья глупыя, и есть хитрыя деревья. Маслина, синьоръ мой, дерево глупое. Посадилъ его хоть бы дѣдъ мой, и никто у насъ больше не смотритъ за нимъ. Сдѣлай разъ на склонѣ горы около него небольшія грядки, чтобы маслинки, когда будутъ падать, не укатывались далеко—и сядь. Глупое дерево, безъ всякой работы, само тебѣ все даетъ. Иное дѣло виноградъ; это дерево лукавое и умное; убивайся надъ нимъ каждый годъ и убивайся много, иначе и не жди отъ него плода. И еще иной нравъ у апельсиннаго дерева. Работы оно много не ищетъ; оно хочетъ любви и ласки. Любишь ты его, синьоръ, и оно тебя любитъ. Ласкай его, смотри за нимъ, полей, когда нужно, береги его, и оно тебѣ дастъ доходъ... Не люби, и дохода не дастъ, не полюбитъ тебя!

Около этой живописной деревни Гастури, которую первую изо всѣхъ деревень Корфу всегда узнаетъ путешественникъ, былъ домъ и земля старика Аспреаса, отца Алкивіада.

Прежде старикъ былъ богаче, но потомъ нѣсколько обѣд-

пѣлъ. «Глупое дерево» хоть и не требуетъ ухода, но по глупости же своей иногда дастъ обильный доходъ, иногда же подъ рядъ много лѣтъ почти ничего не даетъ. Настали неурожайные годы. Иного земледѣлія на островѣ почти нѣтъ; онъ весь—сплошная оливковая роща.

Земли своей у крестьянъ почти нѣтъ; они обязаны сбирать оливки помѣщику и за это берутъ себѣ половину сбора. Что́ жъ было дѣлать, когда грядки подъ деревьями уже столько лѣтъ стояли пустыми? Потомъ пришли другія невзгоды; неудачные торговые обороты. Старшая дочь вышла замужъ за аѳинскаго грека, и ей надо было дать хорошее приданое. Старшій сынъ подросталъ—его хотѣлось, по примѣру другихъ архонтовъ, послать учиться или въ Европу или хоть въ Аѳинскій университетъ. Были и другія дѣти.

Пробилъ часъ преній объ избраніи Альфреда и о присоединеніи къ Элладѣ семи островов.

Старикъ Аспреасъ ненавидѣлъ «красныхъ дьяволовъ» хуже чѣмъ турокъ. Не любилъ ихъ гордость, говорилъ, что они развращаютъ простой народъ тѣмъ, что сорятъ деньгами, пріучая даже малыхъ дѣтей бѣгать за экипажами, когда дома есть кусокъ хлѣба; не признавалъ заслугъ Каннинга, утверждая, что филэллиномъ онъ никогда и не былъ, а далъ Наваринскую битву, чтобы только Россія не одна спасла Грецію и не была въ ней потомъ всемощною; не могъ простить англичанамъ дѣло жида Пачифико, смерть Каподистріи и севастопольскій погромъ.

Во все время, пока шли на островахъ пренія о томъ: отказаться ли отъ протектората? присоединиться ли къ Греціи или нѣтъ? старикъ Аспреасъ трудился, уговаривалъ, подкупалъ даже, не жалѣя средствъ, подвергался опасностямъ, лишь бы только не видать больше «красныхъ дьяволовъ», которые, сверхъ политическихъ преступленій своихъ, не вѣрятъ и въ святость мощей св. Спиридона, покровителя моряковъ и заступника корфіотскаго,—св. Спиридона, которому и турки проѣзжіе покланяются и даютъ дары.

Дѣло кончилось такъ, какъ этого желалъ старикъ: «красные мундиры» ушли. Но послѣ ихъ ухода онъ сталъ еще бѣднѣе. Расходы во время подачи голосовъ были велики. Демократическая Эллада дала больше правъ и больше независимости крестьянамъ, живущимъ на помѣщичьей землѣ. Доходы стали еще меньше; торговля острова упала; дороги начали портиться.

Старикъ вздыхалъ, но не роптал.

— Пусть только «Господи помилуй» (такъ звалъ онъ Россію) будетъ крѣпокъ; все поправится. Пусть только *вагабонда*-Наполеона прогонятъ, да варвара *Агу* спровадятъ туда, откуда принесъ его сатана за наши грѣхи... тогда и торговля будетъ, и порядокъ, и миръ, и согласіе, и все хорошее на землѣ.

— Да что́ же вамъ за дѣло до русскихъ? Русскіе далеко, — спрашивали его люди.

— Греко-россійской церкви мы покланяемся, ты знаешь это, человѣче! — отвѣчалъ старикъ.

У такого отца выросъ въ домѣ Алкивіадъ. Старикъ, какъ и всѣ пожилые люди въ Корфу, какого бы они ни были званія, былъ страшный руссофилъ.

Такихъ людей много на семи островахъ. И многіе молодые люди дѣлятъ ихъ убѣжденія. Долгое занятіе острововъ русскими войсками оставило тамъ прекрасное воспоминаніе. Имена Ушакова и другихъ генераловъ русскихъ живутъ въ памяти людей и до сихъ поръ. Одна изъ улицъ, выходящихъ на Красную площадь Корфу, зовется «одо̀съ Ушаковъ» — улицей Ушакова.

До прибытія русскихъ въ Корфу не было православнаго епископа. Русскіе учредили епископскую каѳедру въ Корфу. Въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія корфіоты ясно почувствовали, съ прибытіемъ русскихъ, что они точно греки, а не венеціанцы. Они увидали, какъ гордые русскіе начальники чтили православную церковь и какъ смиренно молились въ ней страшные русскіе солдаты.

Самые солдаты эти были страшны только на первый видъ. Они были добрые и простые люди. Звали грековъ

«братъ»; любили выпить и пѣсню спѣть; боялись и слушались начальства...

Случалось, что русскіе и наказывали корфіотовъ тѣлесно, но «они и своихъ за безпорядки наказывали еще строже», говорятъ корфіоты.

Живутъ и теперь въ городѣ Корфу два старика, одинъ бѣдный, а другой богатый. Богатому уже подъ девяносто лѣтъ; бѣдный гораздо моложе. Богатый не знатенъ, онъ разжился торговлей; бѣдный изъ старой семьи.

Богатый скупъ до того, что его разъ нашли полумертвымъ отъ голода на кровати. Слугъ онъ не держитъ, дверь была заперта, и доктора, чтобы спасти его, взошли въ окошко по лѣстницѣ; съ тѣхъ поръ онъ сталъ ѣсть побольше.

Онъ ходитъ всегда не шевеля руками и отставляетъ ихъ подальше отъ тѣла, потому что портной разъ сказалъ ему, что рукава подъ мышками дольше не рвутся у тѣхъ, кто такъ ходитъ. Никто не слыхалъ и не видалъ никогда, чтобъ этотъ человѣкъ заплатилъ въ кофейнѣ за чашку кофе или за стаканъ лимонада. Однажды онъ упалъ на улицѣ въ обморокъ отъ слабости (а можетъ-быть и отъ голода); сбѣжались на помощь люди; старикъ казался почти бездыханнымъ. Кто-то закричалъ изъ толпы:

— Отвезти его въ наемной коляскѣ домой.

Старикъ встрепенулся.

— Дойду пѣшкомъ,—прошепталъ онъ,—помогите мнѣ немного. Зачѣмъ платить за коляску.

У него нѣтъ ни привязанностей, ни страстей. О родныхъ, которые далеко, онъ не думаетъ. Проценты съ капитала своего на вѣки онъ хочетъ завѣщать бѣднымъ за упокой своей души... Но у него есть одна страсть, одна святыня—Россія.

Поутру и вечеромъ, вставая и ложась, онъ прежде молился за свою душу, а потомъ за Россію. Онъ блѣднѣетъ и шипитъ какъ змѣя, когда слышитъ порицанія русскимъ или Россіи. Когда бы онъ не былъ чуть живъ отъ слабости, онъ билъ бы «негодяевъ», которые смѣютъ осквернять даже въ шутку эту святыню...

— А Эллада?—говорятъ ему.

— Дьяволъ ее возьми!—шипитъ злобно старикъ.

Другой старикъ гораздо моложе. Онъ бѣдно одѣтъ, но бодръ, страстенъ и подвиженъ. Его вы встрѣтите вездѣ: и въ церкви, и въ кофейнѣ, и на прогулкахъ; онъ слѣдитъ за политикой, за газетами, споритъ громко на улицахъ; шумитъ и бранится!..

Одно воспоминаніе о Западной Европѣ возбуждаетъ его гнѣвъ... Молодые люди, даже мальчики простые на улицахъ знаютъ его страсть къ Россіи и затрагиваютъ его,

— Чортъ бы побралъ Россію!—шепчетъ ему мальчишка... и бѣжитъ далеко. Иначе имъ было бы плохо. Случалось, что онъ бросался и на взрослыхъ людей въ кофейняхъ за подобныя слова, которыхъ онъ даже и въ шутку не сноситъ...

Но, быть можетъ, только эти два чудака безъ вѣса и силы думаютъ такъ? Едва ли! Вотъ идетъ, обнаживъ саблю передъ ротой, подъ звуки музыки, лихой и солидный офицеръ съ русой эспаньолкой. За ротой спѣшитъ народъ, идутъ и хорошо одѣтые люди, и не нарадуются на своихъ солдатъ! Впереди, передъ музыкантами, маршируютъ въ тактъ оборванные мальчишки, свищутъ, вторятъ маршу, и одинъ за другимъ отъ радости катаются колесомъ передъ войскомъ... Что думаетъ этотъ бравый офицеръ съ обнаженною саблей? Онъ читаетъ по вечерамъ предсказанія *Агаѳангела* *) о «новомъ государѣ французскомъ, который ведетъ на бойню безумныхъ французовъ»... «И ты, хитрая лисица, (Англія) потеряешь свой хвостъ!» говоритъ *Агаѳангелъ*. «И царству агарянъ будетъ конецъ, когда бѣлокурое племя вступитъ въ Царьградъ и отыщетъ для христіанъ новаго царя Іоанна, который спитъ теперь за невидимою дверью въ святой Софіи...»

Старый графъ Іонійскій, у котораго такое прекрасное имѣніе съ садомъ и цвѣтами на берегу моря и который

---

*) *Агаѳангелъ* — книжка, въ которой собрано множество разныхъ предсказаній о событіяхъ европейской исторіи. Она очень распространена на Востокѣ.

часто гуляетъ до полуночи въ тѣни аллеи по эспланадѣ, *Агаѳангела* не читаетъ; онъ вѣритъ въ Англію; но вѣритъ онъ въ нее не иначе, какъ въ соглашеніи съ русскими.

Эти молодые щеголи, которые шумятъ по кофейнямъ, съ небрежностью крестясь, входятъ лишь на минуту въ церковь святого Спиридона и возмущаютъ своимъ видомъ набожныхъ людей; о чемъ они думаютъ? Они думаютъ больше всего о любовницахъ своихъ, конечно, и о томъ, будетъ ли зимой въ Корфу итальянская опера, но они привѣтствуютъ криками радости, бьютъ въ ладоши на улицѣ при каждой новой вѣсти о пораженіи французовъ. Отчего они рады побѣдамъ пруссаковъ? Какое добро сдѣлали имъ Бисмаркъ и Германія? Не Бисмаркъ и не Германія радуютъ ихъ... Радуетъ ихъ иное. Ошибочно или нѣтъ, но они видятъ вдали за германскими тріумфами иную тѣнь: грозную тѣнь Восточнаго вопроса! Ихъ радуетъ, что люди простые шепчутъ другъ другу: «Разница между *Пруссія и Россія* одна буква *П*. Наша Ольга племянница русскому государю и внучка государю прусскому. Намъ только это и нужно».

Поэтому о прусскихъ бомбахъ кричитъ и острякъ-продавецъ холодной ключевой воды, который душнымъ вечеромъ возитъ по площади между гуляющими свою телѣжку, разубранную зеленью.

— Вотъ онѣ, прусскія бомбы, послушайте, какъ летятъ,— кричитъ онъ, чтобы въ темнотѣ люди поняли, что телѣжка съ ключевой водой недалеко.

Похолодѣло время, онъ бросилъ воду и поставилъ раекъ на площади.

— Идите, смотрите,—кричитъ онъ,—какъ французы бѣгутъ изъ Россіи въ тысяча восемьсотъ двѣнадцатомъ году!

Вотъ идетъ видный, пожилой мужчина, одѣтый со вкусомъ; онъ богатъ, онъ не разъ былъ министромъ. Онъ врагъ Россіи, говорятъ... Пусть проходитъ онъ мимо! Всѣ зовутъ его жидомъ и никто его не уважаетъ.

Дороже его стократъ эти бѣдные мальчики, которые катаются колесомъ передъ военной музыкой, когда она

идетъ утромъ въ королевскій дворецъ. И въ ихъ сердцахъ зарождаются сѣмена будущихъ чувствъ, и они уже знаютъ по опыту, какъ выгодно продавать на площади тѣ телеграммы, въ которыхъ есть новые слухи о русской политикѣ на Востокѣ... Они видятъ, что ту телеграмму, въ которой болѣе печаталось о Россіи и Греціи, разослали хозяева не на простой бумагѣ, а съ изображеніемъ богини Аѳины въ заглавіи. Нѣтъ нужды, что мальчики эти не знаютъ, кто была Аѳина. Они видятъ и понимаютъ въ ней молодого воина въ шлемѣ, готоваго къ битвѣ.

Отецъ Алкивіада не подвергался шуткамъ, какъ подвергаются иногда тѣ два старика руссофилы; вѣсъ его въ городѣ былъ великъ; одна англичанка путешественница, которую онъ повелъ смотрѣть городъ, удивлялась: сколькіе люди кланяются ему и сколькимъ онъ долженъ отвѣтить.

— Вамъ нужно шесть шляпъ каждый годъ. У васъ поля шляпы, я думаю, рвутся,—сказала она ему.

Голосъ его былъ во всѣхъ дѣлахъ однимъ изъ первыхъ, и на всѣхъ офиціальныхъ празднествахъ, на всѣхъ церковныхъ процессіяхъ, на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ старикъ Аспреасъ являлся однимъ изъ главныхъ представителей города.

Сѣдой, спокойный, здоровый, съ веселымъ и добрымъ лицомъ, съ сѣдыми усами, въ хорошемъ черномъ фракѣ, съ кавалерскимъ крестомъ Спасителя и тѣмъ мѣднымъ геройскимъ крестомъ, который раздавался по окончаніи войны за независимость Греціи тѣмъ, кто принималъ въ ней участіе, старикъ Аспреасъ внушалъ всѣмъ уваженіе, и самая рѣчь его, простая, тихая, даже однообразная, въ которой свѣтился сквозь все одинъ и тотъ же стихъ, одинъ и тотъ же припѣвъ: «Греко-россійской церкви мы поклоняемся», пріятно дѣйствовали и на тѣхъ, кто не былъ глубоко убѣжденъ, какъ онъ.

Восемнадцати лѣтъ Алкивіадъ простился съ отцомъ и уѣхалъ учиться въ Аѳины... Чрезъ годъ онъ вернулся на лѣто къ отцу уже инымъ...

Сперва онъ сталъ англоманъ, а потомъ туркофилъ какого-то особаго рода...

Отецъ слушалъ его сначала съ удивленіемъ, потомъ съ гнѣвомъ, потомъ уже снисходительно и съ пренебреженіемъ.

— Молодость и глупость: пройдетъ молодость, пройдетъ съ нею и глупость, — говорилъ почтенный человѣкъ, и такъ былъ спокоенъ и свѣтелъ, такъ радостно глядѣлъ въ глаза собесѣднику, что и тому казалось на мигъ «все это вздоромъ», казалось, что вся политическая мудрость, вся дальновидность, вся исторія борьбы Востока и Европы заключаются въ одномъ простомъ словѣ стараго архонта: «Греко-россійской церкви мы поклоняемся, человѣче!»

Алкивіадъ любилъ отца, чтилъ его какъ благороднаго патріота и никогда не спорилъ съ нимъ грубо. Но такъ же, какъ отецъ весело улыбался говоря о сынѣ, такъ и сынъ улыбался говоря объ отцѣ.

— Бѣдный отецъ! — восклицалъ онъ съ чувствомъ любви и уваженія.—Бѣдный отецъ! Онъ еще все отъ Россіи ждетъ чего-то... Времена Ушакова еще не миновали для него. Бѣдный отецъ!

II.

Сестра Алкивіада, которая была замужемъ за аѳинскимъ грекомъ и жила всегда въ Аѳинахъ, была женщина умная, ученая и красивая, хорошая мать и честная супруга. Ее упрекали лишь въ трехъ недостаткахъ: въ томъ, что брови ея были уже слишкомъ густы и мужественны; въ томъ, что она была очень честолюбива и за себя, и за мужа, и за брата, и за всѣхъ близкихъ ей; а иные еще въ томъ, что она любила писать и говорить иногда уже слишкомъ высокопарно, безъ нужды.

Но въ этомъ послѣднемъ упрекали ее очень немногіе. Нынѣшніе образованные греки болѣе похожи на риторовъ временъ паденія древняго міра и на византійцевъ, чѣмъ на эллиновъ временъ Платона и Софокла.

Мать Алкивіада умерла, едва родивъ его, и первыя заботы о младенцѣ выпали на долю сестры, которая тогда уже была взрослою дѣвушкой. Поэтому братъ сохранилъ къ ней сыновнее чувство, которое и впослѣдствіи поддерживалось ея умственнымъ вліяніемъ на него и тѣмъ увлеченіемъ, которое внушалъ брату ея патріотизмъ и образованность. Онъ гордился сестрой предъ другими. Еще при королевѣ Амаліи она ѣздила ко двору, и хотя уже и тогда ей было лѣтъ тридцать, однако и мужъ и братъ гордились ею, когда она въ торжественныхъ случаяхъ выходила предъ людьми съ длиннымъ шлейфомъ, со своими строгими бровями, римскимъ носомъ, въ маленькой фескѣ набекрень и въ бархатной греческой курткѣ, расшитой золотомъ, одѣтая такъ, какъ одѣвалась сама королева.

«Богиня, — шептали люди, — Аѳина - Паллада! Нѣтъ, не Паллада; это Бобелина!» И Алкивіадъ слышалъ этотъ шопотъ и радовался и еще больше слушался сестры.

Она отсовѣтовала ему учиться медицинѣ. «Что̀ за поприще для тебя, мой другъ, быть врачомъ?—говорила она ему.—Поприще безъ простора, безъ повышеній. Посвяти себя политическому поприщу. Въ свободной странѣ, подобно нашей Элладѣ, на какую высоту, скажи мнѣ, не открытъ блестящій путь государственному мужу?»

Алкивіадъ занялся законодательствомъ и бросилъ медицину.

Сестра нанесла первый ударъ его прежнимъ дѣтскимъ убѣжденіямъ.

— Что̀ общаго, — говорила она, — между русскимъ кнутомъ и благородною эллинскою націей? между деспотизмомъ и свободой? между скиѳскимъ сѣвернымъ мракомъ и граціей Юга? Эллины призваны во имя свободы, во имя всего священнаго положить предѣлы распространенію славянскаго великана на Югъ и Востокъ. Эллины призваны разбить глиняныя ноги этого мрачнаго кумира, которому поклонялось до сихъ поръ наше невѣжество... Эллинъ и только эллинъ, никто другой, долженъ разсѣять по Востоку лучшій цвѣтъ европейскаго просвѣщенія.

Мужъ сестры Алкивіада мало имѣлъ вліянія на молодого человѣка. Онъ былъ толстый, здоровый, довольно богатый и лукавый простакъ. Любилъ жену, любилъ дѣтей, любилъ попить. Былъ не лишенъ трудолюбія, опытности въ дѣлахъ и здраваго смысла. Увлечь, обмануть его никто не могъ; но и онъ зато не въ силахъ былъ никого увлечь. Мнѣній онъ опредѣленныхъ не имѣлъ; соображался съ обстоятельствами и очень удачно, благодаря правилу: «спѣши медлительно!» Занималъ въ теченіе жизни своей много разныхъ должностей, избѣгая крушенія нерѣдко тамъ, гдѣ не спасали ни даровитость, ни патріотизмъ, ни краснорѣчіе, ни смѣлость, ни связи.

Восхваляя при случаѣ (и какъ нельзя солиднѣе и спокойнѣе) эллинскую свободу, конституцію и равенство и всю прелесть политическихъ преній и борьбы, онъ обезпечилъ себя и семью свою исподволь капиталомъ въ деспотической Россіи и варварской Турціи, подальше отъ конституціи, отъ равенства и блестящихъ преній. Жена его въ этомъ была согласна съ нимъ и восклицала: «Всѣ экономическіе вопросы я предоставляю мужу! Это его часть».

Такъ жилъ себѣ хорошо въ Аѳинахъ усатый, здоровый толстякъ; никого не боялся и несмотря на то, что ѣздилъ ко двору и сносился съ посланниками, дома жилъ просто и умѣренно, стараясь показать, что онъ старинный и простой человѣкъ, который ни въ комъ не нуждается.

«Нашу Палладу надо изображать не съ совой, а съ медвѣдемъ!» — говорили остроумцы и звали его «Туркомъ», «Агой», до тѣхъ поръ, пока одинъ молодой человѣкъ не прозвалъ его еще злѣе по-турецки «Гайдаръ-эффенди». (Гайдаросъ по-гречески значитъ оселъ).

Алкивіадъ терпѣть не могъ своего зятя, хотя жилъ у него въ домѣ; никогда съ нимъ не спорилъ и занималъ иногда по молодости у него деньги. Но у толстаго Гайдаръ-эффенди былъ двоюродный братъ Александръ Астрапидесъ.

Онъ былъ еще молодъ, хотя и много постарше Алки-

віада, и славился краснорѣчіемъ, умомъ, отвагой и красотой. Астрапидесъ подружился съ Алкивіадомъ и докончилъ то, что начала сестра. Изъ руссофила молодой студентъ постепенно сталъ пылкимъ приверженцемъ англійской партіи.

И точно, Астрапидесъ былъ увлекателенъ и даровитъ.

Красивая наружность его была такова, что встрѣтить его въ горахъ съ глазу на глазъ и не зная, кто онъ, едва ли бы было пріятно и храброму человѣку.

Казалось, модный фракъ, лакированные сапоги и французскія перчатки его были на немъ не одеждой, а лишь минутнымъ костюмомъ необходимости, и, когда онъ взглядывалъ своимъ взглядомъ и блестящимъ, и любезнымъ, по нуждѣ и свирѣпымъ, когда его недобрая душа просилась наружу, казалось, что спадутъ съ него сейчасъ и модный фракъ, и перчатки, и шляпа... и вмѣсто оратора и свѣтскаго человѣка предстанетъ предъ смущеннымъ собесѣдникомъ неукротимый и алчный горецъ въ фустанеллѣ, забрызганной кровью... и положитъ руку на золотой поясъ, за которымъ уже сверкаетъ ятаганъ.

И борода у Астрапидеса была густая, черная, и походка отважная, и голосъ громкій, и ростъ высокій. Алкивіада онъ любилъ, однако, искренно, и при встрѣчахъ съ нимъ и взглядъ его становился благодушнѣе, и голосъ ласковѣе, и шутки его съ Алкивіадомъ были шутки брата, а не коварнаго пріятеля.

Астрапидесъ перепробовалъ съ раннихъ лѣтъ свои силы на разныхъ поприщахъ. Былъ военнымъ, былъ депутатомъ, издавалъ два раза журналъ, статьи писалъ всегда, и писалъ прекрасно, сильно и безъ всякихъ украшеній риторства. Впавъ въ одно время въ нужду, вслѣдствіе того, что въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ пало, одно за другимъ, до пяти министерствъ, онъ не побрезгалъ торговать макаронами и канатами.

Онъ принималъ участіе въ движеніи противъ короля Оттона тогда, когда еще такое участіе было очень опасно,

когда еще не зналъ никто, что это рискованная игра кончится такъ легко и просто...

Астрапидесъ въ послѣднее время сталъ приверженцемъ Англіи и въ статьяхъ своихъ, и въ самыхъ секретныхъ разговорахъ своихъ съ друзьями.

Въ послѣднее время, послѣ неудачныхъ исходовъ критскаго возстанія, онъ понемногу сталъ прибавлять къ англоманіи и свою новую мысль о сближеніи Эллады съ Турціей, для совокупнаго дѣйствія противъ «всесокрушающаго потока панславизма». Вся прошедшая исторія новой Греціи была для него заблужденіемъ и несчастіемъ. Онъ оправдывалъ Мавромихали въ убійствѣ Каподистріи, порицалъ охотниковъ-грековъ, которые сражались за русскихъ въ Крыму; проклиналъ Россію за ея непрошенную дружбу и услуги, которыя заслужили въ Греціи названіе *русской батареи, направленной противъ Турціи и Европы.*

Онъ находилъ возраженіе на все. Единственныя сочувствія корфіотовъ высшаго круга къ Россіи онъ приписывалъ ихъ аристократическимъ привычкамъ, ихъ воспитанію, сходному, по его словамъ, съ русскимъ, основанному на рабствѣ и обязательномъ трудѣ поселянъ, ихъ ханжеству, ихъ любви къ церковнымъ обрядамъ и процессіямъ.

Однажды Астрапидесъ вмѣстѣ съ Алкивіадомъ, въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ и сухихъ зимнихъ дней, которыми такъ богата Аттика, сидѣли въ Акрополѣ, на ступеняхъ Пропилей.

Астрапидесъ говорилъ о великомъ будущемъ новой Греціи, о «великой идеѣ».

Печальное сомнѣніе закралось на мигъ въ душу Алкивіада, и онъ, желая, чтобы Астрапидесъ убилъ въ немъ это сомнѣніе, сказалъ ему:

— Возрождаются ли народы въ третій разъ? Міръ имѣлъ Грецію, Ѳемистокла и Сократа; имѣлъ византійское государство... Можетъ ли повториться Византія снова?..

— Не Византія поповъ и деспотическихъ государей! — воскликнулъ Астрапидесъ.—Греція—истинной демократіи и

чистаго деизма. Каиръ*), можетъ быть, явился минутнымъ провозвѣстникомъ этого будущаго. Другъ мой!—скажи мнѣ, гдѣ въ Европѣ найдешь ты это полное жизни соединеніе равенства и свободы? Франція — страна равенства, но не примѣръ свободы; Англія — страна свободы, но не въ ней долженъ изучать мудрецъ законы развитія гражданскаго равенства. Только здѣсь (Астрапидесъ указалъ рукой на веселый городъ, который безъ звука двигался и жилъ у ногъ ихъ), только здѣсь и въ Америкѣ эти два великіе принципа вступили въ возвышенную гармонію... Что общаго, мой другъ, между этою свѣтлою, благородною Греціей и мрачнымъ Ариманомъ Сѣвера? Ихъ духовная связь — плодъ невѣжества толпы, для которой колокольный звонъ еще дороже простыхъ и возвышеныхъ идей, доступныхъ намъ съ тобою. Примиримся съ Турціей; вернемъ ей довѣріе нашею умѣренностью, нашею искренностью, и ты увидишь плоды этого раньше, чѣмъ думаешь... Нашъ образъ мыслей быстро проникаетъ въ умы грековъ, подвластныхъ султану. Та же самая Россія, увлекаемая событіями, поддержитъ права христіанъ и будетъ склонять Турцію къ новымъ реформамъ. Западъ, чтобы не уступить первенства, будетъ дѣлать то же; утроитъ, учетверитъ число христіанскихъ пашей въ странахъ, подвластныхъ Турціи; вооружатся, подъ знаменемъ султана, христіанскіе полки; тогда я первый возвышу голосъ за что хочешь, я готовъ буду сказать: пусть Эллада свободная присоединится къ Турціи... Мы потопимъ Турцію; не лѣнивому турку, не болгарину, не грубому сербу, не легкомысленному валаху бороться съ эллиномъ духовно. Духовное умственное вліяніе будетъ за насъ. Надъ этою обширною ареной, открытою греческому уму и греческой энергіи до *рокового часа*, будетъ носиться безвредная, безсильная тѣнь исламизма, нѣкое подобіе власти, которое намъ

---

*) Каиръ, Каиросъ — извѣстный въ Греціи деистъ; онъ основалъ, послѣ освобожденія эллиновъ, школу, гдѣ проповѣдовалъ чистый деизмъ. Стеченіе учениковъ было большое, и греческое правительство принуждено было закрыть ее.

будетъ необходимо до этого рокового дня и часа, чтобы завоевать себѣ довѣріе Европы и чтобы дать отпоръ тѣмъ грубымъ славянскимъ началамъ, которыхъ пока еще много въ Турціи, вслѣдствіе нашего невѣжества, вслѣдствіе нашей лжи, нашихъ же ошибокъ, нашего безумія, безтактнаго революціонерства, ложной основы православныхъ сочувствій...

Тогда Алкивіадъ понялъ, что для Астрапидеса Англія и Турція — не что иное, какъ болѣе вѣрныя орудія эллинскаго прогресса, чѣмъ Россія и православіе.

Скоро и онъ сталъ проповѣдовать то же и такъ горячо, что даже сестра его стала расходиться съ нимъ. Она согласна была въ основаніяхъ, но съ трудомъ допускала, чтобы тѣмъ можно было увлечь народъ до сближенія и союза съ турками.

III.

У Астрапидеса было имѣніе въ Акарнаніи, довольно хорошій домъ, бараны и небольшіе посѣвы.

Во время выборовъ Астрапидесъ всегда уѣзжалъ туда; онъ пользовался большимъ вліяніемъ на селянъ, и въ Аѳинахъ многіе обвиняли его въ тайныхъ сношеніяхъ съ разбойниками.

Иные говорили, что онъ получаетъ деньги отъ англичанъ; а другіе подозрѣвали, что между англичанами, Астрапидесомъ и разбойниками существуетъ тайная связь, но такъ, что каждый ищетъ обмануть другого. Англичане желаютъ, съ одной стороны, имѣть за себя въ печати и на выборахъ даровитаго и энергическаго дѣятеля, а съ другой — очень рады, чтобы въ Греціи не прекратились безначаліе и разбои. Разбойники ведутъ свои расчеты, зная, что они необходимы такимъ людямъ, какъ Астрапидесъ... Астрапидесъ же, утверждали люди, и Англію отвергнетъ, когда найдетъ что-либо лучшее. Алкивіаду говорили объ этомъ многіе, но онъ не хотѣлъ вѣрить этому. Вскорѣ пришлось ему убѣдиться, что эти обвиненія были справедливы.

Астрапидесъ пригласилъ его съ собою на выборы въ Акарнанію, и рѣчь его была такъ убѣдительна, что Алкивіадъ согласился съ удовольствіемъ.

— Ты увидишь эту прекрасную, суровую родину нашихъ боевыхъ капитановъ... Акарнанія, которой роль была такъ темна и ничтожна въ исторіи древней Эллады, въ исторіи послѣдняго возрожденія нашего играетъ самую блестящую роль. Ты увидишь Мисолонги... что̀ я прибавлю къ этому?! Тѣнь лорда Байрона будетъ парить надъ нами. Я знаю, ты одаренъ поэтическимъ чувствомъ и съ радостью увидишь нашихъ рыцарскихъ капитановъ, наши дубовые лѣса, которыхъ жолуди кормятъ цѣлыя селенія... *) Увидишь наши дома. Въ нашемъ домѣ, напримѣръ (прибавилъ соблазнитель съ улыбкой), ты увидишь бойницы, онѣ заложены камнями и замазаны известью въ обыкновенное время: но во время выборовъ ихъ открываютъ, потому что иногда отъ спора дѣло доходитъ у насъ и до...

Тутъ Астрапидесъ пріостановился и, зорко взглянувъ еще разъ на Алкивіада, прибавилъ какъ бы шутя:—Увидишь вѣроятно и разбойниковъ нашихъ. Посмотри, какіе молодцы. Ты, который говоришь, что ненавидишь положительный духъ купечества и вѣчнаго порядка... ты увидишь ихъ, я увѣренъ, съ удовольствіемъ...

— Гдѣ жъ я ихъ увижу? Не отдаться же мнѣ имъ въ плѣнъ изъ любопытства?—спросилъ Алкивіадъ.

— Увидимъ и безъ плѣна. Вѣдь и они люди.

Алкивіаду показались послѣднія слова до того подозрительными, что онъ поколебался на минуту.

Онъ не вѣрилъ, что безпорядки и разбои единственное и лучшее средство для эллинскаго прогресса, и честному сердцу его примириться съ іезуитскими средствами было не легко. Онъ отвѣчалъ Астрапидесу, что подумаетъ, но въ тотъ же вечеръ чуть за него не поссорился съ зятемъ, и съ досады, не желая оставаться больше у зятя въ домѣ, уѣхалъ съ Астрапидесомъ въ Акарнанію.

*) *Жолуди* кормятъ народъ въ томъ смыслѣ, что ими торгуютъ для дубленія кожъ и другихъ цѣлей.

Ссора случилась за ужиномъ.

Алкивіадъ сталъ говорить о краснорѣчіи Астрапидеса, о необыкновенныхъ его дарованіяхъ и о томъ, что онъ зоветъ его съ собою на выборы.

— Краснорѣчивъ онъ, это правда, и даровитъ; а англійскіе фунты стерлинговъ еще краснорѣчивѣе и даровитѣе. Они хоть кому озолотятъ рѣчь,—сказалъ насмѣшливо толстый Гайдаръ-эффенди.

Завязался горячій споръ, который сестра Алкивіада напрасно пыталась смягчить, воздерживая то мужа, то брата.

Алкивіадъ разгорячился до того, что сказалъ зятю: «Твои уста не озолотятся никакими сокровищами ни Запада, ни Востока. Твои нападки на Астрапидеса — злобное шипѣніе зависти къ высокому государственному таланту»...

Зять, съ своей стороны, обозвалъ Астрапидеса уже прямо подкупленнымъ агентомъ Англіи и пристанодержателемъ разбойниковъ, а Алкивіаду сказалъ, что онъ напрасно *ѣстъ хлѣбъ* и занимаетъ деньги у человѣка, котораго презираетъ и считаетъ глупцомъ...

Алкивіадъ всталъ изъ-за стола и ушелъ, несмотря на мольбы сестры, къ Астрапидесу на квартиру.

Оттуда написалъ онъ къ сестрѣ нѣжное, почтительное письмо, упрашивая ее простить ему *«эту понятную вспыльчивость»* и сказать мужу, что долгъ онъ ему по возвращеніи въ Аѳины постарается заплатить.

Чрезъ двѣ недѣли они съ Астрапидесомъ сидѣли неподалеку отъ селенія, въ тѣни прелестной дубовой рощи. Около нихъ на лужайкѣ паслись овцы, мирно бряцая колокольчиками.

Астрапидесъ былъ задумчивъ и жаловался, что выборы не совсѣмъ хороши. Напрасно лилось вино въ его домѣ, напрасно жарились бараны и куры,—рѣчи его, приспособленныя къ понятіямъ селянъ, лились еще обильнѣе вина... Надежды были слабы; особенно въ двухъ селахъ люди обнаруживали совсѣмъ не то направленіе, котораго искалъ Астрапидесъ.

Алкивіадъ слушалъ его жалобы и раздѣлялъ искренно его досаду...

Въ это время подошелъ къ нимъ пастухъ Астрапидеса и отозвалъ его въ сторону.

— Говори при этомъ человѣкѣ: онъ первый другъ мой.

Пастухъ колебался.

— Говори! — грозно сказалъ Астрапидесъ.

— Какъ хотите! — отвѣтилъ пастухъ и улыбнулся, посмотрѣлъ пристально на барина своего и сказалъ:

— Ребятамъ вчера вечеромъ далъ я трехъ овецъ. А насчетъ хлѣба и вина сказалъ: вамъ скажу. У меня гдѣ жъ хлѣбъ и вино!..

— Хорошо сдѣлалъ, — отвѣчалъ Астрапидесъ. — Когда жъ они придутъ?

— Завтра вечеромъ опять придутъ.

— Хорошо. Мальчикъ вынесетъ тебѣ въ овчарню хлѣбовъ и вина... Ничего новаго? *Самъ* не былъ?

— *Самъ* не былъ; а новый молодецъ одинъ большую до васъ просьбу имѣетъ...

— Который? — спросилъ Астрапидесъ, — не тотъ ли, что̀ изъ Турціи бѣжалъ?

— Этотъ самый! — отвѣчалъ пастухъ.

— Что̀ жъ, очень радъ! — воскликнулъ Астрапидесъ, — пусть зайдетъ завтра вечеромъ. А лучше бы еще было, если бъ и *самъ* побывалъ вмѣстѣ съ новымъ молодцомъ. Завтра, какъ свечерѣетъ, буду ждать ихъ... Изъ-за чего тотъ изъ Турціи убѣжалъ, не знаешь?..

— Изъ Турціи? — отвѣчалъ пастухъ, — поссорился съ офицеромъ и свалилъ его съ лошади въ грязь, и бѣжалъ послѣ этого. Какъ же не бѣжать? Сами знаете! Молодецъ хорошій... вполнѣ человѣкъ, мужчина!

Астрапидесъ развеселился и, возвращаясь домой, далъ пастуху щедрое награжденіе.

Алкивіадъ изъ этого разговора понялъ все, понялъ, что зять его былъ правъ и что Астрапидесъ пристанодержатель и другъ разбойниковъ. Онъ не стѣсняясь тутъ же выразилъ ему свое негодованіе.

— Съ этими средствами я никогда не помирюсь!—сказалъ онъ.

— Если ты не помиришься, ты докажешь этимъ, что ты еще очень молодъ, что глубина государственныхъ вопросовъ тебѣ еще недоступна,—сказалъ Астрапидесъ.

— Я никогда не войду въ союзъ съ преступленіемъ,—возразилъ студентъ.

Астрапидесъ остановился и, взявъ его руку, началъ такъ:

— Существуютъ ли въ Акарнаніи разбои помимо нашей воли? Существуютъ. Нарушаютъ ли они безъ нашего участія спокойствіе мирныхъ жителей? Конечно нарушаютъ. Полезны ли такіе безпорядки для высшихъ цѣлей политическихъ сами по себѣ? Безполезны. Призванъ ли я спеціально преслѣдовать разбой? Офицеръ ли я королевской службы, подъ начальствомъ котораго состоятъ солдаты для искорененія разбоя? Пристанодержательствуютъ и безъ того селенія наши отъ простого страха и не извлекая изъ преступныхъ дѣйствій своихъ никакой пользы для эллинизма. Не употребляютъ ли часто и люди противной намъ партіи тѣ же средства для достиженія гибельныхъ, по нашему убѣжденію, цѣлей?.. Итакъ, неужели такъ преступно со стороны патріота, если онъ беретъ то, что̀ зовутъ французы *le milieu*, среду, таковою, какъ она есть, и, освящая средства цѣлью, подчиняетъ себѣ обстоятельства? Зло силою своего духа принуждаетъ служить благу и безплодно-смертоносный ядъ претворять, подобно врачу, въ благотворное лѣкарство!.. Dixi! Вы, милый другъ мой, предпочитаете вашу личную чистоту государственной пользѣ—это ваше дѣло... у всякаго свои понятія о чести и пользѣ... Дайте свободу и другимъ, особенно тому, кто не колеблясь довѣряетъ вамъ самыя опасныя тайны, въ виду вашей зрѣлости и мужественнаго характера!.. Что̀, развѣ не хорошо я сказалъ?..

Алкивіадъ замѣтилъ печально на все это: — Надѣюсь обойтись въ жизни и безъ этого полезнаго *яда*, и если продолжать уподобленіе, то и врачи избѣгаютъ сильныхъ лѣкарствъ до послѣдней крайности... И наконецъ иное

дѣло — соглашаться, что извѣстное зло можетъ иногда приносить добрые плоды, иное дѣло — самому вступать въ союзъ съ этимъ зломъ. И древніе эллины олицетворяли въ религіи своей всякія силы и всякія страсти, но и они, я думаю, понимали, что лучше быть въ союзѣ съ Фебомъ, чѣмъ въ союзѣ съ фуріями...

— Я вижу, что ты очень уменъ, — отвѣтилъ Астрапидесъ съ отеческою улыбкой, — и надѣюсь, что зрѣлость этого блестящаго ума не заставитъ себя долго ждать. La jeunesse est un défaut dont on se corrige bien vite. Недурно сказано? Остроумный человѣкъ былъ этотъ французъ, не такъ ли?

IV.

На другой день, подъ вечеръ, Алкивіадъ самъ видѣлъ, какъ пастухъ Астрапидеса провелъ въ домъ двухъ людей, закутанныхъ въ бурки. Онъ понялъ, что это были разбойники и что другъ его хочетъ вступить съ ними въ какія-то преступныя соглашенія. Съ негодованіемъ удалился онъ въ свою комнату, зажегъ свѣчу и легъ на диванъ съ газетой... Но и газета мало занимала его... Воображеніе его стремилось на ту половину дома, гдѣ происходило таинственное свиданіе... Утромъ у нихъ съ Астрапидесомъ былъ новый споръ объ этомъ, и во время спора этого Алкивіадъ узналъ отъ Астрапидеса, что разбойникъ, котораго ждетъ хозяинъ дома, не кто иной, какъ знаменитый *Дэли* *).

Объ этомъ Дэли Алкивіадъ слыхалъ не разъ еще и въ Аѳинахъ, и Астрапидесъ показалъ ему утромъ его фотографическую карточку.

Дэли красивый, бородатый мужчина среднихъ лѣтъ, лицо его скорѣй пріятно, чѣмъ свирѣпо.

Разсказываютъ, что онъ сталъ разбойникомъ изъ мщенія.

Еще онъ былъ очень молодъ, когда солдатамъ короля Оттона случилось зайти въ то село, гдѣ онъ жилъ.

*) *Дэли* — лицо дѣйствительное. Недавно убитъ въ Элладѣ войсками.

Въ числѣ этихъ солдатъ были негодяи, которые изнасиловали молодую сестру Дэли.

Дэли поклялся вѣчно мстить военнымъ, убѣжалъ изъ села, собралъ шайку удальцовъ и сталъ разбойникомъ. Сначала онъ былъ жестокъ только къ тѣмъ, которые носили мундиръ; съ людей гражданскихъ онъ бралъ только выкупъ и вообще обращался съ ними хорошо, а иногда и по-рыцарски.

Военныхъ онъ убивалъ безъ пощады. Такъ было сначала (разсказывалъ Алкивіаду Астрапидесъ); но позднѣе обстоятельства ожесточили Дэли еще больше. Дэли былъ женатъ, но бросилъ жену и похитилъ изъ одного селенія молодую дѣвушку, которая влюбилась въ него. Онъ одѣлъ ее по-мужски, въ фустанеллу, и она всюду слѣдовала за нимъ, раздѣляя всюду съ нимъ и нужду, и добычу, и опасности.

Астрапидесъ увѣрялъ, что самъ видѣлъ ее. При одномъ изъ его прежнихъ свиданій съ разбойничьимъ капитаномъ присутствовала и эта молодая дѣвушка. Встрѣча была днемъ въ лѣсу, и Астрапидесъ сознавался, что онъ не могъ скрыть, до чего она ему понравилась. Опираясь на ружье, она стояла поодаль съ двумя другими паликарами; одѣта была въ этотъ день по-праздничному, щегольски... Феска до того мило держалась на ея подстриженныхъ волосахъ, бурка до того изящно спадала съ ея нѣжныхъ плечъ, что Астрапидесъ, разговаривая съ Дэли о самыхъ опасныхъ и важныхъ дѣлахъ, не могъ воздержаться, чтобы не взглядывать безпрестанно въ ея сторону. Онъ не могъ налюбоваться ею.

Дэли замѣчалъ его движенія и изрѣдка улыбался.

Наконецъ Астрапидесъ сказалъ разбойнику, пытаясь привести его въ замѣшательство:

— Какой это у тебя молодой паликаръ красавецъ! Что̀ за картинка...

Дэли покраснѣлъ и сказалъ какъ бы съ равнодушіемъ.

— Понравился онъ тебѣ? У меня всѣ паликары хоро-

шіс, всѣ злодѣи люди! Всѣ собаки такія, какихъ свѣтъ еще не видалъ...

А потомъ потрепалъ на прощанье Астрапидеса по плечу и сказалъ ему:

— Такъ понравился паликаръ тебѣ? Охъ вы мнѣ словесники, словесники городскіе! Что мнѣ дѣлать съ вами! Нѣтъ у васъ ни Бога, ни дьявола, и все у васъ что-нибудь скверное на умѣ...

Не такъ давно эту дѣвушку убили королевскіе солдаты, и съ тѣхъ-то поръ Дэли сталъ гораздо еще суровѣе и злѣе прежняго. Вотъ какъ это было. Отрядъ войска напалъ наконецъ на слѣдъ разбойниковъ. Дэли, который привыкъ смѣяться надъ усиліями своихъ гонителей, присѣлъ отдохнуть съ любовницею своей въ одной пещерѣ. Они разложили огонь и начали варить кофе.

Солдаты замѣтили, что изъ пещеры выходитъ дымокъ, и направились къ ней...

Раздались неосторожные, преждевременные выстрѣлы. Дэли и подруга его схватились за оружіе, выбѣжали изъ пещеры и бросились вверхъ, съ камня на камень въ кусты...

Солдаты были далеко, но одна изъ пуль ихъ ударила молодую дѣвушку въ грудь и убила ее на мѣстѣ. Дэли убѣжалъ.

Разсказывая все это Алкивіаду, Астрапидесъ зналъ, кому онъ это говоритъ. У Алкивіада было пылкое воображеніе, и потому все поэтическое могло ему нравиться, даже и тогда, когда оно было преступно.

И вотъ теперь, лежа на диванѣ, онъ не читалъ газеты, а думалъ о Дэли и о его погибшей любовницѣ... Знать, что Дэли всего чрезъ двѣ стѣны отъ него и не видать его — казалось ему очень скучнымъ. Гражданская совѣсть предъявляла свои требованія, поэзія — свои...

Онъ уже сталъ проводить мысленную и глубокую черту между участіемъ во злѣ и созерцаніемъ этого зла изъ простого любопытства... Онъ уже восклицалъ про себя:

«Неужели врачъ, изучающій трупъ отравленнаго, или даже судья, съ любопытствомъ взирающій на отравителя,

имѣютъ что-либо общее съ помощникомъ отравителя, съ тѣмъ человѣкомъ, который тайно продалъ ему этотъ ядъ?..

«И къ тому же, какая разница между какимъ-нибудь низкимъ преступникомъ, однимъ изъ тѣхъ преступниковъ, которыхъ темныя и холодныя злодѣйства изображаетъ намъ западная словесность, и греческимъ отважнымъ паликаромъ, который не утратилъ ни рыцарскаго, ни религіознаго чувства, ни даже патріотизма. Я думаю... о, я увѣренъ, что и Дэли, и всякій разбойникъ, горецъ нашъ, можетъ стать при случаѣ патріотомъ и сразиться съ врагомъ за отчизну... Прежніе клефты доказали это, и сфакіоты критскіе въ мирное время похищали не только овецъ и муловъ у своихъ же соотчичей-критянъ, но насильно увозили въ горы богатыхъ невѣстъ, въ надеждѣ, что родители должны будутъ уступить послѣ... И развѣ эти сфакіоты не оказались истыми эллинами во время послѣдней, несчастной борьбы?.. Гдѣ же англичанину или французу понять, что такое грекъ!..»

Такъ разсуждалъ самъ съ собою молодой человѣкъ, сгорая желаніемъ увидать Дэли.

Да, желаніемъ онъ сгоралъ, но, отринувъ такъ рѣзко всякое примиреніе съ идеями Астрапидеса, какая же была возможность постучаться въ ту дверь, за которой Астрапидесъ совѣщался со своими опасными союзниками?

Однако, видно судьбѣ было угодно, чтобъ Алкивіадъ познакомился съ разбойниками. Астрапидесъ самъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Вставай, люди тебя желаютъ видѣть!

— Меня? — съ удивленіемъ спросилъ Алкивіадъ. — На что я имъ?

— Увидишь. Именно до тебя, а не до кого-нибудь другого есть дѣло. Ты можешь сдѣлать большое добро и спасти невиннаго человѣка.

И, говоря это, Астрапидесъ увлекалъ его дружески и почти насильно за собой...

Дэли сидѣлъ, облокотившись на столъ, задумчиво и величаво избоченясь, когда молодые люди вошли...

Одѣтъ онъ былъ чисто и даже богато. Другой его спутникъ казался гораздо моложе; ему на видъ не было и тридцати лѣтъ, но у него не было ни благодушія, ни благородства въ лицѣ, какъ у Дэли. И одѣтъ онъ былъ небрежнѣе, и бѣднѣе, и ростомъ ниже, и собой не очень красивъ, блѣденъ, худъ, какъ настоящій албанецъ; сила выраженія была у него только въ сѣрыхъ и лукавыхъ глазахъ и въ небольшихъ усахъ, приподнятыхъ и закрученныхъ молодецки.

— Вотъ онъ самый, другъ мой! — сказалъ разбойникамъ Астрапидесъ, указывая на Алкивіада.

Поздоровались и сѣли, о здоровьѣ спросили. Дэли былъ величавъ во всѣхъ своихъ пріемахъ; рѣдкому номарху Греціи удастся такъ поздороваться и такъ сѣсть. Товарищъ его, напротивъ того, не пожалъ руку Алкивіада крѣпко и по-братски, а подошелъ почти униженно, чуть коснулся пальцами его руки и возвратился къ своему мѣсту, почтительно склоняясь и прикладывая руку къ сердцу. Онъ даже не хотѣлъ сѣсть, пока не сѣли всѣ другіе.

— Онъ изъ Турціи, и зовутъ его Салаяни, — сказалъ Алкивіаду Астрапидесъ. — Онъ имѣетъ до тебя просьбу.

Салаяни опять почтительно поклонился Алкивіаду.

— Говори же! — сурово сказалъ своему спутнику Дэли. — Оставь политику свою и безъ комплиментовъ разскажи о дѣлѣ.

— Эффендимъ! — воскликнулъ Салаяни вздыхая, — происходитъ великая несправедливость. Христіанство страдаетъ въ Турціи...

— Бѣдный человѣче! — воскликнулъ Дэли, смѣясь и качая головой, — онъ все съ пашой еще словно говоритъ... Скажи ты прямо, не терзай ты человѣка глупыми рѣчами...

— Но что́ жъ ему бѣдному и дѣлать, — вступился Астрапидесъ, — привычка, рабство...

— Рабство, рабство! Глупость, а не рабство, — сказалъ съ презрѣніемъ Дэли и потрясъ рукой на груди своей одежду. — Э, человѣче! Говори...

Наконецъ дѣло объяснилось. Салаяни нѣсколько лѣтъ

тому назадъ служилъ мальчикомъ въ городѣ Рапезѣ у богатаго архонта киръ-Христо Ламприди. Этотъ Христо Ламприди былъ Алкивіаду дальній родственникъ, троюродный братъ его отцу. Вѣсъ г. Ламприди и въ городѣ, и вообще въ Турціи былъ великъ. Недавно его султанъ своимъ капуджи-баши *) сдѣлалъ.

— Служилъ у него я мальчикомъ, — говорилъ Салаяни все вкрадчиво и почтительно, — и былъ онъ мнѣ, какъ отецъ, и я ему былъ, какъ сынъ, пока не случилось со мной несчастія: шелъ я однажды по улицѣ на базаръ. Встрѣтился мнѣ одинъ турокъ, *низамъ*, несетъ въ рукѣ говядину сырую и говоритъ: «Эй, морè-*кефиръ* **)! снеси эту говядину въ казарму, а у меня другое дѣло есть». — Я говорю: зачѣмъ мнѣ нести твою говядину? У меня у самого дѣло есть. «Снеси, несчастный кефиръ! — говоритъ онъ мнѣ, — ты вѣдь мальчикъ еще, и казарма близко». — Не хорошо ты дѣлаешь, ага, говорю я ему, что кефиромъ меня зовешь: это закономъ запрещено! «Такъ ты мнѣ говоришь?» спрашиваетъ онъ. — Такъ я тебѣ говорю, ага! я сказалъ. Тогда онъ взялъ эту говядину сырую и началъ бить меня сырою этою говядиной по лицу и ругать вѣру нашу. Я сталъ отбиваться. Прибѣжали другіе низамы... избили меня, а потомъ подошелъ офицеръ ихъ, отнялъ меня и отослалъ въ конакъ, а оттуда меня въ тюрьму послали, и просидѣлъ я въ тюрьмѣ около мѣсяца...

Астрапидесъ и Алкивіадъ слушали серьезно, но Дэли смѣялся и говорилъ:

— Хорошо тебя вымылъ турокъ. Я радъ, потому что ты не человѣкъ, морè. Ты бы долженъ былъ убить его на мѣстѣ, а не кричать, пока сбѣгутся другіе низамы... Албанская голова, сказано! Э, разсказывай дальше, несчастный... Соскучился ужъ и я, тебя слушавши, а молодой госпо-

---

*) *Капуджи-баши* — званіе почетное, въ родѣ камергера. Это званіе дается богатымъ грекамъ, евреямъ, болгарамъ и т. д. за какія-нибудь заслуги государству; люди эти однако не состоятъ при дворѣ, а продолжаютъ заниматься своими дѣлами въ провинціяхъ.

**) *Кефиръ* — гяуръ.

динъ этотъ, глядя на то, какъ ты ломаешься предъ нимъ, какъ бы тебя въ *діавольскій списокъ* *) не записалъ, вмѣсто помощи... Бѣдный, бѣдный.

Дальше разсказывалъ Салаяни такъ: г. Христо Ламприди, дядя Алкивіада, выхлопоталъ было ему сокращеніе тюремнаго срока, взялъ его къ себѣ опять на поруки, что будетъ хорошо себя вести, и жилъ такъ бѣдный, невинный мальчикъ долго. Потомъ случилось другое несчастіе. Тотъ офицеръ турецкій, который отнялъ Салаяни у солдатъ, но вмѣсто того, чтобы наказать своихъ, обвинилъ его, ѣхалъ разъ верхомъ около дома г. Ламприди. Время было грязное, и офицеръ, вмѣсто того, чтобъ ѣхать посреди улицы, въѣхалъ на тротуаръ около самаго дома. Салаяни въ это время выносилъ на улицу кой-какія вещи хозяйскія, и въ рукахъ у него была хорошая стеклянная посуда. Наѣхалъ офицеръ такъ неожиданно и прижалъ его къ стѣнѣ такъ близко, что посуда выпала изъ рукъ Салаяни и разбилась. Началъ онъ споръ съ офицеромъ и сталъ кричать, что хозяину убытокъ большой... Офицеръ замахнулся на него хлыстомъ, а Салаяни толкнулъ его лошадь такъ, что она упала вмѣстѣ съ офицеромъ съ тротуара въ глубокую грязь... и офицеръ расшибся и весь въ грязи измарался; а Салаяни тотчасъ же бѣжалъ, сперва въ горы, а потомъ и въ Элладу...

— Вотъ они, наши дѣла-то какія! — сказалъ все съ улыбкой Дэли Алкивіаду. — Турецкія дѣла!.. Теперь этотъ молодецъ желаетъ, чтобы добрый дядя вашъ, г. Христо, выпросилъ ему прощеніе у нашей тамошнихъ и чтобъ ему было позволено возвратиться на родину. Вы напишите вашему дядѣ, проситъ онъ.

Астрапидесъ замѣтилъ, что нынче гораздо больше законности, чѣмъ было прежде, и потому не трудно ли будетъ это...

— А больше ничего нѣтъ? — спросилъ Алкивіадъ.

— Есть и еще, — отвѣтилъ Салаяни, снова принимая

*) *Записать въ діавольскій списокъ, въ списокъ діавола* — имѣть человѣка на худомъ счету.

скромный и почтительный видъ. — Только это великая обида. Когда я былъ въ горахъ — убили ночью другіе люди двухъ человѣкъ. Христіане они были... Сами же сосѣди убили, а на меня говорятъ... Только пусть я почернѣю и съ мѣста не сойду, и пусть Богъ меня накажетъ, если это не обида мнѣ!..

Всѣ слушатели улыбнулись, и Астрапидесъ, и Дэли, и даже Алкивіадъ, несмотря на внутреннее волненіе, которое онъ чувствовалъ, слушая все, что́ говорилъ Салаяни. А Дэли прибавилъ: «Все несчастія съ молодцомъ приключаются... Судьбы ему нѣтъ, а самъ онъ, какъ святой человѣкъ, я такъ, глядя на него, думаю»... Астрапидесъ замѣтилъ, тоже смѣясь и обращаясь къ Дэли: «Говорятъ люди: турецкія дѣла! Можно и такъ сказать: эллинскія дѣла!»

— Ба! — сказалъ Дэли вставъ, — это-то слово я давно говорю... Именно такъ: эллинскія дѣла. А молодцу вы, господинъ Алкивіадъ, все-таки помогите. Какая бы ни была, а все душа христіанская.

Алкивіадъ обѣщалъ написать дядѣ письмо и послать не по почтѣ, а съ вѣрнымъ случаемъ. Сверхъ того онъ сказалъ, что давно и самъ бы хотѣлъ побывать въ Эпирѣ у родныхъ. Можетъ быть и поѣдетъ скоро; тогда на словахъ еще легче все кончить. Салаяни вызывался и самъ отнести письмо въ Эпиръ и переслать въ Рапезу; но Алкивіадъ не рѣшился дать въ руки незнакомому и подозрительному человѣку письмо, которое могло бы и повредить г-ну Ламприди.

Разбойники простились и ушли. Салаяни еще разъ униженно благодарилъ аѳинскихъ господъ, и оставшись одни — Алкивіадъ и Астрапидесъ — опять проспорили до полуночи.

Алкивіаду нѣсколько разъ приходили на умъ «англійскіе фунты»; но онъ былъ слишкомъ благороденъ и еще слишкомъ сильно любилъ Астрапидеса, чтобъ оскорбить его такъ ужасно на основаніи однихъ слуховъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что горячо оспаривалъ право гражданина пользоваться всякими средствами даже и для возвышенныхъ цѣлей.

Астрапидесъ былъ непреклоненъ и повторялъ: «Ты увидишь, что иначе нельзя! Ты увидишь, какъ все будетъ хорошо теперь».

Правда, не прошло и недѣли, какъ тѣ села, которыя больше всѣхъ упорствовали въ противномъ направленіи, сдались на тайныя угрозы и подали голоса въ пользу тѣхъ, кого хотѣлъ Астрапидесъ.

Были при этомъ и угощенія; вино Астрапидеса опять лилось чрезъ край; на дворѣ его гремѣла музыка, плясались народныя пляски. Молодые аѳинскіе щеголи братались съ селянами, и даже разъ оба, одѣвшись въ фустанеллы, плясали сами такъ хорошо (особенно лихой Астрапидесъ), что деревенскіе люди кричали имъ: «браво, паликары, паликары городскіе, браво!» Иные обнимали ихъ.

Одно только событіе отуманило это веселье. Одинъ двадцатилѣтній племянникъ убилъ изъ пистолета своего дядю. Они заспорили о политикѣ; племянникъ былъ сельскій паликаръ, а дядя аѳинскій *словесникъ* *). Племянникъ обличилъ дядю въ безчестности; дядя вынулъ револьверъ, но племянникъ предупредилъ его движеніе и самъ убилъ его наповалъ.

Астрапидесъ въ ту же ночь выслалъ юношу на турецкую границу, и турки приняли его хорошо; узнавъ, въ чемъ онъ виноватъ, они его удержали, несмотря на требованія греческаго номарха, говоря другъ другу:

— Развѣ они намъ выдаютъ нашихъ преступниковъ? Никогда... Вотъ и Салаяни не хотятъ выдать. Мальчикъ этотъ хорошій — зачѣмъ его выдавать?

Вскорѣ послѣ этого Алкивіадъ простился съ своимъ другомъ и уѣхалъ въ Корфу къ отцу. Чувство его къ Астрапидесу стало остывать, и согласиться съ нимъ онъ не могъ.

Чувствуя свою вину предъ зятемъ, онъ изъ Корфу написалъ сестрѣ очень ласковое письмо, въ которомъ про-

*) *Словесники* (логіотате) и *чернильщики* (каламара́десъ)—названія, которыя даютъ часто въ насмѣшку простые греки своимъ учителямъ, адвокатамъ, газетчикамъ и т. п.

силъ извиненія у зятя и сознавался ему, что онъ «въ Астрапидесѣ ошибся».

«Больше, однако, я ничего не скажу. Это долгъ моей прежней дружбы и убѣжденіе, что онъ лишь заблуждается, но не такъ виновенъ, какъ вы думаете... Въ такую безнравственность я никогда не повѣрю и потому буду молчать».

Изъ Корфу Алкивіадъ хотѣлъ было тотчасъ же ѣхать путешествовать по Эпиру; но жаль было скоро покинуть отца; онъ отложилъ поѣздку и написалъ пока письмо о Салаяни къ Христаки Ламприди, въ городъ Рапезу, въ которомъ тотъ жилъ всегда. Христаки Ламприди былъ не только самый первый богачъ своего края, не только капуджи-баши, но домъ его уважали еще въ Эпирѣ, какъ «старый и большой очагъ».

Отецъ Христаки торговалъ пшеницей и кожами и былъ богатъ и извѣстенъ самому Али-пашѣ Янинскому. Случилось такъ, что Али-паша услыхалъ отъ кого-то похвалы европейскимъ серебрянымъ сервизамъ для стола; онъ захотѣлъ непремѣнно имѣть такой сервизъ. Кому поручить? Онъ вспомнилъ, что отецъ Христаки имѣетъ дѣла съ тріестскими торговыми домами, вызвалъ его въ Янину и сказалъ ему: «Поѣзжай ты сейчасъ въ Тріестъ; закажи самый хорошій такимъ франкскаго серебра и привези мнѣ; а я тебѣ заплачу, если будетъ вкусенъ и красивъ!» Кто не трепеталъ тогда Али-паши! Убить человѣка всегда было въ его волѣ; его боялись въ самомъ Царьградѣ. Разсказываютъ, что онъ узналъ разъ, будто одинъ консулъ западный пишетъ о злодѣйствахъ его подробно въ свое посольство; онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему:

— Консулосъ-бей! Не пиши ты такъ худо обо мнѣ посланнику; узнаю я, что ты еще пишешь, заплачу двумъ арнаутамъ, и они убьютъ тебя; а я потомъ схвачу ихъ и повѣшу, и напишу: вотъ какъ я наказалъ злодѣевъ, которые консула умертвили. И твой *эльчи* *) будетъ радъ...

---

*) *Эльчи*, *эльчи-бей* — посланникъ.

Каково же было ѣхать купцу въ Тріестъ на свой страхъ покупать серебро? Онъ простился, проливая слезы, съ семьей и уѣхалъ, среди зимы, въ самое бурное время, на простомъ парусномъ суднѣ. Серебро, однако, понравилось пашѣ. Онъ заплатилъ за него гораздо дороже, чѣмъ оно стоило самому Ламприди, и далъ въ награду ему и его роду похвальный фирманъ. Въ фирманѣ было приказано всѣмъ и всегда уважать этотъ почтенный, честный и старый домъ, въ которомъ и гостепріимство издавна таково, *что и очагъ никогда не гаснетъ, и казанъ въ кухнѣ всегда кипитъ*.

Все это Алкивіадъ зналъ и прежде, и дядю самого и сыновей его зналъ давно, потому что они бывали въ Корфу и останавливались всегда у его отца.

Въ письмѣ онъ не говорилъ, конечно, гдѣ и какъ онъ встрѣтилъ Салаяни, но просилъ его только употребить свой вѣсъ и свое вліяніе, чтобы Салаяни позволили *поклониться* *). Онъ жалуется, что утомленъ жизнью клефта и хочетъ, подобно столькимъ другимъ прощеннымъ разбойникамъ въ Турціи, перейти снова въ мирное гражданское житье.

Чрезъ двѣ недѣли киръ-Христаки отвѣтилъ Алкивіаду такъ:

«Это правда,—писалъ онъ,—что многіе *поклоненные* разбойники въ Турціи стали прекрасными и честными гражданами и живутъ между нами хорошо, такъ что и мы уважаемъ ихъ. И у меня есть одинъ пріятель такой; онъ уже старикъ, торгуетъ честно и живетъ богато. Но *поклониться* теперь труднѣе, чѣмъ было прежде: теперь въ Турціи гораздо болѣе законности, и едва ли новый паша допуститъ Салаяни поклониться; онъ желаетъ переловить всѣхъ разбойниковъ и наказать ихъ, а не прощать.

«Сверхъ того, любезный другъ мой, скажу я тебѣ и про Салаяни самого, что онъ можетъ быть теперь и утомился; но я его знаю съ дѣтства: онъ злой и лукавый

---

*) *Поклониться* — положить оружіе, попросить прощенія, сдаться.

человѣкъ, у котораго ничего нѣтъ святого, и я ему не вѣрю. Не будетъ самъ онъ разбойничать, такъ пристанодержателемъ станетъ, что́ иногда еще хуже. И каково же мнѣ стать поручителемъ за такого изверга? И пусть онъ не говоритъ, что «турки виноваты»; виновата его злоба, а не турки. Не ему одному, деревенскому мальчику, случилось *дерева поѣсть* *) отъ турокъ, но разбойниками люди эти не стали... И офицеръ, котораго онъ въ грязь столкнулъ, отличный былъ человѣкъ, доброй души и вовсе не тиранъ. Поэтому передай Салаяни, чрезъ кого ты знаешь, что я для него не сдѣлаю ничего!»

Въ концѣ письма г. Ламприди еще разъ звалъ Алкивіада въ гости къ себѣ въ Рапезу, *поѣсть нашъ хлѣбъ* и посмотрѣть, какъ мы, *люди старинные и ржавые, живемъ въ Османли-Девлетѣ*.

Хотя Алкивіаду уже не хотѣлось писать къ Астрапидесу, но дѣлать было нечего; онъ желалъ сдержать слово и далъ знать чрезъ него разбойнику (не называя его по имени на бумагѣ, а просто *тому молодцу*), что сдѣлать для него *никто ничего не можетъ*.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, простясь съ отцомъ, Алкивіадъ сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ въ Эпиръ.

V.

Алкивіадъ вышелъ на турецкій берегъ впервые въ Превезѣ... Въ этомъ городѣ у него былъ знакомый докторъ, родомъ кефалонитъ. Онъ его зналъ еще холостымъ въ Корфу, встрѣчался съ нимъ и въ Аѳинахъ.

Докторъ былъ человѣкъ образованный, умный, очень живой и страстный риторъ. Алкивіадъ уважалъ его и очень былъ радъ встрѣтить его въ Превезѣ. Докторъ былъ предупрежденъ о пріѣздѣ Алкивіада, но самъ не могъ поспѣть ему навстрѣчу и выслалъ вмѣсто себя на пристань двухъ

---

*) *Дерева поѣсть* — отвѣдать палокъ, побоевъ попробовать.

слугъ, чтобъ они проводили Алкивіада до его дома и принесли бы его вещи.

Алкивіадъ прошелъ съ ними около крѣпости, на которой развѣвался кроваваго цвѣта флагъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ.

Первыя впечатлѣнія молодого эллина не были слишкомъ грустныя; любопытство долго заглушало въ немъ вопли патріотическаго чувства...

Городокъ имѣлъ видъ мирный и пріятный. Бѣлые домики его весело стояли въ зелени; апельсинные сады и широкія оливковыя рощи проливали кроткую тѣнь на окрестность. Народъ казался бодръ и опрятенъ: одѣтъ онъ былъ въ фустанеллы, точно такъ же, какъ и въ свободной Акарнаніи... Алкивіаду даже понравились почтенные турки-ходжи въ бѣлыхъ чалмахъ.

Одинъ изъ слугъ, сопровождавшихъ его, былъ очень разговорчивъ. Онъ сказалъ Алкивіаду, что онъ не слуга доктора, а слуга г. Парасхо изъ Рапезы, другого дальняго родственника Алкивіада; что г. Парасхо и киръ-Христаки Ламприди нарочно выслали его въ Превезу навстрѣчу гостя. Сказалъ еще, что его зовутъ Тодори-суліотъ изъ деревни Грацана и что у него есть для дороги хорошее оружіе. Алкивіадъ уговорилъ его итти съ собой рядомъ, и Тодори объяснялъ и показывалъ ему дорогой все, что̀ онъ желалъ знать.

На базарѣ, гдѣ было больше народа, путника непріятно поразилъ одинъ случай... Ихъ обогналъ сперва высокій вооруженный и суровый паликаръ, а за паликаромъ шелъ очень гордо невзрачный, сморщенный и дурно одѣтый европеецъ въ форменной фуражкѣ... Тодори сказалъ ему, что это одинъ изъ западныхъ консуловъ. «Недавно онъ торговалъ піявками и то секретно, потому что въ Турціи всѣ піявки царскія; а теперь вотъ большой человѣкъ сталъ и консулъ!» Такъ сказалъ Тодори...

Алкивіадъ видѣлъ, что на базарѣ всѣ привставали и кланялись, когда консулъ проходилъ мимо; видѣлъ, какъ небрежно и гордо отвѣчалъ жалкій европеецъ на поклоны

эти... Видѣлъ и худшее. Сперва одинъ солдатъ турецкій и потомъ одинъ грекъ, продавецъ сластей, не успѣли посторониться съ узкаго тротуара. Кавасъ консульскій столкнулъ ихъ обоихъ внизъ такъ сильно и грубо, что солдатъ едва устоялъ на ногахъ, а у грека упалъ лотокъ, и всѣ конфеты разсыпались по грязи. Могло ли это понравиться сыну свободной Греціи? Почтеніе, которое обнаруживалъ народъ предъ вчерашнимъ продавцомъ піявокъ, показалось ему отвратительнымъ низкопоклонствомъ... вѣковою привычкой рабства.

Грубое обращеніе каваса еще больше возмутило и удивило его.

Южный округъ Эпира славится удальствомъ, и многіе изъ этихъ же самыхъ людей, которые такъ покорно выносятъ толчки, завтра способны снова, какъ въ 21 году или во времена Гриваса, залечь за камни съ ружьемъ или гнать мусульманъ съ обнаженными ятаганами по горамъ до самыхъ воротъ города!

Докторъ встрѣтилъ его на порогѣ своего дома, и они обнялись. Докторша сама подала ему варенье съ водой и кофе, спросила его о здоровьѣ отца и всѣхъ другихъ родныхъ его которыхъ она никогда не видала, и, исполнивъ этотъ долгъ, удалилась въ уголъ и сѣла тамъ, не мѣшаясь болѣе въ разговоръ...

Зато самъ хозяинъ былъ многорѣчивъ, и слогъ его рѣчей былъ по-старому возвышенъ.

— Итакъ,—сказалъ онъ Алкивіаду,—вы рѣшились взглянуть на этотъ рабскій край? Вы хотите попрать стопами свободнаго эллина землю вѣковой неволи? Хорошо. Прекрасная мысль! Вы посѣтите, я не усомнюсь, славную Пету, гдѣ покоятся кости фил-эллиновъ. Вы бросите, конечно, вашъ взоръ и на развалины Никополя, на полуразрушенную баню, которую иные зовутъ баней Клеопатры. Обзоръ этихъ развалинъ поучителенъ не только въ одномъ археологическомъ отношеніи. Онъ пробуждаетъ въ насъ глубокія размышленія о непрочности всего земного, о паденіи великихъ царствъ, и унылое сердце грека, страдаю-

щаго подъ ненавистнымъ игомъ звѣрей, принявшихъ человѣческій образъ, раскрывается для новыхъ надеждъ.

— Это правда. Я посмотрю все это, — отвѣчалъ Алкивіадъ. — Скажите мнѣ, однако, какъ вы живете здѣсь...

— Какъ живемъ? — отвѣчалъ докторъ съ улыбкой. — Какъ живутъ варвары? Можетъ ли человѣкъ, какъ слѣдуетъ просвѣщенный, ожидать чего-либо отъ страны, въ которой бѣдность, рабство и невѣжество составили между собою союзъ, побѣдимый только огнемъ и мечомъ!

— Турки, какъ слышно, дѣлаютъ успѣхи; просвѣщаются и стараются привлечь къ себѣ населеніе. Правда ли это? — спросилъ Алкивіадъ.

Докторъ презрительно усмѣхнулся.

— Коранъ и прогрессъ такъ же примиримы, какъ огонь и вода! — воскликнулъ онъ.

— Не обманываемъ ли мы сами себя? — спросилъ Алкивіадъ. — Знать истину про себя, мнѣ кажется, выгоднѣе, чѣмъ обольщаться... Аравитяне доказали, что Коранъ и просвѣщеніе совмѣстимы. Не слѣдуетъ ли бояться, чтобы турки не пошли по ихъ слѣдамъ?

— Ба! — воскликнулъ докторъ, — можно ли аравитянъ сравнивать съ турками? Турки слишкомъ просты. Я приведу вамъ одинъ недавній примѣръ турецкой глупости. Года два тому назадъ Превезу посѣтилъ австрійскій императоръ. Я разскажу вамъ въ мельчайшихъ подробностяхъ объ этомъ событіи.

Здѣсь докторъ долженъ былъ остановиться, потому что въ столовой накрытъ уже былъ обѣдъ, и молодой гость его признавался самъ, что онъ очень голоденъ

VI.

Обѣдъ доктора былъ хорошъ. Густой рисовый супъ съ лимономъ и яичнымъ желткомъ «авгò-лéмоно», любимый на Востокѣ; слоеный пирогъ съ начинкой изъ шпината; индѣйка, начиненная изюмомъ и миндалемъ, и пилавъ съ кислымъ молокомъ.

Докторша не принимала, попрежнему, участія въ разговорѣ; она, безпрестанно вставая изъ-за стола, занималась хозяйствомъ и угощала Алкивіада такъ навязчиво, что мужъ, наконецъ, сурово замѣтилъ ей:

— Перестань безпокоить человѣка. Есть предѣлы самому гостепріимству! Это становится пыткой, сударыня! А васъ, киръ-Алкивіадъ, я прошу извинить нашу эпиротскую простоту; моя госпожа — женщина древняя... не по лѣтамъ, а по обычаю.

— Мы такъ пріучены! — скромно присовокупила докторша и тоже извинилась.

Алкивіаду, который привыкъ къ свободѣ женской въ Аѳинахъ и Корфу, не понравились ни суровость мужа, ни лицемѣрная стыдливость жены, и онъ поскорѣе попросилъ своего хозяина разсказать о пріѣздѣ австрійскаго императора.

— Съ удовольствіемъ! — воскликнулъ докторъ. — Я разскажу вамъ это подробно. Однажды, раннимъ утромъ, лѣтомъ 67 года, вошелъ въ нашу гавань военный пароходъ подъ австрійскимъ флагомъ. Австрійскій консулъ, бывшій здѣсь тогда, человѣкъ пожилой и простой, вышелъ изъ дома своего въ халатѣ и туфляхъ, и такъ какъ жилище его было на берегу моря, то онъ скоро увидалъ, что отъ парохода отдѣлилась шлюпка съ простымъ флагомъ, полная офицеровъ. Консулъ, полагая, что это простые соотечественники, началъ кричать имъ: «Добро пожаловать!» и манить ихъ рукой. Шлюпка остановилась предъ самымъ домомъ его. Первый выскочилъ изъ нея офицеръ среднихъ лѣтъ, и консулъ хотѣлъ рекомендоваться ему и пожать руку, какъ вдругъ слѣдующій офицеръ сказалъ ему: «Это его величество!» Бѣдный консулъ до того растерялся, что пошатнулся и упалъ бы навзничь, если бы самъ императоръ не поддержалъ его. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя; переодѣлся, принялъ государя у себя въ домѣ и угощалъ его по-здѣшнему, вареньемъ и кофе. Отдохнувъ, императоръ приказалъ нанять простыхъ лошадей изъ хановъ, для поѣздки инкогнито на развалины Никополя, прежде,

чѣмъ турецкія власти узнаютъ о его прибытіи. Онъ захотѣлъ, однако, на минуту зайти и въ крѣпость, которая, какъ вы видѣли, защищаетъ бухту. И вотъ тутъ-то вы увидите, каково просвѣщеніе Турціи. Полковникъ, который начальствовалъ артиллеріей въ этой крѣпости, узналъ, что императоръ уже взошелъ въ ворота; онъ выбѣжалъ, какъ былъ, разстегнутый, безъ галстука, въ старомъ мундирѣ и, кланяясь императору, воскликнулъ: «Такъ-то ты пріѣзжаешь къ намъ, не подавъ вѣсти впередъ! Обманулъ ты насъ. Хорошо! Постойте, и мы къ вамъ въ Вѣну когда-нибудь такъ придемъ! Увидишь!»

— Это не столько глупость, сколько честное простодушіе военнаго, — отвѣчалъ съ улыбкою Алкивіадъ. — Что́ жъ было дальше? Какое впечатлѣніе произвело это на нашъ народъ?

— Никакого,—отвѣчалъ докторъ.—На базарѣ, конечно, любопытство пробудилось во многихъ, но одно лишь любопытство. Многіе жаловались, что имъ помѣшали въ этотъ день торговать спокойно. Совсѣмъ иное дѣло было, когда недавно еще прошелъ ложный слухъ о томъ, что на русскомъ пароходѣ ѣдетъ къ намъ изъ Корфу великій князь Константинъ. Тогда бы вы могли полюбоваться на стеченіе народа, на восторгъ этой толпы.

— Это грустно,—сказалъ Алкивіадъ. — Славяне и панславизмъ—самые опасные враги наши.

— Я говорю не о славянахъ, а о Россіи; о великой державной Россіи, которой каждый шагъ на Востокѣ былъ ознаменованъ облегченіемъ нашей участи!—отвѣчалъ докторъ съ жаромъ.—Если вы подъ славянами разумѣете именно русскихъ, то я вамъ долженъ сказать съ величайшимъ, глубокимъ сожалѣніемъ, что я съ мнѣніемъ вашимъ согласиться не могу! Мы всѣ привыкли чтить этотъ флагъ.

— Въ политическихъ мнѣніяхъ,—возразилъ Алкивіадъ,— безусловно должно быть одно—любовь къ отчизнѣ; остальное должно измѣняться по обстоятельствамъ.

— Подите измѣните взглядъ нашихъ простыхъ людей.— воскликнулъ докторъ. Разговоръ этотъ скоро прекратился

однако, потому что докторъ предложилъ Алкивіаду свести его въ Порту и представить мутесарифу. Онъ говорилъ, что это будетъ одинаково полезно для нихъ обоихъ. Посѣщеніе это, въ которомъ Алкивіадъ долженъ стараться быть почтительнымъ и понравиться пашѣ, произведетъ хорошее впечатлѣніе. Оно будетъ значить, что человѣкъ и не скрывается, и уважаетъ мѣстную власть.

Алкивіадъ согласился охотно на это предложеніе, и докторъ послалъ слугу своего къ пашѣ спросить: «въ которомъ часу угодно будетъ его превосходительству принять ихъ».

Слуга возвратился скоро и сказалъ:

— Когда вамъ угодно: хоть сейчасъ же!

Докторъ и Алкивіадъ собрались итти. Желая угодить мутесарифу, Алкивіадъ спросилъ: не лучше ли надѣть фракъ? Но докторъ осмѣялъ его, утверждая, что паша человѣкъ старинный, фракомъ его не плѣнишь и что длинное пальто, которое было на Алкивіадѣ, понравится ему гораздо болѣе, какъ одежда, дающая вѣсъ и солидность.

Они пошли.

Мутесарифъ былъ родомъ изъ дальняго Берата, изъ *большого албанскаго очага*. Докторъ предупредилъ Алкивіада, что онъ встаетъ съ дивана только для другихъ пашей, для консуловъ и для духовныхъ сановниковъ: для архіерея, для кади или для еврейскаго хахана. И потому молодой грекъ безъ званія и положенія въ странѣ оскорбляться этою гордостью не долженъ.

Изетъ-паша точно не всталъ съ дивана, но принялъ ихъ довольно привѣтливо и, ударивъ въ ладоши, на дурномъ греческомъ языкѣ приказалъ принести имъ папиросъ и кофе.

— Надолго ли въ наши страны?—спросилъ онъ Алкивіада.

Алкивіадъ сказалъ, что и самъ не знаетъ, что онъ желаетъ только повидаться съ родными... Мутесарифъ похвалилъ его за это; похвалилъ его рапезскихъ родныхъ, особенно дядю, старика Ламприди.

— Почтенный человѣкъ! — сказалъ онъ. — Старинняго, большого дома! Падишахъ его недавно капуджи-баши сдѣ-

лалъ! И вся семья его почтенная, честная и хорошая. Старинная семья!

Но этотъ разговоръ пріостановился, потому что пашѣ подали телеграмму на турецкомъ языкѣ.

— Эй, море́,—закричалъ онъ сердито,—гдѣ мои очки?

Слуга надѣлъ ему очки.

Изетъ-паша долго смотрѣлъ на телеграмму, качая головой, и наконецъ воскликнулъ:

— Скажите! не четвероногое этотъ телеграфчи? Такъ мерзко пишетъ! Позовите кетиба *)! —Молодой кетибъ вошелъ въ модной короткой жакеткѣ и фескѣ и почтительно всталъ передъ пашой.

Паша сурово приказалъ ему прочесть телеграмму про себя. «Разобралъ?» спросилъ онъ.

Писарь сказалъ, что разобралъ. «Дай мнѣ». Опять надѣлъ очки, опять смотрѣлъ угрюмо и еще разъ осыпалъ проклятіями телеграфчи.

— Что жъ онъ пишетъ?

— Пишетъ,—сказалъ молодой писецъ,—что изъ Эллады опять перешелъ границу разбойникъ Салаяни, какъ видно, отъ преслѣдованія греческихъ войскъ.

— Хорошо! они преслѣдуютъ, а мы убьемъ его!—сказалъ паша и потомъ, снова обращаясь къ писцу, спросилъ у него:—какая это на тебѣ одежда?

— Одежда моды,—смиренно кланяясь, отвѣчалъ писецъ.

— Одежда моды?—грозно воскликнулъ Изетъ-паша.—И ты смѣешь являться предо мной въ этой обезьяньей одеждѣ? Развѣ не имѣешь ты низамскаго сюртука, который назначенъ для службы? Европа, франки свели васъ съ ума!

— Я къ Вали-пашѣ такъ ходилъ, паша-эффендимъ, извините меня!—дрожа оправдывался писецъ.

— Вали-паша не выгналъ тебя по великой добротѣ своей, а не по закону. Ты *меймуръ* **) и долженъ знать и *меймурликъ* свой. Иди вонъ!..

Когда писецъ, смущенный и растерянный, оставилъ ком-

---

*) *Кетибъ* (по-турецки) писецъ.

**) *Меймуръ, меймурликъ* (по-турецки) чиновникъ, чиновничество.

нату, Изетъ-паша обратился къ гостямъ своимъ и сказалъ имъ:

— Это они считаютъ политичностью и образованіемъ. Эта мода—гибель для всѣхъ насъ.

— Вы говорите истинную правду,—паша-эффенди,—воскликнулъ докторъ.—Мода всѣхъ насъ, восточныхъ людей, сводитъ съ ума, и мы отъ Европы принимаемъ лишь одно дурное, развратъ и роскошь!..

Съ этими словами докторъ хотѣлъ встать и проститься, но Изетъ-паша удержалъ ихъ, говоря, что дѣлъ спѣшныхъ теперь нѣтъ и онъ радъ побесѣдовать. Онъ велѣлъ подать еще кофе и сигары, себѣ спросилъ чубукъ и повеселѣлъ.

Онъ много разспрашивалъ Алкивіада про Аѳины и Грецію; жаловался на разбои въ обѣихъ пограничныхъ странахъ и сказалъ, наконецъ, нѣчто такое, что вызвало со стороны Алкивіада немного живой отвѣтъ.

— У васъ держится разбой,—сказалъ паша.—Когда бы мы жили всегда въ согласіи и дружбѣ, какъ добрые сосѣди, такъ этому худу давно бы положили конецъ...

— Ваше превосходительство, извините меня,—сухо возразилъ Алкивіадъ,—если я не соглашусь съ этимъ. Правительство наше конституціонное и по этому одному иногда не можетъ такъ легко и скоро наносить удары безпорядку, какъ могло бы правительство самодержавное, какъ ваше; если бы... обстоятельства, которыхъ я не знаю и не сужу, не противились бы этому.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Изетъ-паша у доктора:—онъ говоритъ ужъ слишкомъ по-эллински, и я такихъ высокихъ словъ не понимаю.

— Онъ надѣется,—сказалъ докторъ по-албански,—что такое могущественное, самодержавное правительство, какъ правительство султана, скорѣе эллинскаго достигнетъ этой цѣли, и не хвалитъ конституцію.

Паша подозрительно поглядѣлъ на доктора и сказалъ:

— Это правда. Это онъ хорошо говоритъ. Я стариннаго эллинскаго языка не знаю. Но люди, которые знаютъ его,

хвалятъ и говорятъ, что въ немъ много премудрости и сладости.

Докторъ перевелъ полуалбанскую, полугреческую, полутурецкую рѣчь паши своему спутнику, и они простились съ пашой.

Паша сказалъ Алкивіаду, чтобъ онъ не уѣзжалъ въ Рапезу, не простившись съ нимъ, что онъ хочетъ еще поговорить съ нимъ и дать о немъ похвальное письмо рапезскому каймакаму, «чтобы тотъ *на него хорошо смотрѣлъ*».

VII.

Алкивіадъ на другой день рано уѣхалъ верхомъ взглянуть на развалины Никополя.

Докторъ спѣшилъ съ утра къ больнымъ и сокрушался, что не могъ сопутствовать ему. Сначала Алкивіадъ пожалѣлъ объ этомъ, но потомъ утѣшился. Мечтать и думать было пріятнѣе одному на зеленой равнинѣ, гдѣ между моремъ и заливомъ стояли развалины.

Въ странѣ, которую посѣтилъ теперь Алкивіадъ, каждый шагъ многозначителенъ для грека. Куда ни обращался его взглядъ, все пробуждало здѣсь великія воспоминанія. Мысъ Акціумъ, гдѣ бились Антоній и Октавій Августъ, былъ недалеко. Съ горестью вспомнилъ Алкивіадъ о томъ, что эти грозные римляне были учениками древнихъ грековъ и что орлы римскіе разносили когда-то греческій умъ и греческій вкусъ во всѣ края свѣта. Почти содрогаясь отъ гордости и горя, вспомнилъ онъ одинъ лишь случай изъ жизни греко-римскаго міра. Онъ вспомнилъ, какъ гонецъ принесъ пароянскому царю голову Красса, разбитаго Суреной, и засталъ своего царя вмѣстѣ съ царемъ арманскимъ за ужиномъ. Оба царя любовались на актеровъ, которые представляли въ эту минуту трагедію Эврипида. Гонецъ вошелъ. Раздались вопли торжества. Актеры умолкли. И голова стараго римскаго полководца пала въ ногамъ восточныхъ царей.

Въ дикихъ горахъ Арменіи цари наслаждались тогда Эврипидомъ! А теперь?..

Не въ Акарнаніи, какъ пророчилъ ему Астрапидесъ, а здѣсь предстала ему тѣнь Чайльдъ-Гарольда.

«О, прекрасная Греція! плачевный обломокъ древней славы! Тебя нѣтъ, и, однако, ты вѣчно безсмертна!

«Кто будетъ нынѣ вождемъ твоихъ сыновъ, разсѣянныхъ по лицу земли? Кто измѣнитъ привычки столь долгаго рабства?

«Сердце тоскуетъ по родинѣ, когда нѣжныя узы соединяютъ его съ родительскимъ кровомъ, сердце живетъ счастливо у домашняго очага... Но вы, одинокіе странники, посѣтите Грецію и бросьте взглядъ на страну столь же грустную, какъ и вы сами. Греція не внушитъ вамъ веселыхъ мыслей!

«Посѣтите эту священную страну, эти волшебныя пустыни! Но щадите эти обломки; пусть рука ваша чтитъ этотъ край, и безъ того ограбленный многими!»

Продолжая размышлять и мечтать, Алкивіадъ приблизился къ той развалинѣ, которую зовутъ баней Клеопатры. Названіе это, конечно, не вѣрно, ибо Никополь (городъ побѣды) былъ построенъ Августомъ и названъ имъ такъ послѣ гибели Антонія и Клеопатры. Зданіе это не велико, и развалины его не имѣютъ ни величія, ни изящества. Есть простыя турецкія бани, которыя гораздо больше и красивѣе. Алкивіадъ мало зналъ археологію и думалъ обо всемъ этомъ какъ простой путешественникъ. Онъ присѣлъ отдохнуть въ тѣни этой развалины и только въ ту минуту замѣтилъ, что неподалеку отъ него, около разрушенныхъ воротъ, стоятъ два осѣдланныхъ мула. Слуга доктора разговаривалъ, сидя на травѣ въ тѣни, съ другимъ мальчикомъ въ простой албанской одеждѣ. Немного подальше стояли предъ стѣной два монаха; одинъ изъ нихъ, сѣдой, показывалъ что-то руками, а другой, черноволосый, еще молодой и очень стройный, записывалъ въ книжку карандашомъ.

Алкивіадъ подошелъ къ нимъ, и они познакомились. Сѣ-

дой монахъ сказалъ, что онъ игуменъ одного изъ монастырей около Репезы, а молодой, котораго выразительное лицо сразу понравилось Алкивіаду, назывался отцомъ Пароеніемъ и былъ въ этой сторонѣ проѣздомъ изъ Македоніи.

Окончивъ свой осмотръ, монахи предложили Алкивіаду раздѣлить съ ними завтракъ въ тѣни развалинъ.

Алкивіадъ согласился съ радостью, слуги принесли сыръ, хлѣбъ, хорошее вино и апельсины, и скоро разговоръ оживился.

Сѣдой монахъ, отецъ Козьма, казался старикомъ простодушнымъ, но отецъ Пароеній былъ крайне остороженъ и тонокъ. При всей живости своей и свободѣ обращенія, полной достоинства, онъ старался больше выспрашивать Алкивіада, чѣмъ отвѣчать ему. Объ одномъ только онъ говорилъ про себя охотно: о своихъ археологическихъ занятіяхъ. Замѣтки его были очень интересны, но Алкивіаду хотѣлось иного, и онъ прямо сознался, что *«новости* предпочитаетъ *древностямъ»*.

— Имѣютъ и древности свой вкусъ,—улыбаясь отвѣчалъ отецъ Пароеній,—особенно, когда настоящее не занимательно, а будущее темно.

— Будущее хоть и темно, однако всегда занимательно,—возразилъ Алкивіадъ,—особенно для народа, который не имѣетъ настоящаго.

— Что-нибудь одно,—сказалъ монахъ (и все съ улыбкой),—если народъ существуетъ, онъ не можетъ быть безъ настоящаго... если же у извѣстнаго общества людей нѣтъ народнаго настоящаго, въ какомъ бы то ни было проявленіи, то нѣтъ, значитъ, и народа... А будущее извѣстно лишь Творцу вселенной. Не такъ развѣ?

Улыбки отца Пароенія казались Алкивіаду насмѣшливыми, и рѣчь его, ясная по смыслу, но темная по намѣренію, раздражала любопытство и самолюбіе... Алкивіадъ далъ себѣ слово, что заставитъ монаха высказаться откровеннѣе. Онъ видѣлъ, что предъ нимъ не простой попъ, а человѣкъ просвѣщенный и, казалось ему, необычайно даровитый.

— Я настоящимъ для народа не зову жалкое прозябаніе подъ игомъ!—воскликнулъ онъ.

— Кто же прозябаетъ и подъ какимъ игомъ?—спросилъ отецъ Парѳеній.—Если вы говорите о турецкомъ правительствѣ, то я не знаю, можно ли назвать игомъ власть, которая въ послѣднее время сдѣлала столько успѣховъ и которая уже почти сравняла всѣхъ своихъ подданныхъ въ правахъ. Не пора ли оставить эти слова безъ смысла и содержанія, взглянуть на дѣло взоромъ чистой логики и назвать, какъ говорится—*корыто корытомъ*, а *смокву смоквой*, а не камнемъ или еще чѣмъ-нибудь инымъ?.. Не пора развѣ?

— Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать,—отвѣтилъ Алкивіадъ.—Я понимаю одну и очень простую вещь, вотъ она: Эпиръ, Ѳессалія, всѣ острова, Константинополь и Македонія, по крайней мѣрѣ, должны принадлежать грекамъ.

— Простая мысль! поистинѣ простая! — воскликнулъ отецъ Парѳеній и засмѣялся громко.

Потомъ прибавилъ еще:

— И Ѳракія, и Ѳракія, если позволятъ обстоятельства.

Отецъ Парѳеній всталъ и, обратясь къ старому игумену, спросилъ:

— Что вы, старче, о чемъ мыслите?

— Силы нѣтъ, силы! — отвѣчалъ старикъ вздыхая.

— А охота есть?—спросилъ отецъ Парѳеній.

— Какъ не быть охоты вѣру свою въ торжествѣ и силѣ видѣть, — сказалъ старикъ.

— Греческая только эта вѣра, старче, или есть и еще православные? Нѣтъ ли какихъ еще сербовъ или татаръ ногайскихъ крещеныхъ въ нашу святую вѣру?..

— Есть! Какъ же? одна Россія считаетъ нынѣ болѣе 70-ти слишкомъ милліоновъ... Господь Богъ простеръ благодать Свою надъ православною державой. Какъ же, какъ же! Есть много православныхъ на свѣтѣ...

Отецъ Парѳеній на это ничего не отвѣтилъ и опять спросилъ смѣясь у игумена:

— Такъ охота есть, старче? Силы нѣтъ? Такъ ли?

— Такъ, конечно такъ.

— Тихія воды опасны и бездонны, старче! Ты тихій и опасный человѣкъ; но я тебѣ скажу, что и охоты имѣть не слѣдуетъ, той охоты, о которой ты говоришь...

— Богъ дастъ! Богъ все дастъ!—кротко замѣтилъ на это старичокъ, и монахи, простясь съ Алкивіадомъ, уѣхали.

Молодой Аспреасъ, размышляя, шагомъ тоже вернулся въ городъ. Отецъ Парѳеній показался ему очень занимательнымъ, и онъ желалъ бы опять встрѣтиться съ нимъ.

Доктора не было еще дома, когда онъ возвратился, и ему пришлось бесѣдовать съ докторшей.

Что было съ ней говорить! Она была со всѣмъ согласна, и если и возражала, то такъ нестерпимо и до того ужъ просто, что Алкивіадъ чуть не возненавидѣлъ ее...

Всякому немного новому слову она удивлялась; шутка почти пугала ее; похвала чему-нибудь мѣстному возбуждала въ ней очень глупый смѣхъ.

Когда, напримѣръ, Алкивіадъ, на вопросъ докторши, не усталъ ли онъ отъ прогулки въ Никополь, сказалъ ей смѣясь, что такой побродяга, какъ онъ, не можетъ легко устать, докторша испугалась и воскликнула: «Ба, ба, ба! Что вы говорите! Какъ можетъ молодой человѣкъ такой хорошей фамиліи быть побродягой! Это только простые сельскіе люди, варвары, не устаютъ!»

— Хорошо, пусть буду и я варваръ! — шутя отвѣтилъ Алкивіадъ.

Докторша еще больше растерялась и закричала пронзительно.

— Ба, ба, ба! Можетъ ли молодой человѣкъ, воспитанный въ европейскихъ городахъ и благородной семьи, быть варваромъ!

«Какая глупая, безвкусная женщина!» подумалъ Аспреасъ.

Случилось ему замѣтить, что бѣлая чалма турецкаго духовенства придаетъ много и красы и величія лицу. Докторша засмѣялась и сказала:

— Это вы шутите! Развѣ чалма можетъ быть красива? Сказано — турецкая вещь!

— Отчего же? Мы не за безобразіе бранимъ турокъ, а за другое,—возразилъ Алкивіадъ, пробуя хоть какъ-нибудь пробудить искру мысли или вкуса въ этой женщинѣ...

— Это правда! — сказала докторша.

Помолчавъ немного, она сама рѣшилась предложить гостю одинъ вопросъ... Вопросъ этотъ давно пожиралъ ея душу; предложить его она считала (какъ и всѣ ея соотечественницы) долгомъ вѣжливости, долгомъ хорошаго воспитанія и просвѣщеннаго ума. Но живость Алкивіада и его странная (въ глазахъ эпирской дамы) манера, — безъ всякихъ вопросовъ о здоровьѣ и замѣтокъ о погодѣ начинать, взойдя въ комнату, шумно и скоро говорить о чемъ попало, — сбила ее совсѣмъ съ толку. Наконецъ она выбрала минуту и спросила:

— Какъ вамъ нравится наше мѣсто?

— Городокъ вашъ имѣетъ очень привѣтливый и веселый видъ, — сказалъ Алкивіадъ.

— Это происходитъ отъ вашей доброты! — отвѣтила докторша. — Такой отвѣтъ обязателенъ, когда дѣло идетъ о похвалѣ чему-нибудь близкому намъ... Доброта, значитъ, ваша дѣлаетъ васъ снисходительнымъ къ недостаткамъ людей и страны.

Алкивіадъ, наконецъ, съ досадой спросилъ ее:

— Скажите мнѣ, я васъ прошу: отчего женщины здѣсь такъ не развиты и не смѣлы?

— Турція! — сказала хозяйка.

— Извините меня! — воскликнулъ съ сердцемъ гость. — Чѣмъ же турки виноваты, что наши женщины не развиты... Въ эти дѣла они не мѣшаются.

— Такъ у насъ уже изстари ведется. Школъ также для дѣвицъ мало... Одна школа дѣвичья у насъ есть въ Превезѣ. Ее поддерживаетъ русская государыня!

Алкивіадъ прекратилъ разговоръ, запѣлъ итальянскую арію и вышелъ на балконъ.

Море было спокойно; флаги консульствъ и турецкій на

крѣпости вѣяли тихо. Съ какою тоской взглянулъ молодой патріотъ на голубой крестъ греческаго флага, который колебался ближе всѣхъ къ балкону доктора.

«Бѣдный родимый флагъ! Когда бы цвѣты твои, бѣлый и голубой—символъ чистоты и постоянства—красили точно душу эллиновъ! Когда бы всѣ патріоты наши, отъ Кипра до Балканъ, были такъ чисты и безкорыстны въ желаніяхъ своихъ, какъ чистъ и безкорыстенъ я въ своихъ мечтахъ... Да, я люблю мою родину, лишь для нея самой, для ея величія и славы... Величіе и слава! Несчастный народъ! Къ кому примкнешь ты въ будущемъ? На чью безкорыстную помощь ты можешь надѣяться? Слабое племя въ четыре милліона—что̀ будешь значить ты при всей тонкости ума твоего, при всей безумной отвагѣ твоихъ сыновъ, при всемъ ихъ трудолюбіи, когда вокругъ тебя тѣснятся и растутъ великія царства? И, если одинъ какой-либо изъ великихъ народовъ Европы протянетъ намъ братскую руку, будетъ ли это страхъ и сознаніе нашей греческой силы? Нѣтъ! Это будетъ милость льва, а не самобытное величіе и слава эллинскаго народа, себѣ лишь одному обязаннаго, собой живущаго, гордаго и опаснаго всѣмъ другимъ!»

VIII.

Собираясь въ Рапезу, Алкивіадъ надѣялся увидать еще разъ отца Парѳенія; онъ спрашивалъ о немъ доктора, но тотъ не встрѣчалъ его и не слыхалъ даже его имени.

Передъ отъѣздомъ докторъ свелъ его еще разъ къ пашѣ.

Мутесарифъ въ этотъ день былъ веселъ. Онъ принялъ ихъ радушно, говорилъ Алкивіаду *ты* и много смѣялся.

— Мы тебя женимъ въ Эпирѣ! — сказалъ паша. — Э, докторъ, женимъ его?

— Постараемся, постараемся.

— Я ужъ для твоего *хатыра*, сынъ мой, — сказалъ паша, — и глаза закрою на то, что ты греческій подданный.

Если возьмешь дѣвушку раія, я ничего не скажу! Веди ее со всѣми комплиментами по улицѣ и съ музыкой, я твоего тестя въ тюрьму не посажу. А вѣдь дѣвицы, я думаю, докторъ, ваши на такого красиваго паликара всѣ смотрятъ сквозь щелки; какъ идетъ онъ по улицѣ, теперь всѣ бѣгутъ къ окнамъ.

— Въ Рапезѣ есть для него невѣсты,—сказалъ докторъ.— Лишь бы взялъ.

Паша потрепалъ по плечу Алкивіада и даже погладилъ рукой его свѣжія щеки. Алкивіадъ краснѣлъ, но не сердился. Ему казались эти ласки скорѣе забавными, чѣмъ оскорбительными.

Они просидѣли у паши долго и не безъ пользы. Алкивіадъ узналъ многое объ албанцахъ, съ духомъ ихъ еще Астрапидесъ совѣтовалъ ему познакомиться ближе.

Расхваливая наружность Алкивіада, паша замѣтилъ, что маленькія уши издавна считаются признакомъ хорошаго рода.

Докторъ, желая польстить хозяину, сказалъ Алкивіаду:

— Вотъ и нашъ паша изъ *большого очага*, одинъ изъ первыхъ домовъ Албаніи; онъ въ этихъ примѣтахъ долженъ быть знатокъ.

— Что́ значитъ, братъ, нынче большой очагъ Албаніи!— воскликнулъ паша.—Аристократія наша не имѣетъ прежней силы.

— Однако!—сказалъ докторъ.

— Не говори ничего!—возразилъ паша.—Въ Стамбулѣ есть великія головы! Кто думаетъ, что теперь то, что́ прежде было, тотъ оселъ! Послушай меня. Точно, было время, мы, албанскіе беи, приказывали туркамъ цареградскимъ, и они боялись ихъ. Хотѣли беи бунтовать, бунтовалъ и народъ. Молодцовъ и теперь у насъ, другъ мой, много, да молодцы эти въ царскомъ войскѣ служатъ. Къ порядку привыкаютъ... Беевъ нашихъ тоже размѣстили хорошо. Говорю я тебѣ, ты меня послушай, въ Стамбулѣ умныя головы есть. Смотри, я мутесарифъ здѣсь; въ Рапезѣ каймакамъ—албанскій бей. Въ Бератѣ мутесарифъ изъ нашего

большого очага. Жалованье большое; почетъ большой; власть большая, ты знаешь. Кто же намъ скажетъ: «тревожьтесь, заводите смуты!» А кто и скажетъ, мы тому отвѣтимъ: пусть голова твоя, оселъ, высохнетъ, мнѣ и такъ хорошо! А народъ безъ насъ, ты самъ знаешь, чтó? Теперь времена такія, что двое заптіе, которыхъ начальство пошлетъ, цѣлую деревню арнаутовъ какъ овецъ пригонятъ сюда на расправу. И хорошо, другъ мой, думаютъ въ Константинополѣ! Азбуки у насъ нѣтъ; турецкими буквами хотятъ нынче албанскія слова писать, чтóбъ учить насъ. Благоразумно это, эфенди мой, очень благоразумно! Вѣру, ты скажешь, мы прежде не знали хорошо. И я скажу тебѣ: правда это, другъ мой, но погляди!.. Иминъ-бей своихъ дѣтей въ Стамбулѣ обучилъ; Нурединъ-бей ходжу ученаго въ домъ взялъ, — тотъ взялъ ходжу, другой къ ходжѣ сына шлетъ... Вѣру узнаютъ люди. Вотъ тебѣ объ Албаніи мое дружеское слово!

— И у геговъ въ сѣверной Албаніи такъ? — спросилъ Алкивіадъ.

— О гегахъ, сынъ мой, я мало знаю, — отвѣчалъ Изетъ-паша. — Я говорю про здѣшнихъ, а тамъ чтó дѣлается, знаетъ Богъ да падишахъ съ Аали-пашой... Намъ до этого и дѣла нѣтъ...

— Чтó жъ! — замѣтилъ докторъ. — Это хорошо; это обезпечиваетъ спокойствіе имперіи. — Надо, чтобы всѣ довольны были, тогда все пойдетъ къ наилучшему.

— Всѣ, другъ мой, довольны быть не могутъ. На недовольныхъ и сила у султана есть...

Алкивіадъ вынужденъ былъ слушать всѣ эти горькія вещи скрѣпя сердце.

Глаза Изетъ-паши смотрѣли на него зорко...

На прощанье паша опять, забывъ государственные вопросы, поласкалъ юношу, пошутилъ съ нимъ и пожалѣлъ, что скоро Байрамъ, а то бы онъ далъ ему заптіе проводить его до Рапезы.

— А то видишь, сынъ мой, жалко людей для праздника въ путь отправлять. Вѣдь и они люди.

Алкивіадъ благодарилъ и сказалъ, что онъ и одинъ доѣдетъ.

— Разбойниковъ не боишься? — отечески спросилъ паша.

Алкивіадъ покраснѣлъ и сказалъ:

— По крайней мѣрѣ, какъ эллинъ, я не долженъ никого, даже бóльшихъ, чѣмъ разбойники, бояться!

— Молодецъ! Люблю молодцовъ! — воскликнулъ паша.— И то сказать: вѣдь вы тамъ съ разбойниками въ Элладѣ хорошо живете. Привыкли — свои люди...

— Свои и для своихъ, хоть и разбойники, а все лучше чужихъ, ваше превосходительство, — замѣтилъ Алкивіадъ...

Лицо паши омрачилось, и онъ угрюмо сказалъ:

— Э! добрый часъ! Добрый часъ вамъ!

Гости ушли.

За первымъ же угломъ докторъ осмотрѣлся и сказалъ Алкивіаду вполголоса:

— Какова лукавая тварь? Съ величайшею простотой-съ... А?

— Да,—отвѣчалъ вздыхая Алкивіадъ.—Печально это слышать, если только это вѣрно.

— Вѣрно, ясно какъ свѣтъ солнца, — продолжалъ докторъ. Южные албанцы входятъ постепенно болѣе и болѣе въ потокъ турецкихъ водъ, и одна лишь сила оружія, — удача христіанъ на полѣ брани, удача, другъ мой, которая могла бы отрѣзать жителей отъ южной Албаніи, отъ военныхъ подкрѣпленій изъ Битоліи, Константинополя и т. д... И развѣ, при этомъ скажемъ, вѣрныя обѣщанія самобытности могли бы обратить ихъ, дать иное направленіе ихъ идеямъ, если можно назвать идеями жалкія подобія мыслей, которыя могутъ пробѣгать по этимъ варварскимъ мозгамъ... Таково мое скромное, посильное мнѣніе, другъ мой. Я человѣкъ не политическій; сужу по мѣрѣ силъ моихъ и не позволю никогда моимъ патріотическимъ чувствамъ и надеждамъ ослѣпить мой разумъ...

— Это грустно, — сказалъ Алкивіадъ, и они оба молча возвратились домой.

На слѣдующій день Алкивіадъ и Тодори уѣхали. Док-

торъ досталъ для Алкивіада хорошую лодку до мѣста, которое зовется Салогоры; отъ Салогоръ же до Рапезы они должны были ѣхать верхомъ. Докторша припасла имъ на дорогу пирогъ, жаренаго барашка и двѣ бутылки вина.

IX.

Зимній день, въ который Алкивіадъ Аспреасъ выѣхалъ изъ Превезы въ Салогоры, былъ тихъ, и широкій заливъ стоялъ зеркаломъ. Гребцы гребли хорошо. Алкивіаду было весело, и онъ вступилъ въ разговоры со слугой г. Парасхо. Они говорили долго о туркахъ, о разбойникахъ, о томъ, какъ живетъ народъ. Алкивіадъ и въ словахъ слуги этого нашелъ много поучительнаго. Тодори былъ суліотъ и не уважалъ ремесленниковъ: разбойники въ его глазахъ были лучше.

— Разбой нельзя уничтожить, — сказалъ онъ. — Разбойники эти благословенны Богомъ. *Бандиты* *) городскіе Богомъ не благословенны; поссорится одинъ бандитъ съ другимъ и убьетъ, это великій грѣхъ. А разбойникъ дѣйствуетъ по правдѣ; онъ захватитъ богатаго купца или бея и потребуетъ выкупъ. Зачѣмъ же роднымъ не дать выкупа? А разбойники всегда должны на церкви, на монастыри или на школы или на бѣдныхъ часть денегъ своихъ отдавать. Они такъ и дѣлаютъ. Разбой благословеніе Божіе имѣетъ, и гораздо лучше христіанину хорошему быть разбойникомъ, чѣмъ хоть бы столяромъ, потому что столяры Христомъ прокляты. А проклялъ Христосъ столяра за то, что однажды шелъ Христосъ, встрѣтилъ столяра и спросилъ его: «Что ты несешь въ своемъ фартукѣ?» Столяръ несъ деньги и солгалъ, сказавъ: «Опилки несу». — «Носи же ты всегда опилки и богатъ никогда не будь». Прокляты также пастухи коровьи. Посмотрите на пастуха овечьяго, какъ онъ

*) *Бандитами* зовутъ иногда въ Эпирѣ бѣдныхъ горожанъ-ремесленниковъ, потому что они вообще очень бойки, смѣлы и охотно берутся за ножъ. Архонты не любятъ ихъ и боятся.

покоенъ! А коровій пастухъ никогда не спокоенъ; коровы бѣгаютъ туда и сюда, и онъ бѣгаетъ за ними и собираетъ ихъ. Прежде ему было лучше, прежде коровы паслись смирно, а пастухъ сидѣлъ на стулѣ и на свирѣли игралъ. Попросилъ Христосъ напиться у коровьяго пастуха: не далъ ему тотъ воды, и наказалъ его Богъ; а разбойника, когда былъ распятъ со Христомъ, благословилъ Богъ, сказавъ ему: «Ты благословенъ Мною», за то, что разбойникъ спряталъ гвоздь, который евреи хотѣли въ сердце Христу вбить, и евреи не могли его найти.

Кончивъ свой разсказъ, Тодори обратился къ гребцамъ и спросилъ у нихъ:

— Правду я говорю, дѣти?

— Правду! — отвѣчали гребцы.

— Не Божье благословеніе спасаетъ разбойниковъ, Тодори, — сказалъ Алкивіадъ, — а нерадѣніе турокъ и наши эллинскія несогласія.

— Турки! Чтò могутъ турки сдѣлать! Турки ничего не сдѣлаютъ... Турція пропала и совсѣмъ погибнетъ скоро.

— Ты думаешь? — спросилъ Алкивіадъ. — А я думаю, что теперь турки поправились и гордѣе стали послѣ того, какъ критскія дѣла кончились. Положимъ, что ихъ франкъ держитъ, однако, все-таки намъ теперь труднѣе стало.

— Нѣтъ! — воскликнулъ Тодори. — Сколько они ни гордись, а вся сила Турціи къ русскимъ послѣ Крымской войны перешла. Развѣ вы не знаете, чтò русскіе съ ними сдѣлали. Пріѣхалъ въ Константинополь великій князь Константинъ, нашей Ольги отецъ, и привезъ султану въ подарокъ богатые часы, съ четырьмя золотыми минаретами по угламъ. Султанъ очень обрадовался и не зналъ, какъ отдарить его. Призвалъ патріарха и спросилъ: скажи мнѣ, старче, чтò дать въ подарокъ великому князю? Патріархъ сказалъ: есть древній крестъ, зарытый въ землю. Дайте ему этотъ крестъ, и какъ онъ одной вѣры съ нами, ему это будетъ пріятно. Велѣлъ отрыть султанъ крестъ и отдалъ Константину. Великій князь, какъ только взялъ крестъ, такъ сейчасъ сѣлъ на пароходъ и уѣхалъ. Сказали сул-

тану, что съ крестомъ этимъ и вся сила Турціи уйдетъ; испугался онъ и послалъ догонять князя и просить назадъ крестъ, что это по ошибкѣ дали. Да гдѣ ужъ! Что? развѣ русскіе своей выгоды не знаютъ? Князь не отдалъ креста, и съ тѣхъ поръ, что ни сдѣлаетъ Турція, все не къ добру, а къ худу ее ведетъ. Такъ и пропасть ей, анаѳемской, скоро!

Не желая разрушать вѣру людей въ слабость Турціи, Алкивіадъ сказалъ:

— Это правда, я и самъ слышалъ объ этомъ. Только разбойники Богомъ не благословенны, это, Тодори, неправда!

— Это вѣрно, — сказалъ Тодори.

Долго еще они разговаривали; Алкивіадъ разспрашивалъ его еще о семьѣ своего дяди Ламприди, о Салаяни и Дэли.

Господина Ламприди, жену его и всю семью ихъ Тодори очень хвалилъ; но смѣялся только одному, что господинъ Ламприди боится Салаяни и по дѣламъ своимъ даже никогда теперь въ свои чифтлики ни самъ не ѣздитъ, ни сыновей не посылаетъ. И прежде боялся, а теперь Салаяни погрозился, что онъ его въ самомъ городѣ схватитъ.

— За что-то сердится на него Салаяни, — сказалъ Тодори.

Алкивіадъ зналъ, за что Салаяни сердитъ на его дядю.

Веселый и интересный разговоръ, однако, продолжался не слишкомъ долго. Море стало волноваться; загремѣлъ зимній громъ. Дождь полился рѣкой, и сами гребцы сознались, что есть опасность. Лодка была мала; парусъ сняли, чтобъ ее не опрокинуло, и на однихъ веслахъ боролись долго съ волнами. Темнѣло все больше и больше; до песчанаго берега было близко, но до Салогоръ ѣхать было гораздо дальше; тонуть безъ нужды никому не хотѣлось, и сообща всѣ рѣшили пристать, гдѣ придется къ низкому берегу.

Лодочники вытащили съ большимъ трудомъ и по колѣна въ водѣ лодку на песокъ, чтобъ ее не снесло; и Тодо-

ри, и самъ Алкивіадъ помогали имъ сколько было силъ; расплатились, оставили ихъ однихъ на берегу и пошли пѣшкомъ. Алкивіадъ съ радостью узналъ, что всего на одинъ часъ съ небольшимъ отъ берега стоитъ монастырь, въ которомъ игуменомъ тотъ старый и добрый монахъ, котораго онъ видѣлъ вмѣстѣ съ отцомъ Пароеніемъ на развалинахъ Никополя.

Алкивіадъ и Тодори, вышедши на берегъ, долго шли по грязи и съ большимъ трудомъ отыскали дорогу въ монастырь. Гроза скоро прекратилась; но дождикъ продолжалъ итти, и ночь приближалась.

Нѣсколько разъ Алкивіадъ останавливался вздохнуть и садился на камни. Тодори заботился о немъ и подстилалъ ему всякій разъ свою бурку, чтобы онъ не простудился, сидя на камняхъ.

Такъ, отдыхая и опять пускаясь въ путь, прошли они около часу; до монастыря было уже не далеко.

Людей они долго не встрѣчали. Только не доходя получаса до монастыря, поравнялся съ ними одинъ поселянинъ въ буркѣ. На головѣ его былъ надѣтъ башлыкъ отъ дождя.

— Добрый часъ! — сказалъ онъ.

Путники поблагодарили его.

— Куда идете? въ Рапезу? — спросилъ поселянинъ.

— Пока въ монастырь; а тамъ завтра въ Рапезу, — сказалъ Тодори. — А вы куда?

— Я тутъ поблизости въ селѣ былъ.

Тодори нагнулся и, всмотрѣвшись въ лицо поселянина, сказалъ ему смѣясь:

— Я васъ не узналъ. Давно не видались. Ну, какъ проводите время?

— Какъ проводить! — отвѣчалъ со вздохомъ поселянинъ, — какую жизнь мы влачимъ — самъ знаешь!

— Жизнь тяжелая! — согласился и Тодори.

Прошли еще немного молча.

— Все дожди, — сказалъ поселянинъ.

— Дожди ничего въ такое время, — отвѣчалъ Тодори, —

не было бы мороза. Простоитъ морозъ, всѣ лимоны и апельсины пропадутъ.

— Это правда, апельсины пропадутъ; а лимоны еще нѣжнѣе. Лимоны отъ холода скорѣе апельсиновъ пропадаютъ, — замѣтилъ поселянинъ.

Монастырь былъ уже близко, и изъ одного окна чрезъ стѣны свѣтился привѣтливый огонь.

Поселянинъ простился съ Тодори.

— Не зайдете къ игумену? — спросилъ его Тодори. — Я думаю, теперь у него нѣтъ народу.

— Не могу, пора домой, въ село... — отвѣчалъ поселянинъ, еще разъ пожелалъ Алкивіаду «добраго часа» и удалился.

Когда онъ исчезъ въ темнотѣ, Тодори тихо сказалъ Алкивіаду:

— А знаете кто это? Это разбойникъ Салаяни.

Алкивіадъ, несмотря на всю свою смѣлость, немного испугался.

— Хорошо сказалъ паша: «въ Элладѣ разбойники «свои люди», знаешь ихъ обычаи, ихъ духъ, знаешь и мѣстность»... Иное дѣло видѣть Дэли въ домѣ Астрапидеса; иное дѣло стоять здѣсь, въ Турціи, ночью, въ грязи, подъ дождемъ и безъ оружія и знать, что Салаяни недоволенъ имъ. Развѣ онъ не можетъ вернуться чрезъ полчаса съ десяткомъ товарищей и осадить монастырь? Онъ бы могъ спросить объ этомъ у Тодори, но стыдился обнаружить предъ нимъ свой страхъ.

Тодори былъ не только спокоенъ, онъ даже повеселѣлъ отъ встрѣчи съ разбойникомъ и смѣясь сказалъ Алкивіаду:

— Постращать надо старичка игумена, что Салаяни кругомъ монастыря ходитъ. Салаяни на него сердитъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ пришелъ онъ съ двумя людьми вечеромъ къ монастырскимъ стѣнамъ и сталъ звать игумена. Подошелъ игуменъ къ окну, а Салаяни снизу кричитъ ему: «Дай, старче, десять лиръ турецкихъ, на цѣлый годъ тебѣ покой будетъ отъ насъ». Игуменъ не испугался, по-

тому что стѣны высоки и народу у него тогда собралось въ монастырѣ къ празднику человѣкъ пять-шесть. «Не дамъ», говоритъ. — «И ночевать не пустишь, старче?» — «Не буду я васъ укрывать никогда. Добрый часъ вамъ! Тащитесь своей дорогой». Вотъ Салаяни и ушелъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, въ чортовъ списокъ игумена записалъ. Постращаемъ старичка.

На стукъ нашихъ усталыхъ путниковъ въ ворота долго не отвѣчалъ никто. Только собаки лаяли и рвались имъ навстрѣчу.

Послѣ долгихъ разспросовъ: «Кто вы?» «Что хотите?» «Какіе вы люди?» служка монастырскій отворилъ имъ дверь, и самъ игуменъ старичокъ съ радостью повелъ Алкивіада наверхъ. Сейчасъ въ большой комнатѣ затопили очагъ; сняли съ Алкивіада грязные сапоги, принесли ему туфли, и онъ съ радостью легъ на широкій турецкій диванъ, у самаго огня. Игуменъ долго бѣгалъ вездѣ самъ, доставалъ варенье, смотрѣлъ, чтобы скорѣе варили кофе для гостей, и Алкивіадъ оставался долго одинъ, размышляя о Салаяни и спрашивая себя: «Зачѣмъ же онъ ему не открылся? Вѣроятно онъ сердился на него за то, что Алкивіадъ не сумѣлъ выхлопотать ему отъ дяди прощеніе».

Наконецъ, пользуясь тѣмъ, что игуменъ на минуту присѣлъ около него, онъ разсказалъ ему свою встрѣчу съ разбойникомъ подъ стѣнами монастыря, не показывая, разумѣется, вида, что онъ видѣлся съ нимъ прежде въ Акарнаніи.

— Тодори его узналъ, — сказалъ Алкивіадъ.

Игуменъ, вздохнувъ, воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Великая язва, киръ-Алкивіадъ, для насъ этотъ разбой. Все хуже и хуже. Ни за овцу, ни за осла (извините!) *), ни за свою собственную жизнь человѣкъ не спокоенъ... Не смотритъ правительство наше какъ слѣдуетъ; генералъ-губернаторъ новый хорошъ, умный человѣкъ и дѣятельный, но сказано, что одна кукушка еще не весна...

*) Слово *оселъ* считается непристойнымъ.

Бѣдный, и онъ не поспѣваетъ вездѣ. Этотъ извергъ Салаяни бичъ Господень на человѣчество. Великій злодѣй и безчеловѣченъ онъ, государь мой, хищный звѣрь во образѣ человѣка! Знавалъ я въ мою долгую жизнь многихъ разбойниковъ; но у многихъ была хоть какая-нибудь совѣсть. Вотъ былъ прежде Шемо, его поймалъ Хусни-паша и казнилъ. Этотъ Шемо отъ добычи удѣлялъ на церкви, на школы, на монастыри; къ бѣднымъ былъ щедръ. А у Салаяни ничего нѣтъ священнаго. Хищный звѣрь во образѣ человѣка. И давно бы ему погибнуть, если бъ отъ страха, а иные отъ собственнаго варварства, не спасали его крестьяне... Они одни могутъ предать его въ руки власти... А вали самъ по себѣ его не поймаетъ... Это вѣрно!

Алкивіадъ потомъ сталъ разспрашивать игумена о его собственномъ образѣ жизни и о томъ, чѣмъ держится монастырь.

Старикъ разсказалъ ему, что монастырь получаетъ отъ стадъ и небольшихъ посѣвовъ около 15.000 піастровъ въ годъ. Имѣетъ сверхъ того старинную грамоту, вѣка два тому назадъ данную Россіей, и отъ времени до времени получаетъ изъ Петербурга небольшую сумму. Были изъ Валахіи прежде доходы «преклоненныхъ» монастырей, да безчеловѣчный Куза, «да будетъ онъ во вѣки проклятъ», посягнулъ на эту собственность, и одна надежда наша и есть лишь на Россію, которая, Богъ дастъ, отстоитъ хоть что-либо для бѣдныхъ грековъ.

— Все-таки есть доходы и теперь: вѣроятно есть и приношенія, — сказалъ Алкивіадъ.

— Половину дохода отдаемъ на сосѣднія школы, — отвѣчалъ игуменъ. — А приношенія? Какія у насъ приношенія? Благочестія нынче нѣтъ, государь мой! Денегъ въ монастырь не несутъ люди... Это не то, что въ Россіи! Тамъ видите вы и благочестіе. Я ѣздилъ въ Россію и видѣлъ благоденствіе этого края! Тамъ существуетъ благочестіе. И стоитъ русскій въ церкви иначе, чѣмъ стоитъ грекъ... Видѣлъ я и посланника русскаго въ Аѳинахъ, видѣлъ, какъ онъ стоитъ въ церкви и какъ наши эллинскіе министры

стоятъ. Иначе стоитъ русскій посланникъ, иначе стоитъ нашъ министръ. Когда бы вы могли видѣть благолѣпіе храмовъ и богатство монастырей въ Россіи! Словомъ, иное устройство. У насъ здѣсь, видите, все по одному игумену въ каждомъ монастырѣ, и рѣдко гдѣ два-три человѣка есть. А тамъ монастыри многолюдны, и не могу изобразить вамъ отраду для православнаго человѣка, когда видитъ онъ этотъ неизмѣримый край, который Богъ сохранилъ для нашего спасенія... Повѣрьте мнѣ, даже земля тамъ иная: у насъ, въ Турціи, все горы и камень, какъ проклятіе какое-нибудь надъ этимъ дикимъ мѣстомъ! А тамъ и мѣсяцъ ѣдешь, ни одной горы не увидишь...

— А болгарскій вопросъ? — спросилъ Алкивіадъ.

Игуменъ разсмѣялся и всталъ, говоря:

— А вотъ я посмотрю, если не спитъ отецъ Парѳеній, онъ о болгарскомъ вопросѣ говоритъ иначе... Онъ вѣдь болгаринъ, вы это знаете!

Алкивіадъ очень обрадовался что занимательный отецъ Парѳеній здѣсь, и дремота, которая начала было одолѣвать съ дороги и отчасти отъ скуки съ простодушнымъ игуменомъ, пропала вовсе, и онъ желалъ теперь только одного, чтобъ отецъ Парѳеній пришелъ.

Съ игуменомъ, Алкивіадъ полагалъ, и спорить не стоило, онъ какъ отецъ скажетъ: «мы греко-россійской церкви поклоняемся, сынъ мой!» Отецъ Парѳеній былъ иное, и такъ какъ теперь открылось, что онъ болгаринъ, то еще занимательнѣе. Настоящихъ болгаръ Алкивіадъ встрѣчалъ очень рѣдко, и ни съ однимъ изъ нихъ не случалось ему коротко знакомиться. Онъ зналъ только нѣсколько студентовъ изъ Македоніи, которые учились въ Аѳинахъ, но въ Аѳинахъ они казались самыми пылкими греками, и лишь позднѣе съ большимъ удивленіемъ и горестью узнавалъ разными путями, что многіе изъ нихъ вернулись въ болгарскія страны и изъ пылкихъ грековъ стали изступленными болгарами. Неблагодарно (по мнѣнію Алкивіада) и неблагородно потребляютъ противъ эллинизма тѣ силы, которыя дала имъ эллинская образованность.

«Посмотримъ, что скажетъ онъ про болгарскій вопросъ!» думалъ Алкивіадъ и съ нетерпѣніемъ сталъ даже ходить по комнатѣ.

Отецъ Пароеній не спалъ: онъ и самъ хотѣлъ притти побесѣдовать съ нечаяннымъ гостемъ монастыря, но боялся обременить его, усталаго отъ труднаго пути.

Когда отецъ Пароеній вошелъ, Алкивіадъ первымъ дѣломъ поцѣловалъ его руку, чтобы снискать благосклонность умнаго монаха и изъ другого деликатнаго чувства... такъ какъ отецъ Пароеній былъ болгаринъ.

Молодой монахъ, казалось, былъ тронутъ этимъ вниманіемъ; онъ поцѣловалъ Алкивіада и не скрывалъ, что тоже очень радъ его видѣть.

Сидя около камина, они долго улыбались привѣтливо другъ другу и разспрашивали другъ друга о ничтожныхъ предметахъ.

Мало-по-малу Алкивіадъ добился своего: онъ заставилъ отца Пароенія говорить о болгарскомъ вопросѣ и о грекахъ.

— Я не зналъ, повѣрьте мнѣ, что вы болгаринъ, — сказалъ ему Алкивіадъ. — По лицу вашему, столь оживленному и, простите мнѣ этотъ комплиментъ, столь красивому — я думалъ, что вы грекъ.

Отецъ Пароеній засмѣялся и отвѣчалъ:

— Комплиментъ вашъ былъ бы выгоденъ для меня, если бъ я былъ міряниномъ. А теперь онъ имѣетъ болѣе оскорбительное для болгарства, чѣмъ пріятное для меня значеніе. Неужели вы думаете, что всѣ болгары похожи на готтентотовъ или на какихъ-либо звѣрей? А я вамъ на это скажу, что не знай я, что вы грекъ, я васъ бы принялъ за южнаго славянина. У васъ въ физіономіи нѣчто сладкое и кроткое, чего нѣтъ у большинства вашихъ соотчичей... Лицо есть зеркало души. Болгаринъ добръ и простъ; грекъ лукавъ и жестокъ.

Алкивіадъ и на это отвѣчалъ въ томъ же духѣ.

— Колко для народности, любезно для лица.

— Признаюсь, если всѣ болгары простодушны, какъ вы, такъ для насъ пропала не только Өракія, но даже и

Македонія! Одна моя надежда, что такихъ, какъ вы, немного вездѣ.

— А тѣмъ болѣе у бѣдныхъ болгаръ! — воскликнулъ отецъ Пареенiй. — Хорошо, пусть будетъ по-вашему: принимаю ваши похвалы мнѣ въ ущербъ моему народу... Надежда нашего бѣднаго, угнетеннаго народа на слова Спасителя: «Первые будутъ послѣдними и послѣдніе будутъ первыми»!

Такъ завязался разговоръ о болгарскомъ вопросѣ. Молодые люди, монахъ и политикъ, проспорили за полночь. Игуменъ ушелъ гораздо раньше, и давно уже въ монастырѣ спали, когда они простились и разошлись.

Споръ вышелъ такого рода, что Алкивіадъ, союзникъ Турціи, былъ вынужденъ нападать на нее, а отецъ Пареенiй защищалъ и Порту и даже турецкую націю. Алкивіадъ разъ или два даже склонялся въ пользу Россіи (діалектическая ловкость монаха довела его до этого), а славянинъ, не относясь къ Россіи съ явною враждой, жалѣлъ однако и осуждалъ русскихъ за ихъ излишнее потворство патріархіи. Монаху приходилось не разъ отстаивать народность противъ церкви, деисту же и политику-демагогу — защищать церковь противъ народныхъ посягательствъ.

Вопросъ этотъ Алкивіадъ зналъ, конечно, хуже монаха, и отецъ Арсеній старался долго и напрасно доказывать ему, что Россія поддерживаетъ скорѣе патріарха, чѣмъ болгаръ.

На этомъ они разстались.

На другое утро Алкивіадъ и Тодори выѣхали на монастырскихъ лошадяхъ по дорогѣ въ Рапезу. Вчерашнія облака разсѣялись, солнце грѣло, и игуменъ съ отцомъ Пареенiемъ провожали ихъ больше часа. Присѣли проститься и отдохнуть; игуменъ выложилъ на коврикъ хлѣбъ и хорошій сыръ для гостя; выпили и вина за здоровье другъ друга; Тодори тутъ же развелъ огонь и сварилъ на немъ кофе. Отецъ Пареенiй дружески глядѣлъ на Алкивіада и наконецъ сказалъ ему:

— Пока вы роскошно нѣжились до поздняго часа, какъ

истинный аѳинянинъ, я, какъ монахъ и человѣкъ сельскій, всталъ рано, вышелъ за ограду монастырскую, сѣлъ на камень и долго думалъ о васъ. Думалъ я, думалъ и нашелъ для васъ притчу одну. Ее-то я вамъ хочу сказать на прощанье, чтобы вы вспомнили мою толстую болгарскую голову съ добрымъ чувствомъ. Вотъ моя притча. Назову я ее притчей *о неблагоразумномъ земледѣльцѣ*. Неблагоразумный земледѣлецъ этотъ жилъ у подошвы крутой и большой горы. Гора эта была на сѣверѣ и западѣ отъ его жилища, а на востокъ и югъ простиралось широкое мало воздѣланное поле; на этомъ полѣ владѣли предки земледѣльца землями цѣлые вѣка, и обломки домовъ ихъ видны тамъ до сихъ поръ. Но селянинъ не глядѣлъ никогда на это поле, взоры его обращались на скромные виноградники, которые въ потѣ лица воздѣлывали по склону горы его сѣверные сосѣди, столь же бѣдные, какъ и онъ, или еще болѣе бѣдные. Онъ началъ съ ними долгую и несправедливую тяжбу на тѣхъ лишь доводахъ, что прадѣдъ его захватилъ когда-то силой эти земли горныя и держалъ ихъ всего двадцать лѣтъ. Было это очень давно, и держалъ этотъ человѣкъ виноградники, скажу вамъ, примѣрно, отъ 1020 года до 1040 года не больше. Тогда винодѣльцы были сильнѣе и прогнали его. Теперь они бѣдны и слабы. Но на вершинѣ горы стоитъ высокій дворецъ богатаго бея, которому бѣдные виноградари эти близкіе родные. Не всѣ ихъ требованія исполняетъ бей такъ, какъ бы они хотѣли, и дружба его дома съ домомъ неразумнаго пахаря — дружба древняя. Не знаетъ однако и бей иногда, что дѣлать и съ бѣдными родственниками, и съ неразумнымъ пахаремъ, котораго онъ также жалѣетъ и любитъ. Трудно бею, трудно и пахарю, трудно и винодѣльцамъ бѣднымъ. Тяжба разоряетъ ихъ; и враги ихъ общіе празднуютъ радостный праздникъ, видя раздоры ихъ. Такъ идетъ дѣло давно, и никто не сказалъ еще пахарю: «Неразумный и злой пахарь! Если твоя запашка тебѣ кажется малою, брось взоры свои на широкое восточное поле, гдѣ видны слѣды твоихъ великихъ предковъ, порос-

шіе мхомъ и терніемъ, и протяни братскую руку и бею могучему, и роднымъ его бѣднымъ! Не взойти тебѣ и на полгоры, беззаконно-неразумный и жестокій пахарь». Вотъ моя притча! — сказалъ вставая отецъ Парѳеній и обнялъ Алкивіада.

Алкивіаду не трудно было понять ее. Онъ догадался, что пахарь неразумный не кто иной, какъ грекъ, а бѣдные родственники богатаго бея — южные славяне, сосѣдніе греки. А кто бей богатый — это также было ясно.

X.

Около полудня, въ первый день байрама, путники выѣхали въ Рапезу.

Алкивіадъ полюбовался на древній турецкій мостъ черезъ рѣку, которая шумно бѣжала по камнямъ, переполнившись отъ вчерашняго дождя... Экипажамъ, если бъ они были въ странѣ, было бы трудно проѣзжать по его каменнымъ уступамъ; но видъ его былъ величавъ и прочень.

Про этотъ мостъ сложена народомъ краткая пѣсня о временахъ побоищъ подъ стѣнами Рапезы:

Три птички малыя сидятъ на старомъ мостѣ:
Одна глядитъ на Янину, другая смотритъ къ Пéтѣ,
А третья, меньше всѣхъ, щебечетъ рѣчь такую:
«Ахъ, не найдется ли одинъ хоть христіанинъ, чтобъ въ Пéту
вѣсть подать.
Туретчины собралось множество, чтобы напасть на Пéту;
Самъ Целіосъ *) впередъ идетъ, за нимъ идутъ низамы....
И караулы всѣ кричатъ»....
. . . .

За мостомъ начались по обѣ стороны большіе апельсинные сады, загороженные отъ дороги высокими стѣнами тростника.

---

*) *Целіосъ* — албанецъ, мусульманскій вождь иррегулярнаго войска, извѣстный своими подвигами противъ грековъ во время войны за независимость.

На базарѣ много было народу; христіане и евреи торговали. Турки, нарядные для байрама, сидѣли въ кофейняхъ и у знакомыхъ въ лавкахъ; на первомъ же углу нѣсколько албанцевъ, худыхъ, усатыхъ и воинственныхъ, въ богато расшитыхъ золотомъ курткахъ, непріязненно поглядѣли на Алкивіада, не дали дороги его лошади, и когда онъ объѣхалъ ихъ осторожно, воскликнули громко:

— Еще одинъ франкъ! Кто онъ такой и откуда?

Толпа турецкихъ мальчишекъ и дѣвочекъ, услыхавъ эти слова, побѣжали за ними съ криками:

— Фрáнко-марáнко! Фрàнко-марáнко! Откуда ты, фрàнко-марáнко?!

Алкивіадъ и Тодори ѣхали молча. Алкивіадъ пожиралъ свою досаду, думая, что всѣ окружающіе смѣются надъ нимъ вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Молчать! — закричалъ на дѣтей одинъ почтенный сѣдой турокъ, проходя мимо.

Но дѣти не послушались его и продолжали шумѣть и прыгать вокругъ лошадей. Наконецъ одна прехорошенькая дѣвочка подняла съ мостовой камень и бросила въ лошадь Алкивіада.

Лошадь испугалась и кинулась въ сторону. Алкивіадъ былъ ѣздокъ смѣлый, но не слишкомъ искусный. Онъ едва усидѣлъ на сѣдлѣ и внѣ себя отъ гнѣва обернулся съ хлыстомъ на толпу дѣтей. Турчата и дѣвочки разбѣжались со смѣхомъ и криками.

Тогда одинъ изъ албанцевъ загородилъ дорогу Алкивіаду и спокойно, но со свирѣпостью во взглядѣ сказалъ ему по-гречески:

— Не тронь, они неразумныя дѣти!..

— Дѣти! — закричалъ на албанца Тодори, не давая времени Алкивіаду отвѣтить. — Дѣти, ты говоришь... А зачѣмъ большіе не учатъ ихъ разуму?..

— Не кричи на меня, кефиръ! — воскликнулъ албанецъ, хватая Тодори за узду...

Тодори въ мигъ соскочилъ съ лошади и схватилъ албанца за грудь... Оба остановились на мгновенье, какъ бы

сбираясь съ духомъ... «Кефиръ!» шепталъ албанецъ. «Собака!» громко кричалъ Тодори.

Алкивіадъ тоже соскочилъ съ лошади; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ подоспѣть къ бойцамъ, ихъ уже окружила цѣлая толпа грековъ, албанцевъ, евреевъ. Алкивіадъ уже не могъ разобрать... Всѣ кричали, ругались, уговаривали... Алкивіадъ видѣлъ только, что Тодори съ албанцемъ, крѣпко схватившись, кружились на мѣстѣ и не могли ничего сдѣлать другъ другу, потому что на нихъ уже повисло, чтобы разнять ихъ, пять-шесть человѣкъ... Подбѣжали заптіе и стали разгонять народъ, угрожая прикладами и поднимая ихъ надъ головами... Одинъ изъ нихъ, быть можетъ, разгорячась и по неосторожности, ударилъ прикладомъ въ плечо Алкивіада... Алкивіадъ толкнулъ его сильно въ грудь...

— Бери его! — закричалъ чаушъ, — на полицію поднимать руку, знаешь за это, что... два года тюрьмы тебѣ, свинья! Бери его!

— Я греческій подданный! — сказалъ Алкивіадъ.

— Бери его!

Его схватили за руки... Но въ этотъ мигъ толпа разступилась сама передъ высокимъ старикомъ, одѣтымъ въ мундиръ съ золотымъ шитьемъ на груди. Съ радостью узналъ въ немъ Алкивіадъ дядю своего капуджи-баши киръ-Христаки Ламприди. Онъ возвращался отъ каймакама, которому только что сдѣлалъ офиціальный визитъ по поводу Байрама, услыхалъ шумъ и подошелъ къ толпѣ... Въ мигъ все утихло. Заптіе молча оставили Алкивіада, какъ только услыхали, что онъ племянникъ киръ-Христаки; они даже точно виноватые опустили глаза... Албанца съ Тодори къ тому времени тоже уже розняли, и они оба всклоченные и потные пожирали лишь искоса другъ друга глазами, какъ два сильныхъ пса, которымъ не удалось утолить свою злобу.

Смущеннаго и разсерженнаго Алкивіада киръ-Христаки взялъ подъ руку, вывелъ изъ толпы, и за нимъ вслѣдъ побрелъ и Тодори, проклиная вполголоса турокъ. Лошадь

игумена была тутъ: ее поймалъ подъ уздцы, въ ту минуту, когда Алкивіадъ бросилъ ее, одинъ изъ тѣхъ самыхъ мальчиковъ, которые кричали «франко-маранко». Мальчикъ повелъ лошадь за ними до киръ-Христаки; онъ уже звалъ Алкивіада «эфенди» и улыбался ему благодушно.

Киръ-Христаки далъ мальчику одинъ піастръ за трудъ, похвалилъ, приласкалъ его, назвалъ дружески «рогачомъ» и «негодяемъ» и отпустилъ домой.

XI.

Черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Алкивіада изъ Корфу сестра его получила отъ него письмо.

«Милая сестра моя (писалъ онъ), я *влюбленъ!* Позволь мнѣ признаться въ этомъ тебѣ одной. Я привыкъ смотрѣть на тебя, какъ на музу, которая пробуждала въ душѣ моей первые благородные звуки жизни. Или лучше я сравню тебя съ нимфой Эгеріей, которая учила мудрости Нуму Помпилія. Не ты ли замѣнила мнѣ мать у колыбели моей? Не ты ли слѣдила за первыми успѣхами моими въ ученьѣ? О, конечно, не маленькая книжка, по которой насъ обучали въ школѣ эллинской исторіи, развила во мнѣ то живое чувство патріотизма, которое мнѣ стало такъ присуще, безъ котораго я уже не понимаю жизни земной!.. Твои пламенныя, горныя очи блистали около меня, какъ путеводныя звѣзды, возвышая мои помыслы! Не ты ли говорила мнѣ: «Помни, Алкивіадъ, что ты эллинъ! Провидѣніе не даромъ сохранило греческій народъ подъ игомъ варваровъ... Помни, что и Периклъ, и Демосѳенъ, и Сократъ, и Леонидъ Спартанскій были такіе же люди, какъ и мы. Если они умѣли быть великими на столь тѣсномъ поприщѣ, какъ древне-эллинскія республики, не должны отчаяваться и мы...» Не ты ли заботилась о моей будущности? Не ты ли отговорила меня, когда я было хотѣлъ посвятить себя медицинѣ, и указала мнѣ на политическое поприще? Не ты ли представила меня королю, куда ты была сама естественно призвана — красотою твоей, улыбкою и образованностью? Позволь же мнѣ мыслить и чувствовать съ тобой вслухъ — по старой привычкѣ...

«*Я влюбленъ*, дорогая моя Афродита! Не скрою отъ тебя моихъ колебаній... Я еще не знаю, какъ влюбленъ... Настолько ли я влюбленъ, чтобы связать себя навѣкъ... Пусть будущее рѣшитъ это. Я же не стану больше мучить тебя загадками: я влюбленъ въ нашу родственницу, Аспазію Ламприди. Я тебѣ скажу, какова она. Что она вдова, ты это помнишь, вѣроятно. Она, конечно, милая Афродита, не имѣетъ твоего воспитанія. Она не блещетъ даже и поразительною красотой. Она немного болѣзненна, мала ростомъ, задумчива, уныла; но иногда, когда какой-то лучъ жизни пробѣжитъ по лицу ея, она становится обворожительна. Мнѣ нравится также ея природный умъ... Мнѣ даже начинаетъ нравиться мрачная вдовья одежда, которую она, по здѣшнему обычаю, не снимаетъ, несмотря на то, что послѣ смерти ея мужа прошло пять лѣтъ. Повѣришь ли ты мнѣ, я чувствую иногда ревность къ портрету ея покойнаго мужа, снятому дурнымъ странствующимъ фотографомъ. Кажется мнѣ, она это замѣтила. Вчера она, разсматривая его, спросила у меня: «Не нравится тебѣ этотъ портретъ?» Я тоже отвѣчалъ вопросительно: «Портретъ или что-нибудь еще?» Она поняла меня и отвѣчала съ улыбкой: «Какъ хочешь, это твое дѣло...» Я все не хотѣлъ отвѣтить прямо и спросилъ еще: «А твое дѣло въ этомъ какое?» — «Мое?—отвѣчала она.—Мнѣ нравился и прежде и теперь нравится...» «А мнѣ,— сказалъ я, — не нравятся здѣшніе богатые молодые люди. Они всѣ очень грубы, боязливы, не умѣютъ жить, не патріоты и кромѣ картъ и разгула ничего не знаютъ!» Она даже не покраснѣла. Она бѣла и холодна, какъ паросскій мраморъ. О! какъ бы я желалъ быть ея Пигмаліономъ. Прощай; обнимаю тебя. Меня зовутъ. Я оставляю тебя въ изумленіи и тревогѣ за мою участь. Но не бойся—это ненадолго. Я буду попрежнему часто писать тебѣ, и ты, хотя и съ волненіемъ участія, но безпрерывно будешь слѣдить за бурями и затишьями моего сердца. Я живу не у дяди Христаки; я не настолько близкій родственникъ ему, чтобы прилично было мнѣ жить долго въ домѣ, въ которомъ столько женщинъ. Я живу у другого нашего родственника и добраго старичка, Ѳемистокла Парасхо, котораго, помнишь, и ты видѣла однажды въ Корфу. Онъ все тотъ же...»

XII.

По церковному уставу Алкивіадъ могъ бы жениться на Аспазіи; киръ-Христаки былъ троюродный братъ его отцу. Но былъ ли онъ въ нее такъ влюбленъ, какъ писалъ сестрѣ?.. Ему это казалось... Онъ прожилъ больше мѣсяца въ Рапезѣ въ пріятномъ бездѣйствіи. Страны эти были для него и родина и не родина, въ нихъ было для него и все любопытное чужбины, и свое родное, что ни шагъ...

Жилъ онъ у старика Парасхо спокойно. Старикъ былъ молчаливъ и задумчивъ; даже въ гостяхъ, на улицѣ, онъ былъ все унылъ, тихъ; вставалъ, выкуривалъ наргиле у очага и шелъ, хромая, въ церковь, если былъ праздникъ; если же нигдѣ не было обѣдни, то онъ прочитывалъ что-нибудь изъ житія святыхъ или изъ Священнаго Писанія. Въ городѣ надъ нимъ смѣялись и увѣряли, что онъ дѣвственникъ; турки подозрѣвали его въ томъ, что онъ будто бы не разъ былъ участникомъ революціонныхъ исторій; но доказательствъ не было никакихъ, и сами турки уважали его честность, его святой образъ жизни, его тихое благодушіе. Всѣ уважали его; всѣ, однако, шутили съ нимъ и любили его дразнить; кричали ему на улицѣ: «киръ-Парасхо! киръ-Парасхо! пойдемте къ *Аише*! Аише... васъ ждетъ!..» А эта Аише была турчанка, которую знали всѣ... Сами турки смѣялись на улицѣ, когда слышали, что киръ-Парасхо зовутъ греки къ Аише... Старикъ стыдился этихъ шутокъ, опускалъ еще ниже глаза, мучился, жалобно щелкалъ языкомъ, качалъ головой и шелъ, хромая, дальше уныло-преуныло, точно будто онъ горько оплакивалъ людское безстыдство. Въ обществѣ, въ кофейныхъ, въ лавкѣ какой-нибудь мужчины нарочно при Парасхо вели нескромныя рѣчи, выбирая самыя непотребныя слова. Терпѣлъ, терпѣлъ Парасхо, голова его все склонялась ниже на грудь, глаза все больше и больше опускались.... наконецъ онъ надѣвалъ шляпу и выходилъ вонъ... всѣ только этого и ждали и начинали хохотать... Онъ состоялъ давнымъ-давно

драгоманомъ при греческомъ великомъ консульствѣ, не изъ выгодъ какихъ-нибудь, а для почета и изъ боязни турокъ...

Всѣмъ консуламъ своимъ, которые часто мѣнялись, онъ былъ покоренъ донельзя и грустно твердилъ молодымъ людямъ: «Іерархія! Іерархія! Дисциплина! Іерархія! Дисциплина!» Если консулъ начиналъ шутить при немъ такъ, какъ другіе, онъ говорилъ только: «г. консулъ сегодня веселъ!» и переносилъ отъ консула эти разговоры больше чѣмъ отъ другихъ. Хотя онъ имѣлъ очень порядочныя средства къ жизни и хотя письмо утомляло его глаза и старую голову, но съ ранняго утра и до захожденія солнца, покончивъ лишь свой наргиле и свои молитвы и христіанское чтеніе, онъ уходилъ въ греческую канцелярію и исполнялъ безплатно всякій трудъ. Консулъ былъ дома, кавасъ пропадалъ, слуги уходили, весь домъ могъ разбѣгаться, но Парасхо былъ тамъ съ утра, и всякій зналъ, что ужъ его-то онъ найдетъ въ канцеляріи, найдетъ готовымъ на всякую помощь и на всякій совѣтъ. «Святой человѣкъ!»— говорили про него люди простые... «Добрый человѣкъ», снисходительно отзывались о немъ люди лукавые и ловкіе. «Домовой греческаго консульства», — острила молодежь.

Иногда киръ-Парасхо и самъ хотѣлъ пошутить и говорилъ собесѣдникамъ: «Будемте теперь острить и смѣяться. Знаете? я вѣдь очень остроуменъ! О! я очень остроуменъ», убѣдительно утверждалъ онъ и начиналъ разсказывать, что-нибудь удивительно, по его мнѣнію, смѣшное. «Вы послушайте, вы умрете отъ смѣха!» Но, увы! смѣхъ, который онъ возбуждалъ, относился къ нему самому, а ужъ никакъ не къ разсказамъ его...

У этого почтеннаго человѣка поселился надолго Алкивіадъ.

Домъ Парасхо былъ усдиненный и пустынный, построенный по старинному турецкому образцу, съ огромными очагами, маленькими лѣстницами, множествомъ дверей, открытами галлереями и полуразрушенною стѣной, на которой весной аисты вили гнѣзда.

Видъ изъ нея былъ прекрасный на весь городъ и на

гору, усѣянную до вершины большими, правильно расположенными сѣрыми холмами, которые издали можно было принять за продолженіе города, за домики какого-нибудь предмѣстья... Видны были и апельсинные сады, и немного подальше древній, мрачный, полуразрушенный храмъ византійской постройки... Нѣчто мирное и пріятно-грустное носилось надъ этимъ южнымъ городкомъ, когда Алкивіадъ глядѣлъ на него при зимнемъ утреннемъ туманѣ...

Обѣдать Алкивіадъ почти никогда не обѣдалъ дома у Парасхо. Обѣдъ у старика былъ ужъ слишкомъ плохъ, не отъ бѣдности, а отъ воздержанности хозяина и отъ его равнодушія къ плоти. Алкивіадъ къ полудню всегда уходилъ къ дядѣ Ламприди, тамъ оставался почти всегда до поздней ночи, уходилъ гулять съ молодыми людьми по кофейнымъ, опять приходилъ, ѣздилъ за городъ верхомъ, одинъ скакалъ около рѣки и по ущельямъ, распѣвая любовныя и патріотическія пѣсни и смѣясь надъ разбойниками, которые продолжали гнѣздиться въ сосѣднихъ горахъ...

Дома у Парасхо, по утрамъ, продолжалъ занимать его своими разсказами и разсужденіями суліотъ Тодори. Онъ былъ чудакъ и патріотъ не менѣе своего господина, только совсѣмъ другого рода. Онъ, напримѣръ, до пріѣзда Алкивіада ненавидѣлъ и презиралъ аистовъ; называлъ ихъ «турецкая птица», не потому только, что турки чтутъ и жалѣютъ ихъ, но еще и за то, что аистъ «каждый вечеръ молится Магомету; какъ свечерѣетъ, онъ поднимаетъ голову, смотритъ на небо и стучитъ клювомъ. Потупитъ, замолчитъ, опуститъ голову и опять подниметъ и опять застучитъ!» Когда насталъ мартъ мѣсяцъ и аисты стали слетаться, Тодори нѣсколько разъ брался за ружье, чтобы бить тѣхъ изъ нихъ, которые довѣрчиво начинали уже вить гнѣзда на стѣнѣ... Но Алкивіадъ, которому нравилась «вечерняя молитва» величавой птицы, заступался за нее и своими разсказами о пользѣ, приносимой аистами, о почетѣ, который оказываютъ имъ и во многихъ не турецкихъ странахъ, такъ скоро сумѣлъ убѣдить и смягчить Тодори, что

онъ не только отказался убивать аистовъ, но и вошелъ въ ихъ семейные интересы. Самецъ-аистъ, который выбралъ стѣну Парасхо для своего гнѣзда, былъ не силенъ; шестеро другихъ аистовъ слетались каждый день сгонять его оттуда: становились рядомъ съ нимъ въ гнѣздо, клевали его или сталкивали внизъ плечомъ такъ сильно и скоро, что онъ не успѣвалъ подняться на крыльяхъ и падалъ внизъ. «Постарѣлъ, должно быть, сердечный! Вотъ его молодые и обижаютъ...» Онъ бросался помогать аисту, поднималъ его, отгонялъ другихъ, стрѣлялъ даже по нимъ холостымъ зарядомъ и съ радостью, наконецъ, объявилъ Алкивіаду, что «старики снесли яйца и другіе ужъ не трогаютъ ихъ». Добрая душа Тодори сказалась тотчасъ же, какъ только онъ убѣдился, что аисты не турецкой вѣры.

Тодори хотя былъ еще молодъ, но зналъ множество исторій про Али-пашу Янинскаго, про сына его Латхтара и любовницу его Евфросинію, которую онъ бросилъ въ озеро, про разбойниковъ и турокъ. Алкивіадъ сажалъ его около себя, чтобъ онъ былъ смѣлѣе, и заговаривалъ съ нимъ. Но Тодори долго не могъ сидѣть; онъ оживлялся скоро, начиналъ бѣгать по комнатѣ, прыгать то впередъ, то назадъ, изображая то наступленіе, то побѣгъ, то гнѣвъ, то ужасъ...

Забавно донельзя визжалъ «уюю-уюю!», представляя, какъ кого-нибудь били. Разсказывалъ даже свои семейныя и сердечныя дѣла. Наставительно преподавалъ, что съ женщинами надо быть осторожнымъ, что въ него однажды была влюблена даже турчанка и говорила ему: «сжегъ ты мнѣ, собака, сердце мое!» Но Тодори хоть и пожалѣлъ ее, бѣдную, но отказался отъ любви ея, «потому что законъ нашъ не позволяетъ этого...»

Онъ даже и съ женою своей остороженъ. Жена живетъ одна со свекровью и дѣтьми въ Сулійской долинѣ, въ деревнѣ Грауана и занимается хозяйствомъ; она грамотная, и когда нужно Тодори писать ей о дѣлахъ, онъ, чтобъ она не сочла себя госпожей, обращается и въ письмѣ не къ ней, а къ двухлѣтнему сыну своему, и на адре-

сѣ подписываетъ ему, а не ей: «Господину, господину Михалаки Пападопуло». Отъ Тодори Алкивіадъ узналъ еще, что въ Янинскомъ озерѣ живетъ издавна огромное чудовище, котораго никто не видитъ никогда; оно выходитъ лишь ночью и плачетъ и воетъ предъ какимъ-нибудь великимъ несчастіемъ, которое должно поразить страну. Узналъ, что *ламіа* *) иногда бываетъ и въ церквахъ и причащается даже съ другими женщинами, чтобы высмотрѣть красиваго молодца и пожрать его послѣ...

Такъ проходило утро, и когда въ полдень раздался крикъ ходжи съ минарета, Алкивіадъ спѣшилъ къ дядѣ Ламприди обѣдать...

Семья Ламприди была многолюдная, веселая, согласная. Самъ старикъ, старушка, двѣ незамужнихъ дочери, сынъ женатый, второй сынъ холостой (глухой добрякъ) и дочь вдова 23 лѣтъ, та самая Аспазія, которая такъ понравилась Алкивіаду. Парадныя комнаты богатаго дома были почти всегда заперты и отворялись лишь въ праздникъ или для очень важныхъ гостей. Вся семья проводитъ почти цѣлый день вмѣстѣ, въ одной и той же зимней комнатѣ,— въ ней горѣлъ день и ночь неугасаемый очагъ; широкіе турецкіе диваны окружали этотъ очагъ; къ очагу придвигали въ полдень и вечеромъ большой столъ и обѣдали около него, кто сидя по-турецки на диванахъ, спиной къ очагу, а кто лицомъ къ нему на стульяхъ à la franca. У очага женщины шили и вязали чулки; у него же гадали на картахъ; около него принимали запросто гостей; около него грѣлся, возвращаясь изъ Порты, хозяинъ; около него дремала иногда мать семейства; самъ Алкивіадъ ложился около этого очага и проводилъ цѣлые часы, то разговаривая, то молча, то съ газетой въ рукахъ, то игралъ въ карты съ дѣвицами, то смотрѣлъ пристально и долго на блѣдную вдову, которая чувствовала на себѣ его взглядъ и улыбалась, опуская глаза на работу.

Обѣдъ всегда былъ шуменъ и безпорядоченъ; одинъ са-

---

*) *Ламія* — въ родѣ вѣдьмы.

дился, другой вставалъ; всѣ шумѣли, звали разомъ слугъ, десять рукъ бросались разомъ на каждое блюдо; вино и соусъ безпрестанно лились на скатерть; неопрятные отъ безпорядочной и безуспѣшной работы мальчики, въ грязной фустанеллѣ и босые (хотя красивые собой и одѣтые съ живописною безпорядочностью), то вмѣстѣ толкались около стола безъ дѣла и принимали участіе въ бесѣдѣ и спорахъ господъ, то пропадали такъ надолго, что всѣ господа разомъ начинали кричать и звать ихъ, и кто-нибудь изъ младшихъ вставалъ и бѣжалъ за новымъ блюдомъ; либо сама кухарка приносила кушанье, а мальчики оставались вмѣсто нея въ кухнѣ и работали что-нибудь тамъ.

Столовое бѣлье мѣнялось разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ; но въ понедѣльникъ оно было до того залито и замарано, что смотрѣть на него Алкивіаду было непріятно. Алкивіадъ привыкъ у отца и сестры къ большой опрятности и часто брезгалъ во время этого шумнаго и безпорядочнаго обѣда, но благодушіе, патріархальность и согласіе, съ которымъ все это дѣлалось, утѣшали его.

Спали тоже почти всѣ вмѣстѣ, въ двухъ комнатахъ, мужчины и женщины. Только старшій женатый сынъ спалъ съ молодой своей на другомъ концѣ дома, въ особой комнатѣ, отдѣланной болѣе à la franca: безъ дивановъ, безъ очага, съ широкою желѣзною кроватью, австрійской работы. Ее молодые впрочемъ не любили и, проклиная (въ душѣ) *«франкскіе комплименты»*, нерѣдко приказывали попросту, то-есть по-турецки, стелить на полу шелковые приданые тюфяки. Вся остальная семья гнѣздилась и ночью въ окрестностяхъ того очага, около котораго днемъ обѣдали, дремали, скучали, веселились, бесѣдовали, болѣли, выздоравливали, пѣли пѣсни, читали газеты, вздыхали, смѣялись, спорили, работали и лѣнились.

Старикъ, старушка, обѣ дѣвицы и вдова Аспазія спали вмѣстѣ въ маленькой спальнѣ около столовой; глухой братъ—въ столовой, около очага, на диванѣ. Иногда Аспазія зябла въ спальнѣ и приходила спать къ нему на дру-

гомъ концѣ дивана. Иногда глухой скучалъ, не спалъ и среди ночи входилъ къ сестрѣ и матери и находилъ и у нихъ себѣ уголокъ. А не то такъ будилъ мать или одну изъ сестеръ, кричалъ: «не могу спать! Вари мнѣ въ очагѣ кофе и поговоримъ у очага». Добрая мать вставала и исполняла его желаніе. То же дѣлали и сестры.

Умственной жизни въ домѣ не было вовсе. У старшаго женатаго сына, который учился въ Корфу, стоялъ въ спальнѣ шкапчикъ съ книгами, и онъ гордо показывалъ ихъ Алкивіаду. Тамъ были Дантъ, Плутархъ, Софоклъ и другіе древніе авторы; но ключъ даже отъ этого шкапчика былъ давно потерянъ, и молодой Ламприди давно говорилъ: «все забываю заказать этотъ чортовъ ключъ для моей библіотеки!» Въ столѣ валялся грязный сборникъ пѣсенъ, романсовъ и стиховъ: Парасхо, Саломо, Суццо, Рангави и другихъ поэтовъ новой Греціи.

Всей семьѣ особенно нравились стихи, въ которыхъ авторъ судилъ мужчинъ съ женщинами:

Женщины все жалуются,
Что мужчины виноваты,
А мужчины все жалуются,
Что виноваты женщины...

Судъ автора кончается такъ:

Бросимъ этотъ судъ,
Всѣ мы значительно неправы!
Придите, помиримся
И сладко поцѣлуемся!

Кромѣ этой книжки да греческаго перевода *Павла и Виргиніи*, котораго начало было оборвано и потеряно, книгъ, запертыхъ въ шкапу старшаго сына, не было въ домѣ ничего литературнаго. Газеты зато читали немного, и даже слуги занимались ими нерѣдко.

Обѣ дѣвицы, *Цици* и *Чѣво* *), еще учились, къ нимъ хо-

---

*) *Цици* — ласкательное отъ *Василики*; *Чѣво* — отъ *Прасковьи* или *Параскевы*.

дилъ учитель и преподавалъ имъ только ариѳметику, греческую исторію и древній греческій языкъ. Трудно понять, зачѣмъ имъ даже и это было нужно! Какое было дѣло Цици и Чѣво до мудрости Сократа, до мужества Леонида, до изящества Алкивіада?

Мудрость воплощалъ для нихъ отецъ, который говорилъ, что «назначеніе женщины быть честною женой и хозяйкой». Изящество олицетворяли молодые сыновья архонтовъ, которые носили какое-то подобіе модныхъ сюртуковъ и жакетокъ, называя эти жакетки *«бонжурками»*, и надѣвали золотые перстни на грязные пальцы.

На что имъ былъ Сократъ, Алкивіадъ и Леонидъ? Однако онѣ учились прилежно... онѣ знали, что дочери архонта должны быть грамотны, цѣломудрены и трудолюбивы. Цици и Чѣво твердо учили наизусть отъ такой-то страницы до такой-то, отъ одной точки до другой, о томъ, какъ Демосѳенъ противился Филиппу; но хорошо ли онъ дѣлалъ, что противился, учитель и не пытался спрашивать... Выучивали твердо и, приготовляясь отвѣчать, даже шутили между собой, споря: которая знаетъ слово въ слово твердо, которая безъ запинки скажетъ скорѣе, до того скоро, чтобъ и слова стали непонятны.

Кончался урокъ, Леонидъ гибъ подъ Ѳермопилами, Саламинъ озарялся вѣчною славой, Александръ разносилъ по землѣ эллинскую культуру, — рушилось Македонское царство, греки становились рабами, воцарялось христіанство, Византія боролась съ варварами, Константинъ Палеологъ умиралъ съ оружіемъ въ рукахъ на стѣнѣ Вѣчнаго города, наставали годины праха и молчанія... Ипсиланти, Караискаки, Міаули водрузили знамя новой независимости.

Учитель рукой указалъ въ сторону Миссалонги; изъ окна видна была Пѣта... Но Цици и Чѣво, обѣ румяныя, обѣ добрыя и веселыя, съ одною и тою же привѣтливою и цѣломудренною улыбкой отвѣчали учителю и о возрожденіи, и о гибели родного эллинскаго племени... мысль ихъ была ближе... она не только не улетала въ Саламинъ,—

она не доходила и до Петы, за рѣку... она была уже у очага или на кухнѣ. «Отецъ пришелъ изъ Порты; онъ любитъ, чтобы Чéво сама подносила ему водки и кофе. «Матушка приказала починить коленкоръ на своемъ по- «долѣ. Сестрица Аспазія сама ничего почти не работаетъ; «надо ей помочь. Гости пришли! мальчикъ убѣжалъ! у ко- «го ключъ отъ варенья и отъ кофе? Да и гораздо веселѣе «чистить картофель на кухнѣ съ кухаркой, которая шу- «титъ и смѣшитъ, чѣмъ отвѣчать про Ѳемистокла, котораго «и Чéво и Цици и представить себѣ не могли какъ въ видѣ «Ѳемистокла Парасхо, который, сгорбясь и прихрамывая, «идетъ на разсвѣтѣ въ церковь или въ греческую канце- «лярію, у котораго борода до пояса, сюртукъ ужъ очень «старъ и неопрятенъ!..»

Сестра ихъ Аспазія знала еще меньше ихъ: ее не учили даже и исторіи, а только древне-греческому языку; она была слаба здоровьемъ, такъ же какъ и младшія сестры не выходила никогда изъ дома и отъ разсвѣта до ночи проводила время у очага, гадала и играла въ карты или работала...

Она не знала даже и греческой исторіи, но Алкивіадъ и не искалъ испытывать ни познаній ея, ни патріотическихъ чувствъ; онъ былъ убѣжденъ, что въ трудную минуту народной жизни всякая гречанка, сама не зная даже зачѣмъ и для чего, скажетъ сыну, мужу или брату: «иди на войну или дай денегъ, если самъ не можешь...» Онъ и самъ забывалъ иногда всѣ гражданскія заботы; всѣ помыслы его, вся жизнь его на время ограничились знакомою комнатой и гостепріимнымъ очагомъ, около котораго толпилась столько лѣтъ радушная и простая семья... Около этого очага носилась ежеминутно и его душа, даже и тогда, когда онъ катался верхомъ по окрестностямъ города или разсѣянно слушалъ занимательныя бредни Тодори.

VIII.

Сближенію Алкивіада съ Аспазіей въ семьѣ Ламприди никто не мѣшалъ, но никто и не помогалъ. Онъ приходилъ, садился около нея и за обѣдомъ, и на диванѣ послѣ обѣда у очага; звалъ ее ходить по большой пустой залѣ, когда было не слишкомъ холодно; игралъ съ ней въ карты. Онъ даже очень лукаво расточалъ ей похвалы при всѣхъ, хвалилъ ея голубые глаза, ея умную улыбку, ея длинныя русыя косы, которыя висѣли на спинѣ изъ-подъ чернаго вдовьяго платочка... Трогалъ даже эти косы руками при отцѣ и матери ея и перебиралъ подолгу, сидя за ея спиной. Онъ нарочно дѣлалъ то же самое и съ Цици, у которой косы были еще больше, сознаваясь только при всѣхъ откровенно, что цвѣтъ волосъ у Аспазіи ему больше нравится.

Онъ думалъ, что всѣ увидятъ въ немъ лишь нѣжнаго брата ихъ, и сначала такъ и было. Всѣ, кромѣ самой Аспазіи, видѣли въ немъ лишь добраго родного. Старшій женатый братъ былъ добрый, веселый крикунъ, который былъ заботливъ лишь тогда, когда дѣло шло объ отправкѣ пшеницы въ Марсель, такъ же какъ и родители его не видѣли никакого зла въ этой близости и нерѣдко звали Алкивіада посидѣть на свою половину; *потому что и Аспазія здѣсь*,—говорили они.

Но одному никогда не приходилось Алкивіаду быть съ Аспазіей. Никто, повидимому, нарочно не слѣдилъ за ними, но никогда почти больше одной минуты они не оставались одни. Мать выйдетъ похлопотать по хозяйству; другія дочери уйдутъ учиться; старикъ у Кайтласкома; невѣстка отдыхаетъ; старшій братъ шумитъ внизу въ конторѣ съ крестьянами; вотъ бы остаться хоть часъ однимъ!.. Но нѣтъ, глухой братъ придетъ и ляжетъ на диванъ съ газетами. «Во Франціи смятенія!»—кричитъ онъ что̀ есть силы.

«Смятенія...»—повторяетъ знакомъ Алкивіадъ, не выпуская косъ Аспазіи.

— Петръ Бонапарте оправданъ! — кричитъ глухой.

— Хорошо! — отвѣчаетъ Алкивіадъ.

Аспазія смѣется. Глухой уходитъ; но въ дверяхъ является кухарка... Она ищетъ барыню. Лукавая Аспазія останавливаетъ ее и спрашиваетъ: «Что слышно о морозѣ? Не испортятся ли апельсины и лимоны?..» Не успѣла еще отвѣтить кухарка... уже мать звенитъ ключами. Смеркается; мальчикъ вноситъ огонь. Старикъ, потирая руки и жалуясь на холодъ, возвращается изъ Порты. Входитъ невѣстка и вздыхаетъ, что дурно спала послѣ обѣда; за ней ея мужъ... Онъ шумитъ и проклинаетъ сельскихъ людей: «Варвары люди эти! Сказано: деревенскій человѣкъ! Человѣкъ безъ воспитанія — камень. Что ты сдѣлаешь съ камнемъ... Опять увѣряютъ, что не могутъ заплатить намъ своего долга... Нѣтъ! я, наконецъ, забуду и всегдашнее свое благоутробіе (евсплахніа) и то, что они греки... и пойду къ каймакаму. Жестокій народъ! неумолимый и хитрый народъ!»

Дѣвицы кончаютъ уроки; Чѐво спѣшитъ подать сама отцу наргиле и кофе; Цици помогаетъ мальчику накрыть столъ...

Еще одинъ день конченъ... вотъ и длинный зимній вечеръ... А Аспасія еще не влюбилась и знаетъ ли даже она, о чемъ тревожится Алкивіадъ?.. Конечно эти волненія, эти неудобства не были страданіями; эти волненія были очень сладки и легки.

Алкивіадъ иногда погружался въ чтеніе пѣсенника, подыскивалъ подходящіе стихи и, подавая ихъ Аспазіи, говорилъ:

— Прочти, Аспазія, это очень хорошо. Не надо, Аспазія, забывать поэзію...

— Прочти! — отвѣчала ему иногда Аспазія, взглядывая на него съ улыбкой, которая ему казалась насмѣшливою...

Иной же разъ подыскивала другіе стихи ему въ отвѣтъ.

Эта игра понравилась обоимъ, и Алкивіадъ сталъ повторять ее чаще и чаще...

Разъ онъ указалъ ей на стихи Рангави; въ нихъ была

жалоба влюбленнаго на несмѣлость свою; они кончались такъ:

«Небесный твой взглядъ какъ магнитъ привлекаетъ меня. Скорѣе бьется мой пульсъ, отмѣривая мою жизнь. Но ты такъ сурова, что кровь моя стынетъ и только вздохъ одинъ осмѣливается вылетѣть изъ моей груди».

Аспазія (все улыбаясь насмѣшливо) взяла книжку — долго искала, долго думала, нашла наконецъ и указала на конецъ чернической пѣсни *Всадникъ*.

«Не плачь, прекрасная дѣвушка! Мой путь лежитъ за эту гору. Я вездѣ найду красавицъ... но не останусь ни съ одной... Отчизна моя — весь міръ!..»

— Что же? — спросила она. — Развѣ это не хорошо?

— Пусть и не плачетъ! — шутя отвѣтилъ Алкивіадъ, не желая еще обязывать себя никакимъ серьезнымъ словомъ.

— У насъ о такихъ вещахъ и не плачутъ хорошія женщины, это у насъ не въ обычаѣ, — сказала Аспазія, опять наклоняясь къ шитью.

Въ комнатѣ тогда были только глухой и Чѐво. Чѐво, улыбаясь, но вовсе не лукаво, а какъ дитя, также смотрѣла на него.

— Чѐво! — сказалъ Алкивіадъ, — ты никогда не влюбишься?

Чѐво не посмѣла отвѣтить на такой дерзкій и безстыдный вопросъ. Она лишь опустила глаза.

— Выйдетъ замужъ, тогда и влюбится! — отвѣчала за нее Аспазія.

— Не лучше ли сказать наоборотъ? — возразилъ Алкивіадъ. — Прежде влюбится и тогда выйдетъ замужъ.

— Это у насъ не въ обычаѣ, — отвѣтила Аспазія.

— Развѣ есть на страсти обычай! — воскликнулъ Алкивіадъ уже въ досадѣ.

— У насъ такъ привыкли...

— Неужели у васъ не понимаютъ ничего мечтательнаго, ничего страстнаго, ничего романтическаго... Никто не посягаетъ на честь женщины и дѣвушки... Честь есть краеугольный камень семьи — это мнѣніе каждаго эллина!..

(продолжалъ съ жаромъ Алкивіадъ). Я говорю не про этотъ священный принципъ, а про увлеченіе и про мечты... Я говорю о жизни сердца и фантазіи... Неужели здѣсь женщины не живутъ душой?.. Вездѣ, гдѣ есть жизнь, достойная этого названія, есть и страсти, которыя доводятъ иногда до самоубійствъ, до преступленій... Это грустно, это ужасно, но это доказываетъ, что существуетъ нѣчто идеальное... Сафо бросилась съ Левкодскаго утеса... Всякій день читая и слушая разсказы о странахъ просвѣщенныхъ, мы видимъ, что молодыя дѣвушки и молодыя женщины удушаютъ себя угольями, отравляются, убѣгаютъ изъ дома родителей, сходятъ съ ума отъ любви...

— Пусть Богъ избавитъ насъ отъ такого просвѣщенія!— отвѣтила Аспазія.—Намъ такъ лучше; у насъ никто не убивается.

Чéво громко засмѣялась, такъ ей понравился отвѣтъ сестры...

Съ досадой слушалъ Алкивіадъ этотъ смѣхъ... и ему еще стало досаднѣе, когда въ комнату вошелъ старшій братъ Аспазіи и съ простодушною радостью спросилъ:

— Чему вы смѣетесь? Скажите мнѣ, посмѣюсь и я!

— Я не смѣюсь,—сказалъ Алкивіадъ,—я жалѣю, что у всѣхъ здѣшнихъ женщинъ и у мужчинъ нѣтъ сердца... Послушай, я разскажу тебѣ исторію, которую разсказывалъ мнѣ недавно одинъ молодой русскій въ Аѳинахъ. Она поучительна уже потому, что изображаетъ намъ хоть одну сторону жизни этой Россіи, которую всѣ мы, и враги и друзья, такъ мало знаемъ. Я Россіи боюсь и не люблю, ты это знаешь...

— Напрасно! — перебилъ молодой Ламприди. — Безъ Россіи всѣ ваши росказни будутъ щепки и стружки, больше ничего...

— Это другое дѣло!—гнѣвно воскликнулъ Алкивіадъ.— Слушай меня! Слушай меня и ты, Аспазія, умоляю тебя.

— Я слушаю!—сказала Аспазія.

— Нѣтъ, оставь работу и гляди на меня,—сказалъ Алкивіадъ. Аспазія послушалась.

— Слушайте же, — продолжалъ Алкивіадъ, — я говорю, что не люблю Россію. Но я согласенъ, что ничего не можетъ быть милѣе, благороднѣе, любезнѣе образованнаго русскаго. Одинъ изъ такихъ обворожительныхъ русскихъ молодыхъ людей разсказывалъ мнѣ, незадолго до моего отъѣзда сюда, исторію своего родного брата, который, какъ и видно по всему, былъ также прекрасный молодой человѣкъ. Онъ служилъ офицеромъ на Кавказѣ и былъ изъ хорошей семьи. Въ Петербургѣ были у него богатые родные. Въ домѣ этихъ родныхъ онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, тоже родственницу ихъ, и влюбился въ нее. Хотя и герой на войнѣ, молодой офицеръ этотъ былъ очень застѣнчивъ и скроменъ съ женщинами. Дѣвица была невинна, стыдлива. Онъ не рѣшился объясниться съ нею и открылся лишь брату своему. Братъ съ жаромъ взялся помогать ему и скоро передалъ ему о согласіи молодой дѣвушки. Открылись наконецъ и богатымъ роднымъ, отъ которымъ дѣвушка зависѣла. Но отецъ семейства отвергъ этотъ бракъ, потому что и офицеръ и дѣвушка имѣли оба слишкомъ мало средствъ къ жизни. Сверхъ того старикъ нашелъ и другое препятствіе, которое любопытно, какъ странная подробность русскихъ нравовъ: онъ сказалъ, что эта дѣвица слишкомъ хорошо воспитана, чтобы выйти замужъ за человѣка, который почти не говоритъ по-французски. «Точно не человѣкъ хорошаго общества, а какой-нибудь управляющій имѣніемъ другого». Офицеръ опять уѣхалъ на Кавказъ, и всѣ думали, что онъ забылъ избранницу своей души. Но это была ошибка; прошло лѣтъ болѣе десяти, молодая дѣвушка вышла замужъ за человѣка также молодого, очень богатаго и знатнаго; она стала ему вѣрною супругой и прекрасною матерью своимъ дѣтямъ; но полюбить его не могла...

Тутъ Алкивіада перебила старушка Ламприди (она вошла при началѣ его разсказа):

— Отчего же она не могла полюбить мужа? Значитъ она своего долга не знала! — восклицала она.

Алкивіадъ продолжалъ:

— Прошло больше десяти лѣтъ; офицеръ возвратился съ Кавказа и видѣлъ ее; но вспоминать о прошломъ они себѣ не позволили. Молодая женщина, однако, была часто больна и, наконецъ, скончалась въ своемъ имѣніи, въ провинціи. Умирая, она написала ему письмо, въ которомъ открылась ему, что до послѣдней минуты не переставала его любить... Онъ получилъ это письмо; не показалъ его никому; нѣсколько дней былъ веселѣе прошлаго; потомъ уѣхалъ изъ Петербурга въ то имѣніе, гдѣ похоронили предметъ его обожанія... Онъ остановился въ маленькомъ городкѣ, переодѣлся, перемѣнилъ тамъ бѣлье; подарилъ всѣ вещи свои слугѣ въ гостиницѣ и нанялъ экипажъ и поѣхалъ туда, гдѣ была ея могила; съ нимъ былъ пистолетъ, и дорогой онъ шутилъ съ крестьяниномъ, который его везъ; выстрѣлилъ пулей въ большое дерево на дорогѣ и спросилъ крестьянина, крѣпко ли бьетъ пистолетъ и пробьетъ ли онъ лобъ хорошо? Въ селѣ служили всенощную, когда онъ пріѣхалъ; онъ былъ набоженъ: вошелъ въ церковь, долго молился, и потомъ люди видѣли, какъ онъ вышелъ изъ церкви и сталъ молиться на ея могилѣ. Долго молился онъ; наконецъ люди проходя замѣтили, что онъ лежитъ неподвижно; его подняли и увидали, что онъ застрѣлился изъ пистолета! Всѣмъ роднымъ своимъ и друзьямъ онъ за день до смерти приготовилъ прощальныя письма и подарки... Вотъ это страсть! Вотъ это чувства!— воскликнулъ кончая Алкивіадъ.

Всѣ долго молчали; когда онъ кончилъ, только старушка мать съ горестью замѣтила, что и въ просвѣщенныхъ и большихъ мѣстахъ случаются, видно, худыя дѣла, и удивлялась, какъ же это начальство тамъ православное а за этимъ не смотритъ!

Николаки немного покраснѣлъ за мать и сказалъ ей:

— Вы, матушка, уже слишкомъ древняя кирія. Нынче свѣтъ не такой!

Потомъ онъ развеселился и предложилъ Алкивіаду выслушать его разсказъ объ эпирскихъ грекахъ.

— Хорошо!—воскликнулъ онъ,—ты разсказалъ мнѣ тра-

гическую исторію изъ аристократической жизни русскихъ; а я разскажу не одну, а двѣ исторіи про нашихъ... Въ одномъ селѣ, въ странахъ нашихъ, жилъ въ старые годы одинъ молодой паликаръ. Женился онъ на красивой дѣвушкѣ; справилъ свадьбу; пожилъ съ молодою женой хорошо и уѣхалъ торговать на чужбину, какъ, ты знаешь, дѣлаютъ многіе эпироты. Вернулся онъ черезъ пять лѣтъ; жена все еще была хороша и безъ него стала любовницей одного турецкаго бея. Разстались, однако, они, когда вернулся мужъ; но долго бей безъ нея оставаться не могъ; онъ рѣшился похитить ее и убѣдилъ ее такъ, что она согласилась на это. Бей выбралъ день, въ который она съ мужемъ должна была ѣхать въ гости къ роднымъ въ другое село. Онъ взялъ съ собой трехъ отважныхъ турокъ и скрылся съ ними за утесами на пути. Мужъ ѣхалъ на мулѣ; жена шла около него пѣшкомъ; не доходя до утеса, жена сказала мужу: «Поѣзжай тихо, а я одежду хочу поправить и послѣ догоню тебя!» Видно ей было страшно. Бросились турки на мужа; но онъ имѣлъ оружіе; ранилъ всѣхъ трехъ, и остался бей передъ нимъ одинъ. «За что хотѣлъ ты мнѣ зла?—спросилъ онъ его. — Отдай мнѣ оружіе и скажи мнѣ правду, тогда я подарю тебѣ жизнь». Бей отдалъ ему оружіе и сознался, что хотѣлъ похитить его жену. Тогда мужъ не вынесъ этихъ словъ и убилъ бея. Возвратился къ женѣ, отрубилъ ей обѣ груди, бросилъ ее на дорогѣ, истекающую кровью, и бѣжалъ изъ Турціи. Дѣло это старыхъ временъ. Турки были тогда проще, и паша сказалъ: «Напрасно бѣжалъ человѣкъ—я бы не наказалъ его. Онъ исполнилъ долгъ своей чести!»

— Какая жестокость, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая греческая отвага! — сказалъ Алкивіадъ.

— Конечно, люди простые, безъ воспитанія,—вздохнувъ замѣтила старушка.

— Подожди! — продолжалъ Николаки, — я разскажу и другую исторію; та не будетъ такая жалкая. Въ другомъ нашемъ городѣ явился другой паликаръ. Сосваталъ онъ себѣ одну дѣвушку изъ другого села и не зналъ, что она

давно любила другого. Собрались люди на свадьбу; привезли невѣсту изъ того села; поѣхали съ ней родные и гости. Начали пѣть пѣсни свадебныя, кушать, пить и плясать. Невѣста была въ другой комнатѣ съ женщинами, по обычаю. Вдругъ она говоритъ имъ: «Подождите; нездорова я что-то. Выйду воздухомъ подышать!» Вышла и родила ребенка въ саду. Никто и не зналъ, что она беременна. Ребенокъ былъ мертвый, вѣроятно отъ волненія, въ которомъ была мать. Ждутъ ее женщины другія, ждутъ; нейдетъ назадъ. Вышли и видятъ, она въ поле идетъ съ ребенкомъ; хоронить его хочетъ. Закричали женщины; сбѣжались всѣ; взяли у нея ребенка мертваго; взяли и ее, уложили сперва, а потомъ на другой день отправили назадъ къ отцу въ село. Разстроился праздникъ, и разъѣхались всѣ; но они уже были обвѣнчаны; молодой обдумалъ и на увѣщанія пойти къ митрополиту и просить развода отвѣчалъ: «Нѣтъ не пойду. Такую, должно-быть, Богъ мнѣ судьбу далъ; возьму ее опять; она мнѣ жена и, можетъ-быть, доброю хозяйкой будетъ». И взялъ ее, и живутъ съ тѣхъ поръ не хуже другихъ.

Этой исторіи отъ души смѣялись не только самъ Николаки, Аспазія и мать, но даже обѣ дѣвушки Цици и Чéво. Старушка и тутъ по-своему объяснила это дѣло Алкивіаду.

— Чтó жъ дѣлать! — сказала она. — Бѣдный человѣкъ: гдѣ ему разбирать строго. Работала видно хорошо въ виноградникахъ да послушною женой стала; вотъ онъ и живетъ съ ней... Бѣдность! Турція!

Алкивіадъ, напротивъ того, похвалилъ этого грека и сказалъ:

— Должно быть у него истинно христіанскія чувства были.

— А чтó же ты думаешь и скажешь о первомъ молодцѣ нашемъ? Вотъ звѣрь-человѣкъ! — спросилъ Николаки.

— Жестокій человѣкъ! — отвѣчалъ Алкивіадъ. — Но я думаю не о немъ только, а и о многомъ другомъ. Я думаю: отчего энергія, сила духа, патріотизмъ и все, чтó кра-

ситъ мужа... Отчего это у васъ въ Турціи все досталось въ удѣлъ гораздо болѣе низшему классу, чѣмъ вамъ?— Пастухамъ, земледѣльцамъ, сельскимъ капитанамъ... Вѣдь у тебя, Николаки, недостало бы ни великодушія, чтобы простить женѣ проступокъ, ни силы духа, чтобъ убить ее...

Николаки не успѣлъ отвѣтить; за него отвѣтила Аспазія:

— Зачѣмъ же ему убивать или прощать? Жена его никогда не измѣнитъ ему; а если бъ измѣнила, на это есть митрополитъ, есть законъ, ихъ разведутъ, если она обезчестила мужа... Убиваютъ только грубые деревенскіе люди...

Алкивіаду было больно слышать эти слова; не потому, чтобъ онъ находилъ въ самомъ дѣлѣ необходимымъ убить или простить, а потому, что и въ этихъ словахъ Аспазіи видѣлъ прозаичность во взглядѣ на жизнь.

Онъ замолчалъ и скоро ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней возобновился опять почти тотъ же разговоръ. Его началъ Николаки, на этотъ разъ при отцѣ Ламприди. Смѣясь, разсказалъ онъ отцу, какъ *аѳинскіе люди* жалѣютъ, что архонты въ Турціи не убиваютъ женъ изъ ревности и не убиваютъ самихъ себя отъ несчастной любви.

Алкивіаду было непріятно слышать такое злонамѣренное искаженіе его мысли, но изъ-за Аспазіи онъ ссориться не хотѣлъ и потому, краснѣя и побѣждая свой гнѣвъ, попросилъ дядю разсудить ихъ съ Николаки.

— Николаки, — сказалъ онъ, — клевещетъ на меня. Я не то хотѣлъ сказать. Я хотѣлъ только отдать себѣ отчетъ, почему у сельскаго отрока въ Турціи, у пастуха, у горца еще такъ много энергіи, а у архонтовъ такъ мало силы духа, такъ мало предпріимчивости на все, что́ не касается ихъ личныхъ интересовъ.

Старикъ на это отвѣтилъ съ загадочною улыбкой (онъ былъ какъ Аспазія симпатиченъ и лукавъ, и всѣ черты дочерняго лица напоминали его черты):

— Архонты люди нѣжные; деревенскому человѣку ничего не страшно. Онъ ко всему привыкъ: и къ холоду, и

къ голоду, и къ ножу, и къ ружью, которое онъ найдетъ куда спрятать отъ турка...

На это у Алкивіада было хорошее возраженіе. Онъ привелъ аѳинскую молодежь, которая, быть-можетъ, сказалъ онъ осторожно, не менѣе изнѣжена и воспитанна не хуже архонтовъ Турціи; а сражалась же въ Критѣ и показывала еще примѣръ тѣмъ деревенскимъ людямъ, которымъ, по словамъ дяди, ничто не страшно: ни холодъ, ни голодъ, ни черная ночь въ горахъ!

Старикъ Ламприди и на это отвѣтилъ съ улыбкой:

— Вы граждане свободнаго царства; люди гордые, образованные, самолюбивые... А мы люди скромные, «райя», въ великія политическія дѣла не мѣшаемся; заботимся о хлѣбѣ насущномъ, о томъ, какъ нашему *агѣ* подати платить и чтобъ *ага* насъ не билъ. Вотъ теперь уже меньше бьетъ... Спасибо доброму сосѣду—сѣверному, который всѣ совѣты *агѣ* дастъ; а въ 29 году и поближе приходили взглянуть на друга... Спросилъ: какъ живешь, другъ? Живи хорошо, душа моя, и ушелъ. Ага съ тѣхъ поръ поумнѣлъ и окрѣпъ даже. Подданные благословляютъ его; трудятся, работаютъ, богатѣютъ, кушаютъ спокойно съ супругами и дѣточками своими... и молятся за агу...

Вся семья смѣялась, слушая старика; сталъ смѣяться и Алкивіадъ, но ушелъ домой опять недовольный. Благодушіе Аспазіи, глубокій сонъ ея воображенія приводили его въ отчаяніе.

Молодая женщина, казалось, не искала и не желала ничего; ни о чемъ не мечтала, и, если иногда и жаловалась, то лишь на то, что ей не совсѣмъ здоровится и что вообще она не крѣпка и не сильна. Разъ она сказала Алкивіаду, что она не надѣется долго прожить...

— Тебѣ бы надо иную жизнь, — сказалъ ей Алкивіадъ.— Тебѣ бы нужны были развлеченія.

— Какія развлеченія? — спросила Аспазія.

— Поѣхать бы тебѣ въ Аѳины, видѣть свѣтъ, театръ, прогулки, оживленный городъ. Подышать воздухомъ свободы. Показать и другимъ людямъ, показать свободнымъ

эллинамъ, какіе цвѣтки расцвѣтаютъ въ глуши эпирскихъ горъ... Кто знаетъ, — прибавилъ онъ шутя, — когда юноши эллины увидятъ, какіе цвѣточки родятся здѣсь, то эта мысль воодушевитъ ихъ, и часомъ раньше и здѣсь будетъ Греція.

Взглядъ и румянецъ Аспазіи говорили, что эти похвалы и шутки ей сладки; но слова ея и на этотъ разъ дышали равнодушіемъ.

— Не для насъ такая роскошь! — отвѣтила она спокойно.

— Однако неужели ты не подумала о томъ, что жить, какъ ты живешь, не значитъ жить. Подумай же: цѣлые года... года! ты ходишь изъ спальни въ столовую; отъ очага къ столу и отъ стола къ кровати... Весь міръ для тебя въ этихъ двухъ комнатахъ; ты даже никогда не гуляешь.

— Что́ я буду гулять, — сказала Аспазія, — мостовая нехороша; дороги трудныя, гористыя; зимой дождь и холодъ; лѣтомъ жарко... И съ кѣмъ я буду гулять? нашъ Николаки не любитъ ходить; матушка стара и тяготится; сестрамъ обычай не позволяетъ—онѣ уже велики...

— Чего же ты желаешь? Неужели ничего?

— Ничего! — сказала Аспазія.

Другой разъ, оставшись съ ней, наконецъ, наединѣ, онъ спросилъ у нея:

— Неужели ты не любила и не будешь никого любить?

— Я любила, ты знаешь, мужа. Богъ взялъ его у меня. Это мое несчастье. Кого я буду любить?

— Неужели, Аспазія, ты понимаешь только ту любовь, которая разрѣшена закономъ?

— А то какая же еще?—спросила Аспазія и потомъ, краснѣя, прибавила съ неожиданною прямотой:

— Если ты хочешь иной любви, ищи ее въ томъ предмѣстьѣ, знаешь, гдѣ живетъ *Аише* и ей подобныя... Въ хорошемъ домѣ ты иной любви здѣсь не найдешь...

Послѣ этого отвѣта Алкивіадъ долго не возобновлялъ разговора о любви. Онъ боялся оскорбить Аспазію и, отчаявшись въ успѣхѣ *простого каприза*, сталъ думать все больше и больше о бракѣ.

XIV.

Любовь, которой первыя, то сладкія, то бурныя движенія ощущалъ въ себѣ Алкивіадъ, не могла отвлечь его вполнѣ отъ драгоцѣнныхъ всякому греку политическихъ размышленій. Онъ то интересовался ролью, которую родные его и другіе христіане играли въ Турціи, то хотѣлъ вывѣдать ихъ образъ мыслей, то передать имъ свой. Ему скоро пришлось замѣтить большой разладъ во мнѣніяхъ между нимъ и семьей дяди, гдѣ не только сердцами, но и мнѣніями были всѣ заодно. Сыновья покорно и искренно внимали отцу; онъ видѣлъ больше ихъ, испыталъ гораздо больше смолоду и книгами больше ихъ занимался. Онъ помнилъ борьбу за независимость, онъ пережилъ самъ опасныя минуты, онъ путешествовалъ по торговымъ дѣламъ и въ Россіи и въ западной Европѣ, видѣлъ народныя смятенія въ Вѣнѣ и Парижѣ; гораздо лучше сыновей зналъ по-французски и по-итальянски, зналъ хорошо и по-турецки, а сыновья не знали.

Онъ свободно умѣлъ переходить отъ рѣчи простой и деревенской къ рѣчи почти ораторской и ученой; зналъ также хорошо грубую пословицу горную, какъ и цитату изъ Демосѳена или Ѳукидида.

Былъ недурно знакомъ и со старымъ турецкимъ шеріатомъ, и съ новыми турецкими уставами, а каноническое право православной церкви зналъ такъ хорошо, что митрополитъ не могъ кончить безъ него ни одного важнаго дѣла.

Еще и прежде, когда рѣшенія турецкаго кади были гораздо своевольнѣе, чѣмъ теперь, киръ-Христаки одинъ изъ всѣхъ христіанъ умѣлъ склонять кади на свою сторону и не разъ вынуждалъ ихъ рвать уже написанныя рѣшенія.

Алкивіадъ видѣлъ, что дядя, благодаря осторожности своей и политическому миролюбію, пріобрѣлъ такую силу, что могъ и бѣднымъ людямъ дѣлать много добра. Онъ давалъ имъ иногда деньги взаймы (конечно на проценты); при-

нималъ на себя и поручительство за многихъ и въ денежныхъ обязательствахъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда Порта нравственно не знала, довѣриться ли ей человѣку. Онъ выпрашивалъ людей къ праздникамъ изъ тюрьмы или совсѣмъ выручалъ ихъ оттуда. Къ нему приходили съ просьбами не только христіане, но и турки. Одинъ хлопоталъ объ отсрочкѣ долга своего другому торговцу, который не могъ не уступить господину Ламприди; другой просилъ похлопотать о повышеніи въ офицеры изъ простыхъ жандармовъ. Алкивіадъ самъ видѣлъ, какъ молодой турецкій солдатъ, премилый и преумный юноша, цѣловалъ руки Христаки и прикладывалъ ихъ ко лбу своему за то, что тотъ выхлопоталъ ему отъ начальства долгій отпускъ въ деревню, чтобы видѣть старую мать и выдать замужъ сестру.

Замѣтилъ и самъ Алкивіадъ и стороной узналъ, что киръ-Христаки несправедливъ лишь въ одномъ случаѣ—онъ не могъ выносить, чтобы бакалъ, пастухъ или погонщикъ смѣлъ судиться у турокъ съ архонтомъ; какъ бы ни было дѣло право, киръ-Христаки употреблялъ всѣ усилія, чтобы доказать простолюдину, какъ тщетны его надежды. Но когда приходилось разбирать дѣло двухъ людей низшаго положенія или двухъ архонтовъ другъ съ другомъ, г. Ламприди становился правдивъ и неподкупенъ. Такъ же неподкупенъ и правдивъ былъ онъ и въ дѣлахъ между людьми разной вѣры и породы, между евреемъ и грекомъ, между грекомъ и туркомъ, между туркомъ и евреемъ. Ему нужно было только одно—чтобы бакалъ, пастухъ, погонщикъ и земледѣлецъ не забывали своего стараго страха передъ архонтами и своего уваженія къ большимъ очагамъ, «гдѣ и котелъ въ кухнѣ никогда не перестаетъ кипѣть».

Это аѳинскому юношѣ казалось ужаснымъ и непростительнымъ.

Не нравились ему и политическіе взгляды дяди и двоюродныхъ братьевъ. Разница между отцомъ и сыновьями была только та, что сыновья иногда говорили смѣло противъ турокъ, а отецъ никогда даже и въ семьѣ открыто

Турцію не корилъ. Но и онъ самъ, и сыновья были приверженцами Россіи и въ нее только вѣрили.

Эллинскую конституцію они всѣ трое осуждали чаще, чѣмъ деспотизмъ султановъ, и съ негодованіемъ говорили о непрочности министровъ въ Аѳинахъ и о пустыхъ бредняхъ аѳинскихъ адвокатовъ и газетчиковъ.

Разъ глухой насмѣшливо сказалъ Алкивіаду:

— Не забудь и насъ бѣдныхъ *райя*, когда будешь министромъ свободной Эллады. Скоро будешь, будь покоенъ! При вашей анархіи долго ли стать министромъ?

— То, что̀ вы зовете анархіей, мы зовемъ свободой и жизнью, и во имя свободы надо терпѣть и нѣкоторое зло. Кто не любитъ свободы, тотъ не грекъ.

Такъ возразилъ Алкивіадъ, но старикъ Ламприди на это сказалъ:

— Византійцы тоже были греки, а о свободѣ не заботились много.

Алкивіадъ рѣшился на это сказать дядѣ колкость.

— Тебѣ хочется стать пашой, я вижу это, дядя...

Говоря это, онъ самъ немного смутился, полагая, что дядя обидится. Но киръ-Христаки отвѣчалъ не сердясь, что это еще не большое зло, если бъ его и подобныхъ ему стали дѣлать турки пашами.

— Я думаю, и странѣ, и народу будетъ больше блага отъ такихъ пашей, какъ мы, чѣмъ отъ вашихъ адвокатовъ и газетчиковъ...

Потомъ старикъ подумалъ и прибавилъ:

— Именно такой постепенный прогрессъ, постепенное уравненіе правъ и нужно. Надо, чтобы христіанинъ въ Турціи былъ поставленъ такъ, какъ былъ поставленъ полякъ въ Россіи; онъ имѣлъ всѣ права, но не захотѣлъ удовлетворяться своимъ высокимъ положеніемъ, хотѣлъ завоевать полъ-Россіи, и буйство его наказано...

Алкивіада не разъ уже возмущало то, что дядя предпочиталъ русскихъ полякамъ; онъ не разъ пытался возразить ему на это, что если у поляковъ отнять право самобытности, то почему же должно оставить его за греками?

Но всякій разъ дядя тутъ же обличалъ его въ противорѣчіи съ самимъ собою: «то примиреніе съ Турціей, то бунтъ и свобода, — что́ же мы выберемъ, наконецъ, по-вашему?»

— Нѣтъ, другъ мой, — сказалъ онъ ему разъ, — не такъ вы судите. Я понимаю васъ; я васъ жалѣю. Вы еще недавно принесли столько жертвъ, пролили столько драгоцѣнной всѣмъ намъ крови. Умъ вашъ помрачился, и вы, какъ потерянные, простираете руки ко всякому, на кого только ни взглянете. Повѣрьте мнѣ, друзья мои, естественный потокъ исторіи увлечетъ и васъ въ свое теченіе. Не будемъ предсказывать часъ и день паденія великихъ царствъ. Сколько разъ стояла Турція на краю гибели и сколько разъ опять укрѣплялась. Пусть стоитъ она долго, лишь бы христіане заняли постепенно въ ней ту роль, которая имъ подобаетъ... Ты скажешь: «и мы говоримъ то же». Нѣтъ, вы не то говорите, вы хотите невозможнаго; вы хотите, чтобы каждый грекъ день и ночь искусно сочеталъ въ умѣ своемъ наружную дружбу съ тайною жаждой разрушенія. Когда ты, юноша образованный и способный, такъ говоришь и хочешь возбуждать народную гордость, чего же можно ждать отъ множества тысячъ людей, которые и ума твоего, и воспитанія не имѣютъ, и плана такого сложнаго и глубокаго постичь не въ силахъ... Да! и я проповѣдую примиреніе съ Турціей; но не мы съ тобой двое составляемъ народъ. И когда я возьму въ расчетъ вѣру, преданія и самыя событія, какъ онѣ слагаются помимо нашей воли, я вижу, что примиреніе это не въ рукахъ Англіи, не въ рукахъ этого изверга, котораго посадили на свой престолъ безумные французы, а въ рукахъ того, за кого говорятъ и близость положенія, и вѣра, и сила, и преданія. Только двуглавый орелъ, дитя мое, можетъ осѣнить мирно крылами своими эллинскій крестъ и луну ислама... Султанъ-Махмудъ, мое дитя, понималъ дѣла вѣрнѣе, чѣмъ эти нынѣшніе франки, Фуадъ покойный и другіе... Только Россія, другъ мой, можетъ поручиться турку за грека и греку за турка... Безъ ея вмѣшательства довѣрія

не возстановите... И о какомъ союзѣ вы говорите? О восточномъ союзѣ? Пусть будетъ по-вашему. Объявите вмѣстѣ съ Англіей и Турціей войну русскимъ. Пусть какой-нибудь министръ вашъ достигнетъ этой цѣли, пусть выйдутъ въ поле *Хассанъ* и *Яни* вмѣстѣ противъ *Ивановъ*... Но вѣдь и ты, и министръ твой естественныхъ чувствъ не убьете въ народѣ; не убьете въ немъ вѣру; онъ скажетъ: это грѣхъ; и солдатъ броситъ ружье, и офицеръ, повѣрь мнѣ, сломаетъ съ негодованіемъ свою шпагу...

Не нравились Алкивіаду такія мысли; не нравилось ему многое въ Эпирѣ; не нравилось ему то, что митрополитъ садится на офиціальныхъ празднествахъ ниже простого кади и что люди выносятъ это... Не нравилось, что мало шума въ городѣ; не нравилось, что простые люди слишкомъ почтительны къ старшимъ и богатымъ; поклоны ихъ, хотя и очень изящные и полные внутренняго достоинства, ему казались низкими. Еще не нравилось ему (и въ этомъ онъ былъ, конечно, правъ), что купцы, учителя и другіе люди съ вліяніемъ и вѣсомъ зовутъ своихъ же простыхъ грековъ — звѣри дикіе и не цѣнятъ ихъ качествъ...

Нестерпимы были ему иногда всѣ эти вопросы о здоровьѣ и долгіе разговоры о погодѣ; не любилъ онъ слишкомъ торговый духъ своихъ соотечественниковъ и часто открыто роптал на него...

Не нравилось кое-что ему и въ частной жизни здѣшнихъ людей, особенно, когда ему самому это было неудобно и невыгодно. Не нравился ему, напримѣръ, донельзя обычай эпирскихъ вдовъ—носить столько лѣтъ послѣ мужа одни лишь темные цвѣта, почти не выходить изъ дома, не посѣщать даже церквей.

Еще участь молодыхъ вдовъ, такихъ, какъ Аспазія, могла перемѣниться отъ новаго замужества; но вдовы пожилыя были до гроба осуждены общественнымъ мнѣніемъ носить одинъ черный цвѣтъ и не покидать жилища своего ни въ какомъ случаѣ: ни для пира дружескаго, ни для свадьбы близкаго, ни для молитвъ, ни для простой прогулки, развѣ-развѣ для посѣщенія больного и умирающаго.

Женщины эпирскихъ городовъ и не роптали на это... Мужчины хвалятъ этотъ обычай, и когда однажды Алкивіадъ осуждалъ этотъ обычай при старикѣ Парасхо,—Парасхо, выслушавъ взрывъ его негодованія, отвѣтилъ ему сурово:

— Хорошій обычай! прекрасный обычай! Обычай хранительный для свѣтской семьи! Каковъ бы ни былъ супругъ, добрый или злой, супруга знаетъ, что она наслаждаться жизнью можетъ лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ супругъ... Она знаетъ, что съ его смертью для нея закрыто все... Да! она знаетъ это, и какъ бы ни былъ съ ней супругъ суровъ или жестокъ, она молится о продленіи его жизни!..

— Храни, храни народное,—прибавилъ еще старикъ, вздыхая и качая головой.—Народное—святыня!..

— Такъ послѣ этого,—воскликнулъ Алкивіадъ,—намъ остается одинъ шагъ до самосожженія индійскихъ вдовъ!..

— Намъ до этого еще далеко,—отвѣтилъ старичокъ

Алкивіадъ уговаривалъ Аспазію, по крайней мѣрѣ, гулять для здоровья. Докторъ, который лѣчилъ Ламприди, поддерживалъ Алкивіада.

У Аспазіи былъ свой апельсинный садъ на концѣ города. Онъ достался на ея долю послѣ смерти мужа и давалъ недурной доходъ. Но Аспазія не видала его ни при жизни мужа, ни вдовой.

Разъ въ мѣсяцъ приходилъ къ Аспазіи садовникъ, докладывалъ ей, какъ цвѣтетъ садъ, какъ созрѣваютъ плоды или какъ идетъ ихъ сбытъ; приносилъ букетъ цвѣтовъ, узелъ апельсиновъ и лимоновъ или двѣ-три золотыхъ *лиры* за продажу фруктовъ... Аспазія осматривала апельсины, разрѣзывала ихъ, смотрѣла, не испортились ли они отъ холодовъ, считала деньги; давала садовнику небольшую награду, а сама въ садъ все-таки не шла.

Алкивіадъ въ этомъ саду былъ нѣсколько разъ, несмотря на зимнее время; имѣлъ тамъ гостей у садовника; лежалъ на рогожкѣ подолгу подъ тѣнью прекрасныхъ деревьевъ, обремененныхъ и въ это суровое время года плодами; мечталъ о любви, о судьбахъ отчизны.

Туда нѣсколько разъ умолялъ онъ пойти Аспазію. Одинъ вечеръ онъ былъ такъ краснорѣчивъ, приводилъ столько хорошихъ примѣровъ, такъ настращалъ Аспазію словами доктора, который жалѣлъ, что всѣ почти молодыя женщины въ Эпирѣ блѣдны и слабы отъ затворнической жизни, что Аспазія поколебалась. Отецъ поддержалъ Алкивіада.

— Для здоровья и церковь разрѣшаетъ нарушать посты, — сказалъ онъ. — А въ прогулкѣ чтó дурного? Это наше мѣстное безуміе и больше ничего.

Мало-по-малу послѣ разрѣшенія отцовскаго всѣ стали собираться на прогулку, если завтращнимъ утромъ будетъ хорошая погода. Всѣ, кромѣ отца, который долженъ былъ засѣдать въ меджлисѣ, и двухъ младшихъ дочерей, которымъ обычай дозволялъ только изрѣдка и по вечерамъ выходить въ гости къ близкимъ роднымъ. Мать спросила у мужа: «въ которомъ году бунтовался въ Эпирѣ Гіони-Лекка?» и когда мужъ сказалъ: «въ сорокъ восьмомъ году», она сочла года, протекшіе съ тѣхъ поръ, и вздохнувъ, съ улыбкой покачала головой: «Точно вчера это было! Съ тѣхъ поръ я и въ садахъ не была. Покойный попъ-Георгій (да упокоитъ Господь его душу!) встрѣтился съ нами тамъ. Самъ онъ былъ вѣдь человѣкъ семейный и нашу семью любилъ. Мужъ тогда въ Константинополь поѣхалъ; меня уговорила итти гулять покойная сестра; а попъ-Георгій и встрѣтился. Любилъ шутить онъ и говоритъ: «Чтó,—говоритъ,—кира? Гуляешь съ тоски по мужу? И то сказать, слѣдъ ли человѣку жену законную зимой одну оставлять... Зимой теплота нужна всякому рабу Божію». Чуть мы было отъ смѣху не померли всѣ... Вотъ двадцать одинъ годъ съ тѣхъ поръ прошло, и не видала я этихъ садовъ».

Алкивіадъ не совсѣмъ былъ доволенъ, что и тетка собралась итти. Онъ разсчитывалъ, что пойдутъ только Николаки съ женой и Аспазія. При Николаки одномъ было бы свободнѣе. Николаки считался въ Рапезѣ нововводителемъ; онъ позволялъ себѣ ходить по улицамъ съ женой подъ руку, тогда какъ и не подъ руку съ женами вмѣстѣ ходить днемъ по улицамъ безъ крайней нужды избѣгаютъ

въ Эпирѣ. Хаживалъ вмѣстѣ съ женой и по утрамъ не разъ съ визитами; хотя и это тоже не въ обычаѣ. По обычаю, молодая жена должна дѣлать визиты съ тещей или съ другою пожилою дамой; а если тещи нѣтъ, то съ *«параманой»*, старушкой нянькой или кухаркой.

Всякій знаетъ: если идетъ молодая архонтиса въ шелковомъ платьѣ, и платочекъ новенькій, вышитый золотомъ или шелкомъ, на головѣ, а рядомъ старушка въ черномъ бумажномъ платьѣ и въ черномъ простомъ платочкѣ на головѣ, — всякій тогда видитъ и знаетъ, что архонтиса молодая идетъ *«сдѣлать посѣщеніе въ честный домъ»*. И всякій, кто кланяется ей, думаетъ: «Хорошая женщина! Хорошая супруга! Хозяйка женщина, исполненная добродѣтелей!»

Николаки считался поэтому въ такихъ дѣлахъ нововводителемъ и разъ даже позволилъ, по примѣру русскаго консула, посѣтившаго какъ-то Рапезу, поставить жену въ церкви внизу съ мужчинами, возлѣ себя, вмѣсто того, чтобъ отправить ее на хоры, гдѣ за рѣшетчатою перегородкой, какъ въ гаремѣ, стоятъ всѣ хорошія женщины. Но это онъ сдѣлалъ только разъ; жена его была красива; она чувствовала взоры паликаровъ, не могла спокойно молиться и уже съ тѣхъ поръ ни разу не спускалась внизъ къ мужу...

Разсчитывая на это, Алкивіадъ уже рисовалъ себѣ картину. По городу Николаки пойдетъ подъ руку съ женой. Аспазія и онъ самъ пойдутъ около нихъ или впередъ особо каждый. Иначе, конечно, Аспазія согласиться не можетъ; но за городомъ, когда никого не будетъ видно, онъ непремѣнно возьметъ Аспазію подъ руку и пуститъ молодыхъ супруговъ впередъ. Тогда, вдали отъ всякаго надзора, онъ и руку пожметъ покрѣпче, и слово иное скажетъ, быть можетъ и поцѣлуетъ, сперва насильно, гдѣнибудь за поворотомъ, за скалой, за деревьями. А потомъ уже и не насильно!..

Съ этими мыслями онъ и заснулъ пріятнѣе, чѣмъ когдалибо, не теряя надежды, что старушка еще раздумаетъ и не будетъ мѣшать имъ.

Но эти надежды не сбылись. Рано утромъ, едва только онъ проснулся, Алкивіадъ увидалъ, что по улицѣ идетъ къ нему въ халатѣ и вязаной ермолкѣ Николаки.

Онъ отворилъ окно и спросилъ его:

— Что новаго? Идемъ или не идемъ?

— Подожди! — отвѣтилъ ему Николаки задумчиво. И больше ничего съ улицы не хотѣлъ сказать.

Въ комнатѣ онъ тотчасъ же разразился проклятіями на безпорядки, которымъ нѣтъ конца въ Турціи, несмотря на то, что новый Вали-паша беретъ, казалось бы, хорошія и строгія мѣры.

На разсвѣтѣ, около самаго сада Аспазіи, нашли тѣло убитаго молодого поселянина. Сначала думали, что онъ убитъ не разбойниками, а изъ личной мести или въ ссорѣ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ же, потому что убитъ онъ былъ, — не застрѣленъ и не зарѣзанъ, а задушенъ и забитъ до смерти чѣмъ-то тупымъ. Потомъ поймали между большими камнями осла, на которомъ было одно лишь деревянное сѣдло. Люди, которые знали молодого человѣка, сказали, что оселъ этотъ его, что онъ обыкновенно привозилъ въ городъ дрова, уголья, а иногда и болѣе цѣнныя вещи на трехъ-четырехъ ослахъ. Значитъ двухъ или трехъ ословъ увели вмѣстѣ съ навьюченнымъ добромъ, а этотъ оселъ, тоже развьюченный, какъ-нибудь вырвался и убѣжалъ.

Это ужъ на простую ссору или на месть не похоже.

Николаки, однако, подозрѣвалъ не разбойниковъ, не Салаяни, не ѳессалійскую шайку какую-нибудь, которая могла неожиданно пробраться и сюда, не Дэли, который, какъ слышно, бѣдныхъ поселянъ не убивалъ и даже не грабилъ. Онъ подозрѣвалъ или албанцевъ-мусульманъ, изъ которыхъ постепенно набирались въ то время охотники для новой пограничной стражи, или же прежнихъ баши-бузуковъ, которые недовольны тѣмъ, что ихъ распустили и лишили ихъ и казенныхъ *«пайковъ»*, и всякой возможности вступить съ разбойниками въ братскія соглашенія и дѣлить съ ними добычу, для вида гоняясь за ними.

Николаки былъ внѣ себя отъ гнѣва, кричалъ и проклиналъ и хидудье, и баши-бузуковъ, всѣхъ турокъ и даже эллиновъ, за то, что они еще хуже турокъ потворствуютъ разбою на границахъ Эпира и Акарнаніи...

— Ваши проклятые чернильщики аѳинскіе виноваты больше турокъ, — говорилъ онъ... — Вмѣсто того, чтобы съ Турціей заключить политическіе союзы... лучше бы точнѣе исполняли взаимныя обязательства о выдачѣ разбойниковъ и другихъ злодѣевъ. Не хуже васъ и мы эллины, а иной разъ съ охотой послалъ бы я вамъ въ наказанье англійскую эскадру въ Пирей, либо казака съ кнутомъ на вашихъ адвокатовъ и газетчиковъ!.. Смотри, не жалость развѣ? Что̀ за мальчикъ хорошій былъ этотъ деревенскій! Честный, смирный былъ мальчикъ, бѣдный! Да успокоитъ Господь Богъ его невинную душу!.. Честнымъ людямъ и на свѣтѣ нельзя такъ жить!..

Алкивіадъ вмѣстѣ съ Николаки пожалѣлъ о мальчикѣ, и когда тотъ немного успокоился, онъ спросилъ его:

— А гулять не пойдемъ развѣ?

— Хорошее гулянье! — отвѣтилъ Николаки. — Поди уговори жену мою и Аспазію къ этому мѣсту теперь... Увидишь, что онѣ тебѣ скажутъ... Я съ тобой пожалуй пойду и мѣсто тебѣ покажу, гдѣ человѣка убили.

Алкивіадъ еще надѣялся уговорить женщинъ самъ, но Аспазія отвѣчала, что боится и не пойдетъ за городъ безъ вооруженныхъ людей, и прогулка была надолго отложена.

XV.

Вскорѣ Алкивіадъ узналъ, что у него есть соперникъ.

Въ Рапезѣ жилъ молодой архонтъ по имени Яни Петала̀. Ему было лѣтъ около 30, и, несмотря на это, отцы семействъ и даже молодыя женщины звали его всегда *то пэди*, то-есть дитя, мальчикъ, потому только, что онъ былъ холостъ. Онъ былъ очень богатъ; жилъ вдвоемъ со старухой матерью, которая страдала ногами и почти не схо-

дила съ кресла, привставая лишь для самыхъ важныхъ лицъ.

Собой, по мнѣнію Алкивіада, онъ былъ очень противенъ. Лицо его было блѣдное, изнуренное; подъ глазами синяки; выраженіе суровое, недоброе, длинные жесткіе усы, глаза на выкатѣ; бороду брилъ онъ только раза два въ недѣлю; одѣвался грязно и бѣдно (конечно во франкское платье); даже феска его всегда была стара.

— Экономическій человѣкъ! Хозяинъ! — говорили про него архонты.

— Да, — подтверждали архонтисы, — Богъ въ утѣшеніе далъ матери больной такого сына.

Всѣ считали его дѣльцомъ. Онъ, такъ же какъ и киръ-Христаки, друженъ былъ со многими турецкими беями и чиновниками. Давалъ имъ взаймы деньги и держалъ ихъ этимъ въ рукахъ. «Киръ-Янаки! киръ-Янаки!» звали его турки и хвалили его. Черезъ это и онъ могъ иногда дѣлать добро своимъ. Однажды, гуляя съ Алкивіадомъ, зашли они на горку, подъ которой стояла непроходимая грязь. Имъ не хотѣлось итти черезъ эту грязь; Петала̀ позвалъ одного ремесленника грека, велѣлъ ему разобрать ограду изъ колючихъ растеній въ чьемъ-то чужомъ саду, чтобы пройти чрезъ него, и опять забрать ограду за ними.

— Чужой садъ! — сказалъ Алкивіадъ.

— Ба! Это ничего, — отвѣчалъ Петала̀. — Я знаю хозяина; онъ бѣдный человѣкъ, башмачникъ.

— Развѣ бѣдность его даетъ намъ право ломать его ограды? — спросилъ Алкивіадъ.

— Даетъ, потому что и онъ во мнѣ нуждается. Онъ знаетъ, что завтра, послѣ завтра я могу его освободить изъ тюрьмы или сдѣлать еще что-нибудь для него полезное.

Алкивіадъ не возражалъ на это; онъ и самъ былъ радъ спасти отъ грязи свои аѳинскія ботинки; но все, что̀ бы ни дѣлалъ, ни говорилъ этотъ человѣкъ, ему было противно.

Ему было противно, когда онъ слышалъ, что Петалу называли *пэди* и, какъ ему казалось, искажали значеніе

этого ласкательнаго слова, называя имъ грубаго и грязнаго тридцатилѣтняго архонта. Не нравилось ему также, когда Петалу звали паликаромъ. Какой же онъ паликаръ? На видъ неуклюжъ и грязенъ, боязливъ. Съ тѣхъ поръ какъ разбой сталъ сильнѣе около Рапезы, въ имѣніе свое не ѣздитъ, на охоту за городъ ходить боится. Такіе ли бываютъ паликары? Самъ Алкивіадъ паликаръ — другое дѣло. Скачетъ верхомъ каждый день далеко по горнымъ тропинкамъ, иногда до самой Петы; собой красивъ, моложавъ и свѣжъ, какъ дѣвушка, ловокъ и уменъ.

А звать Петалу *паликаромъ* и *пэди* — это не имѣетъ смысла. Иные въ городѣ находятъ Яни Петалу не только паликаромъ и пэди, не только дѣльцомъ и образованнымъ человѣкомъ хорошей фамиліи, но еще и очень остроумнымъ человѣкомъ.

Алкивіадъ старался понять, въ чемъ же его остроуміе; замѣчалъ, чему смѣются люди, когда онъ говоритъ.

Иногда къ Алкивіаду заходили вмѣстѣ съ Яни Петалà и другіе молодые люди, сыновья докторовъ, купцовъ, священниковъ городскихъ и учителей, все люди «хорошіе», «лучшаго общества»; пѣли (притворивъ окна) патріотическія пѣсни, шутили и бесѣдовали. Алкивіадъ прислушивался къ остроумію ихъ.

— Молчи, молчи! — говорилъ Петалà пріятелю, — я посажу тебя на телеграфную проволоку, и мы тебя будемъ съ двухъ сторонъ бить хлыстами, и ты такъ верхомъ до Янины доѣдешь!

Всѣ хохотали.

— Гдѣ онъ находитъ все это, этотъ человѣкъ! — восклицали собесѣдники.

Одинъ изъ источниковъ остроумія Петалы Алкивіадъ однако скоро нашелъ. Петалà и самъ не скрывалъ его.

Это была книжка, которая вышла недавно въ Константинополѣ подъ заглавіемъ: *Орнито-скалйзмата*, чтò значитъ *Куриное скобленіе*, то-есть авторъ роется въ житейскомъ прахѣ и выскабливаетъ всякую мелочь для осмѣянія порока.

Книжка эта составлена въ видѣ букваря, по алфавиту, и каждое слово имѣетъ опредѣленіе ядовитое и тонкое, по мнѣнію многихъ грековъ.

Русскій (напримѣръ) значитъ — *человѣкъ, который бьетъ свою жену, своего слугу и своего осла.*

Эллины — народъ, знаменитый своимъ согласіемъ.

Женщины — потомки Евы.

Лягушки — соловей озера.

Книги — вещи, распространяющія торговлю бумагой.

Придворный — смотри слово *льстецъ.*

Развратъ — дитя роскоши и т. п.

Петала не скрывалъ этой книги, не выдавалъ ея умъ за свой, а напротивъ того, носилъ ее съ собою всюду и прочитывалъ изъ нея отрывки охотно всѣмъ.

Алкивіадъ все-таки былъ слишкомъ образованъ, чтобы не возмущаться «куринымъ скобленіемъ» и не находить съ досадой, что и въ отношеніи забавности простодушный Тодори и всякій простой эпиротъ гораздо лучше своихъ соотчичей богатаго круга, настолько же выше и забавнѣе бесѣдой, насколько онъ выше ихъ смѣлостью и горячимъ чувствомъ вѣры и народности.

«Куринымъ скобленіемъ» Петала еще больше опротивѣлъ Алкивіаду. Догадаться, однако, самъ, что Петала ему соперникъ, Алкивіадъ долго не могъ. Самые нравы были таковы, что ничего не могло быть замѣтнаго. Петала нерѣдко бывалъ у Ламприди, но онъ за Аспазіей не ухаживалъ, почти никогда съ ней не говорилъ, а если говорилъ, какъ со всѣми, о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, такъ что и въ голову ничего притти не могло.

Первое подозрѣніе о томъ, что Петала ему соперникъ, подали разговоры самой семьи Ламприди. Однажды, когда Аспазія была въ комнатѣ невѣстки, у очага собрались отецъ, мать Ламприди, глухой сынъ, Николаки и Цици.

Алкивіадъ вошелъ и засталъ ихъ за оживленнымъ разговоромъ. Даже глухой принималъ въ немъ участіе. Для него нарочно всѣ измѣняли голосъ и шептали, стараясь дѣлать движенія губъ какъ можно выразительнѣе.

Николаки не прекратилъ разговора при Алкивіадѣ, и сама старушка обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Какимъ ты человѣкомъ считаешь Яни Петалу?

— Худымъ человѣкомъ, — сказалъ Алкивіадъ.

— Чѣмъ же онъ такъ худъ? — спросила старушка какъ будто и съ досадой.

Алкивіадъ хотѣлъ узнать, отчего говорятъ о Петалѣ.

— Такъ, — сказали ему. — Зашелъ разговоръ: что̀ онъ за человѣкъ.

— Я говорю, что онъ хорошій паликаръ! — сказала мать.

— Въ чемъ же хорошій? — спросилъ Алкивіадъ съ недобрымъ чувствомъ.

— Онъ у насъ изъ первой здѣсь семьи, — сказала мать.

Отецъ, однако, который былъ очень гордъ тѣмъ, что еще при Али-пашѣ домъ Ламприди былъ извѣстенъ, замѣтилъ на это, что семья Петала̀ не такъ-то первая. Отецъ его былъ простая деревенщина изъ-за горъ и въ Валахіи разжился.

— Имѣютъ теперь состояніе! — сказала мать. — Я вѣдь и не равняла ихъ съ нашею семьей или съ другими большими очагами. Я говорю, что̀ теперь они имѣютъ, и лучшаго палакира въ нашей сторонѣ не найдешь.

— Съ этимъ я соглашаюсь вполнѣ, — сказалъ старикъ.

Николаки сталъ требовать отъ Алкивіада, чтобъ онъ сказалъ, какіе недостатки у Петалы. Алкивіадъ объ *Орнито-скализмата* умолчалъ, потому что и Николаки, и отецъ его оба уважали эту книжку и звали автора ея «демонъ», но сталъ говорить, что Петала̀ неопрятенъ, скупъ, лукавъ и трусъ.

— Онъ не скупъ, но экономенъ, — сказалъ старикъ, — торговецъ человѣкъ, хозяинъ. Торговля — это душа народной и государственной жизни.

Николаки перебилъ отца (онъ самъ не всегда любилъ застегивать панталоны; любилъ и по гостямъ ходить безъ галстука и за обѣдомъ ѣлъ прямо съ блюда, разливая соусъ на скатерть); онъ вступился за неопрятность Петалы.

— Онъ человѣкъ дѣловой, занятъ съ утра до вечера.

Ему некогда вашими деликатностями заниматься, цилиндръ на головѣ носить и перчатки на рукахъ...

Глухой захотѣлъ знать тоже, въ чемъ дѣло. Но когда ему сказали губами, о какихъ пустякахъ заботится Алкивіадъ, онъ махнулъ рукой на него и ушелъ въ свою контору.

Непріятнѣе же всего были возраженія отца и сына Ламприди на обвиненія въ трусости, которыя взводилъ Алкивіадъ на Петалу.

— Конечно, — сказалъ Николаки, — онъ по горамъ не скачетъ одинъ и разбойниковъ опасается; но въ этомъ ничего нѣтъ худого. Онъ человѣкъ съ состояніемъ и знаетъ, что его Салаяни схватитъ и возьметъ большой выкупъ. И какая польза въ такой храбрости? Но что умѣетъ быть мужественнымъ, когда нужно, такъ у насъ есть и примѣръ. Недавно въ глухой сторонѣ города, за казармой, солдаты турецкіе отняли у одной бѣдной старухи большой кусокъ сукна, который она несла, бѣдная, домой. Петала гулялъ въ это время около казармы съ другими молодыми людьми. Онъ услыхалъ крикъ старухи, узналъ въ чемъ дѣло, кинулся одинъ въ толпу солдатъ, разогналъ ихъ, отнялъ сукно и грозился сейчасъ же пойти къ каймакаму вмѣстѣ со старухой... Солдаты просили у него за товарища прощенія. Это полезное мужество... Пусть за городъ никогда не ѣздитъ и не ходитъ, пусть боится разбойниковъ и пусть почаще приноситъ такую пользу бѣднымъ соотечественникамъ своимъ, какую онъ принесъ этой женщинѣ!—Киръ-Христаки согласился съ этимъ и хвалилъ Петалу.

— Что говорить! — сказалъ онъ. — Сказано, онъ человѣкъ, какимъ слѣдуетъ быть...

Алкивіадъ попробовалъ, возвратившись вечеромъ домой, узнать мнѣніе Парасхо о Петалѣ, но этотъ почтенный старецъ не сказалъ о немъ ни особаго худа, ни добра. «И худъ, и хорошъ, смотря по обстоятельствамъ!» замѣтилъ онъ только, но потомъ прибавилъ: «А слышалъ ты, что за него хотятъ отдать Аспазію?... Невѣстка Николакина и старуха сама мать много стараются; но мать Петалы — на! Желѣзо-женщина. Хочетъ кромѣ сада еще тысячу лиръ

приданаго; а семья Ламприди 700 предлагаетъ. Дѣло и стало на этомъ несогласіи». Какъ ни былъ Алкивіадъ возмущенъ тою мыслью, что его можно мѣрить однимъ аршиномъ съ такимъ *хамаломъ* *) (такъ звалъ онъ иногда Петалу), но что̀ же было дѣлать? Надо бороться и съ хамаломъ, если онъ соперникъ...

— Но нѣтъ! возможно ли, чтобы милая Аспазія предпочла Петалу?..

Черныя бархатныя очи, румяное, нѣжное, молодое лицо, отвага, ловкость, одежда модная, голосъ пріятный, шелковистая борода, стихи... любезность, патріотизмъ... Развѣ возможно, чтобы молодая женщина не видала и не цѣнила всего этого?..

Какой же Петала̀ соперникъ? Не надо и унижать себя такими сравненіями.

XVI.

Вскорѣ послѣ этого одинъ случай навелъ старика Христаки на слѣды Салаяни. Въ знаменитомъ воинскими подвигами во время возстаній селѣ Вувусѣ жили вмѣстѣ двое братьевъ — капитанъ Анастасій Сульйо и младшій братъ его Панайоти, котораго чаще звали Панъ-Дмитріу, то-есть Панайоти, сынъ Дмитрія.

Они оба были женаты во второй разъ. Капитану Сульйо было теперь уже за пятьдесятъ лѣтъ, а младшему брату не было еще и сорока. Старшій братъ овдовѣлъ рано и имѣлъ лишь одного сына, — молодца, какихъ мало. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ сыну этому вздумалось безъ всякой обиды отъ кого-нибудь, безъ всякой причины позабавиться съ разбойниками. Ни зла, казалось, юноша никому не желалъ, и ему никто не дѣлалъ зла; но онъ познакомился съ разбойниками, и понравилась ему бродячая эта и лихая жизнь... Примѣтилъ это отецъ и сталъ его стращать и отговаривать. Молодецъ не послушался и убѣжалъ въ горы.

---

*) *Хамалъ* — носильщикъ, грубый человѣкъ.

Паша тогда былъ строгій и искусный, «такой паша (говорилъ съ почтеніемъ самъ старый капитанъ), что младенцы въ утробѣ матери отъ взгляда его дрожали!» Разбойниковъ скоро поймали. Изъ нихъ двое были турки-арнауты, а трое — греки. Съ ними вмѣстѣ схватили и сына капитана Сульйо, который не успѣлъ и вреда никакого сдѣлать.

Любилъ паша торжества и парады; любилъ, чтобы на него народъ смотрѣлъ и видѣлъ бы, какъ онъ казнитъ злодѣевъ. Онъ выѣхалъ самъ навстрѣчу разбойникамъ и въѣзжалъ назадъ въ городъ верхомъ съ войскомъ и барабаннымъ боемъ, и говорилъ даже народу и туркамъ, и грекамъ, указывая на связанныхъ преступниковъ: «Видите, люди, какъ я воровъ и злодѣевъ ловлю! Смотрите и вы всѣ живите хорошо у меня!»

Вели по городу такъ и бѣднаго сына капитана Сульйо; судили его и присудили вмѣстѣ съ другими повѣсить, на страхъ и примѣръ.

Плакалъ капитанъ и деньги большія, по своимъ силамъ, предлагалъ, и пашу самого умолялъ пощадить единственнаго сына его.

Паша, слушая капитана, былъ тронутъ (всѣ замѣтили это). Но что̀ жъ было дѣлать! Онъ хотѣлъ показать строгій примѣръ, и юношу Сульйо повѣсили вмѣстѣ съ другими.

Отецъ тогда отеръ отцовскія слезы и сталъ опять паликаромъ, какимъ и былъ всегда.

Онъ пошелъ смотрѣть, какъ казнили сына. Смотрѣлъ не отворачиваясь и, уходя съ мѣста казни, сказалъ при друзьяхъ:

— Не посрамилъ ты хоть имени нашего эллинскаго, и то хорошо! Вещи свои людямъ дарилъ, и оттолкнулъ ты самъ стулъ ногой, когда надѣли тебѣ петлю, дитя мое! И то хорошо!

Онъ узналъ также, что одинъ изъ престарѣлыхъ шейховъ мусульманскихъ предлагалъ сыну перейти въ мусульманство и обѣщалъ ему за это тайно спасти его. Сожалѣя о его молодости и красотѣ, онъ просилъ и уговаривалъ его какъ только могъ и не достигъ ничего.

— Нельзя намъ христіанской вѣры мѣнять! — отвѣчалъ юноша на всѣ его уговоры.

Прошло нѣсколько лѣтъ; капитанъ Сульйо сталъ привыкать, но все еще тосковалъ. Пришелъ онъ разъ по дѣлу къ пашѣ, и паша его вспомнилъ и принялъ хорошо.

— Нѣтъ у тебя дѣтей вовсе? — спросилъ онъ капитана.

И когда капитанъ отвѣтилъ, что нѣтъ, паша сказалъ ему:

— Такъ Богу было угодно, бѣдный Анастасій. Что дѣлать! Ни я, ни ты въ этомъ судѣ не виноваты, а судьба наша. А ты бы женился опять, и будутъ дѣти. Безъ дѣтей что̀ за жизнь человѣку!

Взялся самъ паша искать для Анастасія жену.

— Не ищите ему богатую, а хорошую; деньги у него есть, — говорилъ паша.

И жена паши, зная все это дѣло отъ мужа, жалѣла капитана. И она взялась помогать; разослали по разнымъ домамъ старухъ: и турчанокъ, и христіанокъ, и арабокъ, отыскали разныхъ невѣстъ. Но больше всего понравилась сиротка одна, семнадцати лѣтъ, дочь одного умершаго бакала, которая жила вдвоемъ съ теткой въ маленькомъ домѣ въ предмѣстьѣ.

Собой была она мила и нравомъ тихая, и кромѣ приданаго, которое у нея было, паша еще выхлопоталъ чрезъ митрополита, чтобъ ей изъ общественныхъ суммъ тридцать золотыхъ лиръ дали.

— Горожанка она! — сказалъ капитанъ пашѣ. — Работа у насъ въ селахъ тяжелая.

— Я тебѣ горе сдѣлалъ, я и радость хочу тебѣ причинить, слушай меня, капитане! — сказалъ паша.

Сульйо одѣлся въ хорошее платье, усы подкрутилъ и пошелъ смотрѣть молодую невѣсту. Кровь у него была не стара еще, и какъ онъ увидалъ ее, когда она вынесла ему на подносѣ варенье и сперва, опустивъ глаза, долго стояла предъ нимъ, пока онъ бралъ варенье и говорилъ съ теткой, а потомъ, поклонясь ему, стала отходить задомъ и взглянула ему, прямо въ его капитанскіе глаза,

глазами дѣвичьими и покраснѣла, тогда старый Сульйо забылъ, что она не привычна къ сельской работѣ.

Уговорились обо всемъ съ теткой; невѣсту опять позвали; она поцѣловала руку жениха, а женихъ, превеселый, пошелъ и у паши полу поцѣловалъ.

Паша любилъ такихъ старыхъ капитановъ-молодцовъ и сказалъ, когда Сульйо ушелъ, другимъ туркамъ:

— Хорошій человѣкъ! И что за мошенники эти греки, что не хотятъ ладно съ нами жить! А мы бы жили съ ними хорошо, когда бы не они.

— Московскія дѣла, эффендимъ, — замѣтилъ ему другой турокъ.

— Грекамъ и Москова не нужна! Они много хуже Московы, — отвѣчалъ паша.

Обвѣнчался старый капитанъ съ молодою Василики, и стали они жить хорошо. Василики одѣлась по-деревенски и стала работать землю подъ виноградникъ не хуже другихъ, за домомъ смотрѣла еще лучше, потому что въ городѣ привыкла къ большой чистотѣ. Двухъ мальчиковъ подъ рядъ родила капитану и одну дѣвочку. Сердился капитанъ, Василики слушалась и молчала; худо объ ней не говорилъ никто. Не любила она только, когда капитанъ сначала кричалъ ей: «Васило!»

— Не говори ты мнѣ такъ, — просила она его, — не обижай ты меня. Я сирота, и ты меня такою взялъ.

Капитанъ жалѣлъ и спрашивалъ:

— Какъ же тебя, *море*, звать, скажи ты мнѣ, бѣдная твоя голова!

— Зови ты меня *Василики*, а не *Васило*. Васило, это по-сельски, а я не сельская.

— Это вѣдь гордость, — возражалъ капитанъ, но въ угоду ей звалъ ее такъ, какъ она хотѣла. Иногда при людяхъ близкихъ онъ нарочно кричалъ громко и сурово:

— Васило, иди сюда!

Жена молчала въ другой комнатѣ и не шла.

— Кира Василики, пожалуйте сюда! — говорилъ капитанъ тихо и подмигивая гостямъ.

И Василики тогда приходила.

Младшій братъ капитана, Панъ-Дмитріу, женился во второй разъ недавно, на дѣвушкѣ очень красивой: она гораздо красивѣе старшей невѣстки. Звали ее Александра; ростомъ она была высокая, бѣлая, чернобровая и черноглазая, а волосы были у ней бѣлокурые. Въ пѣсняхъ эпирскихъ такихъ точно дѣвушекъ и хвалятъ...

«Она бѣлокурая и черноглазая», хвалитъ пѣсня, «брови ея какъ снурки, глаза какъ оливки, а волосы свѣтлые, длиной въ сорокъ пять аршинъ». И Панъ-Дмитріу женился не просто, а были и съ нимъ сначала всякія приключенія.

Ему было тогда не больше тридцати двухъ лѣтъ, и собой онъ былъ молодецъ, но Александрѣ не нравился. Александрѣ нравился другой, мальчикъ молодой, двадцати лѣтъ (а ей самой было тогда семнадцать). Дѣвушки сельскія свободнѣе городскихъ въ Эпирѣ. Куда имъ прятаться, когда надо работать въ полѣ, топливо мелкое рубить, виноградники копать, виноградъ собирать!.. Говорили все про Александру, что она любила молодого поповскаго сынка Григорья, и будто, когда встрѣтитъ его въ полѣ, сама заговоритъ съ нимъ и скажетъ ему: «душка моя! очи ты мои! *взяла бы я на себя все твое худо!*» Либо колпачокъ новый бѣлый ему обѣщаетъ сама вышить густо по краю.

Панъ-Дмитріу сватался за Александру; но она не хотѣла, а родители не принуждали ее; и она разъ осмѣлилась такъ, что сказала ему:

— Молчи ты у меня, несчастный. Я не возьму тебя мужемъ. Ты изломанный!

— Чѣмъ же я изломанный? — спросилъ Панъ-Дмитріу и удивился.

Всѣ видѣли, что онъ собой молодецъ, а такъ видно съ досады дѣвушка сказала, чтобъ его обидѣть.

— Покажу я тебѣ, какой я изломанный! — сказалъ Панъ-Дмитріу.

Вышелъ разъ за деревню и отыскалъ Александру въ виноградникѣ одну. Поймалъ ее; ротъ ей зажалъ и обрѣзалъ ей волосы.

— Чтобы знала ты, какой я изломанный!

Другіе крестьяне всѣ вступились за дѣвушку и отвели Панъ-Дмитріу въ городъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ продержали его три мѣсяца, и опять же киръ-Христаки его оттуда выручилъ.

Добился однако Панъ-Дмитріу, что Александра вышла за него замужъ. Онъ былъ богаче ея родныхъ; у него и барановъ было больше, и земли они съ братомъ отъ киръ-Христаки держали много (потому что Вувуса была чифтликомъ и киръ-Христаки).

Когда женился Панъ-Дмитріу, Александра стала ему жена какъ жена, и жили они тоже хорошо, хоть ссорились почаще, чѣмъ капитанъ съ Василики. И капитанъ былъ добрѣе брата, и Василики была гораздо смирнѣе Александры. Братья подѣлились въ домѣ, списки составили, свидѣтелей и священника призвали. Капитанъ брату и главный дворъ уступилъ, а самъ въ другую сторону сдѣлалъ себѣ выходъ; а барановъ держали они еще вмѣстѣ и другія торговыя и хозяйскія дѣла сообща почти всегда дѣлали.

Около того времени, однако, какъ пріѣхать Алкивіаду въ Эпиръ, они начали ссориться, и люди посторонніе говорили, что виноватъ Панъ-Дмитріу больше, что онъ старшаго брата не уважаетъ.

Что у нихъ было сначала, трудно сказать, только постомъ Великимъ пріѣхалъ капитанъ Сульйо къ киръ-Христаки въ Рапезу и сталъ просить его разсудить ихъ съ братомъ на мѣстѣ.

— Братъ, — говорилъ онъ, — тоже согласенъ, и что ваше благородіе скажетъ, то и будетъ. Не хотимъ мы и къ митрополиту итти, а ужъ къ кади и не совѣтуйте намъ, къ кади не пойдемъ мы. Мы желаемъ, чтобы вы разсудили насъ.

Киръ-Христаки отговаривался и дѣломъ своимъ, и тѣмъ, что турки будутъ недовольны, зачѣмъ онъ судитъ людей.

— А главное, — сказалъ онъ, наконецъ, — кто жъ хорошій человѣкъ изъ города теперь къ вамъ деревенскимъ по-

ѣдетъ. Вы пристани держите разбойниковъ и друзья съ ними. Мнѣ и жизнь и деньги мои дороги... Не войско же мнѣ турецкое съ собой брать?

Капитанъ божился, что ничего не будетъ; Алкивіаду хотѣлось съѣздить, Николаки тоже былъ не прочь, и они поддерживали капитана.

Капитанъ обѣщался выслать на самую рѣку сколько угодно вооруженныхъ молодцовъ и самъ готовъ былъ выйти съ ними господамъ навстрѣчу, съ ружьемъ и ятаганомъ, какъ слѣдуетъ, и проводить ихъ отъ рѣки, черезъ ущелья и скалы, до самой Вувусы. Въ городъ же самый прислать стражу изъ сельскихъ христіанъ, и самъ киръ-Христаки зналъ, что въ глазахъ турокъ будетъ неприлично.

Выйдетъ это для каймакама оскорбительно, будто турецкое начальство не въ силахъ защищать гражданъ. Взять же изъ города жандармовъ турецкихъ тоже нехорошо, потому что не слѣдуетъ туркамъ видѣть, какъ киръ-Христаки патріархально самъ судитъ. И зачѣмъ безъ крайней нужды турокъ мѣшать въ дѣла?

Не ѣхать — опять нехорошо, зачѣмъ лишать себя популярности и вліянія, особенно на тѣхъ крестьянъ, которые въ его чифтликахъ *) живутъ. Однако ему и шагъ за городъ выѣхать было страшно безъ вооруженныхъ людей. Поэтому рѣшили такъ: взять съ собой Тодори пѣшимъ безъ ружья, но съ пистолетомъ и ножомъ за поясомъ, и еще своихъ мальчиковъ, чтобъ около лошадей пѣшими шли и хоть въ обуви ножи имѣли, и, кромѣ того, пригласить верхомъ одного богатаго старика, который теперь служитъ кавасомъ при одномъ консульствѣ, *поклоненнаго* разбойника, того самаго, котораго киръ-Христаки хвалилъ въ своемъ письмѣ Алкивіаду. Теперь онъ живетъ процентами и торговлей; домъ имѣетъ свой большой и кавасомъ лишь изъ чести и изъ безопасности служитъ.

---

*) *Чифтликъ* — истинное значеніе этого турецкаго слова относится преимущественно къ тѣмъ большимъ имѣніямъ беевъ и купцовъ, на которыхъ живутъ, не имѣя своей земли, крестьяне и платятъ за пользованіе извѣстный процентъ владѣльцу. Иногда же такъ называютъ всякое загородное имѣніе.

Такъ рѣшили это все; назначено было ѣхать въ слѣдующую пятницу утромъ, чтобы киръ-Христаки свободенъ былъ отъ меджлиса, и капитанъ Сульйо простился и уѣхалъ.

XVII.

Въ пятницу утромъ, какъ только ясное солнце разсѣяло надъ городомъ и горами зимній туманъ, киръ-Христаки, Николаки, его сынъ, Алкивіадъ и поклоненный разбойникъ Сотирій выѣхали изъ Рапезы верхами. Тодори, веселый-развеселый, шелъ впереди, показывая, гдѣ лучше ѣхать; а мальчики, тоже довольные, шли около господскихъ лошадей: одинъ около отца Ламприди, другой около сына. Всѣ, конечно, ѣхали шагомъ. Только одинъ Алкивіадъ, гдѣ было поровнѣе, пускался вихремъ скакать впередъ, напѣвая итальянскія бравурныя аріи и опять вскачь возвращаясь назадъ.

Переѣхали рѣку въ бродъ, и на той сторонѣ встрѣтили господъ трое пѣшихъ вооруженныхъ крестьянъ, и оба брата Сульйо на мулахъ и тоже съ оружіемъ.

Увидавъ около себя цѣлую стражу, Николаки и отецъ его повеселѣли и стали шутить и бесѣдовать съ крестьянами.

Алкивіадъ уговаривалъ Николаки ѣхать впередъ, и тотъ согласился. Впереди ихъ шелъ только одинъ молодой крестьянинъ, перекинувъ за плечи рукава, и шелъ такъ быстро по камнямъ, что Алкивіадъ съ Николаки не обгоняли его, несмотря на то, что ѣхали самымъ крупнымъ шагомъ. Всѣ другіе отстали отъ нихъ. Вувуса, которая изъ города и съ рѣки была такъ хорошо видна, а потомъ скрылась за скалами, опять показалась вблизи, и молодые люди запѣли вмѣстѣ клефтскую пѣсню о старыхъ битвахъ съ турками въ этихъ мѣстахъ.

Пѣли они дружно и складно; Алкивіадъ старался самъ поддѣлаться, какъ могъ лучше, подъ турецкій напѣвъ, и такъ доѣхали они до одного ручья.

На ручьѣ увидали они двухъ женщинъ: старуху и молодую... Онѣ мыли бѣлье. Молодая обернулась лицомъ къ всадникамъ и засмѣялась.

— Вы поете пѣсни о томъ, какъ мы воевали здѣсь,— сказала она. — Мы воюемъ, а вы только пѣсни наши поете! Это хорошо!

— Вотъ какая смѣлая! — сказалъ Алкивіадъ.

— Отчего жъ мнѣ смѣлой не быть? — спросила она.

— Какъ тебѣ не быть смѣлой, — сказалъ Алкивіадъ. — Вотъ Богъ тебя какою красавицей сдѣлалъ. Кто же ты такая, скажи намъ?

Николаки тоже смѣялся съ ней и сказалъ Алкивіаду, что она и есть Александра, жена Панъ-Дмитріу.

— А что́, — спросилъ онъ, — косы отрасли съ тѣхъ поръ?

Красавица опять засмѣялась громко и сказала:

— И ты о косахъ моихъ знаешь! Вотъ вы горожане какіе люди... Заставила бы я васъ виноградники копать, какъ мы копаемъ цѣлые дни, тогда бы и руки у васъ не были бы такія бѣлыя, какъ теперь... Мы воюемъ съ турками, а вы пѣсни о войнѣ поете. Виноградники мы копаемъ, мы убиваемся, а вы только и знаете, что кушать виноградъ...

Николаки на эти строгія слова вынулъ душистый жасминъ изъ петли сюртука своего и любезно подалъ его крестьянкѣ...

— Это значитъ, ты мнѣ понравилась!—сказалъ онъ.

— Это я тебѣ такъ понравилась? А ты понравился мнѣ или нѣтъ? Ужъ какъ мнѣ тебѣ на это сказать, и не знаю... Вотъ этотъ паликаръ лучше тебя, я думаю, будетъ, — отвѣчала она и указала на Алкивіада.

— У насъ говорится пословица, — возразилъ Николаки,— когда овца брыкается—волку радость. Когда женщина бранитъ, значитъ полюбила!..

Скоро приблизились другіе всадники и самъ мужъ Александры. Молодые люди оставили ее и поѣхали дальше.

Алкивіадъ не могъ воздержаться, чтобы не замѣтить, ка-

кая разница между деревенскими и городскими женщинами въ Турціи. «Насколько деревенскія естественнѣе и свободнѣе!»

Пріѣхали, наконецъ, въ Вувусу, и, отдохнувъ немного, киръ-Христаки началъ судить и мирить двухъ братьевъ. Три часа длился этотъ судъ и кончился примиреніемъ. Составился цѣлый меджлисъ, въ немъ приняли участіе два сельскихъ священника. Николаки, Алкивіадъ и кавасъ Сотири помогали тоже, сколько могли. Увѣщанія церковныя, дружескіе совѣты, законы турецкіе и мѣстные обычаи, совѣсть—ничто не было пренебрежено. Споръ былъ большой. Капитанъ Сульйо жаловался, что Панайоти отпахиваетъ у него всякій годъ ту землю, которую ему, старшему брату, завѣщалъ отецъ; Панайоти жаловался, что старшій братъ не отдалъ ему подноса, который остался отъ отца, что во время его отсутствія не кормилъ его собаку. «А собака такая, пастушья, хорошая и ужасная, пять лиръ стоитъ, и турецкій старый законъ говоритъ: кто убьетъ такую собаку у другого, тотъ долженъ заплатить хозяину столько денегъ, сколько стоитъ куча *проса* въ ростъ собаки. Повѣсятъ мертвую собаку такъ, чтобъ она ногами задними до земли касалась, вытянувъ ее, и сыплютъ сѣмя, сѣмя все обсыпается; когда сравнится куча съ головой собаки? А просо—сѣмя не дешевое! Вотъ что такое эта собака!» сказалъ Панъ-Дмитріу. Жаловался еще меньшой братъ, что когда дѣлились они, то положилъ Сульйо задѣлать дверь и окна свои, которыя выходили на дворъ брата, и не задѣлываетъ, и кира-Василики все подсматриваетъ у нихъ на дворѣ. Жаловался старшій братъ опять на запашку, вынималъ отцовское завѣщаніе и читалъ: «а ту землю, которая отъ большихъ камней на дорогѣ идетъ до большого дерева, *прунари* *) именуемаго, отдаю старшему сыну моему Анастасію». Панъ-Дмитріу возражалъ, что старшій братъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ въ Греціи и привезъ оттуда греческій подданный—уже не турецкій подданный;

---

*) *Прунари* — особый родъ дуба.

иностранцы же правъ на недвижимость въ Турціи не имѣютъ. Панъ-Дмитріу жаловался, что капитанъ Сульйо его жену Александру худыми словами поноситъ и всячески грозитъ ей.

— За худыя дѣла! —возражалъ старшій братъ.

Все это нужно распредѣлить по статьямъ, разобрать и разсудить по совѣсти, и киръ-Христаки велъ дѣло очень искусно. То хвалилъ братьевъ, что они прибѣгли къ христіанскому братскому суду вмѣсто турецкаго, то доказывалъ Панъ-Дмитріу, что о собственности и онъ говорить не можетъ, потому что Вавуса *чифтликъ*, собственность его самого, киръ-Христаки Ламприди, а они, селяне, имѣютъ лишь право пользоваться плодами земли, что если говорить о турецкомъ законѣ, то и самъ онъ, киръ-Христаки, можетъ найти сотни причинъ удалить съ земли своей ихъ обоихъ. Стыдилъ Панъ-Дмитріу за то, что онъ не чтитъ брата, который его вынянчилъ и въ люди, какъ отецъ, вывелъ; стыдилъ и старика за то, что онъ худыми словами Александру поноситъ. Ходилъ смотрѣть, гдѣ окно и гдѣ дверь на дворѣ, смотрѣлъ и собаку и велѣлъ съ ней хорошо обращаться. Подносъ отцовскій рѣшилъ отдать Панъ-Дмитріу не по праву, а по совѣсти, потому что у Василики, жены капитана, было и безъ того три своихъ подноса.

Не легко кончилось дѣло; оба брата горячились и сердились, кричали и утихали поочередно.

Капитанъ Сульйо еще былъ тише; когда киръ-Христаки замѣчалъ ему: «Какъ же ты, другъ, не понимаешь этого!» Сульйо вздыхалъ, склонялся и грустно стучалъ себя по лысой головѣ пальцемъ.

— Гдѣ умъ? Гдѣ умъ у насъ, эффенди мой? Гдѣ умъ нашъ, скажи ты мнѣ! Гдѣ умъ?

— Слушай, капитане,—говорили ему,—не кричи, а слушай.

— Не буду кричать, эфенди мой, не буду! Слушаю, слушаю!.. Какъ намъ не слушать... Гдѣ умъ? Гдѣ нашъ умъ!

Когда Панъ-Дмитріу начиналъ опять доказывать свои

права на землю, капитанъ подмигивалъ судьямъ молча или вздыхалъ, указывая на свою грудь, гдѣ за жилетомъ было спрятано завѣщаніе, или шепталъ: «отъ камней до большого дерева—*прунари* именуемаго».

Меньшой братъ былъ и упорнѣе и необузданнѣе. Правда, старшій братъ сидѣлъ вмѣстѣ съ судьями, а онъ изъ почтенія судился стоя, но зато онъ кричалъ громче, входилъ въ изступленіе, прыгалъ то впередъ, то назадъ, клялся, не внималъ увѣщаніямъ.

Одинъ разъ Ламприди закричалъ на него:

— Если не хочешь слушать меня, къ туркамъ иди!

А другой разъ кавасъ Сотири сказалъ ему:

— Другъ мой, море́ другъ мой, успокоился бы ты немного и говорилъ бы какъ человѣкъ: что это тебя какъ черви какіе-то гложутъ? Такъ судить эффенди не можетъ. Хорошо онъ сказалъ: иди къ туркамъ!

И попы въ одинъ голосъ подтвердили:

— Много у тебя злобы, Панъ-Дмитріу, а это великій грѣхъ!

Тогда лишь онъ успокоился и отвѣтилъ, что ему лучше дѣло свое проиграть на судѣ у киръ-Христаки, чѣмъ ходить въ *мехкеме*. Наконецъ помирили братьевъ. Въ хозяйственномъ дѣлѣ оправдали стараго капитана, только велѣли ему окно и дверь задѣлать, подносъ отдать и собаку кормить. Посовѣтовали Александру не обижать и не безчестить худыми словами.

— Одна семья, одинъ родъ,—сказалъ киръ-Христаки.— Брату обида, а тебѣ срамъ!

— Гдѣ умъ! Эффенди, гдѣ умъ?—говоритъ капитанъ.

Ужъ свечерѣло, когда господа выѣхали изъ Вувусы; вооруженные крестьяне опять провожали ихъ до рѣки сквозь ущелья, кто пѣшкомъ, а кто и на мулѣ.

Николаки и Алкивіадъ ѣхали сзади, и Алкивіадъ говорилъ своему спутнику, какъ это странно и непріятно видѣть, что такіе эпическіе герои, какъ Сульйо и братъ его, ссорятся изъ-за женъ, изъ-за собакъ и подносовъ.

Пока они разсуждали объ этомъ, киръ-Христаки, Соти-

ри и капитанъ Сульйо, которые вмѣстѣ ѣхали впереди, шопотомъ совѣщались о Салаяни. Послѣ долгихъ колебаній капитанъ Сульйо открылъ имъ, что братъ его въ дружбѣ съ разбойниками, а жена его еще хуже.

— Любитъ разбойника! Великую любовь къ нему имѣетъ! Деньги, дары, пряжки серебряныя отъ него принимаетъ. За эти-то худыя дѣла я ее и худыми словами звалъ... За эти дѣла, эфенди! За эти злодѣйства.

— А мужъ знаетъ?—спросилъ киръ-Христаки.

— Этого я не знаю навѣрное и потому не скажу. Опасаюсь грѣха!—сказалъ Сульйо.

Сотири замѣтилъ на это, что какъ мужу не знать. Хитрѣе деревенскихъ нашихъ кто на свѣтѣ есть? Злодѣи люди! Все знаютъ. Сказано—греки, природную мудрость имѣютъ.

Долго совѣщались три старика. Совѣщались и на другой день въ городѣ, куда Сульйо приходилъ нарочно для этого. Онъ просилъ только не обличать, не губить брата, и киръ-Христаки поклялся ему, что все будетъ кончено безъ вреда и опасности.

Сульйо вернулся, и черезъ нѣсколько дней послали и за Панайоти.

Архонтъ долго говорилъ съ нимъ, затворившись, съ глазу на глазъ, стыдилъ и уговаривалъ его, но не стращалъ ничѣмъ.

Онъ говорилъ ему о томъ, что стыдно греку, когда его люди *рогачомъ* зовутъ и смѣются надъ нимъ.

Панайоти отвѣтилъ, что злые люди говорятъ много худыхъ рѣчей и что не онъ и не жена его въ грѣхѣ, а злые люди.

Этимъ разговоръ ихъ и кончился.

Но киръ-Христаки не пересталъ съ того дня размышлять о томъ, какъ бы уговорить Панайоти, чтобъ онъ предалъ своего друга.

XVIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ суда въ Вувусѣ Алкивіадъ рѣшился поѣхать на сѣверъ Эпира. Его побуждали къ этому два чувства вмѣстѣ: желаніе видѣть весь край, короче узнать двухъ своихъ соплеменниковъ и надежда яснѣе понять степень свой любви вдали отъ Аспазіи, отъ ея тихаго кокетства, вдали отъ Петалы и отъ ревности. Долго странствовалъ онъ по Эпиру верхомъ; Парасхо отпустилъ съ нимъ Тодори, и само турецкое начальство давало ему въ провожатые коннаго жандарма, вездѣ, гдѣ онъ предъявлялъ письма отъ каймакама рапезскаго и отъ дяди Ламприди. Конечно за нимъ тайно слѣдовали; но ничего особенно предосудительнаго въ его поведеніи не нашли; тайные агенты турецкаго начальства доносили о немъ разнорѣчиво: одни говорили, что онъ тамъ и сямъ проповѣдуетъ союзъ съ Турціей, другіе, что онъ поетъ охотно революціонныя пѣсни и говоритъ иногда:—«Когда бы здѣсь у людей было больше энергіи, то давно бы и эта прекрасная страна стала Греціей!» Но къ такимъ словамъ турки до того привыкли, что и не обращаютъ на нихъ вниманія.

Алкивіадъ видѣлъ и слышалъ, и испыталъ многое за эти два мѣсяца. Онъ спалъ и въ ханахъ, на простой рогожкѣ, съ узломъ платья подъ головой. На него лился дождь и падали камешки, когда былъ сильный вѣтеръ; ночевалъ и въ уютныхъ и чистыхъ жилищахъ разжившихся гдѣ-нибудь на чужбинѣ селянъ, и въ богатыхъ архонтскихъ домахъ въ Янинѣ и въ Загорахъ подъ шелковыми тяжелыми одѣялами, и въ домахъ суровыхъ суліотовъ, въ которыхъ, какъ въ ханахъ, не было ни очаговъ хорошихъ, ни потолка, ни стеколъ на окнахъ, а только крыша и подъ крышей нагія жерди, закопченныя дымомъ. Янину онъ нашелъ живописной, хотя и нѣсколько унылой. Свободному греку, привыкшему къ движенію Аѳинъ и Корфіотской эспланады, показался грустнымъ этотъ городъ.

Онъ стоитъ въ долинѣ, между высокими горами, на берегу широкаго озера. Улицы Алкивіадъ нашелъ очень тихими; по нимъ очень рѣдко проѣзжала шагомъ карета бея или паши; колокола христіанскіе здѣсь не звонили. Многіе дома таинственно крылись за высокими оградами, по которымъ стелился высоко и густо древовидный плющъ... Вездѣ иновѣрные солдаты въ шальварахъ и фескахъ и громкій крикъ ходжей съ минаретовъ. Тихими вечерами, внимая этому величавому крику, Алкивіадъ думалъ о нетерпимости и ужасахъ древняго ислама.

Видѣлъ онъ и бѣдность, и богатство христіанскихъ селъ, смотря по странѣ и по нравамъ жителей. Не длиненъ горный путь отъ бѣдной Суліи до богатыхъ Загоръ. Но что за поразительный примѣръ! Въ суровой Суліи еще не вымеръ эпическій бытъ; тамъ простая пастырская жизнь; тамъ бѣдность и воинственный духъ, не угасшій до сихъ поръ; бравыя худыя лица, строгіе усы и великолѣпная народная одежда. Въ Загорахъ міръ иной, другая жизнь: богатыя деревни, подобныя городамъ, дома чистые, просторные, архонтскіе, богатыя школы, во всѣхъ селахъ большія церкви и высокія колокольни, колокола на нихъ звонятъ не только для молитвы, но и для того, чтобы собирать старшинъ на совѣщаніе подъ тѣнь широкаго платана.

Онъ видѣлъ на вершинѣ, казалось бы, неприступной горной площади селеніе Врадетто, гдѣ безрыбное, холодное озеро сохраняетъ иногда и весной на краяхъ своихъ ледъ, видѣлъ страшное ущелье Монодендри и глубокую пещеру, куда во время волненій скрывались христіанскія семейства съ запасами и добромъ; по узкой тропѣ надъ пропастью къ этой пещерѣ можно было проходить въ рядъ по одному лишь человѣку, мѣстами и эта тропа прерывалась, и небольшой мостикъ, перекинутый въ мирное время, легко было снять въ смутные дни. Загорцы всѣ проводятъ полжизни на чужбинѣ; они женятся рано, покидаютъ родину и возвращаются домой лишь тогда, когда разбогатѣютъ; безплодныя каменныя горы, кромѣ лѣса, ничего не даютъ имъ. Тодори завидовалъ богатству загор-

скихъ селъ и бранилъ загорцевъ; онъ называлъ ихъ мошенниками и предателями.

— За что?—спросилъ его Алкивіадъ.

— За то, что ни одинъ *ружья не достоинъ*. Никогда не бунтуютъ.

Тодори былъ въ этомъ правъ; но Алкивіадъ привелъ ему зато въ примѣръ десятки именъ, которыя прославились своими щедрыми завѣщаніями въ пользу школъ, дорогъ горныхъ, церквей и богоугодныхъ учрежденій.

— Пусть каждый, чѣмъ умѣетъ, служитъ родинѣ, Тодори,—сказалъ ему Алкивіадъ.—Хорошъ Марко-Боцарисъ суліотъ, хорошъ и мирный эпиротъ Зосима, который трудился всю жизнь свою на чужбинѣ и далъ милліоны на учрежденіе школъ и на пособіе бѣднымъ христіанамъ. А такихъ людей между загорцами много. Что скажешь?

— Пусть будетъ и такъ!—отвѣчалъ Тодори.—И мы, суліоты, стали думать объ эллинскихъ школахъ; быть-можетъ (все думаемъ мы) не помогутъ ли намъ изъ Россіи...

«Опять Россія! Еще Россія!» подумалъ Алкивіадъ и вздохнулъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тѣнь сѣвернаго исполина незримо преслѣдовала его всюду.

Показывали ему въ загорскомъ селѣ прекрасную, разукрашенную церковь... «Эти хорошіе образа пожертвованы изъ Россіи!» говорили ему.

Онъ спрашивалъ на ночлегѣ у Тодори:

— Гдѣ нажился хозяинъ, который такъ ласково принялъ насъ въ свой домъ?

— Сперва въ Валахіи, а потомъ въ Россіи,—отвѣчалъ Тодори.

Въ глухомъ горномъ и бѣдномъ монастырѣ столѣтній игуменъ спрашивалъ у него: «Что слышно *оттуда сверху?*»

Пріѣзжавшій недавно на родину богатый грекъ собирался взять жену и дѣтей, покинуть навсегда Турцію и поселиться въ Новороссійскомъ краѣ. «Вотъ гдѣ жизнь!» говорилъ онъ. «Суды прекрасные и скорые; спокойствіе, свобода и порядокъ. Набоженъ человѣкъ—церкви и мо-

настыри найдетъ не здѣшніе, а неописанно благолѣпные и богатые; роскоши и увеселенія ищешь ты — найдешь ли гдѣ еще столько увеселеній и роскоши какъ въ Россіи!.. Что за мѣсто богатое, что за люди хорошіе есть тамъ! Откровенные люди!»

Нѣтъ спора, что рядомъ съ этимъ слышалъ онъ и вовсе другое...

Итальянецъ говоритъ про грековъ: «*Четыре грека—пять мнѣній*».

И въ Эпирѣ Алкивіадъ видѣлъ, что итальянцы не ошиблись...

Не только въ Элладѣ, на семи островахъ, и въ Рапезѣ, но и по всему Эпиру встрѣчалъ онъ людей, и такихъ, какъ отецъ его, и такихъ, какъ Астрапидесъ, и такихъ, какъ дядя Ламприди, и такихъ, какъ Тодори, и такихъ нерѣшительныхъ въ дѣлѣ мнѣній, какъ былъ нерѣшителенъ его почтенный аѳинскій зять.

Отъ двухъ людей въ Эпирѣ онъ даже слышалъ и такую мысль, которой не слыхалъ онъ никогда ни отъ отца, ни отъ Парасхо, ни отъ Тодори; эти люди сказали ему: «Самое бы лучшее, когда бы все это стало *одно*. Едино стадо и единъ пастырь! Чего же бы лучше, какъ одинъ на всѣхъ Великій Православный Царь!»

Но одинъ изъ этихъ людей былъ хотя родомъ и эпиротъ, но старинный русскій подданный; а другой былъ монахъ, котораго монастырь былъ послѣ несправедливой тяжбы разоренъ однимъ турецкимъ беемъ и доведенъ до того, что онъ мощи въ серебряномъ ковчежцѣ принужденъ былъ заложить одному купцу.

Ихъ было только двое, и потому Алкивіада ихъ мнѣнія не испугали и не оскорбили. Кромѣ такого крайняго мнѣнія, были мнѣнія всякаго рода.

Одинъ учитель въ Загорахъ съ жаромъ увѣрялъ его, что одно спасеніе для грековъ—это принять католичество, что тогда Европа спасетъ ихъ и отъ турокъ, и отъ варваровъ-славянъ.

Другой (мелкій торговецъ) утверждалъ, что весь міръ трепещетъ «эллинской премудрости», что французъ, нѣмецъ, англичанинъ и русскій хорошо понимаютъ, до чего они будутъ ничтожны, когда эллинъ, расширивъ свои предѣлы, обнаружить всю тонкость и возвышенность своего ума! «Русскій, напримѣръ, прибавилъ онъ: русскій только лукавъ, но грекъ остроуменъ, тонокъ и премудръ».

Имя этого патріота было Малафранка; несмотря на хорошія средства къ жизни, онъ ходилъ вездѣ въ истертомъ сюртукѣ и въ грязной рубашкѣ, безъ галстука, даже и съ визитами. Алкивіадъ сначала принялъ его за бѣднаго слугу, одѣтаго по-европейски, и только тогда увидалъ, что онъ ошибся, когда Малафранка заговорилъ о премудрости.

Одинъ богатый купецъ торговалъ спокойно; боялся каждаго заптіе и каждаго турецкаго чиновника, боялся разбойниковъ, боялся даже грома, но на всѣ разсужденія Алкивіада отвѣчалъ грозно: «Сражайся за вѣру и отечество!»

Другой торговецъ, который прежде занимался учительствомъ и писалъ и говорилъ очень умно и хорошо, былъ въ основаніяхъ одного мнѣнія съ Астрапидесомъ, но выводилъ другое заключеніе.

— Примиреніе съ Турціей невозможно, турки сами не вѣрятъ намъ,—говорилъ онъ,—надо попеременно и соображаясь съ требованіями текущей политики, съ цѣлями непосредственными и практическими, опираться то на западъ Европы, то на Россію и, пользуясь ихъ соперничествомъ, стремиться къ великой идеѣ: такъ шелъ Піемонтъ къ объединенію Италіи, пользуясь соперничествомъ двухъ сосѣднихъ могучихъ державъ—Франціи и Австрійской имперіи. До поглощенія Греціи славянами Западъ никогда не допуститъ, и потому мы не должны оскорблять и Россію, отъ которой (можемъ ли мы отвергнуть это?) видѣли много добра! Вамъ, аѳинянамъ, удобно искать цѣлей далекихъ, при вашей независимости. Поживите подъ игомъ, и вы не будете такъ рѣзки и безусловны!—Иные и вовсе отрицали заслуги Россіи; говорили, что Россія грекамъ только одно добро и сдѣлала: похоронила съ почетомъ въ Одессѣ тѣ-

ло патріарха Григорія, брошеннаго въ 21 году турками въ Черное море. «Это не эллинизмъ, а православіе!» восклицали они.

Такіе люди чаще попадались между учителями, чѣмъ между купцами, монахами и священниками; о ремесленникахъ и селянахъ мало успѣлъ узнать Алкивіадъ, но тѣ люди, съ которыми онъ еще встрѣчался, единогласно утверждали, что вся толпа за Россію и ждетъ отъ нея манны небесной. Одни говорили это съ радостью, другіе съ досадой. Словесники и учителя городскіе досадовали чаще другихъ.

— Какъ мудра, какъ терпѣлива политика святой Россіи!—говорилъ одинъ съ улыбкой и восторгомъ.

— Какъ лукава, какъ дальновидна политика этой треклятой Россіи!—говорилъ гнѣвно другой.

Одинъ разсказывалъ Алкивіаду съ удовольствіемъ о томъ, какъ въ 58-мъ году въ первый разъ въѣзжалъ русскій консулъ въ Эпиръ. Онъ ѣхалъ изъ Превезы верхомъ въ сопровожденіи небольшой свиты. Со всѣхъ сторонъ изъ дальнихъ и близкихъ селъ сбѣгался народъ встрѣчать, и ликующая толпа поселянъ провожала его цѣлые часы; эту толпу смѣнила другая, и никакія увѣщанія благоразумнаго и опытнаго консула не могли разсѣять эти толпы и охладить ихъ радость.

И тутъ же другой грекъ говорилъ:

— Возможно ли хвалить Россію! Что имѣетъ она въ себѣ хорошаго? Судьи лицепріятные издавна; бѣдный человѣкъ не можетъ никогда дождаться правды; простыхъ людей до сихъ поръ всѣ благородные русскіе бьютъ крѣпко палками; освободили ихъ только *для глазъ* Европы! Россія бѣдна; Россія должна, газеты всѣ въ рукахъ правительства; Россія такъ бѣдна и такъ слаба внутренно, что не въ силахъ помочь намъ ни оружіемъ, ни даже дипломатическимъ вѣсомъ своимъ! Вотъ Франція—это держава! Это народъ.... Франція надежда всѣхъ угнетенныхъ народовъ и палладіумъ свободы.

Что же думали о туркахъ всѣ эти люди: и загорецъ лукавый, и хвастливый, но воинственный суліотъ, и куцо-

влахъ, пастырь на снѣжныхъ высотахъ Пинда, и купецъ, и учитель, и премудрый Малафранка, и бѣдный сельскій попъ, и ученый въ Царьградѣ епископъ... и мецовскій *хамалъ*, который ничего не боится и поднимаетъ безъ труда на плечи 200 окъ ноши, и худенькій сынъ архонта, который идетъ по улицѣ, махая модною тросточкой и боится дотронуться до ружья?..

Что думали они всѣ о туркахъ? Новаго вали всѣ хвалили. Еще въ селахъ слыхалъ проѣздомъ Алкивіадъ, что паша «разумный и справедливый человѣкъ». Въ городахъ прибавляли: «*четыре раза перегнанный человѣкъ* *), ума большого, начитанный и дѣятельный!»

Потомъ шопотомъ говорили: оно и понятно—въ его родѣ, какъ слышно, есть капля греческой крови. Какъ ему не быть способнымъ?

— Но, увы! — восклицали многіе, — одна кукушка еще не весна!

Тѣ, которые охотно соглашались, что прежнихъ ужасовъ нетерпимости и своеволія нѣтъ почти слѣда, думали однако, что болѣе человѣческихъ отношеній между турками и христіанами можно было бы достичь, не нарушая вездѣ мѣстныхъ особенностей и правъ. Загоры и сосѣднія мѣста были какъ бы небольшія республики, подчиненныя султану. Теперь они простые уѣзды, безъ всякихъ привилегій. Прежде было опаснѣе, жизнь была подъ вѣчнымъ мечомъ Дамокла. Жизнь теперь безопаснѣе; порядка больше; но люди живутъ не одниъ порядкомъ; люди хотятъ и свободы. А свободы теперь меньше прежняго; прежде, разъ переждавъ грозу, человѣкъ въ своихъ правахъ, въ своемъ личномъ вліяніи, въ помощи друзей, которыхъ умѣлъ пріобрѣсти, находилъ просторъ; подъ двойнымъ вліяніемъ большей опасности и большей свободы выростали люди сильные, умы изворотливые и глубокіе для житейской борьбы. И дѣла, и отвѣтственность, и вліяніе доставались сами собою въ руки такимъ мужамъ: былъ ли то пастухъ

*) *Четыре раза перегнанный* — употребляется у грековъ въ смыслѣ *лихой, прошедшій чрезъ огонь и воду.*

Стеріо Флокка, который спасъ отъ смерти великаго визиря и за это пріобрѣлъ своей общинѣ неслыханныя права; былъ ли богатый *ходжа-баши* *), подобный ходжи-Мàнту-загорцу, *джелепу* **) султанскому, который жилъ въ Царьградѣ и построилъ въ селѣ Негадесъ прекрасную церковь (на задней стѣнѣ ея, у входа, Алкивіадъ видѣлъ его портретъ въ шубѣ и высокой мѣховой шапкѣ). Такихъ людей боялись самые свирѣпые арнауты; и пѣсня есть албанская о томъ, какъ загорцы наговариваютъ на насъ въ Царьградѣ султану, — лукавые люди! Былъ ли то, наконецъ, горецъ, христіанскій капитанъ, съ которымъ считался и котораго ласкалъ самъ кровопійца эпирскій Али-паша.

— Гдѣ эти великіе мужи?—восклицали люди,—нѣтъ у насъ теперь великихъ мужей. И не можетъ быть, когда за каждымъ словомъ христіанина, за всякимъ шагомъ его слѣдитъ уже не прежняя свирѣпая, положимъ, но зато болѣе лукавая, болѣе терпѣливая, болѣе подозрительная власть, готовая на всякое средство, чтобы внести раздоръ между самими грекали и ослабить ихъ... пользуясь искусно ихъ же пороками.

Такъ говорили образованные люди. Другіе же (и такихъ было множество) выражались проще, какъ докторша, знакомая Алкивіаду; они на все отвѣчали: Турція! чтó будешь дѣлать!

Когда приходилось хвалить что-нибудь, Алкивіадъ видѣлъ, что хвалили угрюмо, кратко и неохотно; когда приходила очередь хулы (и когда только она не приходила — и по поводу грабежа въ судахъ, которые, къ несчастію, вздумали сдѣлать независимыми отъ пашей, и по поводу дорогъ, и по поводу колоколовъ, которыхъ до сихъ поръ нельзя вѣшать въ Янинѣ, и по поводу обманчиваго способа выборовъ въ совѣты и суды, и по поводу слишкомъ свободнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, и по поводу того, что недав-

*) *Ходжа-баши* — турецкое названіе архонта; сильный человѣкъ, богатый изъ христіанъ, представитель христіанскій.

**) *Джелепъ* (по-турецки) либо сборщикъ податей со стадъ, либо поставщикъ барановъ.

но турки избили и изранили одного игумена и онъ до сихъ поръ не можетъ дождаться удовлетворенія (чиновники должно-быть обманываютъ честнаго вали!), и по поводу стѣснительнаго порядка, и по поводу безпорядковъ и разбоя)... когда доходила очередь до хулы, лица оживлялись, глаза блистали, рѣчь становилась краснорѣчивѣе... Алкивіадъ увлекался самъ, слушая такія рѣчи, и естественное, народное чувство хотя бы и на мигъ, но брало верхъ и въ его душѣ надъ дальними и широкими линіями политическихъ мечтаній!.. Больше же всего его поразили слова одного молодого турка, съ которымъ онъ познакомился и подружился на пути.

Турокъ этотъ былъ родомъ эпиротъ, обучался въ военной школѣ въ Стамбулѣ и служилъ офицеромъ султанской гвардіи. Онъ пріѣзжалъ въ Эпиръ повидаться съ родными. Алкивіадъ познакомился съ нимъ въ домѣ одного христіанина архонта, куда офицеръ изрѣдка хаживалъ, потому что этотъ архонтъ былъ личнымъ другомъ его отца...

Офицеръ этотъ по имени Вехби-бей понравился Алкивіаду, и Алкивіадъ понравился офицеру. Вехби-бей не только не былъ грубъ или гордъ, но скорѣе уклончивъ и льстивъ. Пріемы его были очень благородны, выраженіе лица пріятно, разговоръ довольно уменъ. Онъ, какъ эпиротъ, по-гречески говорилъ свободно и по-французски недурно.

Алкивіадъ, возвращаясь въ Рапезу, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ.

Вехби-бей согласился съ радостью, и они провели двое сутокъ съ глазу на глазъ, не переставая пріятельски бесѣдовать и на конѣ, и на ночлегахъ и привалахъ. Вехби-бей былъ все время до чрезвычайности внимателенъ къ Алкивіаду; уступалъ ему въ ханахъ лучшее мѣсто у очага, говоря, что военный человѣкъ долженъ больше терпѣть; угощалъ его своею провизіей, не давалъ платить за кофе и вино на привалахъ; приказывалъ слугѣ своему подстилать Алкивіаду самый лучшій и мягкій свой коврикъ и

просто плѣнилъ аѳинянина своею вѣжливостью и благодушіемъ. Сначала они бесѣдовали о константинопольскихъ и аѳинскихъ увеселеніяхъ; о праздникахъ и объ олимпійскихъ играхъ, которыя хотятъ возобновить въ Греціи; о прекрасныхъ баняхъ царьградскихъ и о развалинахъ Акрополя; о нѣкоторыхъ обычаяхъ народныхъ въ Эпирѣ и Акарнаніи... Не забыли, конечно, и о женщинахъ. Вехби-бей сказалъ ему о гаремахъ одну вещь, которая доказывала его умъ даже и тому, кто бы не былъ согласенъ съ нимъ.

— Повѣрьте мнѣ, — сказалъ Вехби, — наши женщины очень свободны. Покрывало скрываетъ ее отъ васъ, но васъ отъ нея не скрываетъ. По закону она имѣетъ во многомъ у насъ равныя съ мужчиной права; въ семьѣ ея вліяніе велико; рѣдкій мужъ приступитъ къ важному домашнему дѣлу не спросясь жены. У молодыхъ нашихъ женщинъ кокетства много, и онѣ очень милы. Наконецъ (прибавилъ улыбаясь Вехби-бей), если мы спросимъ и о той свободѣ, которая въ модѣ у франковъ и которая намъ холостымъ такъ выгодна... о любви, я хочу сказать... то и въ этомъ случаѣ я прошу васъ отвѣтить мнѣ на такой вопросъ: когда европейская женщина чувствуетъ себя свободнѣе, подъ маской или безъ маски?.. Я думаю, если бы христіанскія женщины ходили по улицамъ въ маскахъ, онѣ легче могли бы и преступленія сладкія совершать.

Алкивіадъ смѣясь соглашался и хвалилъ тонкость Вехби-бея.

Вехби-бей прикладывалъ руку къ сердцу и скромно благодарилъ за похвалы.

Наконецъ Алкивіадъ заговорилъ о союзѣ Турціи и Эллады, о братствѣ и равенствѣ всѣхъ племенъ на Востокѣ, объ *общемъ врагѣ*, о сѣверномъ исполинѣ.

— Прекрасная вещь миръ и согласіе всѣхъ народовъ одного девлета. Но это очень трудно,—отвѣчалъ бей. Онъ нѣсколько времени колебался, улыбался про себя, взглянулъ раза три внимательно и подозрительно на своего спутника и наконецъ сказалъ такую рѣчь:

— Я воинъ-человѣкъ, эффенди мой, и политику дурно

знаю. Но позвольте мнѣ повторить вамъ одно слово моего покойнаго отца. Покойный отецъ мой былъ долго пашой въ различныхъ областяхъ Турціи, былъ и въ Θессаліи, и на островахъ, и въ болгарскихъ земляхъ. Умеръ онъ недавно, и имя его было Сулейманъ-паша. Однажды другъ одинъ при мнѣ спросилъ его, кого онъ больше изъ христіанскихъ народовъ любитъ: болгаръ или грековъ? Отецъ мой сказалъ ему: «Я бы ихъ всѣхъ любилъ, если бъ они насъ любили; но они ненавидятъ насъ. Съ грекомъ я скорѣй подружусь, чѣмъ съ болгариномъ: грекъ смѣлѣе, и я могу проводить съ нимъ лучше время; я знаю, онъ умѣетъ и забыть, что я паша. Съ болгариномъ подружиться невозможно; онъ все будетъ запахиваться и застегиваться предо мной, и будетъ смотрѣть подозрительно, и будетъ думать: «Зачѣмъ онъ мнѣ это сказалъ? Нѣтъ ли тутъ какого вреда!» Это для дружбы. Управлять же болгарами лучше чѣмъ греками. Если ты будешь справедливъ и не дашь обижать болгаръ низшимъ помощникамъ твоимъ, дашь имъ и права большія, онъ поблагодаритъ тебя и будетъ смирно пастись у Дуная, какъ добрый волъ. Смотри только, чтобъ у воловъ этихъ не заводились подъ кожей мухи ядовитыя, которыя прилетаютъ съ Дуная. Тогда волъ мечется и опасенъ. Грека же удовлетворить нельзя. На всякое улучшеніе и благодѣяніе твое, на всякую справедливость онъ будетъ кричать одно слово: «Народность эллинская!» Теперь же, если ты спросишь, другъ мой, меня, гдѣ я спалъ, въ вилайетахъ болгарскихъ или въ греческихъ, я скажу тебѣ, что спалъ я слаще въ греческихъ вилайетахъ, и вотъ почему. За два мѣсяца до всякаго опаснаго дѣла я замѣчу, что у грека и плечи и усы поднялись кверху. Но, если болгарская голова задумала что̀ худое — берегись! Ты увидишь еще больше почтенія и покорности, еще чаще услышишь: *аманъ, аманъ, эфенди, мы несчастные и покорные слуги ваши!* И полу твою брать въ руки будутъ, и съ полой вмѣстѣ и мясо отъ тѣла твоего оторвутъ. И все отъ почтенія». Вотъ, эфенди мой, что̀ говорилъ своему другу мой бѣдный отецъ.

Алкивіадъ тщетно старался улыбнуться въ отвѣтъ на эту умную рѣчь.

До возвращенія въ Рапезу ему случилось еще перенести и оскорбленіе, которое онъ долго послѣ того забыть не могъ.

Въ томъ самомъ городѣ на сѣверѣ Эпира, гдѣ разстались они дружески съ Вехби-беемъ, Тодори поссорился съ четырьмя арнаутами.

Они по одеждѣ ли его, по лицу ли, почему-либо другому догадались, что онъ христіанинъ, подумали вѣрно, что онъ греческій подданный и сильно толкнули его плечомъ на улицѣ. Тодори вынулъ ятаганъ и погнался за ними. Его схватила полиція и отвела къ мутесарифу. Мутесарифъ былъ самъ простой арнаутъ, грековъ ненавидѣлъ и былъ гораздо вспыльчивѣе, чѣмъ тотъ Изетъ-паша, которому представлялся Алкивіадъ по пріѣздѣ въ Эпиръ. Не прошло еще и часу, какъ Алкивіадъ и Тодори пріѣхали въ этотъ городъ; мутесарифъ не зналъ ихъ. Онъ не сталъ разспрашивать Тодори, отложилъ дѣло до другого часа и велѣлъ запереть его въ тюрьму. Алкивіадъ отдыхалъ съ дороги у одного купца, которому его рекомендовали. Самого купца не было въ эту минуту дома, и некому было охладить пылкость аѳинскаго студента, когда ему пришли сказать люди, что Тодори въ тюрьмѣ. Надѣясь на свое краснорѣчіе, на свои связи, смѣлость и выгодную наружность, онъ поспѣшилъ въ конакъ и потребовалъ, чтобъ его сейчасъ же допустили къ пашѣ. Его отважный видъ и смѣлый тонъ открывали ему двери. Паша однако взглянулъ на него сурово и спросилъ его, кто онъ, не приглашая сѣсть. Алкивіадъ сѣлъ самъ. Лицо паши исказилось отъ удивленія и гнѣва. Алкивіадъ спросилъ его тогда: «За что̀ заперли Тодори?» Паша, еще сдерживая негодованіе свое (увы! отчасти и справедливое, ибо кто же вынесетъ раздражительную наглость, съ которой ведутъ себя часто молодые демагоги!), опять спросилъ его:

— А кто же ты такой?

— Я греческій подданный; зовутъ меня Алкивіадъ

Аспреасъ, и я могу поручиться за моего слугу, что онъ честный и хорошій человѣкъ!—отвѣчалъ Алкивіадъ.

Паша позвонилъ и велѣлъ схватить самого Алкивіада. Въ уваженіе къ его архонтской наружности, хорошей одеждѣ и перчаткамъ онъ не ввергъ его сразу въ тюрьму, а приказалъ держать его въ своемъ конакѣ, въ хорошей пустой комнатѣ до тѣхъ поръ, пока узнаютъ, кто онъ самъ и что̀ сдѣлалъ его слуга.

Выходя изъ пріемной съ жандармами, онъ слышалъ, какъ паша гнѣвно воскликнулъ ему вслѣдъ: «Какой же ты поручитель за другихъ людей! Ты *калдыримъ-чилибей* *), побродяга, намъ нужны хозяева люди въ поручители, а не такіе какъ ты!»

Алкивіадъ, усталый и голодный, просидѣлъ больше трехъ часовъ въ этой комнатѣ, едва не рыдая отъ гнѣва и безсилія; наконецъ онъ вспомнилъ о Вехби-беѣ, вспомнилъ о томъ, что у него есть въ этомъ городѣ богатые родственники бея; далъ солдату денегъ и уговорилъ его отыскать Вехби-бея.

Вехби-бей былъ въ отчаяніи, что случилась такая непріятность, взялъ съ собой старика дядю, отыскали и того купца, у котораго остановился Алкивіадъ, пришли всѣ вмѣстѣ и отстояли Алкивіада и Тодори.

Отрезвившись Алкивіадъ понялъ, что онъ былъ не совсѣмъ правъ и что могло бы случиться худшее, такъ какъ по небрежности или изъ молодечества Тодори не взялъ изъ Рапезы даже *тескере* на право носить въ дорогѣ то оружіе, съ которымъ онъ кинулся за четырьмя арнаутами и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Но осталось у него въ памяти неизгладимо, что паша не посадилъ его, и еще больше то, что онъ назвалъ его *побродягой* и *калдыримъ-чилибеемъ*.

Онъ благодарилъ Вехби-бея и его дядю, который обласкалъ его, какъ умѣлъ, увелъ къ себѣ въ домъ, заставилъ у себя обѣдать и продержалъ до поздней ночи. И старикъ

---

*) *Калдыримъ-чилибей* — слово въ слово: уличный *баринъ*, гранитель мостовой, побродяга.

бей и Вехби осыпали его вниманіемъ до утомленія, но разговоръ старика былъ очень занимателенъ и простодушенъ. Алкивіадъ замѣчалъ въ немъ любопытное сочетаніе аристократической гордости и беззаботнаго сознанія своей необразованности. «Мы люди простые, дикіе!» — говорилъ онъ. «Вашихъ обычаевъ не знаемъ!» Но говорилъ онъ это не только съ достоинствомъ, но даже съ гордостью и почти съ презрѣніемъ къ людямъ не дикимъ и не простымъ. Онъ былъ очень живъ и разговорчивъ, хвалилъ христіанскую вѣру и Алкивіада, замѣтилъ, что на стѣнѣ въ его гостиной висятъ два изображенія: *араба* и *верблюда, навьюченнаго гробомъ Али, Магометова зятя.*

Алкивіаду разсказывали о тайной вѣрѣ арнаутовъ, о ихъ уклоненіяхъ отъ православнаго мусульманства. Они знали преданія объ Али, Магометовомъ зятѣ. Когда Али скончался, дѣти его хотѣли похоронить его и положили гробъ его, по степному обычаю, на верблюда и вывезли за городъ. На пути имъ встрѣтился черный арабъ; онъ вызвался вести верблюда. Дѣти Али отдали ему поводъ, но онъ велъ верблюда недолго. Скоро и арабъ, и верблюдъ, и гробъ пророка исчезли отъ взоровъ людскихъ... Али вознесся на небо...

Слыхалъ Алкивіадъ и большее, слыхалъ, будто эти арнауты-бекташи вѣрятъ, что Али не только пророкъ и святой зять Магомета, но что Али святыня великая, что Али—*все*... И Моисей былъ Али, и Христосъ былъ Али, и самъ Магометъ былъ не кто иной, какъ тотъ же Али!..

О такихъ-то именно албанцахъ и говорилъ ему еще Астрапидесъ, совѣтуя обратить на нихъ вниманіе какъ на друзей христіанства... Любезность Вехби-бея и гостепріимство старика расположили его еще больше къ этой мысли. Онъ провелъ у нихъ вечеръ очень пріятно, и старикъ-бей, чтобы почтить и успокоить молодого гостя, далъ ему собственную лошадь и трехъ слугъ проводниковъ, когда пришло время возвратиться къ купцу на ночлегъ. Городъ былъ построенъ широко, весь въ садахъ и пустыряхъ; надо было спускаться по узкимъ тропинкамъ; переѣзжать

стремительную рѣчку въ бродъ или по высокому и разрушенному мосту безъ перилъ. Одинъ слуга свѣтилъ впереди фонаремъ; двое другихъ берегли Алкивіада: не отходили отъ его узды и стремени и черезъ мостъ перевели его подъ руки и пѣшкомъ. Двое изъ нихъ были мусульмане, одинъ христіанинъ. Алкивіадъ разговаривалъ съ ними всю дорогу; они всѣ хвалили бея и сказали:

— Я Имеръ, онъ Хамидъ, а онъ Николай, и всѣ мы бея любимъ, какъ отца, и онъ намъ всѣмъ какъ отецъ... И все равно ему, что Николай, что Имеръ, что Хамидъ...

— А вы любите ли христіанъ?—спросилъ Алкивіадъ Имера и Хамида.

— Любите вы насъ, а мы васъ любимъ!—отвѣчали и Имеръ и Хамидъ.

Алкивіадъ былъ душевно тронутъ ихъ доброю рѣчью и вниманіемъ и далъ имъ сколько могъ больше награды. Онъ былъ въ восторгѣ отъ стараго бея, и отъ Вехби, и отъ всего этого албанскаго гостепріимнаго и древняго дома. Купецъ-хозяинъ тоже хвалилъ бея и говорилъ, что онъ добрый старикъ и ничуть не фанатикъ...

На другой день Алкивіадъ пошелъ проститься съ беемъ и благодарилъ его много и искренно.

— Я люблю такихъ хорошихъ молодыхъ людей и благородныхъ, какъ вы, — сказалъ ему старикъ. — По всему видно, что вы изъ хорошей и благородной семьи. Не всѣ и ваши такіе, какъ вы, извините старика простого и древняго за его откровенность. Иные эллины такіе негодяи и свиньи, что съ ними одинъ разговоръ — ножъ и ружье! Зналъ я одного доктора изъ вашихъ, изъ свободныхъ эллиновъ, пришелъ, оселъ, въ 67 году ко мнѣ въ гости и разсказываетъ: «Вотъ скоро и вы всѣ греческими подданными станете; въ газетахъ пишутъ, что султанъ видитъ, что критянъ одолѣть не можетъ, и хочетъ отдать намъ не только Критъ, но и Эпиръ весь и Ѳессалію»... Счастье его было, что онъ у моего очага сидѣлъ! А не оселъ ли?.. Разсердился я, другъ мой, на осла этого сильно и сказалъ ему: «Да кто тебѣ открылъ, господинъ мой, что

мы-то захотимъ стать вашими подданными?.. И султану я не позволю дарить меня кому онъ хочетъ. Пусть силой возьмутъ домъ мой... Я запрусь здѣсь съ сыновьями и вѣрными слугами турками... И развѣ мертваго отдадутъ меня въ подданство вашей Элладѣ». Скажите мнѣ вы сами, другъ мой, не оселъ ли и негодяй былъ этотъ проклятый докторъ?..

Алкивіадъ видѣлъ, какъ блистали глаза стараго бея, какъ краснѣло лицо его при этомъ воспоминаніи, и, выходя изъ дома этого, вспоминалъ Астрапидеса и себя самого въ Аѳинахъ...

«О, Астрапидесъ!—воскликнулъ онъ, оставшись одинъ.— Гдѣ жъ этотъ союзъ? Гдѣ жъ это примиреніе? Я вижу лишь одно: страхъ и взаимное недовѣріе...»

Вспомнилъ онъ и дядю Ламприди и его убѣжденія, что умиротвореніе страстей въ этихъ странахъ, довѣріе и равенство можетъ принести лишь то спокойное и могучее дыханіе арктическаго вѣтра, котораго плоды всѣ видѣли и вкушали до тѣхъ поръ, пока здѣсь не воцарилось лукавое вліяніе иновѣрнаго и алчнаго Запада!

XIX.

По возвращеніи своемъ въ Рапезу Алкивіадъ узналъ, что городъ почти въ осадномъ положеніи. И богатые и бѣдные запирались въ домахъ своихъ еще до захожденія солнца. Каймакамъ требовалъ усиленія войскъ. Христіанскіе обыватели не довѣряли новому пограничному войску худудіе, набранному изъ албанцевъ-мусульманъ, точно такъ же, какъ и прежде баши-бузуки. Они говорили, что солдаты-худудіе только лишь одѣты какъ регулярное войско, въ черныя шальвары и куртки вмѣсто фустанеллы, но что они душой все тѣ же грабители баши-бузуки. И они и разбойники греки одинаково знаютъ страну; и они и разбойники одинаково знаютъ по-гречески и по-албански и будутъ входить въ уговоры другъ съ другомъ такъ же,

какъ входили на ихъ мѣстѣ прежніе баши-бузуки. Нѣкоторые изъ архонтовъ и въ особенности старикъ Ламприди убѣждалъ каймакама, что слѣдуетъ въ Азіи или въ крайней Болгаріи набрать волонтеровъ изъ настоящихъ османлисовъ; они, правда, не знаютъ страны, какъ знаютъ ее албанцы, но они привыкнутъ; а главная польза въ томъ, что они честнѣе албанцевъ и не знаютъ ни по-албански, ни по-гречески и съ разбойниками въ соглашенье входить не сумѣютъ. Турецкіе начальники возражали на это; отзывались дороговизной, затруднялись, ручались, что все пойдетъ хорошо; но самъ молодой каймакамъ ночей не спалъ отъ страха въ своемъ гаремѣ. Турки не вѣрили христіанамъ. На этотъ разъ христіане были искренни. Они боялись Салаяни не меньше турокъ; но турки имъ не вѣрили, и когда низамскій полковникъ, по уходѣ киръ-Ламприди изъ конака, сталъ повторять его слова съ одобреніемъ, чиновники-турки сказали ему: «Хорошій ты человѣкъ Абди-бей, и вѣришь этимъ лукавымъ людямъ! Не вѣрь имъ никогда. У нихъ все политика, чтобы девлету нашему повредить. Не вѣрь ты имъ, что они такъ боятся разбойниковъ. Они знаютъ, что ни Салаяни, ни Дэли въ самый городъ не придутъ; они нарочно запираются и такой страхъ обнаруживаютъ, чтобы въ греческихъ газетахъ писали: «вотъ какая жизнь въ Турціи; и въ Элладѣ есть разбой, но въ городахъ не боятся», понимаешь, чтобъ Европа слушала и жалѣла ихъ. И анатолійскихъ турокъ они хотятъ сюда привести—для чего? Чтобъ еще больше разбоя было; анатолійцы не знаютъ края и не сумѣютъ охранять его; а имъ это и нужно только, чтобы въ краѣ безпорядокъ былъ. Повѣрь ты, Абди-бей, что самый боязливый грекъ, хоть и будетъ дрожать отъ страха, а все не забудетъ, какъ бы своему народу добро, а нашему зло сдѣлать!»

— Злой народъ! — замѣтилъ пристыженный воинъ.— Злой народъ! Когда бы мнѣ 100.000 низамовъ, показалъ бы я имъ нашу силу! Ни одного бы не осталось.

Однако угрозы Салаяни скоро сбылись: въ домъ Ламприди онъ не проникъ, но люди его проникли въ пред-

мѣстье, ночью, дня за два до возвращенія Алкивіада: они ворвались въ домъ одного бакала, похитили у него сына заложникомъ, и когда сосѣди сбѣжались на крикъ и пистолѣтные выстрѣлы, разбойники убили одного изъ этихъ сосѣдей за то, что онъ отбивалъ ребенка. Раздалась тревога и барабанный бой въ крѣпости, прибѣжали солдаты; но уже было поздно; разбойники ушли и унесли ребенка. Весь городъ былъ въ ужасѣ.

— Гдѣ нашъ апельсинный садъ?—спрашивала Аспазія улыбаясь у Алкивіада.

— Развѣ есть собственность и жизнь въ этомъ вертепѣ варварства?—восклицали иные греки купцы, доктора, учителя и тому подобные люди, которые впрочемъ недурно обдѣлывали свои дѣла въ этомъ вертепѣ, пока не было какой-нибудь бури.

Плохая молодежь богатаго круга боялась еще больше отцовъ своихъ; одинъ только Алкивіадъ былъ веселъ, смѣялся надъ всѣми. Его занимало это смятеніе, и поэзія опасности, которая ему казалась вовсе не большой, ему нравилась.

Тодори тоже былъ веселъ и еще больше прежняго прыгалъ и разсказывалъ ему всякія росказни.

— Ты герой! — говорилъ ему Алкивіадъ. — Не то, что здѣшніе архонты.

— Что архонты!—восклицалъ Тодори.—Развѣ у нихъ сердце есть въ груди?

Старикъ Парасхо тоже не былъ особенно испуганъ. Онъ попрежнему улыбался загадочно и грустно качалъ головой.

— Турція! Турція! — говорилъ онъ и вздыхалъ, и глаза закрывались, и опять улыбался, и опять вздыхалъ и взглядывалъ молча, то грозно, то лукаво; и опять твердилъ:— Турція! Турція!

— Что же смотритъ однако эта анаѳемская Европа!— восклицали испуганные люди.

— На то она Европа, на то она Западъ, чтобъ ей ненавидѣть насъ за то, что мы православные!—отвѣчалъ Па-

расхо и долго гордился своимъ отвѣтомъ и бросалъ украдкой на всѣхъ лукавые взоры.

— Однако, цивилизація!—возразили ему.

Парасхо, не отвѣчая, долго хохоталъ тихонько всякій разъ при этомъ словѣ и еще переспрашивалъ.

— А? цивилизація? Остро! остро! Цивилизація!.. Я люблю остроуміе. Западъ поддерживаетъ цивилизацію на Востокѣ! Остро! остро!

Однажды подъ вечеръ пріѣхалъ въ Рапезу старый игуменъ отецъ Козьма, знакомый Алкивіаду. Онъ остановился прямо у воротъ Ламприди, растерянный и блѣдный. По сѣдой бородѣ его текла кровь. Всѣ бросились къ нему съ разспросами и участіемъ, и онъ разсказалъ, что самъ Салаяни съ тремя молодцами встрѣтилъ его при выѣздѣ изъ монастыря.

— Ты куда, старче?—спросилъ его Салаяни.

Отецъ Козьма сказалъ, что ѣдетъ въ Рапезу. Салаяни тогда подалъ ему записку къ самому каймакаму незапечатанную и велѣлъ прочесть.

Игуменъ сталъ читать. Она была недлинна.

«Бей-эфенди мой! Прежде всего спрашиваю о здоровьѣ славы вашей и кланяюсь вамъ. И вы потрудились бы выслать съ какимъ-нибудь человѣкомъ къ монастырю св. Паригорицы 15.000 піастровъ для нашихъ нуждъ. И мы придемъ и возьмемъ ихъ. И если же вы не вышлете къ субботѣ, то мы тебя въ самомъ конакѣ твоемъ осадимъ.

«Это я, Павелъ Салаяни, вашей славѣ, бей-эфенди мой, пишу».

Игуменъ со слезами умолялъ разбойника не давать ему этой записки.—Вѣдь турки погубятъ меня; они обвинятъ меня въ сообществѣ съ тобою! Пожалѣй же и ты, несчастный, свою душу; не бери ты еще грѣха смертнаго на нее.

— Салаяни,—разсказывалъ игуменъ,—задумался и не сказалъ ничего. Я ободрился и сталъ еще увѣщавать его. «А ты не забылъ ту ночь?»—спросилъ онъ потомъ. «За тобой еще десять лиръ золотыхъ?» Я сказалъ: вотъ тебѣ пять со мной есть. На провизію въ городъ везъ. Подер-

жалъ Салаяни пять лиръ на рукѣ; усы покрутилъ. Далъ по лирѣ своимъ молодцамъ, а двѣ назадъ отдалъ и сказалъ: «Теперь постъ и все морское дешево, довольно съ тебя и двухъ лиръ. А записку отдай каймакаму». Я опять просить сталъ. Тогда онъ велѣлъ схватить меня за руки, стащили меня съ мула, поставили передъ нимъ и за руки крѣпко держали. Я сказалъ: «дай, душегубецъ, крестъ мнѣ попу на себя положить предъ смертью». «Я тебя не убиваю!—сказалъ онъ.—А вотъ тебѣ что̀» ударилъ меня и вышибъ мнѣ два зуба. Вотъ оно,—говорилъ старикъ и показывалъ всѣмъ выбитые зубы.

— Вотъ покажи ты ихъ каймакаму и скажи ему: это мнѣ Салаяни выбилъ, чтобы вы видѣли, что я съ нимъ не въ уговорѣ.

— Посадили меня молодцы его на мула, ударивъ еще его сзади, чтобы скорѣе бѣжалъ, и ушли. А я вотъ пріѣхалъ.

Утомленный путемъ, страхомъ и болью, старикъ плакалъ, разсказывая это.

Вся семья Ламприди была въ ужасѣ. Цицiя заплакала и ушла; старуха и Аспазія утирали слезы. Алкивіадъ тоже былъ пораженъ жалостью и ужасомъ при видѣ страданій добраго отца Козьмы. Николаки замѣтилъ это, подошелъ къ нему и сказалъ какъ бы добродушно:

— А что́, киръ-Алкивіадъ, и это поэзія?..

Раздосадованный и потрясенный Алкивіадъ не нашелъ ничего лучшаго ему въ отвѣтъ, какъ сказать, что эту жестокость и эту энергію зла, которая такъ сильна въ дикомъ горномъ народѣ, можно бы направить на *«врага»*, если бъ архонты были люди, а не торгаши!

— Да кто же врагъ-то?—спросилъ Николаки улыбаясь.— Вѣдь съ турками мы вмѣстѣ на славянъ пойдемъ, такъ что и отъ Россіи однѣ щепки останутся?..

Алкивіадъ вышелъ блѣдный отъ бѣшенства; здравый смыслъ *ржавыхъ* людей торжествовалъ надъ аѳинскими мечтами. Старикъ Ламприди самъ повелъ игумена къ каймакаму.

XX.

Сестра Алкивіада испугалась наконецъ его писемъ изъ Рапезы; имя Аспазіи повторялось въ нихъ слишкомъ часто. Она любила младшаго брата какъ мать. Хотя она не была никогда въ Турціи, но по слухамъ имѣла о тамошнихъ родныхъ своихъ не высокое понятіе. Воображая Аспазію въ черномъ платочкѣ, съ дурными, церемонными манерами, можетъ быть крикливую и неопрятную, она утѣшала лишь себя тою мыслью, что есть же у Алкивіада вкусъ и что не рѣшится же онъ, несмотря на пылъ своей молодости, жениться вдругъ на необразованной и невоспитанной женщинѣ и привезти ее въ Аѳины! «Такой ли бракъ можетъ ожидать въ будущемъ моего красавца и феникса!» думала любящая сестра. Она недолго тревожилась; обдумала дѣло и написала два письма—одно Алкивіаду, другое старику Ламприди.

Брату она писала такъ: «Если ты, наконецъ, caro mio, до такой высочайшей степени влюбленъ, то что же дѣлать? Шаловливый маленькій тиранъ Эросъ — неумолимъ! Рѣшенія этого милаго изверга безапелляціонны. Онъ пронзаетъ своими ядовитыми стрѣлами сердца болѣе испытанныя жизненными бурями чѣмъ твое. Да будетъ такъ. Но, милый братъ мой, если въ твоей душѣ остались воспоминанія (для меня они священны!) о той дѣтской колыбели, у которой я проводила ночи, стараясь, чтобы нѣжная жизнь твоя не угасла, сдѣлай для меня то, о чемъ я буду тебя просить! *Спѣши медлительно*. Повѣрь моему доброжелательсту и моему опыту. Пусть Аспазія твоя пріѣдетъ гостить ко мнѣ въ Аѳины. Я постараюсь изучить ее, исправить въ ней, что необходимо для новой жизни, которая будетъ ей предстоять, для того высшаго общества, въ которое она, будучи твоею женой, вступитъ. Пусть Аспреасъ не краснѣетъ за ту, которой онъ дастъ свое имя!..»

«Любезнѣйшій и дражайшій дядя (писала она киръ-Христаки). Не знаю, какъ выражу я вамъ то удовольствіе, которое я чувствую, читая письма моего Алкивіада. Я надѣюсь, что это путешествіе нашего юноши и пребываніе

его въ Эпирѣ скрѣпятъ новыми узами наши родственныя семьи, которыя издавна раздѣлены земнымъ пространствомъ, но не идеальными чувствами. Я заочно, благодаря письмамъ Алкивіада, присутствую ежеминутно при мирной, нравственной, патріархальной жизни вашего почтеннаго дома и должна лишь изумляться стойкости и энергіи эллинскаго народнаго характера, который помогъ несчастной націи этой сохранить свой быть и свою нравственную чистоту въ странѣ, удаленной отъ всякаго луча просвѣщенія и подъ варварскимъ игомъ лютыхъ звѣрей во образѣ человѣка.

«Можно ли отчаяваться въ великой, славной на всѣхъ поприщахъ будущности такого народа? Не знаю, какъ выразить почтенной тетушкѣ благодарность отца нашего и всѣхъ насъ за истинно родственное гостепріимство, оказываемое ею и всѣмъ семействомъ вашимъ Алкивіаду. Да возблагодаритъ и да благословитъ васъ Самъ Всемогущій Творецъ!

«Разстояніе, почтеннѣйшій дядюшка, на которомъ жили такъ долго семьи наши, связанныя кровными узами, лишало насъ долго удовольствія сноситься съ вами и знать всѣ подробности вашей семейной жизни. Теперь я знаю, благодаря путешествію брата, имена, возрастъ и отчасти и характеръ всѣхъ членовъ вашей превосходной семьи. Братъ отъ нея въ восторгѣ, и, зная умъ его, я увѣрена, что онъ не ошибается ни на одну іоту. Я знаю коротко милыхъ Цици и Чево; знаю добраго Николаки и дорогую супругу его; сокрушаюсь надъ несчастіемъ, постигшимъ бѣднаго Алексѣя, и утѣшаю себя лишь тѣмъ, что, по словамъ брата, глухота его не помѣшала ему развивать свой умъ и свою дѣятельность. Изо всего вашего семейства меня особенно, впрочемъ, трогаетъ судьба вашей старшей дочери Аспазіи! Какая ужасная, трагическая судьба — лишиться въ столь нѣжномъ возрастѣ любимаго молодого мужа! Конечно, милая Аспазія должна благодарить судьбу, что она сохранила ей примѣрныхъ родителей и дозволила ей подъ отеческимъ кровомъ оплакивать свою горькую утрату. Алкивіадъ прислалъ мнѣ ея карточку, и, несмотря на всю невыгодную для женской красоты слабость искусства мѣстнаго фотографа, я вижу, что братъ мой правъ: она въ высшей степени привлекательна. Оттѣнокъ болѣзненности еще болѣе краситъ ее. Да живетъ она вамъ на радость! Братъ мой пишетъ, что она страдаетъ лихорадкой и что доктора совѣтовали ей перемѣну мѣста. Это извѣ-

стіе подало мнѣ мысль предложить вамъ, дорогой дядя, привезти Аспазію на полгода къ намъ въ Аѳины. Чтó можетъ быть лучше? Она развлечется, выздоровѣетъ и, наконецъ,—кто знаетъ, — быть можетъ, здѣсь лучше нежели гдѣ-нибудь оцѣнятъ ея высокія качества и она составитъ здѣсь свою дальнѣйшую судьбу...»

Вся семья Ламприди (кромѣ младшихъ дочерей) собралась слушать письмо... Глухой присутствовалъ также; онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ родныхъ и спрашивалъ «чтó такое?» и когда ему шептали, губами дѣлали знаки, онъ подавалъ свое мнѣніе.

Всѣ скоро догадались, въ чемъ дѣло. Николаки, улыбаясь, грызъ ногти въ углу и долго не хотѣлъ сказать свое мнѣніе; а глухой закричалъ во все горло смѣясь:

— Алкивіадъ ее любитъ! Любитъ онъ ее, любитъ! Это его дѣла!

Всѣ засмѣялись... Мать потрепала глухого по щекѣ и спросила:

— Такъ ты какъ скажешь?.. Посылать Аспазію?

Глухой кричалъ: — Не посылать!

Опять всѣ смѣялись.

— Отчего не посылать?

Глухой говорилъ прямо все то, о чемъ другіе думали.

— Обмануть ее.

— Зачѣмъ? Какъ обмануть?

— Какъ обманываютъ женщинъ. Сдѣлаютъ ее любовницей; этого не скроешь, а потомъ скажутъ: «ты развратная»...

— Просто, очень просто ты говоришь! — сказала невѣстка.

— Устами младенцевъ говоритъ иногда самъ Богъ! — сказала старуха.

Всѣ были довольны глухимъ. Мать толкнула его въ плечо и спросила:

— Да вѣдь сестра честная женщина. Развѣ поддастся на обманъ?

— Женщина! — закричалъ глухой такъ рѣшительно и за-

бавно, что отецъ и братъ ударили въ ладоши и воскликнули *браво!..*

Мать, которая болѣе другихъ въ семьѣ была расположена къ Алкивіаду, замѣтила еще глухому:

— Бѣдный Алкивіадъ, однакожъ, такой хорошій молодчикъ — добрый, красивый!

— Когда бы былъ не добрый, не хорошій и собой дурной, и я бы сказалъ: *айда**), Аспазія, въ Аѳины маршъ!

Опять смѣхъ. Всѣ были согласны и всѣ были рады.

Старикъ, однако, возразилъ, что хотя шутить можно, но семья Алкивіада и все родство его люди благородные и честные, и худа того, о которомъ говоритъ Алексѣй, не будетъ, конечно. Это все вздоръ. Но что нѣтъ крайности посылать Аспазію въ Аѳины, если она сама этого не ищетъ, и лишать ее, такимъ образомъ, возможности составить въ Рапезѣ хорошую партію.

— Надо спросить ее самоё, чего желаетъ ея сердце; она не дѣвушка и сама имѣетъ право распоряжаться своей судьбой! — сказалъ отецъ.

Пошла невѣстка позвать Аспазію. И она, краснѣя, выслушала письмо.

— Много комплиментовъ, — сказала она.

Родные замѣтили, однако, ея волненіе.

Отецъ спросилъ ея мнѣнія, ѣхать или нѣтъ въ Аѳины. Аспазія отвѣчала: «Какъ хотите вы. Вѣдь не одна же я поѣду, а съ вами»...

Изъ этого отвѣта всѣ родные поняли, что ѣхать ей въ Аѳины хотѣлось бы. Объ Алкивіадѣ не заговаривали; но вечеромъ мать и невѣстка пошли съ визитомъ къ матери Петала. Самого Петала въ это время не было, онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Корфу на короткое время.

Обѣ старухи и невѣстка соблюли всѣ предписанія вѣжливости; не начинали очень долго говорить о томъ, зачѣмъ именно пришли.

Спросили и переспросили о здоровьѣ. Хозяйка отвѣча-

---

*) *Айда* — поди, маршъ.

ла, какъ водится: очень хорошо, а потомъ жаловалась на боль въ ногахъ и слабость. «Очень мнѣ это досадно!»— воскликнула г-жа Ламприди. Невѣстка спросила то же и получила тотъ же отвѣтъ. «Очень мнѣ досадно!» воскликнула и она. Потомъ долго говорили о погодѣ, о разбояхъ; жаловались на дождливую весну и холодную зиму.

Наконецъ, съ улыбкой и какъ бы шутя, старушка Ламприди сказала:

— А мы Аспазію, можетъ быть, съ отцомъ въ Аѳины пошлемъ. Ее зоветъ гостить надолго старшая сестра Алкивіада. Знаете, родные!

Невѣстка помогла свекрови.

— Какая превосходная женщина! Чтò за умъ, чтó за воспитаніе! Чтó за добрая душа. Письмо ея у васъ, матушка?

Прочли громко письмо.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ похвалы были очень сильны, старушка Ламприди какъ бы просила пощады у старушки Петалà, качая головой и приговаривая: «Доброта, отъ большой доброты она это пишетъ!» Старущка Петалà слушала все это съ достоинствомъ и холодно.

— Придворная дама — одно слово! — замѣчала она значительно.

Кончили письмо.

— Сколько ума! — воскликнула невѣстка. — Видно сейчасъ, что не въ Турціи воспиталась женщина!..

— Чтó вы хотите! — подтверждала старушка Петалà. — Гдѣ Турція и гдѣ Аѳины! Европейское воспитаніе!.. Посылайте, посылайте Аспазію, это дѣло хорошее.

Старушку Ламприди напугало такое равнодушіе, и она стала увѣрять, что сообщено хозяйкѣ лишь по старой дружбѣ, а что посылать Аспазію въ Аѳины еще вовсе не рѣшено.

— Это больше отъ нея самой зависитъ, — сказала невѣстка. — Вы знаете, не дѣвушка она, а вдова. Свой умъ есть — сама свои интересы понять можетъ.

— Чтò жъ интересъ! — отвѣтила старушка Петалà. —

Интересу ей больше въ Аѳинахъ. Развлеченія, общество хорошее. Скажемъ и то, что вдовѣ, я думаю, тамъ легче и замужъ выйти, чѣмъ у насъ. У насъ не такъ-то любятъ вдовъ брать. Да и хорошо дѣлаютъ. Иное дѣло вдова, иное дѣло дѣвушка.

— Кто полюбитъ, и вдову возьметъ, особенно изъ стараго очага, — отвѣчала старушка Ламприди. Она улыбалась очень ласково и лукаво; но противница ея была непреклонна.

— Нынче и старые очаги обѣднѣли! — сказала она.

— Всякій по силамъ своимъ, — продолжала г-жа Ламприди. — У Аспазіи свой апельсинный садъ и виноградникъ есть. Э! Съ Божьею помощью и отецъ пожалѣетъ ее и братья.

— Апельсинные сады не большая вещь. Вотъ прошлаго года отъ холода попадали всѣ, — возразила старушка Петала. Такъ дѣло ничѣмъ и не кончилось. Обѣ гостьи встали и начали прощаться.

— Будете писать вашему сыну въ Корфу, — сказали онѣ, — то и отъ насъ много поклоновъ.

— Не премину, — сказала г-жа Петала.

— А скоро онъ возвратится? — спросили гостьи.

Хозяйка дома отвѣчала: — Какъ позволятъ дѣла, — и гостьи ушли недовольныя.

Однако г-жа Патала съ первымъ случаемъ написала сыну о томъ, что Аспазію хотятъ везти въ Аѳины къ сестрѣ Алкивіада. Письмо она не писала сама, а пригласила старика Парасхо, которому, благодаря за трудъ, сказала: «Скажи старику Ламприди, либо г-жѣ его, что я поклонъ сыну отъ нихъ всѣхъ написала. Лѣтомъ въ Корфу встрѣтятся они съ сыномъ, если Аспазія поѣдетъ въ Аѳины».

Такъ узнали въ семьѣ Ламприди, что мать Петала отъ брака все-таки не прочь, а все думаетъ лишь о томъ, какъ бы побольше взять въ приданое.

XXI.

На слѣдующій день, въ сумерки, случилось, наконецъ, Алкивіаду остаться на полчаса съ Аспазіей вдвоемъ. Когда послѣдняя помѣха, Цици, вышла изъ дверей, Алкивіадъ воскликнулъ:

— Слава Богу, мы одни!

Аспазія раскладывала карты и въ отвѣтъ на это указала ему на пиковаго туза...

— Это тебѣ ударъ,—сказала она съ улыбкой и краснѣя.

Алкивіадъ приблизился къ ней и хотѣлъ взять ея руку. Аспазія молча покачала головой и отняла руку.

— Ты знаешь, что Петала за меня сватается?

— Знаю, — отвѣчалъ Алкивіадъ съ волненіемъ и досадой, — только это мнѣ не ударъ; оттого, что ты за него не пойдешь. Ты поѣдешь къ сестрѣ моей въ Аѳины.

— Развѣ поѣду? — спросила Аспазія.

— Что̀ же ты за женщина, если не поѣдешь...

— Если не поѣдетъ со мной отецъ, не поѣду же я одна? Ужъ не съ тобой же мнѣ ѣхать. Не мужъ же ты мнѣ и не братъ.

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, Аспазія, можетъ случиться, что я и буду тебѣ мужемъ.

Аспазія наклонилась къ картамъ и отвѣчала:

— Если бы ты былъ мнѣ мужемъ, тогда что̀ за разговоръ объ отцѣ. На что̀ отецъ, когда есть мужъ. Но ты говоришь: можетъ быть, и не навѣрное.

На этомъ ихъ прервали, но и этого было довольно. Аспазія разсказала все матери и невѣсткѣ. И поздно вечеромъ, когда Алкивіадъ ушелъ, начались опять семейныя состязанія.

Старикъ сказалъ свое мнѣніе такъ:

— Хорошій малый, образованный, честный, но состоянія теперь у отца мало, есть другіе сыновья, еще дѣти; онъ привыкъ къ роскоши и свободѣ, годами самъ почти дитя, должности еще не имѣетъ; ремесла никакого; политическая карьера въ Элладѣ путь невѣрный. Съ паденіемъ ми-

нистра выгоняются чиновники. Быть можетъ сдѣлаетъ дорогу, а быть можетъ и нѣтъ. Если онъ сжегъ ей сердце, пусть дѣлитъ его бѣдность и его ненадежную судьбу. Я не запрещаю; она не дѣвушка.

Аспазія отвѣчала съ досадой:

— Никто и не говоритъ, что онъ мнѣ сердце сжегъ!

Все дѣло было рѣшено тѣмъ, что надо подождать до тѣхъ поръ, пока Петала̀ не возвратится изъ Корфу.

— Со старухой не кончишь безъ этого; она камень была, камнемъ и будетъ, — говорили всѣ родные.

А Николаки, который Алкивіада не любилъ, сказалъ послѣ Аспазіи особо:

— Петала́ хочетъ за тобой тысячу двѣсти турецкихъ лиръ взять. У тебя своего на пятьсотъ лиръ есть. Гдѣ же ты возьмешь еще пятьсотъ? А лучше бы за Петалу выйти. Осталась бы съ нами и прожила бы вѣкъ свой спокойно и честно здѣсь.

Глухой, когда узналъ, на чемъ остановилось дѣло, сталъ заступаться за Алкивіада.—Теперь уже онъ сватается. Значитъ, что̀ же тутъ худого?

— Бѣдность худа! — сказалъ Николаки.

Братья долго спорили, совѣщались вдвоемъ и рѣшили такъ: Петала́ — партія лучше, чѣмъ Алкивіадъ. Только Петала́ проситъ много денегъ; тысячу лиръ ему не дадутъ; а надо дать семьсотъ. Гдѣ жъ достать двѣсти лиръ добавочныхъ? Хорошо бы сдѣлать сестрѣ добро; только нельзя же, чтобы Николаки и своихъ дѣтей разорилъ; да и Цици и Чѐво надо сбыть съ рукъ. Аспазія вдова; выйдетъ или не выйдетъ, худо только для нея; а Цици и Чѐво не выйдутъ долго замужъ, безчестіе роднѣ и вѣчная забота отцу и матери. Что̀ жъ Петала̀ хитритъ? Можно, если такъ, и его обмануть. А какъ обманешь? Дадимъ своихъ денегъ, а съ Аспазіи возьмемъ вексель на ея садъ и другую собственность.

— Алкивіадъ и безъ прибавки возьметъ, — замѣтилъ глухой.

— Безъ прибавки; да лучше за Петалу. Грѣхъ намъ объ

сестрѣ не позаботиться. Самъ же ты ее любишь! — отвѣтилъ Николаки.

— Очень люблю, — воскликнулъ глухой и объявилъ, что если такъ, то онъ на свою долю дастъ ей прибавку и безъ расписки, а просто въ даръ.

Семья рѣшилась ждать возвращенія Петалы; послали поскорѣе письмо въ Корфу, чтобъ онъ торопился, если не хочетъ, чтобъ Аспазія вышла за Алкивіада

XXII.

На другой день по городу разнесся слухъ, что Салаяни захватилъ въ плѣнъ игумена монастыря Паригорицы и требуетъ 20.000 піастровъ выкупа. Племянникъ игумена, молодой монахъ, жившій при немъ, проливая слезы, ходилъ по домамъ, увѣряя, что денегъ въ монастырѣ нѣтъ и что онъ не знаетъ, какъ спасти отца Козьму. Салаяни грозился убить игумена, если къ субботѣ не принесутъ деньги на мѣсто, которое зовется *Три Колодца*, около того обрыва, что́ въ скалахъ за монастыремъ.

Взяли разбойники старца въ монастырскомъ хану.

У монастыря былъ свой ханъ на проѣзжей дорогѣ, который давалъ кой-какой доходъ. Подъ вечеръ игуменъ возвращался домой на мулѣ съ пѣшимъ мальчикомъ; вышелъ Салаяни самъ изъ-за камней на дорогу; взялъ мула за поводъ и повернулъ на горную тропинку. Мальчикъ прибѣжалъ въ монастырь. Разбойники ругали его издали и звали назадъ: «Не бойся, дитя! — кричали они, — иди сюда, дѣло есть!» Но мальчикъ какъ птица летѣлъ отъ страха домой. Должно быть о выкупѣ хотѣлъ Салаяни мальчику приказать.

Слышалъ только мальчикъ, что отецъ Козьма сказалъ разбойнику:

— Или ты, человѣкъ, и утробы не имѣешь какъ другіе люди! Что́ я тебѣ сдѣлалъ?

— *Айда! Айда!* — сказалъ разбойникъ.

Привели отца Козьму въ его же ханъ. Ужъ было темно. Зажгли лампадочку, Салаяни досталъ изъ-за пояса чернильницу и написалъ въ монастырь записку о выкупѣ. *Ханджи* *) въ это время убѣжалъ самъ изъ хана и спрятался. Разбойники достали себѣ сами вина и выпили, а больше никакого грабежа не сдѣлали, а стали искать кого отправить. Схватили маленькую дочь ханджи, посадили ее на осла, дали ей записку и послали съ угрозами въ монастырь.

Монастырь былъ и близко, но дѣвочка была мала, всего десяти лѣтъ, и черной ночи, и собакъ большихъ, которыя изъ овчарен̆ъ кругомъ лаяли, боялась больше, чѣмъ разбойниковъ. Она не доѣхала и вернулась въ ханъ. «Боюсь», сказала разбойникамъ. Засмѣялись разбойники и сказали: «Бѣдная!»

— Бѣдная, это хорошо! — сказалъ одинъ, — а что́ намъ дѣлать?.. Ханджи, рогачъ проклятый, гдѣ теперь, кто его сыщетъ?

— Сыщемъ пастуха и дадимъ ему записку.

Ханджи самъ все это слышалъ изъ убѣжища своего и думалъ: «Выйду я или не выйду? Жаль отца игумена; только больше томятъ они его этимъ. Но какъ бы турки пристанодержателемъ не сочли? Или ужъ отъ допроса не избавиться мнѣ? Не станутъ же на слова одной дѣвочки моей полагаться. Будутъ и у меня спрашивать. Дѣло не скроешь».

И вышелъ. Дали ему записку, и понесъ онъ въ монастырь.

— Скажи племяннику моему, чтобы большое русское евангеліе и все, что́ можетъ, снесъ въ городъ и заложилъ бы.

Но собирать деньги для игумена было не такъ-то легко. Иные не давали вовсе, говоря: «чтобъ у монаховъ да не было денегъ!» Другіе сокрушались о судьбѣ игумена, восклицали: «Грѣхъ! великій грѣхъ!», а денегъ дать не хотѣли. Аспазія первая не разговаривая тихо встала, сходила въ свой вдовій сундукъ и достала изъ него все, что́ у нея было наличнаго — 70 чистыхъ новыхъ турецкихъ зо-

*) *Хданжи* — хозяинъ *хана*, постоялаго двора.

лотыхъ. «Вотъ что́ я имѣю!» сказала она, подавая ихъ монаху, покраснѣла и мелькомъ взглянула на Алкивіада.

— Эти золотые чисты и прекрасны, какъ душа твоя! — воскликнулъ Алкивіадъ.

— Христосъ съ тобой, Христосъ съ тобой и Божія Матерь Всесвятая! — проливая слезы, подтверждалъ молодой инокъ.

За Аспазіей далъ Алкивіадъ, что́ могъ (всего десять лиръ, денегъ у него было очень мало съ собой, и въ тотъ же вечеръ онъ занялъ у Тодори три лиры на табакъ и другіе мелкіе расходы).

Старики Ламприди и сыновья дали подъ расписку и подъ залогъ двухъ евангелій, двухъ кадильницъ, нѣсколькихъ еще мелкихъ серебряныхъ предметовъ и большого серебрянаго же ковчежца 100 лиръ, и надо сказать, къ чести ихъ, очень невыгодно, потому что цѣнность вещей далеко не доходила до этой цѣны. Старикъ Парасхо далъ подъ простую расписку 50 слишкомъ лиръ, восклицая тихо и задумчиво: «Слышали, слышали! На игумена посягнуть! Слышишь, изверги? Слышишь?» Остальные далъ митрополитъ. Старуха Петала́ и тутъ осталась какъ камень: «я не могу безъ сына», восклицала она.

Когда деньги были собраны, стали совѣщаться о томъ, кого послать за ними. Молодой монахъ жалѣлъ дядю и плакалъ о немъ, но итти самъ боялся не только къ разбойникамъ на Три Колодца, но изъ города даже не рѣшался выходить. Вспомнили въ семьѣ Ламприди о Тодори. Тодори съ радостью согласился, и Парасхо безпрекословно отпустилъ его. Надо было видѣть, какъ былъ радъ Тодори такому порученію!

Напрасно обѣщалъ ему молодой монахъ награду за этотъ трудъ, онъ говорилъ:

— Поминайте меня въ молитвахъ вашихъ. И пусть Богъ наградитъ меня. Что́ я за собака такая, что я торговаться буду, когда нужно святого игумена освободить? Собака развѣ я?

Кажется все было кончено; но узнали турки о томъ, что деньги собрали и что Тодори идетъ. Имъ это не понравилось. Имъ хотѣлось поймать разбойниковъ, убить ихъ, а не выкупать игумена. Зачѣмъ же посылать выкупъ, когда есть власть законная, султанская, когда есть конные заптіе и новое пограничное войско нарочно для поимки злодѣевъ?

Позвали въ конакъ старика Ламприди и Тодори. Продержали ихъ до вечера въ безполезныхъ преніяхъ. Кой-кто изъ мѣстныхъ турокъ шепнулъ каймакаму, что этотъ молодецъ Тодори — человѣкъ подозрительный, суліотъ (а суліоты — извѣстно, какіе люди — всѣ *бандиты, ножеизвлекатели*, какъ говорится по-гречески). «Поучить бы его палкой; не знаетъ ли онъ чего о разбойникахъ; не въ согласіи ли онъ съ ними!»

Онъ еще недавно на площади одного правовѣрнаго убить хотѣлъ?.. Да и *больше* его люди, пожалуй, въ заговорѣ. Отъ грека, отъ христіанина всего жди... Какъ бы намъ вредъ сдѣлать. Это его намазъ!

Долго спорили. Тодори ни въ чемъ не казался виновенъ. Напрасно турки строго глядѣли ему въ глаза; Тодори и не понималъ, казалось, ихъ угрозъ и намековъ. Онъ былъ почтителенъ, но смѣлъ.

Турки остались также очень недовольны на этотъ разъ самоувѣренными, самобытными пріемами старика Ламприди и особенно тѣмъ, что онъ сказалъ:

— Я лучше знаю страну.

Однако дѣлать было нечего, многіе изъ турецкихъ офицеровъ согласились съ тѣмъ, что надо прежде спасти игумена и что послать войско сейчасъ, значитъ, обречь бѣднаго старика на вѣрную смерть. Тодори отпустили, и онъ еще до разсвѣта отправился въ путь. Къ несчастію, поздно ночью пришелъ запросъ отъ Вали по телеграфу: «Что́ же сдѣлано для поимки Салаяни?» Каймакамъ трепеталъ предъ начальствомъ, все благоразуміе его тотчасъ же пропало.

— Вали хочетъ голову Салаяни. Неси мнѣ голову его! — воскликнулъ онъ.

Въ получасѣ ходьбы отъ города Тодори нагнали пѣшіе и конные турки съ двумя офицерами.

Тодори вздыхалъ, уговаривалъ ихъ вернуться и подождать.

— Убьетъ онъ игумена, а мы его не убьемъ! — воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Иди, иди! показывай дорогу намъ. Или ты ума лишился? Кто больше, каймакамъ-бей или ты, оселъ?

Тодори пошелъ. Нѣсколько изъ албанцевъ, которые знали дорогу еще лучше его, спросили: зачѣмъ же имъ чрезъ Вувусу итти, когда можно ближе и прямѣе, чрезъ горныя тропинки!

— Какъ бы деревенскіе не дали знать Салаяни?

— Да нельзя жъ и не дать знать, — сказалъ офицеръ. — Надо, чтобъ онъ зналъ, что этотъ человѣкъ ему выкупъ несетъ. А мы скроемся.

Турки остались за горой, а Тодори пошелъ въ Вувусу. Албанцы худудіе говорили безъ него офицерамъ, что онъ непремѣнно дастъ знать Салаяни, и что онъ выкупъ отложитъ до другого дня, и что разбойникъ уйдетъ.

— Зачѣмъ ему это сдѣлать? — спросилъ офицеръ.

— Изъ злости, — сказали албанцы.

Тогда одинъ конный заптіе и одинъ изъ офицеровъ сѣли на лошадей и поспѣшили нагнать Тодори у самой Вувусы.

Чтó было дѣлать Тодори? Сказать имъ: «напрасно вы это дѣлаете; какъ бы деревенскіе ему не дали знать». Это было обвинять своихъ въ преступномъ пристанодержательствѣ. Тодори однако ужъ не слишкомъ тревожился; онъ былъ увѣренъ, что Салаяни игумена не убьетъ, а подождетъ до вечера; потомъ опять уйдетъ въ горы со старцемъ, дожидаясь выкупа. Наложить руку на духовное лицо — такой смертный грѣхъ, который и разбойнику не прощается. Стали посылать кого-нибудь изъ деревенскихъ къ Тремъ Колодцамъ. Никто не шелъ. Кто боялся, кто просилъ помилованія; офицеры угрожали. Крестьяне клялись, что такъ будетъ хуже, что лучше всего Тодори итти одному съ деньгами.

Прошелъ часъ. Пока совѣщались, пока офицеру изжа-

рили курицу и сварили кофе, пока онъ выкурилъ нѣсколько сигаръ, — прошелъ другой часъ.

Салаяни между тѣмъ долго ужъ ждалъ, скрывшись за Тремя Колодцами съ десятью молодцами. Игуменъ не связанный ни веревкой и ничѣмъ другимъ сидѣлъ тоже пригорюнившись на землѣ за кустомъ и перебиралъ четки, припоминая всѣ молитвы, которыя зналъ. Прождали долго: проголодались (день былъ постный, и разбойники и самъ игуменъ съ утра кромѣ хлѣба и маслинъ ничего не ѣли); вино, которое они выпили натощакъ, мутило имъ голову. Всѣ были сердиты и почти не говорили между собой. День стоялъ сырой и невеселый.

— Анаѳема отцу его! Собачій сынъ! — сказалъ про Тодори Салаяни и послалъ одного изъ молодцовъ повысмотрѣть осторожно, не идетъ ли Тодори. Молодецъ вернулся чрезъ полчаса и воскликнулъ блѣдный: «Пропали головы наши, человѣче! Тодори нѣтъ; а два десятка худудіе и низамовъ подъ Вувусой собралось».

— Не врешь? — спросилъ Салаяни.

— Вотъ *тебѣ хлѣбъ мой* *)! Вотъ тебѣ *вѣра моя!* — воскликнулъ молодой разбойникъ.

Игуменъ былъ утомленъ голодомъ, ожиданіемъ, ходьбой и страхомъ; схватившись руками за колѣна, онъ уже сталъ дремать и не слышалъ этого разговора.

— Не лжешь? — переспросилъ еще Салаяни съ безпокойствомъ и грозно.

— Вѣрь ты мнѣ! Вѣрь ты мнѣ, господинъ Салаяни! Вѣрь ты мнѣ, хорошій мой! — умолялъ его юноша.

Салаяни сбросилъ бурку и вынулъ пистолетъ.

Другіе разбойники не успѣли выговорить слова, какъ онъ подошелъ сзади къ игумену и выстрѣлилъ ему въ затылокъ.

Когда старичокъ упалъ и утихъ навѣки послѣ мгновенныхъ содроганій, всѣ разбойники онѣмѣли. Иные перекрестились; другіе плюнули и сказали съ ужасомъ на блѣдныхъ лицахъ:

---

*) Вотъ *тебѣ хлѣбъ мой!* — обыкновенная у иныхъ грековъ божба.

— Это дѣло худое! Христосъ и Панагія, такого худого дѣла мы еще не видали, не слыхали мы, чтобы христіанину да игумена бы убить.

Молодые разбойники были особенно перепуганы; они пророчили себѣ бѣду и молча спѣшили по камнямъ и кустамъ за своимъ предводителемъ, который опять завернулся въ бурку и прыгалъ съ камня на камень, удаляясь поспѣшно съ мѣста своего ужаснаго преступленія.

Когда онъ и вся шайка его были уже внѣ опасности, онъ обернулся и сказалъ:

— Турки, я думаю, слышали выстрѣлъ мой?..

Никто не отвѣчалъ, и Салаяни не разговаривалъ больше.

Черезъ полчаса послѣ бѣгства разбойниковъ отъ Трехъ Колодцевъ подступили къ нимъ ближе турки.

Конные спѣшились еще гораздо раньше, чтобы подковы не стучали по камнямъ. Пѣшіе худудіе вразсыпную залегли за камнями и кустами.

Планъ былъ такой: Тодори пойдетъ одинъ открыто, отдастъ деньги, освободитъ игумена и отведетъ его подальше на дорогу. Какъ только игуменъ отойдетъ прочь, такъ немедленно должны начаться преслѣдованіе и перестрѣлка.

Тодори спустился къ Тремъ Колодцамъ. Сначала дорогой ему думалось, какъ бы не убили его разбойники за измѣну, за то, что привелъ съ собой турокъ. Потомъ, разсчитывая на оплошность турокъ и на зоркость разбойниковъ, онъ сталъ думать, что они давно ушли и увели съ собой игумена.

Такъ размышляя, Тодори оглядывался и не видѣлъ ничего вокругъ. Три высохшихъ колодца были уже позади его; онъ взошелъ на ровную площадку за высокою скалой; еще разъ осмотрѣлся; кромѣ травы высокой и камней нѣтъ ничего... Еще сдѣлалъ шагъ, увидалъ, что трава стоптана кой-гдѣ; увидалъ окурокъ сигары; увидалъ, наконецъ, корку хлѣба и нашелъ около нея нѣсколько обглоданныхъ косточекъ изъ маслинъ; завернулъ еще за одинъ камень и увидалъ трупъ игумена. Старикъ лежалъ лицомъ внизъ; на сѣдой бородѣ его была видна кровавая

пѣна; одна изъ рукъ, опрокинутая вверхъ ладонью, была вся въ землѣ и въ зелени. Умирая, онъ видно впился пальцами въ землю и вырвалъ клокъ травы.

Тодори закричалъ, и турки всѣ сбѣжались на его крикъ.

Долго стояли они и долго жалѣли и удивлялись жестокости Салаяни.

— Не собака развѣ этотъ человѣкъ! — сказалъ пожилой турецкій офицеръ. — Много я видѣлъ худа на свѣтѣ, а не видалъ, чтобы человѣкъ своего ходжу, своего учителя такъ убилъ.

Оставили при трупѣ игумена Тодори съ десяткомъ низамовъ, ушли въ село и послали оттуда старшинъ христіанскихъ и народъ весь взять тѣло и принести въ село.

Какое въ селѣ было негодованіе, кто разскажетъ!

Панъ-Дмитріу ругалъ и клялъ Салаяни, и жена его плакала, глядя на трупъ игумена.

Капитанъ Сульйо сказалъ:

— Надо убить этого злодѣя! — И потомъ еще прибавилъ: — оно такъ и будетъ. Еще старые наши люди говорили: когда разбойникъ руку на попа либо монаха поднялъ и убилъ его, то и ему пропасть въ скорости.

И низамы турецкіе соглашались и говорили:

— Чтó за слово! Говорятъ, *ходжа,* учитель вашъ!

Когда Тодори уходилъ, Панъ-Дмитріу сказалъ ему тихо:

— Ты скажи киръ-Христаки, что я на-дняхъ приду къ нему по хорошему дѣлу. Пусть будетъ покоенъ!

XXIII.

И въ городѣ скоро узнали, что Салаяни убилъ игумена. Негодованію не было мѣры; и турки, и христіане были одинаково поражены. Каймакамъ телеграфировалъ генералъ-губернатору, и черезъ три дня въ Рапезу пріѣхалъ по особому порученію мутесарифъ, не превезскій, а другого города.

Христіане говорили другъ другу, что этотъ мутесарифъ лихой и что онъ можетъ быть одолѣетъ разбой.

Всѣ радовались и разсказывали другъ другу исторію этого паши. Онъ былъ родомъ изъ дальней Азіи; бунтовалъ тамъ противъ турокъ; былъ схваченъ и сосланъ на долгое житье въ Европейскую Турцію. Одинъ паша узналъ на Дунаѣ, говорили люди, этого изгнанника; полюбилъ его и выхлопоталъ ему не только прощеніе, но даже должность мутесарифа.

Говорили люди, что его любятъ посылать вездѣ, гдѣ нужна строгость и старинная простота, что въ этомъ есть глубокая политика: «да не падетъ прямое обвиненіе излишней строгости или грубаго обращенія на высшее начальство».

Разсказывали также, что мутесарифъ фанатикъ и христіаноборецъ страстный, что у него все по-старому, четыре жены, что онъ совершалъ бы охотно ужасныя дѣла, если бы смѣлъ; но въ рукахъ просвѣщенной власти онъ сталъ лишь полезнымъ орудіемъ строгости.

Всѣ находили, что для труднаго положенія, въ которомъ находился край, такой человѣкъ можетъ быть очень пригоденъ.

Мутесарифъ точно созвалъ на совѣтъ всѣхъ тѣхъ людей, которые могли знать дѣло.

Разослалъ по деревнямъ печатное объявленіе, которое приглашало всѣхъ селянъ способствовать поимкѣ Салаяни. Грозили ссылкой въ Виддинъ всѣмъ тѣмъ, которые будутъ уличены въ притонодержательствѣ. Самъ ѣздилъ въ нѣкоторыя деревни, уговаривалъ, грозилъ и обѣщалъ награды.

Одинъ день всѣ было повѣрили, что разбойникамъ пришелъ конецъ. Съ эллинской границы дали знать на ближайшій военный турецкій постъ, что шайка Салаяни перешла границу и преслѣдуется греческими войсками. Греческій офицеръ предлагалъ турецкому захватить шайку въ лѣсу съ двухъ сторонъ. Турки вступили въ лѣсъ; офицеръ турецкій шелъ впереди и высматривалъ; разбойники

выстрѣлили и убили его и одного солдата. Воодушевленные гнѣвомъ, турки ринулись въ кусты; разбойники отступили, отстрѣливаясь; турки все шли впередъ, надѣясь на поддержку греческаго войска, которое должно было быть въ тылу у разбойниковъ. Лѣсъ кончился, разбойники пропали; греческаго войска не было и слѣда.

Такъ жаловались турки. Греки свободнаго королевства, напротивъ того, жаловались на турокъ, увѣряя, что они искали только прогнать Салаяни въ Элладу, а не схватить его.

Пока мутесарифъ старался и принималъ всевозможныя мѣры, и все было напрасно—судьба Салаяни была уже помимо его рѣшена людьми деревенскими, которыхъ возмутило послѣднее его преступленіе.

Панъ-Дмитріу пришелъ сперва на домъ къ Парасхо; долго говорилъ съ Тодори, и они вмѣстѣ пошли къ киръ-Христаки и совѣщались съ нимъ.

— Пора бы давно тебѣ!—сказалъ киръ-Христаки.—Мало тебѣ и того, что тебя рогачомъ люди зовутъ.

На что Панъ-Дмитріу отвѣтилъ опять то же:

— Худыя слова, эффенди, отъ худыхъ людей идутъ, а я смотрю на то, что этотъ человѣкъ великое злодѣйство совершилъ! Слыхали ли люди—игумена-старца убить!

Киръ-Христаки отвѣтилъ ему на это:

— Когда такъ, Панайоти, я поведу тебя къ мутесарифу.

— Веди, эффенди!—сказалъ Панъ-Дмитріу.

На другой же день шестьдесятъ человѣкъ турецкихъ солдатъ ушли въ Вувусу, и къ вечеру разнеслась въ городѣ вѣсть, что Салаяни убитъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами.

Въ самомъ дѣлѣ, въ городъ скоро возвратились вмѣстѣ съ турками нѣсколько вооруженныхъ селянъ, и Панъ-Дмитріу съ почтительнымъ поклономъ вынулъ изъ мѣшковъ головы разбойниковъ и положилъ ихъ у ногъ мутесарифа.

Радость паши была неописанная: но, приписывая все своимъ распоряженіямъ, не подозрѣвалъ, что не согласись

Панъ-Дмитрiу выдать своего друга, онъ бы ничего не сдѣлалъ.

И Алкивiадъ подумалъ: «Не оскорби Салаяни религiознаго чувства Панъ-Дмитрiу и другихъ сельскихъ грековъ— не увидалъ бы мутесарифъ предъ собою блѣдной и окровавленной головы Салаяни».

Мутесарифъ телеграфировалъ генералъ-губернатору; генералъ-губернаторъ благодарилъ его и приказалъ снять съ мертвыхъ головъ фотографiи, если въ Рапезѣ есть фотографъ.

Фотографъ, хотя и не слишкомъ хорошiй, былъ въ это время въ Рапезѣ, и черезъ нѣсколько дней на базарѣ вывѣсили портреты убитыхъ разбойниковъ.

Алкивiадъ пошелъ тотчасъ же смотрѣть ее и купилъ себѣ одну карточку.

На самомъ верху, въ срединѣ висѣла голова самого Салаяни. Онъ былъ убитъ пулей въ грудь, и лицо его не было обезображено. Усы еще были подкручены кверху, глаза полуоткрытые, какъ будто хранили еще выраженiе хитрости и самодовольства, которое замѣтилъ въ нихъ Алкивiадъ при первомъ свиданiи.

Другiя лица были болѣе изувѣчены сабельными ударами, а внизу висѣли головы двухъ очень молодыхъ разбойниковъ, еще безбородыхъ; у одного изъ нихъ лицо имѣло жалобное, дѣтское выраженiе; казалось, онъ кричалъ и просилъ пощады. Голова другого была такъ разбита пулей, что фотографъ долго не зналъ, какъ повѣсить ее и, наконецъ, прибилъ его гвоздемъ къ сукну на стѣнѣ за клочокъ кожи на полуотбитой кости лба.

— Геройскiя греческiя души!—сказалъ Алкивiадъ.—На что истратилась ваша неукротимая энергiя!—и глубоко вздохнулъ.

Нѣкоторые турки шутили съ христiанами: «Вотъ вы, эллины, все говорите, что мы, турки, впередъ нейдемъ! Встарину мы рѣзали головы и фотографiй не снимали, а теперь тоже рѣжемъ головы и снимаемъ фотографiи».

Греки отвѣчали на это: «Кто же, эфендимъ, говоритъ, что

Османли-Девлетъ нейдетъ впередъ. Это говорятъ люди безумные, а благоразумные люди не говорятъ этого».

Одинъ только архонтъ, посмѣлѣе другихъ, отвѣтилъ тоже шутя:

— Не турки изловили Салаяни, а греки деревенскіе; не турокъ и фотографію дѣлалъ, а грекъ же!

— Много ты разныхъ словъ знаешь, человѣче! — съ досадой замѣтили ему на это турки.

Архонты, послѣ смерти Салаяни, вздохнули свободнѣе.

Киръ-Христаки въ меджлисѣ отъ имени христіанскаго общества благодарилъ мутесарифъ за его старанія, и митрополитъ тоже поддержалъ его слова.

Алкивіадъ спросилъ у Аспазіи, пойдетъ ли она теперь гулять въ свой садъ?

— Теперь пойду! — отвѣчала Аспазія и на другой же день съ утра собралась на прогулку.

XXIV.

Петала́ еще не возвращался изъ Корфу, и мать написала ему второе письмо, въ которомъ уговаривала возвратиться скорѣе. «Не было бы послѣ поздно, ты самъ знаешь», писала она.

Жена Николаки была недавно у старухи и спрашивала, какъ здоровъ киръ-Петала̀ и что пишетъ. «Здоровъ, отвѣчала мать, и кланяется вамъ». Больще ничего невѣстка Аспазіи отъ нея не узнала.

Николаки разсердился на старуху за это и съ досады на нее уговорилъ даже Аспазію итти подъ руку съ Алкивіадомъ на прогулку въ садъ.

— Оставь эти ржавыя вещи, эти предразсудки, — кричалъ онъ Аспазіи. — Вотъ теперь и городъ скоро кончится. Кого ты боишься?

Но Аспазія рѣшилась подать руку Алкивіаду только тогда, когда послѣдній городской домъ скрылся за садами.

Ей и самой это было «чуть-чуть» пріятно, но она сначала безпрестанно оглядывалась и краснѣла.

Николаки съ женой шли сзади ихъ и смѣялись.

— Нѣтъ! — воскликнула Аспазія, — я не могу больше! Вы надо мной смѣетесь.

— Отъ радости, душка моя, отъ радости смѣемся,—сказала невѣстка.

А Николаки предложилъ женѣ уйти впередъ, чтобы сестра не стыдилась.

Такъ прогуляли часа два слишкомъ. Пили кофе и ѣли апельсины въ саду Аспазіи; пѣли пѣсни всѣ вмѣстѣ; заходили въ гости къ игумену одного монастыря, подъ самымъ городомъ, на камняхъ на горѣ сидѣли, смотрѣли, какъ учились на лужайкѣ турецкіе солдаты. Офицеръ турецкій, пріятель Николаки, подсѣлъ тоже къ нимъ и хвалилъ христіанъ, а Николаки и Алкивіадъ хвалили турокъ. Такъ все было мирно и весело, и весна была на дворѣ, и солнце грѣло, и лимоны уже расцвѣтали, и птицы громко чиликали.

Аспазія возвратилась домой румяная и веселая.

Она и дорогой все хвалила и радовалась. То говорила: «Какой воздухъ хорошій!» то: «какъ пахнетъ хорошо отъ лимоновъ!» то показывала на рѣку и говорила: «Вотъ, какъ бѣжитъ вода по камнямъ, все бѣжитъ и бѣжитъ!» Алкивіадъ былъ радъ еще больше ея. И какъ ему было не радоваться; онъ нѣсколько разъ успѣлъ поцѣловать ее дорогой, и она не очень противилась; только говорила: «Скорѣй, скорѣй! чтобы не увидали».

Въ монастырѣ имъ пришлось даже и довольно долго обниматься и цѣловаться, потому что Николаки вышелъ съ игуменомъ, а жена его заговорилась надолго въ другой комнатѣ съ *парамано́й* монастырской.

Аспазія тутъ уже и сама обнимала его, краснѣя и цѣлуя его прямо въ губы, опять шептала:

— Вотъ увидишь, поймаютъ насъ люди! Скорѣе, *море*, оставь меня скорѣе.

А сама не оставляла его.

На другой день опять пошли гулять, на третій тоже,

въ другое мѣсто. Блѣдное лицо Аспазіи становилось все моложе и свѣжѣе; глаза блистали иначе, не такъ, какъ блистали прежде, но гораздо веселѣе.

Алкивіадъ цѣлый день пѣлъ итальянскія аріи и греческія пѣсни.

Въ послѣднее воскресенье на Пасхѣ, передъ Ѳоминой недѣлей—только не пошли гулять, потому что въ пятницу пріѣзжалъ капитанъ Сульйо звать киръ-Христаки со всею семьей въ Вувусу—поѣсть барашка молодого, изжаренаго на большомъ деревянномъ вертелѣ и съ разными душистыми травами.

Женщины отказались ѣхать верхомъ такъ далеко; но Алкивіадъ, киръ-Христаки, Николаки и еще кое-кто изъ молодыхъ людей согласились съ удовольствіемъ. Теперь Салаяни уже не было, и старикъ Ламприди не боялся; однако все-таки для порядка пригласили съ собой и стараго каваса Сотири.

Алкивіаду все улыбалось, все было весело. Онъ съ радостью ѣхалъ и въ Вувусу, и чтó была за выгода оставаться дома? Если Николаки уѣдетъ, съ кѣмъ пойдетъ гулять Аспазія? А теперь, послѣ трехъ прогулокъ и столькихъ поцѣлуевъ, сидѣть съ ней при матери и при сестрахъ или играть въ карты—ужъ казалось скучнѣе прежняго.

Онъ всю дорогу до Вувусы опять мучилъ свою лошадь, скакалъ впередъ и возвращался, обдумывая, обручиться или не обручиться съ Аспазіей... За согласіе своего отца онъ ручался.

Въ Вувусѣ провели время прекрасно. Братья Сульйо помирились, и обѣ невѣстки были веселы; Василики пожеманнѣе и поскромнѣе; Александра — посмѣлѣе и погрубѣе.

Архонты смотрѣли на нее, какъ она шутила съ ними, и думали всѣ: «была ли она въ самомъ дѣлѣ любовницей Салаяни? И, если была, какъ же она такъ веселится... Или только корысть одна руководила ею?»

Она поднесла всѣмъ мужчинамъ букеты, и Николаки сказалъ ей:

— Цвѣтокъ отъ цвѣтка, кира-Александра, я теперь принимаю...

— Такъ ты говоришь мнѣ? — отвѣтила красавица. — Ужъ слишкомъ большую честь, господство твое, деревенской такой, какъ я, дѣлаешь!..

Мужъ казался доволенъ.

Пошли потомъ всѣ мужчины на гору, отнесли туда барашка, сыръ хорошій и вино, постелили красные меццовскіе ковры для господъ. Ѣли, пили, захотѣли пѣть пѣсни... И капитанъ Сульйо сказалъ брату:

— Позови мальчика того, который про Салаяни новую пѣсню поетъ хорошо.

Тогда узнали, что про смерть Салаяни уже сложили небольшую пѣсню. Пришелъ мальчикъ съ деревни, лѣтъ двѣнадцати, здоровый и смѣлый. Его угостили, и онъ запѣлъ пѣсню о разбойникѣ Салаяни:

Какъ въ томъ году, въ семидесятомъ,
Клялись они Евангельемъ,
Клялись и соглашались:
Убить его со всею шайкою.
Поднялись и отправились
Къ пашѣ мутесарифу.
«Обида намъ, Мехмедъ-паша!
Бѣда отъ Салаяни!»
«Скажите мнѣ, райя мои
И ты, мой Панъ-Дмитріу,
Что надо вамъ и что хотите?»
«Дай войска мнѣ отборнаго,
Числомъ давайте со сто...
Ты дай еще двухъ христіанъ,
Зовутъ же ихъ: — *Сатирій Дума*
Да Тодори, поповскій сынъ.
Отдамъ я вамъ разбойниковъ,
А нѣтъ — такъ свою голову!»
Даютъ низамовъ шестьдесятъ
И съ ними двухъ крещеныхъ.
Пошли они и заперли
Его у Айтапаси.
Когда утромъ проснулися
Они вокругъ привала,

То нападенье сдѣлали
Крещеные и турки.
На Салаяни бросились
Со всею вмѣстѣ шайкой.
Тогда своимъ товарищамъ
Такъ Салаяни молвилъ:
«Насъ съѣлъ собака дикая,
Насъ съѣлъ тотъ Панъ-Дмитріу!»
Они тутъ взяли семь головъ,
(Пораненыхъ же двое).
Они ихъ къ хюкуматъ вели
Вели къ мутесарифу.
«Не говорилъ я *бре́!* — Мехмедъ-паша,
И вы всѣ *бре́* *) — меджлисы.
Что Салаяни мы побьемъ,
Побьемъ со всею шайкой?»
И молвилъ имъ Мехмедъ-паша,
И молвилъ имъ меджлисъ весь:
«Ну, христіане, браво вамъ!
Тебѣ хвала, нашъ Панъ-Дмитріу!»

Всѣ хвалили пѣсню; Алкивіадъ билъ въ ладоши и кричалъ *браво*. Заставили мальчика повторить еще разъ. И самъ старикъ Ламприди подтягивалъ и веселился.

— Очень люблю я наши эти сельскія пѣсни! — восклицалъ онъ. — Умираю за нихъ.

— Вотъ, дядя, — сказалъ ему на это смѣясь Алкивіадъ, — не было бы разбойника, не было бы и пѣсни.

Спросили, кто же сочинилъ эту пѣсню, и узнали, что сочинилъ ее самъ Панъ-Дмитріу. Братъ указалъ на него и сказалъ: «Самъ убилъ, самъ и хвалится!» А Панайоти приложилъ руку къ сердцу и скромно улыбнулся, благодаря гостей за похвалы.

Алкивіадъ хотѣлъ записать эту пѣсню, и Панъ-Дмитріу, вынувъ тотчасъ же мѣдную чернильницу изъ-за пояса своего, записалъ ее на бумагѣ и подалъ съ поклономъ Алкивіаду. Веселились до самаго вечера. Съ горы вернулись въ деревню, гдѣ начали уже сельскіе люди плясать. Ста-

---

*) *Бре́!* — въ родѣ *море́*, только грубѣе.

рый Сотири отличался больше всѣхъ; онъ былъ одѣтъ щеголемъ въ этотъ день, въ золотой курткѣ, въ широкой фустанеллѣ, и пріятно было видѣть, какъ усатый старикъ танцовалъ легко и нѣжно, выступая и прыгая, какъ барышня или птичка. Вмѣшались въ танецъ и всѣ молодые архонты. Капитанъ Сульйо былъ неутомимъ, онъ сгонялъ всѣхъ женщинъ и молодыхъ и старыхъ, чтобъ и онѣ плясали: привелъ и Александру, и свою жену: плясалъ и самъ, иначе, чѣмъ Сотири, не такъ нѣжно, но зато отчаяннѣе.

— Давай по-*зицски*, какъ въ селѣ *Зицъ* пляшутъ!—кричалъ онъ.

Уже и музыканты-цыгане были утомлены; а Сульйо все пѣлъ, все командовалъ, все кричалъ, все плясалъ, наконецъ уже въ присядку, почти не вставая съ земли:

Красная яблонька моя писаная,

кричалъ онъ припѣвая, и хоръ подхватывалъ еще громче за нимъ:

Красная яблонька моя писаная.

И господа всѣ, и Алкивіадъ, и Николаки, и старикъ Ламприди были навеселѣ и пѣли громко съ селянами.

Наконецъ поднялся и самъ киръ-Христаки, сбросилъ пальто, взялъ Василики, жену капитана Сульйо, и прошелся съ нею такимъ молодцомъ, что молодые ему позавидовали. Никто изъ нихъ не умѣлъ такъ плясать. Кира-Василики тоже была очень мила. Нагнувъ головку на бокъ и опустивъ глаза, она очень нѣжно держала платокъ, который соединялъ ее со старымъ архонтомъ; и люди не знали, на кого больше смотрѣть—на капитаншу молодую, или на сѣдого хвата и красавца капуджа-баши султанскаго!

Выѣхали изъ Вувусы архонты, когда уже солнце садилось. Музыка провожала ихъ долго, больше получаса. Множество селянъ большихъ и дѣтей шли за ними почти до рѣки, а капитанъ Сульйо и братъ его поэтъ — до самаго города.

Алкивіадъ возвратился хотя и довольный, но очень усталый и поѣхалъ прямо въ домъ Парасхо, не заходя къ Ламприди.

Онъ просилъ Тодори постелить скорѣе постель и едва слышалъ сквозь дремоту, что Парасхо сказалъ ему:

— Сегодня Яни-Петала́ изъ Корфу вернулся.

— На здоровье! — отвѣтилъ ему на это Алкивіадъ и легъ спать.

XXV.

Черезъ два дня Аспазію обручили съ Яни-Петалой.

Не былъ ли Алкивіадъ огорченъ черезъ мѣру? Не было ли растерзано его сердце?

Нѣтъ! Онъ былъ еще очень молодъ, и любовь его еще не стала привязанностью... Она была тѣмъ чувствомъ, которое греки называютъ по-язычески *эросъ*, а не тѣмъ, что по-христіански зовется *агапи!*

Нѣтъ милой жены, но зато есть свобода отыскать другую, еще болѣе милую.

Онъ отыщетъ, конечно, безъ труда такую, которая лучше Аспазіи оцѣнитъ и черныя очи его и пріемы его облагороженные воздухомъ корфіотскимъ, болѣе барственнымъ, чѣмъ воздухъ Эпира и Аѳинъ; и высокія гражданскія чувства его болѣе живыя, чѣмъ чувство Петала́, и (казалось ему!) болѣе солидныя и глубокія, чѣмъ чувства пріятныхъ и благовоспитанныхъ, но легкомысленныхъ корфіотовъ, однимъ словомъ, аѳинскія чувства... Онъ думалъ лишь о *чувствахъ* теперь, о безконечной преданности своей эллинизму... *Мысли* же его, онъ самъ это видѣлъ послѣ поѣздки въ Акарнанію и Эпиръ, поколебались и смутились.

Доживая послѣдніе дни въ Рапезѣ, передъ отъѣздомъ домой, онъ страдалъ больше всего отъ самолюбія, отъ подозрѣнія, что иные смѣются надъ нимъ, какъ надъ несчастнымъ соперникомъ Петалы, а другіе унизительно жалѣютъ его. Вотъ что́ было ему больно. Однако изъ гордости же остался онъ нарочно еще двѣ недѣли. Присутствовалъ при

обрученіи, танцовалъ, пилъ вино и пѣлъ пѣсни на ужинахъ и вечерахъ, которые подъ цыганскую музыку давали архонты, въ честь Аспазіи и Яни-Петала́.

Аспазія сняла свои темныя вдовьи платья и являлась уже въ платочкахъ вышитыхъ золотомъ, въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ платьяхъ, одинъ разъ въ розовомъ съ лиловыми и бѣлыми цвѣтами; другой разъ въ голубомъ съ голубыми же цвѣтами; третій разъ въ лиловомъ; румянецъ у нея сталъ сильнѣе, глаза выразительнѣе отъ радости; и новая шубка на хорошемъ мѣху, крытая золотистымъ атласомъ, особенно ее красила.

Она сначала все улыбалась и даже краснѣла, когда въ комнату входилъ Алкивіадъ, и родные не разъ тоже переглядывались улыбаясь. Но скоро и Аспазія привыкла, и достоинство, съ которымъ Алкивіадъ велъ себя, внушило всѣмъ уваженіе... Онъ съ ней шутилъ попрежнему, трогалъ даже ея волосы и обѣщалъ ей при самомъ Петалѣ прислать имъ на свадьбу стихи изъ Аѳинъ. Онъ хотѣлъ сочинить ихъ по образцу эпическихъ пѣсенъ эпирскихъ горцевъ.

Мучимая ли его равнодушіемъ или, напротивъ того, довольная его веселостью, Аспазія наградила его за день до отъѣзда такъ, какъ онъ этого и не ожидалъ...

Жена Николаки, которая была очень дружна съ Аспазіей, пригласила его посидѣть на минуту на свою половину. Тамъ была и вдова-невѣста.

— Ты хочешь на свадьбу мою написать стихи, ты бы лучше пѣсню на разлуку нашу написалъ! — сказала ему Аспазія, когда невѣстка вышла зачѣмъ-то и оставила ихъ однихъ. Потомъ она встала, осмотрѣлась, покраснѣла вся и начала цѣловать Алкивіада крѣпче и страстнѣе, чѣмъ цѣловала его въ саду...

Занавѣска на дверяхъ, однако, скоро колыхнулась, Аспазія отошла отъ него, приподняла занавѣску и сказала невѣсткѣ:

— Что́ жъ ты такъ долго нейдешь?.. Алкивіадъ ждетъ тебя.

Послѣ этого самолюбіе уже вовсе перестало мучить Алкивіада. Онъ видѣлъ, что Аспазія будетъ женой Петалы, потому что родные хотятъ этого и потому, что онъ богаче, но что сердце ея принадлежитъ ему, это онъ оживилъ *Галатею*.

Выѣзжать ему пришлось изъ Рапезы такимъ же прекраснымъ днемъ, какимъ пришлось и въѣзжать въ нее въ день Байрама. Но тогда былъ зимній ясный день; а теперь была весна: ярче зимняго зеленѣли долины между скалъ; синѣе зимняго былъ Амвракійскій заливъ; апельсинные сады благоухали несказанно, тихо роняя на землю цвѣтъ... Веселѣе зимняго бряцали козы и овцы по холмамъ колокольчиками, и чище бѣлѣла въ поляхъ родная фустанелла хлѣбопашца.

Еще разъ прощаясь съ этимъ краемъ и тихимъ и бурнымъ, Алкивіадъ подумалъ о томъ, кто же поможетъ развитію его жителей, и вспомнилъ отца.

— «Греко-Россійской церкви мы поклоняемся, человѣче...»

О союзѣ Эллады съ Турціей противъ славянъ онъ уже и не думалъ: онъ не вѣрилъ въ него. Естественное чувство грека проснулось въ немъ; онъ уже не судилъ Турцію, какъ умѣлъ судить прежде; теперь всякій судъ его кончался осужденіемъ.

Онъ за все теперь готовъ былъ винить не столько турокъ, сколько государство турецкое...

И за разбой въ самой Элладѣ, ибо въ ея теперешнихъ границахъ нѣтъ простора эллинской энергіи, и за то, что христіане архонты въ Рапезѣ и другихъ городахъ слишкомъ сухи, и за то, что сыновья ихъ робки, и за то, что скатерть въ домѣ дяди не чиста, и за то, что дочери архонтовъ такъ холодны и безгласны въ дѣлѣ любви.

Онъ уже не презиралъ своихъ добрыхъ гостепріимныхъ родныхъ за то, что они предпочли ему *хамала*—Петалу; онъ жалѣлъ ихъ!

Врожденной во всякомъ грекѣ ненависти къ туркамъ онъ уже не противопоставлялъ теперь мечтательное и без-

конечное будущее; онъ сталъ смотрѣть проще и, если хвалилъ онъ что особенно въ родныхъ и знакомыхъ своихъ, то это здравое чувство, которое обращало ихъ взоры на Сѣверъ... Онъ вспоминалъ часто дорогой и притчу отца Парѳенія о земледѣльцѣ неразумномъ, который не пашетъ широкаго поля восточнаго, а смотритъ все на гору каменистую, гдѣ живутъ бѣдные родственники богатаго бея.

Проѣзжая черезъ Превезу, Алкивіадъ опять остановился у доктора и сказалъ женѣ его:

— Вы были правы, кирія, Турція, все Турція виновата! Нѣтъ спора—тѣ времена прошли давно, когда христіанка боялась выйти на улицу, когда всякій могъ оскорбить ее. Нѣтъ спора, никакой турокъ не мѣшаетъ теперь христіанскимъ женщинамъ гулять, танцовать, развивать свой умъ и сердце; турку нужно одно, чтобы не бушевали. Но, клянусь вамъ, кирія, вы все-таки правы. Эта тяжелая, угрюмая, вялая жизнь, которую ведутъ здѣсь наши женщины богатаго круга, это отсутствіе фантазіи и изящнаго кокетства... Отчего все это? Вы правы, кирія, — это Турція... Источники этого кроются въ дальнемъ прошедшемъ, въ исторіи этого края. Одинъ годъ свободы политической жизни и движенія подѣйствуетъ глубже на самый бытъ и нравы, чѣмъ столѣтія того постепеннаго и медленнаго хода, который возможенъ теперь. Школы? Чтó такое школы безъ жизни и свободы нравовъ; я говорю о свободѣ нравовъ, проникнутой, однако, тою высокою нравственностью, которая сопровождаетъ христіанскій идеалъ, которая такъ тѣсно связана съ нимъ.

Докторша все это время стояла передъ нимъ, почтительно внимая, и когда онъ кончилъ, сказала пріятно:

— Садитесь, прошу васъ. Какъ ваше здоровье?

Алкивіадъ опять разсердился на нее и, быть можетъ, отвѣтилъ бы ей не совсѣмъ вѣжливо, если бы, къ счастью, самъ докторъ не вошелъ въ эту минуту.

Алкивіадъ съ глазу на глазъ излилъ ему всю свою досаду на общество архонтовъ въ Турціи и особенно на женщинъ.

— Турки лучше ихъ! Я прежде о туркахъ думалъ гораздо хуже: но о Турціи думалъ нѣсколько лучше, — сказалъ онъ искренно. — И едва ли вамъ покажется парадоксомъ, если я скажу вамъ, что чѣмъ лучше турки, какъ люди, сравнительно съ нашими архонтами, тѣмъ, значитъ, хуже Турція, какъ держава, ибо христіанину городскому и грамотному предоставленъ въ ней одинъ лишь путь къ вліянію—деньги и торговля. А одна торговля и торговля всегда понижаетъ умъ и духъ!..

Докторъ согласился съ нимъ и прибавилъ, понижая голосъ (чтобы жена не слыхала его изъ другой комнаты):

— Грубость и холодность, другъ мой, большая! По ремеслу моему, мнѣ нерѣдко доступны и турецкіе гаремы. Я жилъ и въ Константинополѣ. И что̀ же? Съ досадой, со стыдомъ, съ ужасомъ я долженъ сознаться, что турчанки милѣе, въ нихъ больше граціи и жизни, чѣмъ въ нашихъ хозяйкахъ! Властительное положеніе мусульманъ въ государствѣ, открытый имъ военный путь, ихъ прежнее богатство и роскошь оставили до сихъ поръ слѣды. Турокъ умѣетъ иногда быть великодушенъ, нашъ архонтъ никогда; турчанка умѣетъ быть иногда гуріей, балованнымъ ребенкомъ, цвѣткомъ, украшающимъ жизнь... Жена бѣднаго грека, вышедшаго изъ ничтожества лишь трудомъ и скупостью, должна была стать лишь честною и скучною хозяйкой!.. Это явно!

— Послушайте, другъ мой,—продолжалъ докторъ, еще больше понижая голосъ и вздыхая. — Вы видѣли супругу мою? Она честная женщина: послушайте меня, и вы увидите ясно и поймете все, что̀ я перенесъ. Супруга моя, по желанію отца ея, была обучена хорошо. Она знакома коротко съ языкомъ Гомера, Эврипида и Софокла. И что̀ жъ? Пусть этотъ разговоръ будетъ моей исповѣдью. Года два тому назадъ у нея сдѣлались ужасные нервные припадки. Припадки эти доходили до безумія. Я повезъ ее въ Константинополь. Тамъ ее лѣчили. Во время приступовъ болѣзни она говорила цѣлые отрывки изъ великихъ поэтовъ нашихъ, декламировала, пѣла, говорила изящнымъ языкомъ.

Изъ неприступныхъ нѣдръ души поднялись забытыя познанія, фантазія парила, умъ блисталъ. И вотъ ей стало опять лучше, и слова мои будутъ излишни, вы видѣли и поняли ее! Я помню, другъ мой, какъ тогда, измученный заботами о болѣзни ея, испуганный мыслью, что мнѣ суждено провести всю жизнь съ умалишенною женщиной, я отвѣчалъ на вопросы моихъ товарищей по ремеслу. Господа! сказалъ я имъ съ отчаяніемъ: — она на себя не похожа! Она вдругъ стала умна и занимательна... Она говоритъ вещи, на которыя я и во снѣ не считалъ ее способною! А теперь вы видите ее? Судите сами и радуйтесь, что вы не женились!

Алкивіадъ возвратился къ отцу и долго не рѣшался обнаружить новую перемѣну, которая произошла въ его взглядахъ послѣ поѣздки въ Эпиръ. Онъ больше разсказывалъ, чѣмъ разсуждалъ.

Иногда чуть замѣтно слышалось въ немъ противъ воли доброе чувство къ единовѣрной державѣ...

Лукавый старикъ Аспреасъ видѣлъ это и не трогалъ его.

Прошло еще около мѣсяца, вдругъ разнеслась вѣсть объ ужасномъ для всей Греціи событіи при Мараѳонскомъ полѣ. Всѣ были поражены. Англія грозила... Со всѣхъ сторонъ греки слышали насмѣшки, клеветы и проклятія своей конституціи, своимъ государственнымъ людямъ, которыхъ хотѣли сдѣлать отвѣтственными за всѣхъ Астрапидесовъ, быть можетъ, живущихъ на западныя же деньги...

Алкивіадъ, въ первую минуту, съ испугомъ спрашивалъ себя: что можетъ ожидать отъ Европы несчастная Эллада?..

Отецъ его былъ спокоенъ и улыбался все тою же улыбкой вѣры и веселости. «Не одна Англія на свѣтѣ!» говорилъ онъ.

И Алкивіадъ въ эту минуту почувствовалъ, какъ сходила и на него горячая отцовская вѣра...

Съ тѣхъ поръ и онъ часто повторяетъ про-себя его слова: «Греко-Россійской церкви мы поклоняемся, человѣче!..»

И ему опять стала (какъ и въ дѣтствѣ, но съ большею ясностью и силой) представляться прежняя картина европейскаго Востока... Опять онъ сталъ думать, что какъ бы ни были сложны вопросы, какъ бы ни было пышно дерево историческаго развитія этого европейскаго Востока, куда бы ни крылись его корни, куда бы ни простирались его вѣтви—и корни эти, и вѣтви, все скрыто въ одномъ этомъ словѣ: «Греко-Россійской церкви мы поклоняемся, человѣче!»

Алкивіадъ и теперь говоритъ нерѣдко: «Бѣдный отецъ!» какъ говорилъ тогда, когда мыслилъ умомъ сестры и Астрапидеса. Но тогда *бѣдный отецъ!* у него значило иное... А теперь оно значитъ: Бѣдный отецъ! какъ ты былъ правъ, и какъ я ошибался!..

Разница между нимъ и отцомъ теперь только та, что онъ умѣреннѣе старика. Старикъ въ туркахъ даже и человѣческихъ чувствъ не хотѣлъ признавать; Алкивіадъ же турокъ, какъ людей, часто хвалитъ; онъ говоритъ только, что гражданское примиреніе христіанъ съ Турціей или военный союзъ Эллады съ имперіей Ислама возможны лишь подъ вліяніемъ Россіи... Но и то на время!..

КАПИТАНЪ ИЛІ́А.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ).

(1875 г.)

I.

Я съ Иліей познакомился въ Элладѣ. Я укралъ у него лошадь, и онъ мнѣ это простилъ.

Илíа живетъ теперь въ Ксерòмерò *), въ селѣ Зáвица.

Я еще мальчикомъ ушелъ съ дядей изъ Эпира въ Грецію. Дядя отдалъ меня въ услуженіе въ Патрасъ къ одному хозяину, у котораго было многое множество *стафидъ* **). У этого хозяина я жилъ долго, смотрѣлъ у него за виноградниками и помогалъ ему въ торговлѣ. Онъ меня очень любилъ и отпустилъ меня съ деньгами, когда мнѣ было уже 19 лѣтъ.

Вотъ тогда я сталъ съ этими деньгами ходить по селамъ эллинскимъ, искалъ себѣ мѣста, а больше, скажемъ правду, лѣнился, знакомился съ людьми, разговаривалъ по кофейнямъ и проживалъ свои деньги. Наконецъ прожилъ всѣ, и стало мнѣ трудно. Правда, у насъ въ эллинскихъ селахъ люди очень гостепріимные, и когда встрѣтится тебѣ какой-нибудь человѣкъ, сейчасъ спроситъ: «Откуда ты, паликаръ? Куда идешь? И кто ты самъ?» Ты ему скажешь, кто ты и откуда; онъ тебя въ домъ возьметъ и угоститъ и отпуститъ съ добрымъ словомъ. Женщины спорятъ и ссорятся между собою о томъ, къ которой въ домъ ночевать пойдетъ бѣдный странникъ; потому что такое гостепріимство у насъ считается дѣломъ *душевнымъ*, для души спасительнымъ, можетъ дому добрый часъ принести.

Такъ я и ходилъ долго безъ дѣла по селамъ, и хотя

*) *Акарнанія.*

**) *Стафиды* — мелкій виноградъ, коринка.

вездѣ меня жалѣли и часто принимали даромъ, однако, все-таки я деньги свои скоро прожилъ, вошелъ въ искушеніе и укралъ лошадь въ Зáвицѣ у капитана Иліи. Укралъ, даже и не знавши чья она, и продалъ ее въ дальнемъ селѣ за двадцать талеровъ. И эти двадцать талеровъ тоже прожилъ скоро. Потомъ нашелъ себѣ мѣсто въ Віотіи, прожилъ тамъ годъ, часто вспоминая о грѣхѣ моемъ и каясь. Чрезъ годъ я собралъ опять немного денегъ, пошелъ въ Зáвицу и сталъ разспрашивать съ осторожностью у знакомыхъ людей о томъ, кто былъ хозяинъ лошади, потому что я, какъ говорю, не зналъ и самъ, у кого именно я ее укралъ. Пришелъ я въ Зáвицу именно для того, чтобы поклониться хозяину ея, отдать ему двадцать талеровъ и попросить у него прощенія. Но когда мнѣ сказали, что эта лошадь принадлежала Иліѣ, я испугался.

Капитанъ Иліа былъ прежде въ Турціи долго разбойникомъ, совершилъ много подвиговъ страшныхъ, и на видъ былъ онъ человѣкъ грозный, высокій-превысокій, черный, усы вверхъ приподняты и подкручены, и самый станъ у него былъ разбойничій, молодецкій, тонкій въ перехватѣ, какъ у тѣхъ дѣвицъ городскихъ бываетъ, которыя по-франкски корсеты носятъ. Боялся я ему сознаться; однако, какъ уже далъ обѣщаніе Божіей Матери покаяться и отдать деньги, пошелъ къ нему.

Онъ говоритъ: «что̀ ты хочешь, братъ, и откуда ты теперь? я тебя видалъ прежде у насъ въ Зáвицѣ». Я отвѣчаю со страхомъ: «капитане мой, я имѣю вамъ нѣчто тайное сказать».

Удивился онъ; однако увелъ меня въ другую комнату и говоритъ: «садись». А я поклонился ему, вынулъ деньги и сказалъ: «простите мнѣ во имя Божіе, капитане... Я тотъ, который у васъ прошлаго года лошадь укралъ».

Онъ не разсердился, сказалъ только: «несчастный ты!» и потомъ говоритъ: «что жъ! Ты человѣкъ бѣдный; когда ты каешься, такъ мнѣ и денегъ твоихъ не надо». И оставилъ меня у себя въ домѣ отдохнуть и погостить.

Домъ у него хорошій и въ порядкѣ: въ двухъ комна-

тахъ даже потолокъ деревянный есть; диваны есть; есть ковры на диванахъ (ихъ супруга его сама дѣлаетъ); лошадей нѣсколько; жеребятъ онъ продаетъ; овецъ, я думаю, до пятисотъ будетъ, коровы есть. Оружія въ домѣ, и стараго въ серебрѣ и золотѣ, и новаго европейскаго— въ домѣ множество. Но это ужъ у всякаго грека есть въ Элладѣ; иной имѣетъ домъ маленькій, разрушенный, скажемъ хижину, въ домѣ всего, я думаю, двѣ кастрюли, имѣетъ онъ, напримѣръ, жену и самъ съ нею цѣлое утро зимой маленькій виноградникъ копаетъ, чтобы только для своего дома имѣть на будущій годъ вино простое. Но оружія и у такого бѣдняка много въ домѣ. Разсердится вдругъ такой человѣкъ за что-нибудь, самъ свой домикъ подожжетъ; взялъ оружіе, взялъ жену, жена ребенка на руки и кастрюли двѣ, и пошли. Онъ пошелъ разбойничать, а жена куда-нибудь наймется работать. Такъ и живутъ по нѣскольку лѣтъ.

А капитанъ Иліа, конечно, не такой теперь человѣкъ. Онъ давно уже хозяинъ и все, что̀ имѣетъ, взялъ онъ въ приданое за женою своей кирой Эвантіей. Эвантія изъ самой этой За́вицы; лучшаго хозяина любимая дочь. А какъ это случилось, что Иліа былъ прежде разбойникъ, а теперь хозяиномъ сталъ и взялъ такую дѣвушку богатую и даже красивую и милую, это я вамъ все разскажу. Эвантія и теперь хороша, а дѣвушкой, всѣ разсказываютъ, она была просто «носикъ костяной», какъ у насъ говорится, а турки такихъ пріятныхъ зовутъ: «Джуваиръ», то-есть сокровище драгоцѣнное. Видалъ я въ За́вицѣ не разъ, какъ Иліа съ женой подъ платанъ наряженные танцовать выходили. Онъ въ фустанеллѣ и фескѣ на́ бокъ; она въ шелковомъ платьѣ и феска на́ бокъ; онъ высокій, да и она не очень маленькая; онъ стройный, и она свѣжая; у него курточка снуромъ чернымъ, а у нея золотомъ расшиты. Идутъ гордо такъ вмѣстѣ. Иліа тотчасъ музыкантамъ-цыганамъ каждому ко лбу по монеткѣ послюнитъ и прилѣпитъ (такъ у насъ дѣлаютъ, чтобъ имъ рукъ отъ музыки не отрывать); это значитъ: «Моя теперь музыка! моя комап-

да! Никто не смѣй мѣшать!» И станетъ Иліа первый въ ряду съ своею женой танцовать. Танцуютъ, танцуютъ, не кончаютъ, и всѣ ихъ хвалятъ. Красиво смотрѣть и даже полезно и поучительно видѣть, что мужъ съ женой хорошо живутъ и вмѣстѣ такъ веселятся. Судьба человѣку была! Чтò сказать?

II.

Я забылъ вамъ сказать, что на первый же день, когда капитанъ Иліа простилъ меня и оставилъ меня у себя гостить, онъ велѣлъ даже барана убить и самъ его по-клефтски *) зажарилъ. Взяли мы съ собой хорошаго вина и барана и сѣли подъ платаномъ, за домомъ на горкѣ. Тамъ мы ѣли съ нимъ и пили, и онъ спрашивалъ меня, почему я изъ Турціи ушелъ, и когда, и чтò я намѣренъ теперь дѣлать. Я ему не сказалъ, и онъ предложилъ мнѣ жить у него, за виноградниками смотрѣть и по хозяйству ему помогать. Я согласился, и прожилъ у него долго, года два; и ушелъ не чрезъ ссору какую-нибудь, а стало мнѣ грустно по родному краю нашему въ Эпирѣ и очень захотѣлось видѣть родныхъ. Вотъ, живя такъ долго въ За́вицѣ и у него самого въ домѣ, я и узналъ больше прежняго про его жизнь. Про свои разбойничьи дѣла и подвиги онъ очень рѣдко разсказывалъ, хотя ихъ было много; о нихъ говорили другіе и говорили иногда разное; а онъ этимъ не любилъ хвастаться. Однажды я осмѣлился и говорю ему: «Капитане! простите мнѣ, чтò я вамъ скажу... Разскажите мнѣ что-нибудь о вашихъ прежнихъ дѣлахъ». А капитанъ сказалъ вздохнувъ и очень сурово: «Э! братъ... у кого нѣтъ дѣлъ худыхъ... Все было!.. Чтò о старомъ говорить!»

Я другой разъ не смѣлъ уже спрашивать.

А другіе разсказывали разное. Одинъ говоритъ такъ:

---

*) *По-разбойничьи* — на большомъ шестѣ и особенно вкусно.

«Разъ захватили еврея молодцы капитанскіе. Привели; деньги взяли. Иліа говоритъ ему: теперь, жидъ, скажи ты, я прошу тебя: «Вѣрую во единаго Бога Отца»... Жидъ съ великою радостью: «Вѣрую во единаго Бога Отца»... А капитанъ ему: «И въ Сына». «Не могу, капитанъ! Этого не могу!» Иліа отрубилъ ему ухо. Сказалъ тогда жидъ: «И въ Сына»... «И въ Святого Духа»... Опять жидъ плачетъ и отказывается. Отрубилъ ему Иліа другое ухо. Сказалъ онъ: «И въ Св. Духа». Тогда Иліа сейчасъ же убилъ его изъ пистолета и сказалъ своимъ молодцамъ: «Вотъ мы теперь его душу спасли; а то бы онъ опять отрекся».

Разсказывали еще, какъ онъ съ четырьмя товарищами разъ весь день почти до вечера отъ цѣлой сотни турецкихъ солдатъ отстрѣливался; какъ онъ прошелъ даже до самой Македоніи и тамъ сжегъ почти цѣлое село христіанское за то, что жители хотѣли его выдать; разсказывали, что онъ нападалъ на турецкія сторожки въ горахъ и перебивалъ въ нихъ всѣхъ солдатъ. Много такого разсказывали. Можетъ быть въ одномъ были ошибки, а въ другомъ и правда. Дѣлъ у него было много такихъ, это всякій знаетъ у насъ.

Но одно есть его дѣло и знаменитое, и любопытное. Это правда, и объ этомъ дѣлѣ онъ и самъ мнѣ сказалъ:

— Вотъ это, другъ мой, все правда, — и самъ веселился и радовался много, когда вспомнилъ объ этомъ дѣлѣ.

Это дѣло было въ Турціи съ одною бѣдною старушкой и съ попомъ деревенскимъ.

На дорогѣ между двумя селами поймали паликары капитанскіе одну простую сельскую старуху. Ѣхала она на ослѣ и имѣла при себѣ сто золотыхъ турецкихъ лиръ.

Привели ее къ Иліи. «Здравствуй, баба! — говоритъ онъ ей. — Откуда у тебя эти деньги?»

Баба ему говоритъ:

— «Дочь у меня одна есть, капитанъ мой, мнѣ замужъ ее не съ чѣмъ отдать. Ѣздила я въ то село къ одному че-

ловѣку и заняла у него сто золотыхъ на три года срока. Есть у меня мужнинъ братъ, на чужбинѣ торгуетъ; можетъ онъ поможетъ уплатить, а если не уплачу къ сроку, домикъ продамъ, землицу продамъ свою... Что дѣлать, капитанъ мой!..»

Пожалѣлъ капитанъ старушку и говоритъ: — «Вотъ тебѣ, баба, твои сто золотыхъ. Вотъ тебѣ еще отъ меня сто пятьдесятъ. Поѣзжай ты сейчасъ къ тому человѣку, у котораго заняла деньги, отдай ему ихъ назадъ, расписку у него свою возьми назадъ и разорви. А мои сто пятьдесятъ тебѣ на свадьбу и на приданое дочери твоей; и чтобы никто другой, слышишь, баба, кромѣ меня посаженымъ отцомъ у дочери твоей не былъ; я ее самъ обвѣнчаю. Ночью сдѣлаемъ свадьбу. И еще, старуха, помни ты, что за мою голову паша деньги очень большія назначилъ, такъ смотри, не выдай меня никому, и за добро мое голову мою туркамъ не продай. А я тебѣ буду вѣрить.

Отпустили старуху. Она уѣхала и возвратила тому человѣку сто золотыхъ. «Я, говоритъ, раздумала; Богъ съ тобой... Когда я тебѣ заплачу! Силъ нѣтъ». А сама домой пріѣхала и жениха молоденькаго дочери нашла, и стала къ свадьбѣ сейчасъ готовиться. Назначила день свадьбы; а ни женихъ, ни невѣста до самой ночи не знали, что ихъ будетъ самъ разбойникъ Илія вѣнчать. И священникъ не зналъ до послѣдняго часа, кто посаженымъ отцомъ будетъ...

Къ несчастію, старуха вѣрила брату своего покойнаго мужа какъ духовнику, во всѣхъ дѣлахъ съ нимъ совѣтовалась и ничего отъ него не скрывала. Ему она сказала объ Иліи. Мужнинъ братъ пошелъ и сказалъ турецкому начальству въ надеждѣ получить за голову молодого капитана нѣсколько десятковъ тысячъ піастровъ.

Собрались праздновать свадьбу. Пришелъ ночью капитанъ; молодцовъ своихъ за деревней въ лѣсочкѣ на горѣ оставилъ. Заперлись въ домикѣ съ попомъ, женихомъ, съ невѣстой, со старушкой. Обвѣнчали молодыхъ; за столъ сѣли; ѣли, пили и пѣсни пѣли; а въ это время цѣлая

рота турецкихъ солдатъ потихоньку домъ окружила. И ждутъ солдаты, пока выйдетъ самъ Иліа, чтобы схватить его. Ждутъ и не шелохнутся.

Однако вышелъ не капитанъ, а вышла сама старуха взглянуть, не близится ли утро; взглянула, увидала солдатъ, вернулась назадъ и говоритъ Иліи:

— «Капитанъ мой золотой! Буря и погибель наша! Низамы тебя стерегутъ!»

— «Ты предала меня?» — спросилъ Иліа.

Старуха несчастная поклялась ему.

— «Нѣтъ, капитанъ Иліа, чтобы меня харанъ черную взялъ! Это не я, а Сотираки вѣрно предалъ тебя. Я, прости ты мнѣ, ему сказала; но онъ мнѣ былъ со смерти мужа все равно какъ духовникъ».

— «Пусть будетъ такъ, — сказалъ Иліа, — я вѣрю тебѣ, баба. Значитъ теперь мнѣ умирать часъ пришелъ!»

И потомъ подумалъ: что̀ бы сдѣлать (чтобы значитъ спастись). Подумалъ и поклонился священнику:

— «Старче мой, я ужъ лѣтъ пять не исповѣдывался. Исповѣдуй меня предъ смертнымъ часомъ моимъ въ другой комнатѣ».

— «Съ радостью!» — говоритъ священникъ.

Пошли; затворились. Тамъ капитанъ схватилъ черепокъ какой-то; попу на ротъ и платкомъ ему сверху притянулъ черепокъ. Снялъ съ него рясу и камилавку. Надѣлъ на себя его одежду. Ему потомъ руки привязалъ куда пришлось, крѣпко, чтобъ онъ ни кричать, ни уйти не могъ; а самъ, помолившись Богу, вышелъ изъ дома. Борода у него какъ у попа небритая; подумалъ: «солдаты нездѣшніе; гдѣ имъ знать этого попа!»

Старуха и молодые, конечно, молчатъ; не выдавать же имъ своего благодѣтеля.

Вышелъ капитанъ Иліа. Еще темно было. Турки вспрыгнули было кто изъ-за строенія, кто изъ-за камня... Офицеръ кричитъ:

— «Вуръ, вуръ, вуръ (то-есть бей его, бей, бей)!»

А капитанъ имъ:

— «Что̀ вы, благословенные, что̀ вы? Это я... Попъ здѣшній...»

Остановились солдаты. А онъ шепчетъ имъ:

— «Не входите вы, благословенные, въ домъ. Иліа человѣкъ ужасный. Онъ, спрятавшись, прежде чѣмъ сдаться, перебьетъ изъ ружья много народу. Вотъ скоро заря; дождитесь его и убейте. Будь онъ проклятъ, анаѳема, и меня измучилъ... Пора уже мнѣ и утреню мою прочесть... Пустите меня, дѣти мои, домой пройти».

— «Иди, учитель, иди, — сказалъ офицеръ, — ты скажи намъ только, одинъ Иліа въ домѣ сидитъ или есть съ нимъ товарищи?»

— «Одинъ, — сказалъ Иліа и ушелъ; а какъ отошелъ подальше и какъ почувствовалъ, что до молодцовъ его уже не далеко, обернулся съ высоты къ туркамъ, выстрѣлилъ въ нихъ изъ пистолета и закричалъ имъ что̀ было силы: — Вотъ вамъ разбойникъ Иліа гдѣ! Вотъ онъ гдѣ!»

И убѣжалъ опять въ горы съ молодцами; а попа нашли въ домѣ связаннаго и раздѣтаго.

Объ этомъ знаменитомъ дѣлѣ его въ газетахъ эллинскихъ писали и многіе греки наши. Сотираки, который его предать хотѣлъ, «пресмыкающимся» человѣкомъ звали, а про Илію говорили: «Намъ, эллинамъ, такіе герои нужны; насъ немного на свѣтѣ, и потому надо, чтобъ одинъ эллинъ и мужествомъ, и умомъ равнялся бы десяти людямъ другихъ племенъ и государствъ!»

III.

Изъ Турціи въ Элладу Иліа ушелъ при Хусни-пашѣ. Хусни-паша былъ искусенъ въ преслѣдованіи разбоя, и когда его назначили губернаторомъ Эпира, капитану Иліи стало труднѣе. Иные изъ паликаръ его оставили, и онъ рѣшился бѣжать въ Элладу. Эллинамъ, разумѣется, нѣтъ нужды заботиться о разбоѣ въ Турціи.

Ушелъ Иліа безъ денегъ — ничего тогда у него не оста-

лось. Въ Элладу притти не трудно; но и въ Элладѣ человѣкъ ѣсть долженъ. Разбойничать онъ здѣсь не хотѣлъ; и безъ того (онъ развѣ не понималъ этого?) турки отъ эллиновъ его выдачи требовать будутъ; зачѣмъ же онъ здѣсь еще враговъ себѣ пріобрѣтетъ?

— Надо работать, что̀ дѣлать.

Пришелъ Иліа въ одномъ селѣ къ мѣднику и лудильщику и говоритъ ему:

— «Мастеръ, позволь мнѣ за хлѣбъ только и безъ жалованья тебѣ помогать, пока выучусь самъ лудить и посуду дѣлать?»

— «Помогай, молодецъ, я тебѣ пищу дамъ и спать можешь даже у меня», — сказалъ ему мѣдникъ.

А о томъ, кто онъ и откуда ничего не спрашивалъ. Только спросилъ:

— «Ты вѣрно изъ Турціи?»

— «Изъ Турціи, мастеръ», — сказалъ ему Иліа.

А мастеръ говоритъ:

— «Это хорошо! человѣкъ ты молодой, видный и даже изъ себя какъ бы страшный... Это все ничего! Всѣ мы люди, братъ! Да будетъ тебѣ все хорошо, сынъ мой, отъ Господа Бога! работай у меня, работай».

И сталъ работать Иліа у мѣдника со стараніемъ.

Мѣдникъ его хвалилъ и кормилъ; а черезъ два мѣсяца и небольшое жалованье назначилъ.

Иліа былъ на все человѣкъ способный. Скоро онъ выучился уже и самъ дѣлать простую мѣдную утварь и лудить; поклонился тогда своему хозяину и благодарилъ его.

— «Добрый часъ тебѣ, Иліа», — сказалъ ему хозяинъ и отпустилъ.

Пошелъ тогда Иліа по другимъ селамъ работать.

Пришелъ въ эту За̀вицу и сталъ дѣлать и лудить самъ посуду и этимъ питался. Скоро познакомились съ нимъ всѣ люди, и побогаче, и побѣднѣе, и онъ всѣмъ лудилъ; бѣднымъ онъ часто и даромъ лудилъ за молоко или за простой хлѣбъ. Всѣ удивлялись и любовались на него и говорили:

— «Вотъ какой у насъ лудильщикъ! Воинъ-мужчина и собой прекрасный... Молодой, а важный, и усы капитанскіе! Точно Тодораки Гривасъ. Не видалъ ты его—поди посмотри!»

Димархъ *) иногда сомнѣвался въ немъ и покивалъ на него головой, и даже останавливался передъ нимъ иногда и говорилъ ему:

— «Здравствуй, господинъ Иліа; здоровъ ли ты?»

— «Кланяюсь вамъ, димархе, господинъ мой... Я здоровъ и много благодарю васъ».

— «Вижу, вижу, что ты здоровъ, и радуюсь,—говорилъ ему на это димархъ.—Такъ ты лудильщикъ значитъ?»

— «Какъ видите, господинъ димархъ!»

— «Лудильщикъ?» еще разъ спросилъ димархъ и одну его работу поглядитъ и другую, покачаетъ головой и уйдетъ.

А другой разъ откровеннѣе ему сказалъ:

— «Одно меня безпокоитъ и очень искушаетъ, это, что у тебя глаза для лудильщика слишкомъ героическіе. У тебя глаза больше клефта, чѣмъ лудильщика».

Капитанъ отвѣтитъ димарху смѣясь, что ему такіе глаза Богъ далъ, и димархъ согласится.

— «Да! конечно, все Богъ, но я вотъ у лудильщиковъ что-то такихъ глазъ никогда не видалъ».

Но больше этого димархъ его не тревожилъ. Что̀ онъ димархъ! Онъ и самъ боится; его народъ выбираетъ.

Такъ понемногу поправлялся въ дѣлахъ Иліа, и поправился. Одежду новую купилъ; *чапкинъ* **) чернымъ снуркомъ хорошо расшитый и двѣ фустанеллы новыхъ; мыли ему ихъ женщины; а гладить онъ ихъ самъ утюгомъ старательно гладилъ.

По праздникамъ въ За̀вицѣ, послѣ обѣдни, люди собираются около большого платана; пьютъ вино, бесѣдуютъ, поютъ и пляшутъ. Въ Элладѣ женщины молодыя не такъ какъ у насъ въ Эпирѣ танцуютъ или вовсе особо отъ

*) Въ родѣ мера.

**) *Чапкинъ*—курточка съ откидными рукавами.

мужчинъ, или становятся всѣ въ рядъ ниже мужчинъ. Я въ Меццовѣ, напримѣръ, видѣлъ, мужчины всѣ становятся прежде въ рядъ отъ перваго купца до того послѣдняго носильщика, который зимой людей дорожныхъ и вещи ихъ на спинѣ переноситъ чрезъ снѣгъ и горы, а женщины всѣ ниже, то-есть хоть бы этого самаго перваго купца супруга станетъ въ рядъ ниже, въ слѣдъ за носильщикомъ, а если носильщикъ не старъ и она молода, такъ имъ за руку взяться не позволятъ, а поставятъ между ними либо старуху, либо мальчика малаго. А въ Элладѣ свободной, все равно какъ у болгаръ, всѣ вмѣстѣ и дѣвушки, и молодцы, и старухи пляшутъ и скачутъ.

Капитанъ Иліа выходилъ часто подъ платанъ; садился и пѣсни тамъ пѣлъ, онъ умѣлъ играть на *тамбурѣ* *) и пѣлъ съ тамбурой. Одѣнется получше, усы подкрутитъ, поетъ и какъ будто ни на кого не смотритъ, а самъ все видитъ. Пѣлъ онъ разное: и сельскія, и городскія пѣсни зналъ, клефтскія такъ пѣлъ, что ужасъ! «О Джакѣ» **) и о томъ, какъ двѣ горы «Олимпъ и Киссамосъ» между собою спорятъ, и говоритъ Олимпъ: «Молчи, Киссамъ... «Ты! *туркомъ стоптанный Киссамъ* ***). Я свободенъ; и «на высотѣ моей сидитъ орелъ большой, и держитъ онъ «въ когтяхъ своихъ молодецкую голову...» (Стихами я, жаль, не помню!). И любовныя пѣлъ разнаго рода. Одну хорошую, которую сочинили не знаю гдѣ — въ Аѳинахъ или въ Керкирѣ, или въ Стамбулѣ. Эту я немного знаю на память:

Какъ вѣтеръ листъ увядшій, пожелтѣлый,
Уноситъ вдаль, безжалостно гоня...
Такъ ѣду я, мой другъ осиротѣлый,
О! я молю — ты не забудь меня!

---

*) *Тамбура* — балалайка.

**) *О Джакѣ* — клефтская пѣсня.

***) Вѣроятно потому что Киссамъ (древняя Осса) ниже и доступнѣе Олимпа, и около много турецкихъ селеній.

***

Вода лазурная у берега дремала,
Была тиха спокойная волна,
Но вѣтеръ взвылъ — и мутной пѣной вала
Она о скалы бьетъ, стенанія полна!..

***

Такъ и меня въ далекую чужбину...

Было очень жалко слушать, когда онъ это пѣлъ.

И многіе его съ удовольствіемъ слушали и утѣшались; и старики старые и дѣвушки всѣ. Одна бѣдная старушка въ За́вицѣ имѣла дочь Калиррое. Эта Калиррое была, однимъ словомъ, страшилище; лицо красное, распухлое, глаза малые; очень дурна лицомъ была эта несчастная дѣвушка. А ея мать часто хаживала къ Иліи даромъ посуду лудить.—«Полудишь мнѣ, мастеръ?»—«Полужу, баба!» Сѣла разъ старуха у него; а онъ работаетъ. — «Мастеръ, что̀ я тебѣ скажу?» — «Говори, баба!» — «Ты бы, мастеръ, у насъ женился». — «Что̀ жъ, я женюсь; а на комъ?» — «Возьми, мастеръ, мою Калиррое». — «Хорошо!» Старуха обрадовалась. А онъ ей: «да молода ли она?» — «Ты видѣлъ, мастеръ, ее. Скажи самъ, сколько ей лѣтъ?» — «Да семьдесять пять будетъ!» — говоритъ Иліа. Старуха тутъ поняла, что онъ надъ ней смѣется; больше не докучала ему съ дочерью, а посуду онъ попрежнему ей всегда безъ денегъ лудилъ. Объ этой Калиррое и ея матери Иліа и самъ тоже часто вспоминалъ и смѣялся. Хаживала, конечно, плясать и гулять къ платану та самая Эвантія, которая послѣ вышла за него замужъ. Такъ ли онъ ей понравился — не знаю, и были ли даже у нихъ какіе-нибудь особые разговоры прежде женитьбы — и этого сказать не могу. А щеголять она всегда любила: курточками расшитыми и ожерельями изъ монетъ, и юбками шелковыми, и фесками на бочокъ загнутыми съ большими кистями. И теперь еще любитъ; нарочно такъ и взмахнетъ головой,

чтобы кисть лучше легла у нея. И сама сознается: «Увы! Пусть Богъ мнѣ проститъ, любила я красоваться и сама собой любоваться! Все даже думала — чѣмъ-нибудь не вытереть ли мнѣ лицо мое, чтобъ оно больше блестѣло! А когда отецъ новыя длинныя серьги мнѣ золотыя привезъ, я ужъ стала предъ зеркаломъ... И пойду, и отойду, и такъ головой качну, и этакъ качну. И все, чтобы больше сіять. Любила я это!»

— «А теперь ужъ не любишь, я такъ замѣчаю», — скажетъ ей мужъ какъ бы сурово.

— «Что теперь! Сказано — замужняя женщина».

А капитанъ Иліа какъ будто смиряется предъ ней.

— «Такъ, такъ! — говоритъ, — я и самъ вижу, что не любишь. Какъ ты говоришь, такъ пусть и будетъ».

Смиряется онъ предъ ней часто; это я замѣчалъ. Да и какъ не смиряться: не только богатство и домъ она ему принесла, но и душу его быть можетъ спасла; когда бы не женился, онъ скитался бы опять и взялся бы за прежнія дѣла свои и сколько бы новыхъ грѣховъ приложилъ бы къ прежнимъ.

Я говорю, что не знаю какъ, они сами ли познакомились, или прямо самъ отецъ Эвантіи полюбилъ молодца и дочери его предложилъ? Дочь ли за Илію у отца старалась, или отецъ уговорилъ дочь за него выйти? Спрашивать объ этомъ ихъ самихъ совѣстно. А отъ людей больше объ отцѣ слышно, чѣмъ о ней. Отецъ Эвантіи, киръ-Ставри, старикъ веселый, я его тоже знаю; онъ вмѣстѣ съ зятемъ и дочерью и теперь живетъ. Толстый, красный, усы сѣдые, веселый, я говорю, такой. Все ему «хорошо», все «слава Богу!» — «Хорошо, — говоритъ, — хорошо, все хорошо! Zito!» Люди говорятъ, что онъ все хвалилъ Илію съ самаго начала и угощалъ его и деньгами помогалъ. — «На! мужчина! — скажетъ и кулакъ сожметъ. — Такого бы сына я бы желалъ имѣть. Это сынъ!»

Разъ, уже живши у капитана въ домѣ, я помню, онъ смѣялся и говорилъ, какъ онъ застыдился, когда въ первый разъ увидалъ Эвантію.

— «Когда я пришелъ лудить въ Зáвицу, киръ-Стáври (это отецъ Эвантіи, киръ-Ставри) увидалъ меня вечеромъ и разспросилъ «кто я и откуда». Поговорили. Я сказалъ, что лудить буду. — «Луди, луди, сынъ мой».

— «А есть ли, говоритъ, гдѣ тебѣ ночевать? Я говорю, «негдѣ!» Онъ говоритъ: пойдемъ ко мнѣ. Пошли... Поужинали... Только я ее, Эвантію, въ темнотѣ и не разглядѣлъ хорошо: туда-сюда ходитъ, а въ комнатѣ темно. Пошли спать. Киръ-Ставри говоритъ: «Ты рано встать хочешь завтра?» Я говорю: «пораньше». Постлалъ мнѣ постель на софѣ хорошую. Зима была, я завернулся въ одѣяло и заснулъ. Слышу вдругъ надъ собой: «Киръ-Ліако*)! киръ-Ліако! Свѣтъ уже. Я вамъ горячую *хилопиту* **) принесла». Гляжу, свѣтъ — правда! а надо мной стоитъ съ чашкой, вотъ она, Эвантія... и смѣется еще... А я такъ застыдился, страхъ просто. Спрятался подъ одѣяло скорѣй съ головой и говорю ей: «Поставьте на столъ, госпожа моя, поставьте на столъ!» У насъ въ Турціи со мной никогда не случалось, чтобы дѣвица такая и мнѣ въ постели бы служила. Бѣда была мнѣ тогда! Да! мнѣ стыдъ, а она стоитъ съ чашкой надо мной и смѣется!»

Вотъ объ этомъ, правда, онъ мнѣ и при женѣ самъ разсказывалъ и смѣялся. Мы тогда ночью всѣ вмѣстѣ сидѣли и грѣлись. Посмотрѣлъ я тогда на нихъ обоихъ украдкой. Должно быть оба они что-нибудь пріятное вспомнили. Кира Эвантія вздохнула; а капитанъ задумался; усъ крутитъ и молчитъ и все улыбается.

Они очень хорошо живутъ. Капитанъ ее уважаетъ, и я самъ видѣлъ, какъ собрались они вмѣстѣ на праздникъ, одѣлись и вышли. У Эвантіи къ юбкѣ шелковой что-то пристало, капитанъ самъ нагнулся до земли и поправилъ ей платье. Это много значитъ, если вы знаете! Конечно, при другихъ онъ бы этого не сдѣлалъ; но онъ и не за-

---

*) Ліако — уменьшительное отъ Иліа.

**) *Хилопита* — родъ лапши, которую варятъ съ горячимъ виномъ въ селахъ и даютъ зимой по утрамъ, чтобы согрѣться и легче вставать было.

мѣтилъ даже, что я смотрю на нихъ изъ окна; а все-таки — любовь тутъ и уваженіе есть.

Хорошо; но это все теперь; а что было прежде, вотъ надо что мнѣ вамъ разсказать.

IV.

Былъ у капитана Иліи въ Турціи младшій братъ Василій; они другъ друга очень любили.

Пока Иліа сперва при другомъ начальникѣ разбойничалъ, а потомъ и самъ начальникомъ сталъ, они съ братомъ этимъ очень рѣдко видѣлись. Иліа боялся, чтобы не погубить брата, чтобъ его за пристанодержательство не осудили.

А когда онъ въ За́вицѣ поправился, написалъ ему. У младшаго брата торговля небольшая была, уже и деньги были. Обрадовался онъ, что старшій братъ живъ и здоровъ, продалъ свою лавочку и пріѣхалъ къ нему. Тогда вдвоемъ имъ стало еще легче и лучше. Братъ и здѣсь лавочку открылъ, а Иліа продолжалъ лудить и посуду дѣлать. Тогда капитанъ сталъ говорить брату:

— «Видно не хочетъ Богъ, чтобы діаволъ мою душу взялъ. Будемъ жить теперь хорошо».

Еще сколько-то времени прошло все спокойно, и вдругъ случилось несчастіе. Задолжалъ одинъ изъ селянъ младшему брату въ лавочку довольно много денегъ.

Нѣсколько разъ ходилъ онъ и просилъ его заплатить, потому что этотъ человѣкъ былъ не изъ самыхъ бѣдныхъ, но въ дѣлахъ не имѣлъ ни порядка, ни чести. Ничтожный былъ человѣкъ. «Подожди, подожди еще!» — сказалъ ему Василій, — наконецъ, что-то, можетъ быть, и грубое; а тотъ былъ сильнѣе его и избилъ молодого паликара крѣпко.

Когда капитанъ Иліа увидалъ избитаго брата, онъ сказалъ: «Бѣда мнѣ! не хочетъ видно діаволъ, чтобъ я спасся ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ!»

Зарядилъ онъ свое албанское ружье двумя пулями, связалъ пули проволокой и вышелъ къ платану.

Народу было много, и тотъ человѣкъ, который его брата избилъ, сидѣлъ тутъ же. Иліа подошелъ къ нему шаговъ на десять, и тотъ вскочилъ. «Стой!»—крикнулъ ему капитанъ и выстрѣлилъ. Попалъ онъ ему въ лѣвую руку, и такъ попалъ обѣими пулями съ проволокой, что руку выше локтя почти какъ отрѣзало, на клочкѣ повисла. Люди не знали, что̀ дѣлать. А Иліа зарядилъ вмигъ опять ружье, чтобы его не тронули. Видитъ — никто его не трогаетъ, и ушелъ домой. Хотѣлъ было бѣжать, но раздумалъ и сказалъ брату: «Теперь я за честь нашу съ тобой, Василій, сынъ ты мой, покоенъ; но Богу я много грѣшенъ. Пусть будетъ, что̀ будетъ».

И самъ пошелъ къ димарху безъ оружія и сдался.

Димархъ пожалѣлъ его и сказалъ вздохнувъ: «Паликаръ ты мой бѣдный, не говорилъ ли я тебѣ, что у тебя не такіе глаза, какъ у лудильщиковъ бываютъ!»

И всѣ почти въ За̀вицѣ гораздо больше жалѣли Илію, когда повели его скованнаго въ городъ Патрасъ, чѣмъ того человѣка, которому онъ руку отстрѣлилъ, потому что этотъ былъ скверный и ничтожный человѣкъ, и сварливый, и глупый, и не хозяинъ, и трусъ. А Иліа хоть и суровый видъ имѣлъ, но со всѣми жилъ хорошо, оскорблять никого не искалъ: съ богатыми хозяевами былъ вѣжливъ, къ бѣднымъ добръ, со стариками почтителенъ, съ молодыми людьми иногда шутилъ, съ женщинами остороженъ и цѣломудренъ. Говорятъ, будто бы былъ съ нимъ въ За̀вицѣ и такой случай. Пригласили его тоже какъ тогда въ Турціи вѣнчать дѣвушку одну. А женихъ ея былъ не очень молодъ и много хуже капитана. Человѣкъ, который вѣнчаетъ, по-нашему зовется кумъ — *Нундосъ*, все равно, какъ бы онъ крестилъ. Вѣнчалъ Иліа эту дѣвушку, она была собой хороша. Чрезъ сколько-то времени послѣ свадьбы зашелъ онъ къ нимъ, а мужъ въ городъ уѣхалъ по дѣлу. Нужно было Иліа руки помыть. Она стала ему подавать мыться и говоритъ:

— «Киръ-Иліа... что я тебѣ скажу, можно?»

— «Скажи».

— «Увы мнѣ, бѣдной, киръ-Иліа, увы! Когда бы *женихъ былъ кумомъ, а кумъ женихомъ!* Увы мнѣ!»

— «Грѣхъ, молчи!»—сказалъ ей Иліа и тотчасъ ушелъ и ходилъ въ домъ къ нимъ послѣ того рѣдко, а безъ мужа не ходилъ и вовсе.

Поэтому почти всѣ уважали и любили его въ Зáвицѣ, и, когда повели его скованнаго въ Патрасъ, иные заплакали даже. И та баба, которая свою несчастную Калирроe ему сватала, и та больше другихъ плакала.

— «Прощай, баба! Прощай! Калирроe кланяйся», — сказалъ ей капитанъ и улыбнулся даже ей.

Въ Патрасѣ тюрьма скверная, ужасно сырая, грязная. Долго держали Илію въ этой тюрьмѣ, и такъ ему было иногда тяжело, что онъ одного только желалъ, чтобы его поскорѣе осудили хоть бы на галеры, только бы перемѣнить мѣсто. Наконецъ стали судить его. У того дурака рана уже зажила давно, и онъ пріѣхалъ самъ судиться съ Иліей безъ лѣвой руки. Сидитъ какъ филинъ.

Однако и друзья капитана его не забыли. Главное, отецъ Эвантіи. Онъ все былъ безъ ума отъ паликара и какъ только замѣтилъ, что и дочери онъ не противенъ, такъ и сталъ на одномъ, чтобы спасти его, женить его на Эвантіи и успокоить навсегда. И взялся старикъ за дѣло. Больше года онъ старался, хлопоталъ, расходовалъ, свидѣтелей всячески уговаривалъ и усовѣщевалъ. Адвокатовъ разыскивалъ. Все надѣлалъ.

Сѣлъ судья за рѣшетку на свое мѣсто и сталъ судить. Скрыть ничего нельзя. Человѣкъ самъ здѣсь, я говорю, безъ руки сидитъ. Онъ хотѣлъ, дуракъ, и руку, говорятъ, привезти съ собой, да не сумѣлъ сохранить ее; она и сгнила и похоронилъ онъ ее въ землю. Всѣ даже смѣялись этому.

Сидитъ безъ руки, что дѣлать? Однако и братъ младшій Василій былъ тутъ, котораго тотъ избилъ, и много свидѣтелей. Всѣ почти обвиняли безрукаго, что онъ и денегъ

не платитъ, и ругатель, и мошенникъ, а Илію и брата его хвалили за ихъ поведеніе въ За́вицѣ.

Слушаетъ судья, спрашиваетъ.

Началъ говорить наконецъ адвокатъ, котораго разыскалъ старикъ Ставри для защиты своего друга.

Какъ началъ онъ говорить, какъ началъ говорить, у меня эта рѣчь записана. Мнѣ старикъ Ставри давалъ списать. У него была она записана. Самъ адвокатъ ему далъ на память, и такъ долго киръ-Ставри бумагу эту въ карманѣ носилъ и всѣмъ читалъ, что она желтая стала и развалилась совсѣмъ — новую копію снимали съ нея. Бывало ужъ позднѣе, когда я жилъ у нихъ, придетъ кто-нибудь, старикъ толстый затрясется весь. «Гдѣ очки мои, гдѣ очки?» А дочь нарочно, какъ будто съ пренебреженіемъ: «Вотъ твои очки. Вѣрно опять эту рѣчь будешь читать людямъ... Ужъ наскучила она людямъ, оставь ты ихъ». А старикъ ей: «Э, безумная! безумная! Что̀ за слова твои! Твоего мужа, глупая, онъ спасъ». «Ну и спасъ, такъ что̀ жъ?»—говоритъ Эвантія, а Иліа смѣется. Хорошо они жили, и рѣчь точно была высокая.

«Съ самыхъ древнихъ временъ, г. судья, наши праотцы эллины, которыхъ слава исполнила блескомъ и патріотизмомъ всю вселенную, — съ самыхъ древнихъ временъ эти великіе, эти знаменитые, эти безсмертные предки наши выше всего цѣнили воинское мужество и отвагу».

Долго онъ говорилъ.

— «Конечно, — говоритъ, — руки нѣтъ. Но, во-первыхъ, рука эта лѣвая, а не правая. Правая гораздо нужнѣе. Правою рукой человѣкъ подноситъ ко рту пищу, необходимую для бреннаго тѣла нашего; правою онъ приступаетъ къ большинству трудовъ своихъ, правою рукой, г. судья, онъ излагаетъ на бумагѣ мысли, которыя внушаетъ ему цивилизація, патріотизмъ, чувство равенства и благородной свободы!.. Скажу болѣе, г. судья... Скажу гораздо болѣе... Правою рукой, а не лѣвой, христіанинъ возлагаетъ на себя символическое знаменіе православнаго креста...»

Потомъ онъ вдругъ подскочилъ къ Иліи, раскрылъ ему

рубашку на груди; а у Иліи росло на груди много волосъ, онъ его за эти волосы какъ схватитъ, закричалъ:

— «Г. судья! взгляните сюда наконецъ! Взгляните на этого молодца, на этого мужа, какимъ долженъ быть истинный мужъ.

Потомъ рукава капитану поднялъ.

— «А эти руки? Это мясо желѣзное? Или жилы вервію подобны? Взгляните при этой мощи на этотъ гибкій станъ, стану еленя подобный. На этотъ ростъ исполинскій... На эти очи львиныя!.. О, г. судья! Насъ, грековъ, мало. Насъ немного въ прекрасной отчизнѣ нашей, г. судья. И эта несчастная, прекраснѣйшая въ мірѣ отчизна окружена со всѣхъ сторонъ свирѣпыми и мощными врагами. Взглянемъ ли на востокъ — мы увидимъ оттомана, звѣря дикаго во образѣ человѣка; обратимъ ли мы взоры наши на западъ — мы узримъ надменную Британію, подавляющую насъ своею торговлей и механикой; мы увидимъ Францію, союзницу іезуитовъ... На сѣверо-западъ — Австрію, родину извerговъ, подобныхъ три-анаѳемскому Меттерниху... На сѣверо-востокъ... Да! на сѣверо-востокъ — и тамъ даже Полярный Колоссъ заставитъ насъ задуматься своею двусмысленною политикой... Намъ нужны герои, г. судья! Они необходимы нашему народу, эти мужи, которые умѣютъ защищать оскорбленныхъ братьевъ... И неужели мы пожертвуемъ даже однимъ годомъ свободнаго существованія паликара и мужа подобно этому Иліи, который здѣсь предъ вами теперь столь терпѣливо и мужественно ожидаетъ вашего справедливаго рѣшенія?.. Пожертвовать кого же?.. и кому же? Такого героя изъ-за лѣвой руки ничтожнаго человѣка!»

Вотъ какъ говорилъ этотъ отчаянный адвокатъ. Киръ-Ставри продалъ никакъ сотни полторы овецъ и заплатилъ ему.

Капитана отпустили; присудили его только къ денежной пенѣ въ пользу раненаго, и ее Ставри заплатилъ.

— «И за это заплачу! все заплачу! и будетъ такъ, какъ

желаетъ того душа моя!» — сказалъ онъ и кулакомъ по столу ударилъ. И заплатилъ.

Сейчасъ отвелъ Илію изъ тюрьмы къ себѣ въ Патрасѣ на квартиру. Вымылся, выбрился — опять молодецъ; чистую одежду надѣлъ, и уѣхали они вмѣстѣ въ За̀вицу въ великой радости.

Скоро и свадьба была послѣ этого. На свадьбѣ и безрукій филинъ выпилъ и помирился.

— «Руки не воротишь — Богъ вамъ да проститъ», — сказалъ онъ.

Съ тѣхъ поръ Иліа сталъ жить хозяиномъ.

И хотя онъ, какъ я говорю, мало про свою жизнь любилъ разсказывать; однако о той старушкѣ, которую онъ еще разбойникомъ въ Турціи пожалѣлъ, всегда вспоминалъ и говорилъ:

— «Это ея молитвы, сердечная она баба моя, спасли меня. Я такъ это думаю!»

Когда я уходилъ домой, въ Эпиръ, Иліа далъ мнѣ нѣсколько золотыхъ и сказалъ:

— «Слушай, сыне мой! узнай, жива ли старуха (онъ и деревню назвалъ, и ея самой имя мнѣ сказалъ). — Если жива, отнеси ей это и поклонись отъ меня, и все разскажи ей, что̀ знаешь про меня. А если она, бѣдная, скончалась, отдай деньги на монастырь или на церковь за ея душу».

Я пріѣхалъ въ село это, домъ старушки нашелъ и дочь ея и зять меня хорошо приняли. А сама старушка около года предъ этимъ кончила жизнь свою. Я все разсказалъ зятю и дочери и отдалъ деньги на церковь. Они очень благодарили меня и радовались.

ЯДЕСЪ*).

ВОСТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

*) Такъ называется особаго рода игра, или пари. Берутъ косточку изъ груди курицы и двое играющихъ, или бьющихся объ закладъ, переламываютъ ее вмѣстѣ для обозначенія начала игры, достаточно извѣстной и у насъ.

Подъ однимъ большимъ и торговымъ городомъ, въ своемъ собственномъ домѣ, жилъ богатый купецъ съ молодой, красивой и очень умной женою.

Они уже имѣли двухъ маленькихъ дѣтей, ни въ чемъ не нуждались и между собою жили очень согласно, такъ что и другимъ служили примѣромъ хорошей, пріятной и христіанской жизни. Но жена при красотѣ своей была еще и веселаго нрава и очень любила наряды, а мужъ былъ немного ревнивъ и очень расчетливъ.

Когда жена покупала себѣ новое платье или уборъ — мужъ любовался на нее тайно, но ей всегда почти говорилъ, насупивши грозно брови:

— Конечно, это очень красиво и къ тебѣ пристало. Только на что это замужней женщинѣ такъ часто украшать себя? Постороннихъ мужчинъ искушать красотой своей тебѣ грѣхъ... Ты вѣдь добродѣтельна и вѣрна, на что же безпокоить ихъ напрасно; а мнѣ ты и попросту хороша...

— Прости ужъ мнѣ, несчастной такой и глупой женщинѣ,—отвѣчала ему красавица съ лукавой кротостью.—Такая я дура. Для самой себя люблю наряжаться...

Мужъ вздыхалъ, глядѣлъ угрюмо; а наряды и самъ покупалъ, и деньги давалъ ей; хоть и неохотно и гнѣваясь, а все-таки давалъ, потому что, въ случаѣ отказа, она умѣла такое печальное и кроткое лицо сдѣлать, и глаза у нея были такіе прекрасные и сладкіе, что онъ покачаетъ головой, ногой даже топнетъ иногда, а деньги, хоть и не просто дастъ, а все-таки кинетъ передъ ней со звономъ отъ досады на столъ и скажетъ, махнувъ рукой:

— Сказано — женщина! Одно слово, понимаешь ли ты,— *женщина!*

— Понимаю, очень даже понимаю, — отвѣтитъ жена, и возьметъ и поцѣлуетъ.

А онъ ей:

— Ну, вотъ видишь, видишь, не правду ли я говорю — сказано: женщина! И что это за волшебство такое?!. Отъ Бога это намъ утѣшеніе, или отъ сатаны погибель? — не знаю, и не постигнетъ никогда этого мой умъ!..

— Отъ Бога!.. отъ Бога!.. — увѣряла жена, лаская его. Я знаю, что *я* отъ Бога; а если тебѣ другая понравится, и ты ей не только подарки сдѣлаешь, но только полюбуешься на нее — такъ это будетъ отъ дьявола... Право, ты мнѣ вѣрь, радость моя, — это такъ...

— Ну, а ты, когда ты взглянешь на молодца — это ничего?..

— Я гляжу только, у меня глаза есть — что жъ дѣлать!.. Конечно, это ничего...

— Ну, а *они-то* на тебя смотрятъ? Какъ ты скажешь...

— Пусть смотрятъ и тебѣ завидуютъ — вотъ и все... Я очень рада...

— Знаю, знаю, что рада! Вы всѣ этому рады! — укорялъ мужъ, и глаза его хотя и сверкали притворной на нее злобой, но она знала, что это все притворно, и что онъ не только самъ ее любитъ, но и вѣритъ ея къ себѣ любви.

Спорили они между собою иногда и о другомъ. Мужъ говорилъ, что у него «глаза такіе открытые», что ни одна женщина его обмануть не можетъ; а жена говорила, что нѣтъ такого мужчины, котораго бы женщина умная не могла бы обмануть...

— Если жена у тебя хорошая и честная, и тебя любитъ, то надо ей вѣрить; а обмануть и тебя можно, хотя ты и очень умный...

Разъ такъ-то они разсуждали и дружески спорили при постороннихъ людяхъ, которые пришли къ нимъ въ гости, и мужъ воскликнулъ:

— Не обманетъ меня женщина... Никогда!.. Даже здесь

я всегда выиграю у нея, потому что я очень хитеръ и внимателенъ...

— Такъ давай сдѣлаемъ ядесъ! — сказала жена.

— Давай!.. Принеси косточку.

Жена сходила въ кухню, принесла куриную косточку и сказала:

— Вотъ теперь у насъ и свидѣтели есть... Если я выиграю ядесъ, чтобы мужъ мнѣ купилъ полосатой *хашламы* на одно платье, и голубого атласа тоже на одно платье, и пару серегъ брилліантовыхъ, и далъ бы еще слово, что больше своимъ умомъ и хитростью противу женщинъ хвалиться впередъ не будетъ... И еще...

— Довольно! Довольно! — воскликнули гости.

— Пусть назначаетъ больше! — сказалъ мужъ насмѣшливо.—Я на все согласенъ. Даю слово, потому что проиграть не боюсь. Она проиграетъ...

Жена улыбнулась и не сказала ни слова. Одинъ изъ гостей тогда спросилъ:

— А что же вы, госпожа моя, обязываетесь сдѣлать, если вы проиграете? Мы свидѣтели, мы же и судьи между вами будемъ.

— Что прикажетъ тогда мой мужъ, то и сдѣлаю безпрекословно и съ радостью... Пусть его на то воля будетъ... Назначать ему мнѣ, что бы то ни было, едва ли придется, потому что вѣдь я не боюсь проиграть. Только прошу, чтобы игра продолжалась до трехъ разъ, а не кончалась бы съ одного раза.

Всѣ, и мужъ, и свидѣтели изъявили на это согласіе. Тогда они переломили косточку и съ этой минуты игра началась.

Длилась она болѣе трехъ мѣсяцевъ и все не кончалась.

Обоимъ было трудно. Необходимо было большое вниманіе. У мужа умъ былъ занятъ торговыми оборотами; у жены хозяйствомъ и дѣтьми. У каждаго были свои затрудненія и горести; мужъ безпокоился о двухъ корабляхъ съ пшеницей, которые были отправлены имъ далеко, и никакихъ извѣстій объ нихъ долго не было. У жены было отягощеніе

по дому, потому что старая, вѣрная служанка, во многомъ ее замѣнявшая, въ это время заболѣла, и ей, съ новой и неопытной наемницей, было иногда очень трудно. Было и общее имъ обоимъ страданіе, когда заболѣлъ младшій ихъ мальчикъ, котораго они оба очень любили.

Но, несмотря на все это, они оба объ игрѣ своей не забывали, и между ними продолжалась упорная и безмолвная борьба. Приходилось цѣлый вечеръ, послѣ возвращенія мужа къ обѣду домой изъ города, гдѣ онъ торговалъ, обоимъ остерегаться ежеминутно. Жена привычна была, конечно, мужу служить; а мужъ привыкъ приказывать ей:

— Мариго́! Подай мнѣ чубукъ!

Или:

— Кутумъ-Мариго, принеси мнѣ, жизнь ты моя, немножко винца хорошаго... Утомился я что-то.

Черезъ это ему было труднѣе, чѣмъ ей; она *подавала* ему въ руки, или молча, или нарочно отвлекая его разными разговорами... Ему приходилось безпрестанно *брать* у нея изъ рукъ и каждый разъ нужно было вспомнить и сказать: *ядесъ*...

Первые дни онъ былъ очень остороженъ; потомъ дѣловыя заботы взяли перевѣсъ надъ игрой, и онъ подъ рядъ проигралъ два раза; но послѣ этого снова такъ утвердился, что уже до третьяго и послѣдняго проигрыша жена никакими силами не могла его довести. Кстати же, онъ къ тому времени получилъ благопріятныя извѣстія о своихъ корабляхъ и очень много денегъ; сталъ веселѣе и покойнѣе, и не на минуту объ *ядесъ* не забывалъ.

Однажды въ ясный лѣтній день мужъ уѣхалъ съ утра въ городъ, а Мариго осталась дома и, сидя у окна, вышивала золотомъ по голубому шелку, какъ вдругъ какой-то путникъ на большомъ и хорошемъ мулѣ остановился у воротъ ихъ дома. Онъ подозвалъ служанку и умолялъ дать ему утолить жажду, которой онъ мучился, долго не встрѣчая на пути хорошаго ключа или фонтана.

Мариго слышала, какъ онъ говорилъ служанкѣ:

— Ахъ, я очень утомленъ и нездоровъ и не знаю, какъ

я доѣду до города и гдѣ я найду въ немъ покой себѣ и пристанище...

Служанка спросила у путника:

— Развѣ у васъ нѣтъ въ нашемъ городѣ родныхъ и друзей?

— Нѣтъ у меня никого близкаго въ этомъ городѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Къ кому же вы ѣдете? — спросила служанка.

— Я ни къ кому въ гости не ѣду; я путешествую по различнымъ мѣстамъ и поучаюсь житейской мудрости. Ибо съ мудростью книжной я знакомъ вполнѣ и хочу стать мудрецомъ совершеннымъ...

Мариго была очень гостепріимна и знала, что и мужъ одобряетъ эту ея добродѣтель. Она вышла на порогъ дома и сама сказала молодому путнику такъ:

— Если вы, господинъ мой, устали и не совсѣмъ здоровы, то вмѣсто того, чтобы ѣхать въ жаркое время дня въ незнакомый вамъ городъ, милости просимъ отдохнуть у насъ въ домѣ. Мы сочтемъ это за честь и удовольствіе!..

Путешественникъ былъ доволенъ этимъ предложеніемъ и отвѣчалъ ей очень важно:

— Не нахожу, госпожа моя, выраженій, соотвѣтственныхъ той глубинѣ признательности, которую ощущаетъ сердце мое! Я непремѣнно и безотлагательно впишу въ книгу моихъ наблюденій замѣтку о необыкновенной добротѣ и гостепріимствѣ домохозяекъ въ этой благословенной Богомъ странѣ!.. Это будетъ для меня весьма утѣшительно, такъ какъ житейская мудрость, которую я, изучивши книжную мудрость до корня, теперь стараюсь постичь, научаетъ видѣть въ людяхъ, и особенно въ женщинахъ, больше пороковъ, чѣмъ добродѣтелей.

Послѣ этихъ словъ путешественникъ сошелъ съ мула и вошелъ вслѣдъ за хозяйкой въ домъ.

Мариго отвела его въ большую и прохладную пріемную съ широкой софою вокругъ стѣнъ, съ высокими окнами, на которыхъ стекла были разноцвѣтныя, и подъ окномъ, вблизи немолчно стремился по камнямъ, сбѣгая съ высоты,

прекрасный ручей, такъ что въ комнатѣ этой постоянно было слышно пріятное и веселое журчаніе.

Въ одно мгновеніе ока служанка сняла съ путника пыльную обувь его, постелила ему на софѣ мягкій шелковый тюфякъ, положила подушки и покрыла все голубымъ шелковымъ одѣяломъ съ золотыми цвѣтами.

Сама хозяйка подала ему немедленно на серебряномъ подносѣ прекрасной ключевой воды и двухъ сортовъ варенья; а за нею молодой служитель арабъ поднесъ ему кофе на золоченыхъ *зарфикахъ*.

Путешественникъ принималъ все съ достоинствомъ высшаго сана, и хозяйкѣ его надменное обращеніе казалось удивительнымъ и забавнымъ.

Потомъ она спросила его, что предпочитаетъ онъ: принять какую-нибудь пищу или уснуть? И путникъ отвѣчалъ откровенно, что усталость и сонъ преодолѣваютъ въ немъ голодъ.

Тогда Мариго и слуга ея удалились, притворивъ за собою двери; а молодой путешественникъ раздѣлся и, съ радостью опустившись на богатое и чистое ложе, уснулъ немедленно и глубоко.

Мариго между тѣмъ строго запретила людямъ шумѣть; сама сходила на конюшню и велѣла накормить мула ячменемъ, а потомъ занялась на кухнѣ приготовленіемъ самаго вкуснаго завтрака.

Ужъ солнце зашло далеко за полдень, когда сладко уснувшій путешественникъ проснулся. Онъ вышелъ изъ комнаты, умылся у фонтана, надѣлъ чистую одежду, досталъ изъ своей дорожной сумки книгу и, сѣвши покойно на софѣ у окна, открытаго на немолчный ручей, сталъ читать. За этимъ занятіемъ застала его хозяйка дома; она пришла узнать, хорошо ли онъ отдохнулъ и каково его здоровье.

Войдя она примѣтила на лицѣ его недовольство, и онъ видимо неохотно отвѣчалъ ей. Вообще, хотя онъ и говорилъ ей по необходимости обычныя слова привѣтствій и признательности, но она еще съ той минуты, какъ вышла на

крыльцо, чтобы пригласить его, ни разу не видала улыбки на его мрачномъ лицѣ.

Годами, замѣтно, онъ былъ еще довольно молодъ; но безобразно худъ, блѣденъ, черезъ мѣру бородатъ и вовсе лицомъ не красивъ и не пріятенъ; а придавалъ всѣмъ движеніямъ, словамъ и даже взглядамъ своимъ великую степенность и сановитость. Эти особенности возбуждали любопытство молодой хозяйки, и ей очень захотѣлось побесѣдовать съ таинственнымъ и угрюмымъ странникомъ.

Поэтому, какъ будто бы не обращая вниманія на его нахмуренныя брови, она почтительно сѣла поодаль на диванѣ и спросила его: «хорощо ли онъ себя чувствуетъ?»

— Очень хорошо, госпожа моя; благодарю васъ, — отвѣчалъ философъ, не оставляя книги своей.

— Облегчился ли тотъ недугъ, на который вы утромъ жаловались, стоя у нашихъ воротъ? — спросила еще Мариго.

— Облегчился.

— Хорошо ли вы почивали?

— Хорошо,—еще неохотнѣе отвѣтилъ онъ.

Но Мариго все притворялась, что не замѣчаетъ его досады.

— Вы должно быть вообще очень слабы здоровьемъ? Я замѣчаю это по вашей блѣдности и худобѣ, — продолжала она.

Путешественникъ на это отвѣчалъ ей мрачно и грозно.

— Нѣтъ, госпожа моя, нѣтъ! и еще разъ—нѣтъ! Я худъ и блѣденъ—это справедливо, но вовсе не отъ недуговъ, а отъ чрезмѣрной учености моей. Съ раннихъ лѣтъ я постигъ великую истину, что прежде чѣмъ вступить на путь жизни дѣятельной, мудрый юноша долженъ познать всю мудрость прошлыхъ вѣковъ, сохраняемую какъ въ сокровищницѣ въ этихъ книгахъ, всюду и всегда меня сопровождающихъ. Теперь, хотя, изучивши мудрость книжную вполнѣ, я путешествую для познанія мудрости житейской, но все-таки паки и паки освѣжаю свой умъ живой водою древняго любомудрія, для сохраненія незыблемой ничѣмъ твердости духа.

Да, госпожа моя, я еще юнъ годами, но умомъ и познаніемъ я богатъ, я очень богатъ!!

И онъ, кончая эту рѣчь, взглянулъ на нее еще сердитѣе.

— Что же пишутъ въ вашихъ книгахъ про женщинъ?— спросила Мариго.

— Все худое,—отвѣчалъ мудрецъ.—Въ этихъ книгахъ перечисляется все то зло, которое сдѣлали женщины отъ сотворенія міра и до нащего времени, и изображаются ихъ пороки.—Въ этомъ согласны мудрецы всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Не женою ли грѣхъ первородный вошелъ въ міръ? Ева соблазнила Адама. Не за красивую ли женщину пролито столько геройской крови подъ стѣнами Иліона? Далила погубила Самсона. Омфала унизила Иракла, павшаго у ея ногъ. Іезавель и Гоѳолія потрясали основанія еврейскаго царства. Ксантипа отравляла жизнь Сократа. Жены же совратили великаго царя и мудреца Соломона и заставили его поклоняться идоламъ. Изъ всѣхъ золъ, причиненныхъ на свѣтѣ этомъ, какъ привлекательностью женщинъ, такъ и пороками ихъ; не перечесть и до вечера.— Прекрасно уподобилъ одинъ изъ древнихъ разныхъ женщинъ разнымъ животнымъ: «Одна изъ нихъ, говоритъ онъ: горда и неукротима, какъ дикая кобылица; другая лукава и жестока, какъ лиса или кошка; третья неопрятна, сварлива и безстыдна, какъ псица... И только одна изъ десяти быть можетъ заслуживаетъ сравненія съ трудолюбивой и полезной пчелою».

Мариго почтительно дослушала его, а потомъ вздохнула печально и, вставая съ мѣста своего, сказала:

— Хотя я не знаю, къ какому изъ перечисленныхъ этимъ мудрецомъ животныхъ себя, бѣдную, приравнять,—къ пчелѣ не смѣю, а къ собакѣ, къ лошади и къ кошкѣ злой и хитрой—не желаю, однако, думаю, что хоть въ одномъ уподоблюсь пчелѣ—это въ томъ, что позаботилась, какъ могла, объ утоленіи голода вашего и прошу васъ сдѣлать мнѣ и мужу моему честь вкусить отъ трапезы нашей въ садовомъ кіоскѣ. Пожалуйте!

Она повела его въ кіоскъ, гдѣ уже былъ приготовленъ

обильный и роскошный завтракъ. Кіоскъ былъ весь обвитъ виноградомъ, кромѣ передней стѣны, по которой стлался необычайно душистый жасминъ. Вокругъ цвѣли алыя и бѣлыя розы и другіе цвѣты. Колонны кіоска были ярко раскрашены, полъ его былъ мраморный; вокругъ широкій пунцовый диванъ, а посреди кіоска билъ фонтанъ обильнымъ снопомъ ключевой воды. Мариго нарочно приказала для гостя открыть его.

На дорогой скатерти, въ первый разъ вынутой изъ сундука, стояло множество разныхъ блюдъ и напитковъ и посреди всего превосходный ягненокъ, начиненный мелкими стафидами и кедровымъ орѣхомъ.

Фрукты также были различные, и черешни бѣлыя съ темными вмѣстѣ, перемѣшанныя для красы, были связаны длинными гроздями на подобіе кистей винограда.

Молодой философъ и прекрасная хозяйка кушали вмѣстѣ съ большимъ удовольствіемъ и подъ конецъ обѣда, когда уже и старое вино, вынутое нарочно для этого особаго случая изъ погреба, развеселило суроваго гостя, Мариго возобновила прежній разговоръ:

— Однако, — сказала она, — не все жъ объ однихъ порокахъ женскихъ передаетъ намъ исторія рода человѣческаго. Были и примѣры добродѣтелей... Не правда ли?

Мудрецъ улыбнулся и сказалъ ей на это любезно:

— Вѣдь и тотъ женоненавистникъ, который сравнивалъ женщинъ съ разными животными, уподобилъ же нѣкоторыхъ изъ нихъ пчелѣ. Про васъ, кирія Мариго, можно сказать двояко: по трудолюбію, по домостроительству вашему вы именно та всеполезная и драгоцѣнная пчелка, которой сей древній мужъ воздавалъ хвалу; по красотѣ же вашей и миловидности вы, напротивъ того, подобны одной изъ этихъ восхитительныхъ и пестрокрылыхъ бабочекъ, которыя порхаютъ въ эту минуту по цвѣтущему и благоухающему Эдему вашего сада! О! кирія Мариго, какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ!!..

Мариго поблагодарила его за похвалы, стыдливо опуская глаза и, вставши, вышла поспѣшно и приказала служан-

камъ скорѣе убрать со стола. Онѣ убрали и подали гостю кофе на серебряномъ подносѣ и наргиле.

Онъ сталъ курить, внимая пріятному шуму фонтана, шелесту густыхъ деревьевъ сада и веселому, кроткому пѣнію птицъ.

Мариго возвратилась скоро и снова сѣла возлѣ него, только еще ближе прежняго. Гость, казалось, былъ упоенъ блаженствомъ и, безпрестанно улыбаясь, глядѣлъ на нее молча.

— Да, да! Не всѣ, не всѣ порочны!..— повторялъ онъ и еще придвинувшись къ ней взялъ ея руку.

Мариго не отняла руки.

— О, кирія Мариго! — опять воскликнулъ онъ, — какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ и какъ я завидую ему!..

Мариго глубоко и печально вздохнула.

— Вы вздыхаете, царица красоты?!.. Вы несчастны!?..— спросилъ онъ съ жаромъ.

— Мужъ мой очень ревнивъ и недовѣрчивъ... и даже теперь...

— Что? что теперь?! — съ испугомъ спросилъ мудрецъ.

— Даже и теперь, — отвѣчала Мариго, — когда мнѣ такъ пріятно съ вами—я непокойна... Я жду его съ минуты на минуту изъ города...

Философъ испугался; наргиле выпалъ изъ руки его; онъ всталъ съ дивана и воскликнулъ:

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали прежде, что онъ вамъ запрещаетъ даже самое законное гостепріимство!!

— Нѣтъ,—отвѣтила Мариго,—онъ не запрещаетъ его; но онъ недовѣрчивъ и очень гнѣвенъ, и я боюсь, чтобы онъ...

Она не кончила... На дворѣ раздался конскій топотъ, и громкій мужской голосъ сердито сказалъ:

— Возьмите лошадь скорѣе и поводите ее... Эй! Гдѣ вы!?

— Это онъ! Это мужъ!—съ притворнымъ испугомъ прошептала Мариго, — идите, идите сюда!.. Скорѣй!!! Я васъ запру въ шкапъ!.. Иного спасенья нѣтъ!..

И, быстро увлекши за собой въ домъ философа, она втолкнула его въ шкапъ, заперла его на ключъ и вышла.

Онъ стоялъ въ темнотѣ среди женскихъ одеждъ, со страхомъ думая о томъ, что можетъ ему предстоять; каялся въ своемъ безуміи и въ томъ, что измѣнилъ такъ неожиданно и такъ глупо своей книжной премудрости.

Но страхъ его перешелъ въ истинный ужасъ и въ совершенное отчаяніе, когда онъ услыхалъ изъ шкапа, что Мариго вводитъ сама въ эту комнату мужа своего и говоритъ ему:

— Вотъ видишь ли, другъ мой, ты иногда какъ будто не довѣряешь мнѣ и ревнуешь; я этого больше не желаю; я хочу, чтобы ты мнѣ всегда вѣрилъ... Сегодня пріѣхалъ откуда-то издалека одинъ молодой мудрецъ и просилъ напиться и отдохнуть. Я пригласила его, успокоила и угостила; но онъ, злоупотребивъ правами гостепріимства, началъ ухаживать за мной и объяснился мнѣ въ любви...

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ?.. Я его убью...—закричалъ въ изступленіи мужъ.

Мариго начала просить:

— За мою вѣрность и любовь и за то, что я такъ съ тобой откровенна, я прошу и умоляю тебя, мой другъ, не обагряй рукъ твоихъ кровью. Мы сдѣлаемъ ему только наставленіе и отпустимъ его... Обѣщай мнѣ это, и я укажу тебѣ, гдѣ онъ...

— Говори, говори, гдѣ онъ?—кричалъ мужъ.—За твою любовь и вѣрность обѣщаю тебѣ отпустить его живымъ... Но я сокрушу ему ребра... Скажи только, гдѣ онъ?!.

Голосъ хозяина былъ силенъ и грозенъ, и бѣдный философъ стоялъ въ шкапу ни живъ, ни мертвъ, и возсылалъ только къ небу страстныя и слезныя мольбы.

Мариго долго уговаривала мужа, наконецъ, сказала ему:

— Онъ въ этомъ шкапу... Не убивай его только до смерти... Вотъ тебѣ ключъ... Держи.

— А! а!—радостно вскрикнулъ разъяренный супругъ.

А путешественникъ въ послѣдній разъ возвелъ очи къ небу и мысленно сказалъ:

«Боже Праведный, спаси меня!»

Но въ ту же минуту, прежде чѣмъ мужъ успѣлъ по-

дойти къ шкапу, раздался громкій смѣхъ Мариго и веселый возгласъ ея:

— *Ядесъ, ядесъ*!! Я все выдумала и солгала—въ шкапу нѣтъ никого, а ты взялъ ключъ и не сказалъ мнѣ *ядесъ*!.. Садись же сейчасъ на коня и опять скачи въ городъ и привези подарки...

— Ахъ! дьявольская хитрость женщины!..—воскликнулъ мужъ.

И, бросивъ ключъ на землю, закричалъ изъ окна слугамъ:

— Эй! не разсѣдлывайте коня... Я сейчасъ ѣду опять въ городъ.

И съ этими словами вышелъ и поспѣшно ускакалъ.

Какъ только все утихло, Мариго отперла шкапъ и, выпуская оттуда полумертваго гостя, сказала ему:

— Вотъ видите, вы еще не всѣ хитрости женскія знаете, и васъ, какъ и всякаго, умная женщина можетъ обмануть, если захочетъ.

Философъ повинился, покаялся, благодарилъ ее и хотѣлъ было поспѣшно уѣхать, но она остановила его, говоря такъ:

— Нѣтъ, останьтесь, ужинайте и почуйте у насъ. Скоро ночь, и куда вы скроетесь, и гдѣ хорошо отдохнете въ незнакомомъ городѣ? Вѣрьте мнѣ, что мужъ мой обойдется съ вами теперь очень хорошо. Я беру все на себя... И даже мула вашего я запретила сѣдлать и выводить изъ конюшни. Вы понимать должны, что мужъ мой отъ слугъ можетъ потомъ узнать, что все-таки кто-то былъ у меня спрятанъ въ шкапу, и я его тайкомъ выпустила... И тогда я довѣріе утрачу невозвратно, и мы будемъ несчастливы всю жизнь нашу. А когда онъ васъ увидитъ, и я поговорю съ нимъ, то онъ будетъ мною доволенъ и станетъ смѣяться...

Напуганный философъ умолялъ ее отпустить его, но Мариго была непреклонна и рѣшительно объявила ему, что онъ плѣнникъ,—и такъ онъ остался поневолѣ въ домѣ ждать хозяина и смиренно молился, все сокрушаясь и все больше и больше робѣя.

Наконецъ раздался снова по камнямъ двора конскій то-

потъ. Мариго тотчасъ же снова заперла въ шкапъ полумертваго отъ ужаса гостя, сказавши ему:

— Не бойтесь, я все устрою.

И сама пошла встрѣчать мужа. Подарки были прекрасные, и всѣ слуги и служанки собрались смотрѣть ихъ и восхищались ими. Тогда, при всѣхъ нихъ, Мариго взяла за руку мужа и ласково глядя на него сказала:

— Милый мой! мнѣ довѣріе и любовь твоя драгоцѣннѣе всѣхъ этихъ подарковъ. Я утрудила тебя и заставила для моего удовольствія усталаго второй разъ проѣхаться въ городъ. Сейчасъ я буду сама служить за столомъ, который уже совсѣмъ готовъ. Но прежде я должна признаться тебѣ, что я тебя вдвойнѣ обманула. Ты бросилъ ключъ на полъ и повѣрилъ, что въ шкапу никого нѣтъ, но это неправда. Тамъ и теперь запертъ полумертвый отъ страха молодой человѣкъ—путникъ, который хвастался, что никакая женщина обмануть его не можетъ, до того онъ мудръ и проницателенъ. Я нарочно задержала его до твоего пріѣзда, чтобы выиграть ядесъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать и его за самохвальство и гордость.

Мужъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ смотрѣлъ на нее. Служанки и слуги всѣ улыбались, а старшая, и болѣе смѣлая изъ прислужницъ, вмѣшалась въ дѣло и воскликнула:

— И гордиться ему нечѣмъ,—хоть и молодой, да такой плохой, худой, бородатый и страшный, что Боже упаси!..

Тогда уже всѣ служители и служанки засмѣялись громко, и нѣкоторые сказали:

— Правда, правда, что собой онъ дурной и скверный!

Послѣ этого успокоившійся мужъ сказалъ:

— Ну, отпирай и веди его скорѣй со мной ужинать. Я ему обиды не сдѣлаю, довольно съ него стыда и страха.

Философа отперли и вывели въ залу къ хозяину дома, который, увидавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ некрасивъ и очень напуганъ, протянулъ ему дружески руку и сказалъ съ улыбкой:

— Я радъ, господинъ мой, видѣть васъ у себя въ домѣ. Милости прошу поужинать со мною, чѣмъ Богъ послалъ,

и выпьемъ вмѣстѣ за здоровье всѣхъ умныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ, на этомъ свѣтѣ существующихъ!

— Да, есть женщины, которыя много мудрѣе насъ!— вздыхая замѣтилъ философъ.

Они пріятно поужинали. Мариго сама весело служила имъ; они выпили оба за ея здоровье, потомъ оба пошли каждый къ себѣ и уснули спокойно; а рано утромъ пристыженный философъ уѣхалъ, обогащенный на этотъ разъ уже не одной книжной премудростью, но и настоящимъ житейскимъ опытомъ.